

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

«Нужно любить Россию, нужно «проездить» по России», - писал перед смертью Тоголь. - Как полюбить братьев? Как полюбить людей? Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны и так мало в них прекрасного! Как же сделать это? Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы - русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, - возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри нее и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже «начало любви»...»

А.А. Блок

«Что основано на лжи, не может быть право. Учреждение, основанное на ложном начале, не может быть иное, как лживое. Вот истина, которая оправдывается горьким опытом веков и поколений. Одно из самых лживых политических начал есть начало народовластия...»

К.П. Победоносцев

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

2011

В НОМЕРЕ:

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА
АКТУАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ
РОССИЕВЕДЕНИЕ

N2(74)

АКТУАЛИИ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

МАРТ
АПРЕЛЬ **N2(74)**

МОСКВА 2011

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
2011. № 2. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина); д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада;
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); к.э.н., К.А. Зимарин;
д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.э.н., проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский; д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.и.н., в.н.с. И.П. Смирнов; к.э.н., проф. В.М. Сологубов (Екатеринбург);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.ф.н., проф. Л.А. Тутов;
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома);
д.э.н., проф. В. Шмидт (Германия); д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *П.Г. Полунина*

Компьютерная верстка — *П.Г. Полунина, С.С. Нина*

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, К.В. Молчанов, С.С. Нина,
Т.С. Сухина*

**Издается с участием Академии философии хозяйства
и Философско-экономического ученого собрания**

**Издано при поддержке Института экономики и внешнеэкономических связей
Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)**

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <eszotova@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>

http://www.econ.msu.ru/cd/311/, http://www.css.msu.ru

Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2011 г.

Содержание

Раздел I	
Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Смысл и имена	9
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Власть в поисках... самовластья	16
<i>П.П. Жуликов</i>	
Матрица развития современной экономики — философия хозяйства (философия хозяйства от С.Н. Булгакова до Ю.М. Осипова)	25
<i>О.В. Доброчеев</i>	
Масштабы участия России во всемирной гонке научных исследований (глобальной инновационной волне), или От «призрака коммунизма» ко «всемирному человеку»	32
<i>А.К. Скаленко</i>	
Трансформационная глобалистика мира — XXI	40
Раздел II	
Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Что такое философия?	57
<i>В.А. Кутырев</i>	
Модернизация: против бездумного инновационизма — за контролируемое развитие	66
Раздел III	
Россиеведение	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
О русском и советском дискурсах и разрыве между ними	81
<i>В.В. Рышкус</i>	
О развитии России	89
<i>С.В. Прокопенко</i>	
Исторические этапы формирования предпринимательской культуры в России	99
Раздел IV	
Актуальны экономики и общества	
<i>Г.А. Родина</i>	
Эволюция критериев экономического благосостояния населения	107
<i>М.Л. Альпидовская</i>	
Бренность бюрократической экономики постмодернизма	113
<i>П.С. Толкачев</i>	
Духовно-нравственные начала экономики	121
<i>М.А. Чирков</i>	
Последствия ускорения хозяйственных взаимосвязей в экономике Российской Федерации	128
<i>А.В. Сорокина</i>	
Эффективность государственных инвестиций в человека (на примере образования и здравоохранения)	133

<i>А.Д. Антонов</i>	
Стратегическое поведение фирмы в новом социуме: вопросы теории	141
<i>С.В. Чистяков</i>	
Формирование института доверия как процесса, передающего и обменивающего знания в сетях	151
<i>З.М. Закарьяева</i>	
Управление современным образованием: организационные механизмы	161
Раздел V	
Энциклопедия	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Натураномика.....	169
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Субэкономика.....	172
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Антихозяйство.....	175
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Утопизм	179
Раздел VI	
Рецензии и отклики	
<i>З.Э. Скрынник</i>	
Россия в преддверии великого неизвестного: ответы и вопросы (о романе Юр. Михайлова «Реквием»)	187
<i>В.Я. Курбатов</i>	
Под взглядом обеспокоенного Бога	198
<i>В.К. Королев</i>	
«Реквием» по экономисту России? (От С.Н. — к М.А.).....	202
<i>С.О. Хохлов</i>	
Конец литературы	204
<i>И.И. Рудяк</i>	
Книга Ю.М. Осипова «Постижение России»: идеология как оглушение масс и пожар как карнавал экономики	209
<i>К.Р. Баянов</i>	
Язык как фактор моделирования социоприродной динамики	219
Научная жизнь	
Социальная философия XXI в.: ренессанс марксизма? (<i>Л.А. Булавка</i>)	229
Политическая экономия: место в системе экономических наук (<i>М.Ю. Павлов</i>).....	266
Наши авторы	300

Contents

Part I

Philosophy of Economy

Yu.M. Osipov

Sense and Names 9

N.B. Shulevsky

Authorities Searching for... Autocracy..... 16

P.P. Zhulikov

Matrix of Development of Modern Economy — Philosophy of Economy
(Philosophy of Economy from S.N. Bulgakov to Yu.M. Osipov)..... 25

O.V. Dobrocheev

The Scale of Russia's Participation in the Global «Race Research»
(Global Innovation Wave), or From the «Ghost of Communism»
to the «World Man» 32

A.K. Skalenko

Transinformational Globalistics of the World — XXI..... 40

Part II

Actual Philosophy

F.I. Girenok

What Is the Philosophy? 57

V.A. Kutirev

Modernisation: Against Thoughtless Innovationism —
for Controlled Development 66

Part III

Роспневдение

F.I. Girenok

About Russian Both Soviet Discourses and Rupture between Them 81

V.V. Ryshkus

About the Development of Russia 89

S.V. Prokopenko

Historical Stages of Formation of Enterprise Culture in Russia..... 99

Part IV

Actualities of Economy and Society

G.A. Rodina

Evolution of Criteria of the Economic Welfare of Population 107

M.L. Alpidovskaya

Frailty of Bureaucratic Economy of Postmodernism 113

P.S. Tolkachev

Spiritual and Moral Principles of Economy 121

M.A. Chirkov

Effects of Increasing Speed of Interconnection between
Producer and Consumer in Russian Economy 128

A.V. Sorokina

Efficiency of Public Investment in Human
(For Example in Education and Healthcare) 133

<i>A.D. Antonov</i>	
Strategic Behavior of a Firm in the New Society: Theoretical Questions	141
<i>S.V. Chisteaykov</i>	
Formation of Institute of Trust as the Process of Transferring and Exchanging Knowledge in Networks.....	151
<i>Z.M. Zakarjayeva</i>	
Management of Modern Education: Institutional Mechanisms.....	161
Part V	
Encyclopedia	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Naturonomy	169
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Subeconomy	172
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Antihousehold.....	175
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Utopism.....	179
Part VI	
Reviews and Responses	
<i>Z.E. Skrynnik</i>	
Russia on the Threshold of the Great Unknown: Answers and Questions (About the Novel by Yur. Mikhailov «Requiem»).....	187
<i>V.Ya. Kurbatov</i>	
Under the Gaze of Worried God	198
<i>V.K. Korolev</i>	
«Requiem» on Economist of Russia? (From S.N. to M.A.).....	202
<i>S.O. Hohlov</i>	
The End of Literature.....	204
<i>I.I. Rudyak</i>	
Book by Yu.M. Osipov «Comprehend Russia»: Ideology as Making a Fool of People Mass and Fire around as Carnival of Economics.....	209
<i>K.R. Bayanov</i>	
Language as a Factor in Modeling Socio-Natural Dynamic	219
Scientific Life	
Social Philosophy of XXI Century: Renaissance of Marxism? (<i>L.A. Bulavka</i>).....	229
Political Economy: Place in the System of Economic Sciences (<i>M.Yu. Pavlov</i>).....	266
Our Authors	300

I

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

Смысл и имена

Аннотация. Рассматриваются феномены смысла и имени применительно к современности, не признающей смыслы и заменяющей имена на пустые знаки.

Ключевые слова: смысл, имя, слово, человек, философия, метафизика, философия хозяйства.

Abstract. Article deals with the phenomena of the meaning and the name applied to the modern reality, which does not recognize senses and puts empty signs on the place of name.

Keywords: meaning, name, word, human, philosophy, metaphysics, philosophy of economy.

Человек активно пользуется именами, среди которых не просто слова-печати, но и печати-лики, ловящие и удерживающие смыслы, их вполне успешно представляющие. Это самые важные имена — смысловые, от которых вся основа языка, речи, текста, с которыми напрямую связано сознание, дающее имена и улавливающее смыслы, как и строящее самого себя — уже обесмысленным и обыменованным.

Смысл и мысль, строго говоря — одно и то же, точнее, из одного и того же, а вот чего? — кто ж знает, ежели уже слово — Бог, а без слова ни смысла, ни выразить, ни мысль не обозначить? Тут ведь тайна, и тайну эту надо признавать. Смысл и мысль — сами себе сущности и причины, сами себе и субстанции. Знает человек, что есть смыслы и мысли, а вот что это такое, кроме тайны, кто знает.

Вот отсюда и имена, чтобы смыслы и мысли припечатывать, обналичивать, удерживать. Сказано «деньги», и все знают, что это такое, хотя никто вполне и не знает, что ж есть на самом деле деньги: главное, что всем известно необходимое о деньгах, успешно словленное и функционально применительное. И так повсюду слово — имя — смысл, правда, ежели смысл при этом имеет место, ибо слово и имя могут и без смысла обойтись, обозначая лишь самих себя, как, например, все имена людей, названия тех же кораблей, вся вообще топонимика и многое другое, где знак главнее смысла, а смысла просто нет.

Имя со смыслом, или смысловое имя, — вещь исключительно важная, она вещает не о себе, а о смысле, что и заставляет человека с почтением относиться к такого рода именам: есть имена и оперирование с

ними, есть и доступный для понимания мир, включая человека и самого Господа Бога, пусть и понимания неполного, относительного, суженного, даже и не правильного, но всё-таки понимания, дающего возможность жить, общаться, творить, в общем — быть человеком, причем не только осознаненным, но и сознательным, не просто животным.

Человек поименовал данный ему мир, открывая либо придавая смыслы, и, обогащая себя имясмыслами, обучился оперировать с миром, включая самого себя, да так, что стал превращать данный ему мир в мир, им самим (человеком) взятый, а потом и вовсе в создаваемый. Пользуясь имясмыслами, умножая их, человек, устремляясь от природы к неприроде, создавал свой собственный, уже совершенно человеческий, мир, соответствующим образом его и именуя.

В итоге искусственный мир обошел в идеальном плане мир естественный, и мир человека стал более миром имясмыслов, чем собственно вещей. Понятия захватили в свой плен понимаемое, это последнее все более зависело от понятий, а сами понятия от... понятий. Имясмысловой мир совершенно одолел не только естественный мир, но и вообще всякий реальный мир, включая и внешний искусственный. Имя стало во многом служить самому себе, имена утрачивали связь не только с реальностью, но и с самими собою. Все больше появлялось имен-пустоток, имен-симулякров, имен-мотыльков, а смыслы, если где-то и высказывали, то по большей части обратные (смыслы-оборотни), да и на какое-нибудь мгновение. Представленный самому себе номинализм, утратив связь с реальностью, заменил ее мириадами слов-значков, взгромоздив в результате перед человеком (в его сознании) огромную кучу имяславского мусора, что и понуждает несчастного человека бежать стремглав в спасительное бессловесье.

Бессловесье — не отсутствие слов, речей, текстов, а их... ненужность. Говорят и пишут много, вещают охотно и беспрерывно, извергая потоки слов, но вот *что* говорят, пишут, вещают, как и *зачем*? Зачем весь этот словооборот, заменяющий как реальность, так и самого человека? Сегодняшний мир — это вовсе не единение человека, вещи и слова, где номинатор в понимании с именуемым, а имя верно служит номинатору, обогащая его знание и сознание. Нынешний мир далек от такого единения, что совсем не удивительно, ибо номинатор вытворяет все, что угодно, забыв о смыслах, значениях и мере, а оскорбленное имя мстит номинатору, обкрадывая не без злорадства его сознание. Имя и поименованный им смысл вроде бы... правда, хотя бы условная, договорная, а теперь, однако, по большей части дурочка, блямбочка, бучечка... ничто. И человек тоже ничто, и весь мир тоже! Где, собственно, человек, который уже точка, единица, а то и попросту нуль, в

лучшем случае, система, а где мир, который уже не более чем пространство, текст, эфир? Всё кругом, включая человека, теперь информация, мало того, информация по преимуществу искаженная, ложная, еще и почему-то лукавая. И никто не знает, кто и зачем лукавит, искажая и обезображивая все вокруг, вызывая к жизни имяблудие и блудомыслие, выбрасывая на гора блудливые антисмыслы, заставляя и каждого имярека блудить и антисмыслить.

Сотворенный человеком мир вдруг как-то взял да и обернулся против человека. Мир-оборотень! Где созидательные думы, где доверительные разговоры, где необходимые взаимопонимания? Вокруг лишь идеословный, он же и имясмысловый, апокалипсис. Никто ничего и никого не понимает, никто никого ничему не учит, никто никому и ничему не верит! Эпоха информации обернулась эпохой вертлявой дезинформации, а эпоха знания — эпохой кругового незнания. Расчеловечивание человека и деконструкция мира! Царство антимира!

Литература, искусства, философия — в утиль, туда же и фундаментальная наука. Только технологии! Все остальное — в расход! Опять же не любые технологии, а лишь круто переделывающие мир и человека, в особенности человека, который теперь объект самой последовательной «перезагрузки». Сверхъестественный интеллект, железный организм, безмерная сила, невозможные способности, счастливое долголетие, укрошенная смерть. Это для господ, а для иных граждан мира уже иное, но тоже запрограммированное. Там и там — *постчеловек*, а ежели наверху сверхчеловек, то внизу — просто нелюдь!

В среде окружающего мира — безумие, много безумия, причем уже безумие субстанционального, но зато в сердцевине — ум, замысел, проект. Возможно ли такое? Почему нет, ежели человек перешел не только природный, но и сакральный рубикон, делает, что хочет, творит миря прямо из себя, когда у человека один критерий — он сам, а ведь это критерий очень ненадежный, — как только человек возвышает себя над миром, так и безумие откуда-то к человеку подступает, обращаясь в субстанцию. Решения вроде бы не безумные, продуманные, выверенные, а выходит все одно — не просто несуразица, а опаснейшее безобразие, чреватое не одними потрясениями, но и уничтожениями.

В глобальном мировом центре — сплошные умники, и действуют они умно, а цель их — покорение мира, человека, жизни — не ошибка, не просчет, не глупость даже, а именно безумие, от которого самонадеянному человеку ныне никуда не уйти.

Обратись к Христу и к Природе — и никакого тебе безумства! Но нет, безумству умных поем мы песню! А умный ныне, который без Христа и вне Природы — всего лишь безумец!

Очень оригинальное вокруг нас время — эпоха субстанциального безумия!

И какие же смыслы, кроме апокалиптических, соответственно, кривых, разломных и ядовитых, можно извлечь из бытия, адекватного такому замечательному времени? Какие на эти смыслы можно поставить имена-клейма?

Наверное, извлечь только какие-то антисмыслы и поставить только антиимена, что означает лишь продолжение Иоаннового апокалиптического текста, когда слова вроде бы понятны, а текст, увы, совершенно загадочен, а в нашем случае — просто безумен, вроде антиалгоритма дурного сна.

Литература, искусство, философия давно уже в этом дурном сне, в пучине безумия, ибо *что* и для *чего* бывает в них сотворено, вряд ли знают и сами творцы смертельных калейдоскопических произведений, более того, они этого и не знают, да и знать не хотят, ибо домоводство их давно уже поработчено антимиром, превратившего его в с-ума-сошедшее анти-хозяйство.

И в самом деле литературы нет, искусства нет, философии нет, как собственно, и научных теорий нет, ибо нет словесной образной, воззренческой реальности, а есть бес-словесная, без-образная и без-зренческая ирреальность, которой все более и более соответствует приспособляющееся к ней сознание, а потому и человека в человеке все меньше, зато все больше в человеке античеловека (зверя, пугала, Погремушки), а в смеси — постчеловека («пост» и «пуст» — побратимы).

Смысл — любой, а лучше — затейливая бессмыслица, ибо смысл — груз, притяжение, ответственность, а бессмыслица — легкота, занимательность, развлекуха, а главное — безответственность; имя — любое, но, по возможности, бессмысленное, пустое, парящее, ни чему не обязывающее, манящее, прельстительное, вводящее в заблуждение; слова тоже любые, которые уже не в начале, а в конце, разумеется, сознания, интеллекта, света.

Призванная осмысливать и протрактовывать окружающий мир, включая человека и Бога, в особенности, в его — мира — метафизической части, философия, распрощавшись с онтологией и гносеологией, кинулась... выражать саму себя, точнее, философию выражающегося по-философски субъекта (умника-безумника), что привело к диссанапии философии, даже не к расчленению философии как интегрального знания, на которое можно человеку размышляющему опереться (вроде как на миф, на религию, на предание, даже и на науку). Философия стала субъективной, заносчивой, высокомерной и даже брезгливой, она никак не для людей, ибо... не для них она вовсе, а для... э-э... вы-

верта, для пустоты, для ничто. И это никакой не внешний приговор, а самый обыкновенный самоговор — вполне, кажется, заслуженный.

Философия то ли уже умерла, то ли еще умирает — как интегральное знание, пусть и не консолидированное, но все-таки... общее знание, способное быть и быть среди людей, причем не в библиотеках, а в самой жизни. Скажи что-нибудь этакое в философских кругах, так ведь засмеют, ибо вертлява нынче философия, кусача и задириста. Теперь важно даже не удивить, а ошарашить — изысканной абракадаброй раздавить — бессмыслицей убить — пустым словом.

Иметь дело с философией — силу духа иметь и притворство немалое, ибо философия бьет по всем азимутам и площадям и без всякой пощады. Ковровые бомбардировки, правда, боле по самой же философии и попадают, ибо контекст уже изрядно растерялся и рассредоточился, ни в какой философии не нуждаясь. *Философия изжила философию*, того ли она хотела, самовольничая, утончаясь и ерничая?

Самоговор — не приговор вовсе. Мир действительно ныне безумствует, хотя и весь мир этому безумству служит. Есть вампиры безумства, для которых безумство — живительная кровь, а есть враги безумства, для которых безумство — смертельный яд. Не все однозначно в мире, который хоть и запутался в самом себе, но который не утратил ни способности самооценки, ни желания самого себя преодолеть. А преодоление это — актуальная сверхзадача, в решении которой первое и последнее слово может принадлежать философии, но не той, что только смерть всему призывает, а той, что обращена к жизни, разумеется, страдательной и стойкой, но к жизни, к человеку, к миру.

Какая-то философия?

В этом-то и вся проблема: возможна ли? Ежели сам мир человеческий уже воочию эсхатологичен, а человек... э-эх... человек ли?.. бытует хорошо, очень даже хорошо, чуть ли не весело, но... уже без ощущения бескрайнего пространства и безмерного будущего, без какой бы то ни было для себя человеческой перспективы, мало того, без чистой воды и свежего воздуха, в общем — без самой бытийственной возможности.

Возможность, воля к возможности, собственность на возможность как и задание возможности — не главные ли теперь экзистенциальные ценности все еще бытующего на земле человека — *все-еще-человека!*

Западня для элит, западня для народов, западня для мира в целом. Метафизическая потребность катастрофы, войны, смерти. Не метафизический вовсе, а самый феноменальный апокалипсис. Мало того, что реальное хозяйство на пределе, но и перспективы уже на пределе: куда и зачем? Точка конечного напряжения, когда либо взрыв, либо вырыв, но вряд ли спокойная трансгрессия в преднамеренную известность.

Человечество в своей лучшей, передовой, прогрессивной части оказалось (либо оказывается) в точке как невозврата к традиции, так и вынужденного броска в неизвестность, что может случиться в любой момент и через любую катастрофу, очень схожую с Армагеддоном. Что такое разгром Сербии, агрессия в Афганистане, 11 сентября в Америке, захват Ирака, мировой финансовый кризис, австралийское дерби с пожарами и наводнениями, землетрясение и цунами в Японии или то же нападение на Ливию, если не признаки трансгрессивного мирового процесса, то ли предотвращающего всемирный Армагеддон, то ли его упорно готовящего. Без катаклизмов, кризисов и войн ничего не получается, мир созрел для большой разборки и освежающей-де перезагрузки, но ведь это уже мир глобальный, целостный, взаимозависимый, у которого нет резервов для совершения всестороннего над собой насилия, а потому это не мир с перспективой, а всего лишь мир с угрозой своего последнего выдоха.

Возникают вопросы, в том числе из разряда вечных: что есть человек, что он делает на Земле, какова его ведущая цель, чего он уже достиг, в каком положении сейчас находится, что с ним и около него происходит, что у человека впереди, каковы его реальные возможности, что происходит с самим человеком и т. д. и т. п.? И тут-то становится ясно, что это вполне философские, как и совершенно метафизического характера, вопросы, точнее, вопрошания, на которые должна дать какие-то ответы философия, и философия метафизическая, выходящая за пределы науки и не отвергающая никакую сакральную мудрость. И это не все: На эти вопросы способна отвечать прежде всего не вообще философия, а та философия, точнее, метафизическая мысль, которую принято сегодня называть *философией хозяйства* — со всеми улавливаемыми ею смыслами, включая антисмыслы и бессмыслия, именами, включая псевдоимена (симулякры) и разного рода обезлички.

«Философия хозяйства — возможность целостного видения, отражения и отображения трансцендентно обусловленного мира, его динамики и судьбы, на основе и через призму действующего в нем творческого сознания».

Человек и мир, метафизика и творчество, творения. Восхождение (история) и вершина (акме с возможной трансгрессией) — вот опорные точки философии хозяйства, ее познавательной архитектоники, смысловой эзотерики и проективной алгоритмики.

Философия хозяйства — не частность, не видение целого (как та же политическая экономия), а целостность, освещающая все составляющие целое части, да не какого-нибудь целого, а человеческого мироздания, всего его жизнеотправления.

В каком же состоянии находится ныне человеческое мироздание, как идет его жизнеотправление, что представляет сегодня сам главный творец искусственного мира — человек, что ожидает его и его мир в просматриваемой перспективе?

Передовые, они же и постмодерновые, людишки, уже мнящие себя *сверхчеловеками*, эти агенты всей планеты, вольные творцы... э-э... жизни ли, бытия ли, реальности ли?... полные неимоверной гордыни (как же, в их эффективном распоряжении мировые финансы, ресурсы, интеллект, информация, знания, правительства, государства, полиция, армии, а соответственно — реальность, бытие, жизнь!), рассчитывают на окончательную достройку планетарного мира по своим лекалам и в своих интересах, для чего не только скрупулезно строят новую экзистенцию, но и устраивают ради этого реформы, революции, кризисы, катастрофы, войны, в общем — мышиную непрерывную возню сочетают с внезапными кошачьими бросками.

Мир, реальность, включая всех человекообразных насельников планеты — не более чем переделочная среда, ресурс для конструирования, объект отбора выращивания.

Особенность уже нынешнего мира бытия, не говоря о грядущем — всеохватывающе подчинение целостной объективности субъективному управляющему самоволию, когда все и вся в миробытии можно передельвать, конструировать, выводить, выращивать, включая и самого человека. Человек творящий, этот вроде бы суперчеловек, хотя вовсе уже не духовно-интеллектуальный титан, а скорее попросту технически обустроенный пигмей, устремился в мегамир, где у человека нет больших перспектив, ибо в космосе человеку как биоорганизму делать нечего (не та среда!), разве лишь солнечный энергетический ресурс схватить, и в микромир, где пигмей-естествоиспытатель усматривает перспективу вмешательства в началополагающие процессы, дающего шанс переделать, если не пересотворить, все или почти все живое, включая человека. Так что ныне речь идет не столько об объективных синергетических процессах, сколько о сознательно созидаемых, да что процессах — о целом мире.

Таких грандиозных проектов еще не бывало, недаром же введен в оборот эвфемизм по имени «глобализм» — совершенно, знаете ли, ласковый и... непонятный. Глобализм — это прежде всего целостное обустройство планетарного мира (пирамидальное, концентрическое, центростремительное) и всестороннее управление им из единого центра. Интеграция здесь не более, чем условие и средство, даже подкладка. Нивелировка — точнее. Главное — один единый мир в значении доминирующей и управляющей надстройки, верхушки, центра и пла-

нетарная среда в качестве необходимого вспоможения для этого доминирующего над ней и ею управляющего одного единого мира.

Возможно ли такое? Философия хозяйства склонна ответить так: если да, то на короткое время, если же нет, то... через всемирный катаклизм, в результате которого либо возникнут и укрепятся антиглобалистические центры (империи), не порвавшие с традицией, либо явится никогда не бывалый мировой солидаризм — на останках мировой цивилизации.

Дело теперь не в новых способах хозяйства, социальных устройствах и цивилизациях, а в принципиально новом миробытии, которое не вырастает из истории, ее продолжая, а от нее отталкивается, с историей кончая. История для нового миробытия ничего не значит. Здесь уже не продолжение истории, а ее преодоление. История тут бессильна, она уходит, а на ее место приходит вольная импровизация. Отсюда предел не одной только истории, но и внеисторической импровизации — над бездной. Мир вышел из бездны и подошел к бездне, и есть уже сверхчеловеки, готовые мир человеческий столкнуть в эту бездну, ибо что, кроме бездны, может последовать за вольной пигмейской импровизацией?

А в бездне ведь ни смыслов, ни имен!

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Власть в поисках... самовластья

Аннотация. В статье исследуется неодирижизм как управленческая технология современной власти над властью. Основной тезис — музыкальная парадигма служит первоисточником любой власти, любой анархии и любого порабощения общества и личности.

Ключевые слова: неодирижизм, музыка, власть.

Abstract. This article explores neodirizhizm as a modern power management technique on power. The main thesis — a musical paradigm serves as the primary source of any power, any anarchy and enslavement of any individual and society.

Keywords: neodirizhizm, music, power.

Термин «неодирижизм» подчинен императиву Ю.М. Осипова, ибо все объекты его интереса предельно актуальны, значимы и жаждут акушерской помощи для рождения смыслов своих. Он уже не может заниматься неважными вещами. И если он зажег этот символический

факел, значит, где-то появилась неисцеленная Центром¹ больная проблема. Болезнь эта коренится во власти. И не просто во власти, контролирующей данное, а во власти над другими властями и начальствами.

Чем обусловлено появление на умственном горизонте метафизического беспилотника — неодирижизма? Ведь объяснение есть последний вздох объясняемого. Сова Минервы вылетает в полночь²! А сие означает, что живому не нужны объяснения, ибо оно занято жизнью; а когда жизнеплодие угасает, загорается огонь объяснения, которое становится софийным актом жизни, ее возрождения. Объяснение выявляет софийный смысл уходящего во мрак объясняемого. Объяснение же неодирижизма как вида власти означает *исчезновение* части функций прежней власти.

Власть России и мировая власть обнаружили в себе чрезвычайный и пренеприятнейший факт: власть исчезает как прошлогодний снег, превращаясь в орудие Анонима, который угрожающе чего-то выжидает с поднятым мечом, не позволяя властителям вкушать сладости власти. Исчезает не только власть от Бога, но и от дьявола, сама субстанция власти.

Диоген с зажженным фонарем искал в солнечный день на людной площади Афин «человека», но находил одни отребья. Диогенствующий премьер России жалуется футбольным фанатам, что убийцу их товарища какая-то сила выпустила из тюрьмы, где он еще не отбыл срок за прежнее преступление. Горько сетует он и на то, что в станице Кушевской криминал и власть срослись в единый кровавый беспредел. Суровый премьер говорил искренне, с горечью и раскаянием пустив мужскую слезу, с чувством глубочайшего бессилия что-либо изменить, хотя он и есть высшая власть: «Представляете, а что творится с властью в России!». Премьер не воспринимает себя как власть, чувствуя, что субстанция власти куда-то уходит. Бессилен здесь и Афраний. Ибо любая власть не допускает даже в курятнике петушиного своеволия, которое переходит в кризис, а затем — в терроризм. Все

¹ Имеется в виду Центр общественных наук при МГУ (прим. ред.).

² «Относительно поучения, каким мир должен быть... философия всегда приходит слишком поздно. В качестве мысли о мире она приходит лишь тогда, когда действительность закончила свой процесс образования и завершила себя. Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, это показывает, что некоторая форма жизни постарела, и своим серым по серому она может не омолодить, а лишь понять ее; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек» [1, 7—8]. А кто начинает полет с восходом солнца? Не нужно обижать петухов: ведь они работают больше, чем сова, разгоняя своими голосами демонов тьмы, призывая к продолжению жизни.

асоциальные действия — это дети безвластия, ибо власть никому не уступит своего права на произвол и раздачу пряников.

Что же за трансформация происходит с современной властью? Либерализм не знает, куда исчезает его власть? Она исходит от народа, приходит к демократам, а затем уходит? Куда? И к чему ж она доходит? Да и бессмертная бюрократия замечает, что физические органы власти становятся какими-то бессильными, ненужными отбросами³. Слава богу, что пока у власти не отнимается хотя бы право на воровство.

Термин «неодирижизм» родом из музыки, обозначая власть над властью, своеобразную форму власти. Каждый музыкант оркестра — властелин своей партии, но смысл целого подвластен лишь дирижеру. Дирижирование — это высшая власть, которая символическими жестами направляет части к благу целого. «Неодирижизм» («дирижизм») представляет собой форму, способ управленческого воздействия власти на власть: специфика этой формы в том, что посредством нее власть действует как целостная, интегрирующая и даже — как творящая сила.

«Дирижизм» — не планово-административная система советского (сталинского) образца — это хоть и управление, но не текущими действиями хозяйствующих субъектов, хотя и такое возможно — как исключение, а, во-первых, побуждение хозяйствующих субъектов действовать в нужном правительству направлении; во-вторых, ориентация хозяйственных процессов в соответствии с априорно поставленными

³ Ужасающе безотрадную картину Запада как отброса власти изобразил Ж. Бодрийяр: «Хуже всего не то, что мы завалены со всех сторон отбросами, а то, что мы сами становимся ими. Вся естественная среда превратилась в отбросы, т. е. в ненужную, всем мешающую субстанцию, от которой, как от трупца, никто не знает, как избавиться. Вся биосфера целиком в пределе грозит превратиться в некий архаический остаток, место которого — на помойке истории. Впрочем, сама история оказалась выброшенной на собственную помойку, где скапливаются не только пройденное нами и отошедшее в прошлое, но и все текущие события; не успев закончиться, они тут же лишаются всякого смысла в результате демпинга средств массовой информации, способных превратить их в субстанцию, непосредственно готовую для употребления, а затем и в отбросы. Как же может ненавидеть и презирать самую себя цивилизация, которая с самого начала производит себя, причем умышленно, в виде отбросов, трудится над своим собственным бесполезным построением. Сами человеческие существа бесконечно воспроизводят себя в виде отбросов или в виде обыкновенных статистов. Горька участь этого персонала, которому суждено перейти в отбросы. Наша культура превратилась в производство отходов. Люди становятся отбросами своих собственных отбросов — вот характерная черта общества, равнодушного к своим собственным ценностям, общества, которое самое себя толкает к безразличию и ненависти» [2, 99—100].

общенациональными целями-задачами; в третьих, прямая реализация хозяйственных проектов национальным (государственным, государственно-корпоративным или любым иным) центром» [3, 17]. Дирижизм — это властный центр, управляющий другими центрами посредством общей идеи центра как целого. Поэтому недирижизм сильнее рынка и планирования; он чудовищно эффективен, предоставляя управляемым субъектам полную свободу и полную же ответственность за плоды своих решений и действий.

Современная власть точнее постигается через аналогии с властью музыки. И для этого есть веские метафизические основания, ибо музыка властвует над людьми без всяких институтов и «силовики» одними своими созвучиями. Народы давно оценили магическую власть музыки. Орфей на время даже смерть победил музыкой. Не философией, не властью, не живописью или словом, а музыкой. В Древнем Китае считали, что именно «музыка смутных времен» разрушает государства. Музыка хранит в себе первовласть, а потому музыкальной кризис служит истоком всех смутных времен. Какая же власть присуща музыке, осуществляется через нее?

В музыке наиболее полно проявляется специфика идеальных сил, выражаются их властные, волевые функции. Власть сознания, ума, души и слова осуществляется посредством их дирижерских, избирательных воздействий на материю, на хаос, на инфернальные реалии и человека. Дирижирование — силовая технология мысли, сознания, души и слова.

Поэтому Платон считал музыку наиважнейшим искусством, ибо она возделывает почву души, делая ее восприимчивой к гармониям, световым силам и мерам космоса. Вначале музыка и власть представляли собой сакральное целое; затем единство их распалось, но память об их сродстве осталась в музыке как ее чудовищная невластная сила, а во власти — в дирижерских формах правления. Музыкальные звуки — исходная ступень превращения хаоса в космос. Переход хаоса, ничто к бытию осуществляет ороакустика⁴, которая через звук, число и голос правит миром, являясь первой властью порядка над хаосом. Все возникающее из хаоса обретает вначале звуковую, музыкальные фор-

⁴ В эзотерическом романе М.А. Булгакова важный сановник от культуры, Семплеяров, возглавляет некую загадочную Акустическую комиссию, которая бессильна перед акустикой, но всеильна в коррупционной раздаче ролей и хлеба актёрам. Мистическое умозрение писателя уловило, что превращение социохаоса во властную организацию начинается с власти над звуком и с власти посредством звуков. О, акустика — великое слово, а еще — более великое, скрытое и недооцениваемое дело! Заставить всех колебаться вместе с колебаниями власти — разве это не высшее чудо?!

му. Но музыке в силу ее связи с хаосом присуща опасная двойственность: посредством одних мелодий она преобразует хаос в меры космоса, а посредством других мелодий она лишь транслирует хаос в космос, становясь скрытой, а потому страшно разрушительной. Одна музыка строить и жить учит, а другая через наслаждения извращениям учит. Музыка способна высшее зло представить через приятные звуки как высшее благо, а полное порабощение человека превратить в непрерывное блаженство. Музыка может искусно сделать человека невменяемым и беспамятным, превращая его в антропосырье для манипуляций. Это отчетливо видно в якобы стихийных бунтах, которые на самом деле уже подготовлены к этому «смутной музыкой» и автоматично повинуются своим гамельнским и кукловодам⁵. Толпой всегда дирижирует смерть, преобразующая свой негатив в блаженный идиотизм гибели.

Музыка — высшая власть над душой и миром. Но музыка и наиболее опаснейшее искусство, ибо она незаметно контрабандой привносит в космос и в душу порчу, извращения, сокрытые под маской приятного. Это — самая мощная, незаметная и несокрушимая власть, ибо люди не воспринимают ее как власть, хотя она незримо дирижирует их жизнью. Дирижирование — это парадигма и модель целостной власти, охватывающей и саму власть. Музыка формирует высший уровень личности, но она же воспитывает в людях гипнотизируемость, гасит волю к индивидуализации и порождает желания раствориться в ничто. Музыка делает покорность и саму гибель сладостными. Поэтому Платон полагал, что нормальное государство первым делом должно фильтровать музыку, ибо не может быть свободного и благого общества при бесконтрольном властвовании музыки. Музыка ведь властвует не только над людьми, но и над самой властью, уверяя ее, что самая лучшая власть — власть музыкальная, приятная и угождающая.

В христианстве Бог творил мир посредством слова-звука: «Да будет свет!». И все возникающее радовалось, ибо творение осуществлялось не только под музыку, но и вместе с музыкой. Бог творит посредством своего вечно звучащего Имени. В индуизме мир творит священный звук «ОМ».

⁵ Грядущее использование музыки (пения) как всемогущего социального орудия власти тоже предвидел М.А. Булгаков, изобразив учреждение, сотрудники которого под воздействием демона-регента Коровьева вдруг обрели голоса и запели, будучи не в состоянии остановиться. Массовое музицирование, а сегодня — музыкальное насилие становятся одним из важнейших орудий власти. Правда, с пением великий мистик ошибся. Блатное пение хором всё же не очень полчается, ибо его негатив ограничивается смыслами песен.

Идентичность любого предмета предполагает наличие целостной структуры, преобразующей отношения к «другим» в соотношения с самим собой. В мысли, сознании, душе и языке это соотношение с собой называется рефлексией, самосознанием, совестью, метаязыком. И полноценная власть для сохранения своей идентичности тоже требует саморефлексии, самообладания. Исторически эту властную функцию осуществляли религии, идеологии. После Французской революции единственной силой над властью стали концептуальные элиты вольных каменщиков, не связанные с оперативным управлением.

Но после полной победы каменщики, запустив проект глобализации, тоже начали приватизацию в сфере ТНК, хотя в управлении конкретными объектами они полнейшие профаны. Об этом свидетельствуют катастрофы BP, уничтожение биосферных заповедников в Африке, в Бразилии, США, лавинообразный рост жертв Красной книги.

Вообще, какая сегодня возможна власть над властью? Власть в христианской цивилизации сложилась как пирамида.

1. *Власть* как ангельский чин небесной иерархии; ангелы правят музыкой, пением, литургией, сами подчиняясь сакральному дирижеру.

2. *Музыка* дирижирует сознанием, языком и умом людей, незаметно внедряя в них первичные схемы властвования и подчинения. И сегодня самая сильная *мировая власть, мировая анархия и мировое рабство коренятся в музыке*. Она уже напрямую может править людьми, минуя остальные звенья власти. Кто владеет музыкой, владеет всем и всеми! Платит не тот, кто заказывает музыку, а тот, кому ангелы, демоны и братья велят платить за не его музыку.

3. *Концептуальная, теоретическая власть* посредством знания инфернальных сил и ничто. Это — высшая власть каменщиков, *мировоззрение всех мировоззрений. Смысловыми центрами концептуальной власти являются мифология, жречество, язычество, священные писания, просвещение, социализм, глобализм*.

4. *Идеологически-оперативная власть* каменщиков, создающих управленческие технологии по конструированию и замене систем власти.

5. *Национальные виды власти*, занятые саможизнеобеспечением населения и высших мировых слоев. Это — собаки мировой власти.

6. *Криминальная, теневая власть*.

7. *Власть смерти, дьявола*.

Власть над властью осуществляют теории, идеи и умозрения, которые лучше, глубже, точнее понимают суть и смысл ничто, смерти, способы их действий. Вначале власть над властью осуществляли колдуны, шаманы, старейшины; затем — жрецы, которым подчинялись оракулы, пифии, мистерии, поэты, ваятели, строители. Затем за властью

присматривала Церковь, а за церковной властью — святые и Соборы. Некоторое время за властью и Церковью присматривала инквизиция. После инквизиции власть над светской и церковной властью перешла в руки тайных сообществ каменщиков, которые посредством революций, заговоров и других средств охраняли высшую власть от саморазложения.

Дирижизм же и неодирижизм служат инструментам власти над властью. Инструментом невидимым, но тем более сильным и действенным. Ибо выигрыш дирижера всегда является выигрышем и музыкантов, а проигрыш дирижера делят между собой лишь музыканты.

Но после крушения СССР и полной победы каменщиков, после легального воплощения их проекта глобализации высшая власть осталась без идейных программ, а также без своих дирижеров и контролеров. И начался апокалипсический кризис, суть которого в безмерном, бесконтрольном и неограниченном росте власти, законом которой стали произвол и воля к власти. Власть все может, но не знает, чего ей желать и к чему влечет ее собственная природа. Это самовозрастание власти определяет развития естествознания, господство информационных технологий. Перед науками стоит неявная задача — обеспечить всемерное усиление власти над людьми без понимания того, чем это усиление может закончиться.

И современная мировая власть, став деструктивной силой, занялась перевертыванием христианской цивилизации, превращая ее в антихристианскую, форматируя ее по закону антипирамиды. Вернее, эта деструкция идет уже давно, с эпохи Возрождения, а сегодня она лишь завершается, хотя это очень и очень непросто — перевернуть пирамиду, сделав вершину основанием, а основание — вершиной. И не просто перевернуть, но и удержать ее в этом состоянии, ибо сама по себе она стоять не может, а сразу же рухнет, как финансовые пирамиды. И дирижизм призван помочь перевернуть пирамиду, поставить и удерживать ее в неестественном состоянии вершиной вниз. Отсюда мировая музификация человечества, ибо без контроля над первичными властно-управленческими структурами сознания, ума, души и языка власть Преисподней над тем человечеством, которое пока еще вне Преисподней, невозможна.

Власть стала страшной и губительной силой, ибо, стремясь все контролировать, она не сознает и не контролирует самое себя, а потому превращается в разрушительную силу, забыв о том, что главное дело власти не контроль за налично данным, а творение новой реальности⁶. Метавласть, контроль над властью сегодня заменяют

⁶ Ж. Бодрийяр заметил поразительную вещь — власть современного Запада испытывает тайное, завораживающее влечение к терроризму. В чём здесь де-

идолы порока, среди которых сплошная музификация играет не последнюю роль, непрерывно транслируя в социум черную энтропию Преисподней.

Сегодня мир нуждается в новой власти над своей властью, ибо каменщики обанкротились. Дирижерский потенциал каменщиков исчерпан, а их музыканты ждут момента, чтобы вцепиться и разодрать друг друга в наночастицы. Неодирижизм, власть над властью среди каменщиков уже невозможны, ибо нет в нем ни воли, ни власти, а есть престарая корова, ждущая своего коровьего конца. Мясники уже в пути.

Сегодня нужна власть дирижерская, управляющая концептуальными новациями, ибо дирижера никто не заменит. А сегодня оркестр мирового сообщества без дирижеров. Или дирижерами по очереди становятся музыканты, или коллективно дирижируют (саммиты G8; саммиты G20); но как, друзья, вы не садитесь, вы в дирижеры не годитесь, оставайтесь музыкантами и ждите дирижера из России.

Функцию мирового дирижера может выполнять лишь Церковь, но для этого она сама должна выйти из мирового оркестра и вспомнить о своей вселенской дирижерской миссии, а не петь по указам внецерковных дирижеров. Оркестр задался дирижера, профессионала Света. Нужен дирижер, знающий смысловые партии всех инструментов и законов власти, Церкви, человека, хозяйства, координирующий, организующий их жизнь в рамках единого целостного блага.

Но нужна и теоретическая власть, генерирующая общечеловеческие и региональные метапроекты, способная проводить нравственные, биосферные и хозяйственные экспертизы всех других, частных, проектов, своими смыслами незримо дирижировать ими во имя общего блага. Зародышем такой концептуальной власти является философия хозяйства, которая и есть незримый дирижер, мягко дирижирующий смыслами всех нынешних идей, планов, проектов, защищая хозяйствующую, самодостаточную, софийноблагостную жизнь. Философия хозяйства — единственная сегодня дисциплина, сочетающая в

ло? А дело в том, что власть над властью не имеет дела. Поэтому терроризм «отражает, словно зеркало, наше собственное исчезновение в качестве политического общества, что безусловно пытаются скрыть политические псевдособытия». Современные государства Запада не имеют политики; они не могут рационально регулировать социальные отношения; они теряют свою сущность, которая вымывается шантажом, подкупами, устрашениями, притворством, празднествами, показными хлопотами. Государство с неистовой яростью пожирает свои органы, разрушает свои города, деревни, ландшафты. При отсутствии власти над властью политика выступает как «форма государственного терроризма», а «терроризм как форма трансполитики» [4, 117, 115]. Приехали! На выход без вещей!

себе максимум предметной специализации, научности, метафизики ничто и... и... софийной благодати, связующей ее с Церковью. Но она — всего лишь одна из предтеч нового и главного Дирижера Второго Пришествия.

Сегодня банкротство каменщиков возмещается мировым терроризмом. Неодирижимзм — это осознание мировой властью необходимости новой власти над своей властью. В то же время неоодирижимзм — это форма, способ поиска властью самой себя, своей целостности, своего самовластья, формирование нового типа власти по образу и подобию музыкальной воли к гармонии смыслов.

Сегодня Россия во многом сохраняется даже в качестве поруганной, изувеченной страны, благодаря своему музыкальному телу охраняющему ее исходные жизнеобразующие смыслы посреди нашествия хаоса, энтропии, гламура и содомии. Озеро, в котором сокрылась Русь, став невидимым градом Китежем, — это мир русской музыки, который является звуковым телом и неисчерпаемым смысловым кладезем новых проектов, решений, идей, форм устройства страны. Россию хранит власть, хранящаяся в музыке. «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии» Н.А. Римского-Корсакова, «Спящая красавица», «Опричник», «Воевода», «Пиковая дама» П.И. Чайковского, «Князь Игорь» А.П. Бородина, огромный массив классической русской музыки содержат в себе всю неизвестность мира, человека и России. Эту музыку нельзя подделать, симитировать, ибо она в сей же час уйдет из рук нечестивых. Судьба России сегодня — в ее музыке. И естественно властвовать над Россией сможет лишь ее музыка, классическая музыка. Пока это понимают лишь сумасшедшие Запада⁷.

Литература

1. Гегель Г. Соч.: В 14 т. Т. 7. М.; Л., 1934.
2. Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск, 2007.
3. Осипов Ю.М. Веяния времени: год 2010 // Философия хозяйства. 2010, № 4.
4. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000.
5. Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1996.

⁷ Ницше даже связывал надежды на свое личное выздоровление с русской музыкой: «Русская музыка с трогательной простотой обнаруживает душу мужика (moćjik), простонародья. Ничто не говорит так сердцу, как их светлые мелодии, которые все без исключения печальны. Я обменял бы счастье всего Запада на русский лад быть печальным» [5, 796].

П.П. ЖУЛИКОВ

**Матрица развития современной экономики —
философия хозяйства
(философия хозяйства от С.Н. Булгакова до Ю.М. Осипова)**

Аннотация. Сформировавшийся конфликт производства и потребления — это проблема, которая не разрешается простым саморегулированием, но требует решения, которое не вписывается в современные теории хозяйствования и лежит вне их рамок. Философия хозяйства дает возможность найти иные ответы на многие вызовы, на которые не дают ответы традиционные экономические учения.

Ключевые слова: хозяйство, философия хозяйства, желание выжить, кризис, производство, потребление, производительные силы, производственные отношения.

Abstract. Apparent conflict of production and consumption is a problem that is not permitted simple self-regulation and requires a solution that doesn't fit the modern theory of management, and its decision rests outside. Philosophy of economics makes it possible to find other answers for many of the challenges that do not give answers traditional economic teachings.

Keywords: economy, philosophy of economy, the desire to survive, crisis, production, consumption, productive forces and production relations.

Настоящий виток развития человеческого хозяйства отличается от всех предыдущих, описанных в истории, высокой, умножающейся динамичностью производства и беспрецедентным ужесточением борьбы его участников за распределение произведенного и планируемого к производству общественного продукта. Формируются новые межгосударственные самостоятельные центры силы, зачастую значительно превышающие мощь индустриально развитых государств. Перед человечеством встает еще не до конца осознанный вызов — в человеческом хозяйстве создается имперская структура нового типа: высокоиндустриальная, с мощной информационной базой, изощренным когнитивным потенциалом, практически полностью инвентаризированным населением и с абсолютной монополизацией власти.

Любой разговор на тему такого вызова сегодня упирается в определенные догматы, выстроенные действующими экономическими школами и теориями, которые отсекают любые попытки рассуждать на тему новых представлений о взаимоотношениях производства и потребления. Доминирующие в настоящее время положения о том, что основой современной экономики являются удовлетворение безгранично растущих потребностей, приоритет спроса над предложением, обя-

зательное международное разделение труда, свободная конкуренция, уводят исследователя в ирреальность и не способствуют формированию адекватной оценки уже развивающегося феномена создания высокоиндустриальной имперской структуры нового типа.

Сегодня мировая экономика призывает сообщества к разделению труда и мировой специализации, выделяя ведущие и ведомые хозяйства, причем не только национальные, но и транснациональные. Экономика все более походит на игру в бизнес, в которой реальные игроки, участвующие в раскручивании маховика — глобальной экономики, попали в плен иллюзий возможности выстраивания баланса между центром власти — «золотым миллиардом» — и всеми остальными игроками и не хотят адекватно реагировать на надвигающуюся угрозу.

Настоящая статья — это более всего размышление о формирующемся феномене, его корнях, возможных направлениях развития, подходах и принципах исследования и менее всего попытка давать какую-то количественную или качественную оценку этому феномену.

Прежде, чем перейти к сути, следует отметить, что при анализе экономического состояния мирового сообщества применены периодизация и терминология, предложенные Ю.М. Осиповым. Традиционные термины в нашем исследовании осложняют восприятие некоторых тонкостей рассматриваемого вопроса. Например, применяемый в настоящей работе термин «человеческое хозяйство» позволяет глубже проследить логику рассматриваемого вопроса, чем термин «мировое хозяйство», поскольку термин «человеческое хозяйство» этимологически и предполагает наличие «хозяйства человека», и дает представление, что «хозяйство человечества» — это совсем не есть сумма отдельных «хозяйств человека».

При проведении любого исследования необходимо понимание, что исследуется и для чего. А в данном случае, при исследовании человеческого бытия, т. е. человеческого хозяйства, правомочная постановка вопросов: что исследуется, откуда хозяйство вообще взялось и какова цель его хозяйствования — фактически ответов не имеет. И если на первый вопрос: «что исследуется и откуда взялось?» человечество накопило набор, пусть и не совсем понятных, но как-то вписывающихся в логику ответов типа: «это эволюция от микроба до человека», или «это сотворил Бог», то на второй вопрос удовлетворительных ответов нет.

Наше исследование начинается с принятия посылки, что человек — это творение хозяйства природы, которая сотворила человека по своему замыслу, а человек, пользуясь природу, ведет свое хозяйство для...

А вот для чего ведет свое хозяйство человек, рассмотрим позже, попробовав разобраться в некоторых деталях хозяйства человека и человечества.

Максимально обобщая объект исследования, можно увидеть, что человеческое хозяйство — это система, состоящая из двух элементов, обладающих свойствами и субъекта, и объекта: производства и потребления, которые не что иное, как борьба противоположностей. Таким образом, человеческое хозяйство — это система в виде диполя из производства и потребления, которые никогда не уничтожают друг друга, не сливаются и не разбегаются, но периодически и поочередно пульсируют протуберанцами новаций, усовершенствующими одну из противоположностей и удерживающими систему в метастабильном равновесии. А человеческое хозяйствование — это постоянная модернизация и производства, и потребления.

Принимая посылку метастабильного равновесия производства и потребления, можно предположить, что одной из целей человеческого хозяйствования и является удержание этого равновесия, поскольку в противном случае человеческое хозяйство разрушится, исчезнет — в истории примеров тому предостаточно.

Из политэкономии известно, что производительные силы традиционно опережали производственные отношения, которые всегда выступали в роли догоняющей стороны и подстраивались под новые возможности производства, а когда не успевали это сделать, возникали различные катаклизмы. В настоящий период развития перманентный конфликт производства и потребления перешел в новую стадию противоборства с мощным деферентом в сторону производства. Производительные силы сделали подряд несколько рывков, а производственные отношения не успели адаптироваться к новым достижениям, в результате чего производительные силы настолько опередили производственные отношения, что могут если и не совсем игнорировать законы общественного развития, то уж точно сводить их роль к формальному толкованию. Разработаны, внедрены и непрерывно совершенствуются новые средства производства, которые создают не только новые технологии производства общественного продукта, но и вообще принципиально новые продукты, формируются новые инструменты управления хозяйственными процессами, совсем неадекватные потреблению. Современные производительные силы в состоянии регулировать технические, финансовые, социальные, духовные и другие процедуры управления человеческим хозяйством и способны контролировать практически все хозяйственные процессы, за исключением человеческого целеполагания и жизнеотправления.

Такие деформации происходили в разные времена, и последний, если и не аналогичный, но близкий по остроте дисбаланс, значительно менее мощный, происходил в начале прошлого века и закончился серией саморегулирующих и прогнозируемых войн и революций, которые хотя и вписывались в политэкономия Маркса, но понимания этим процессам не давали. Хотя уже в тот период у некоторых исследователей стали возникать сомнения в способности теории Маркса дать объяснения происходящему. Интересно, что перед каскадом этих войн и революций С.Н. Булгаков, бывший марксист, стал понимать опасность практического применения марксизма в России, попытался обозначить проблему дальнейшего развития человеческого хозяйства и представил ее на обсуждение в своей работе «Философия хозяйства» [1]. Его мысли, сказанные сто лет назад: «Мы живем в эпоху обостренной экономической рефлексии, напряженного и утонченного экономического самосознания, когда вопросы экономического бытия властно заняли в мысли и чувстве одно из первых мест. Объяснения этому явлению нужно искать, разумеется, не в одном только обострении общего самосознания или саморефлексии, которое наше время вообще отличает, но и в событиях экономической жизни, в непомерном ускорении ее темпа и колоссальном развитии хозяйства», и сегодня представляются слишком революционными по отношению к традиционным теориям. Еще тогда Булгаков понял, что именно «колоссальное развитие хозяйства» может привести в ближайшее время к апокалипсису, причем был настолько в этом уверен, что даже принял церковный сан. Но, как видно, апокалипсис не случился, но мир протрясли революции и войны, и экономика изменилась, деформации сбалансировались, философия хозяйства дала мощный толчок развитию экономической теории, но вскоре И.В. Сталин лично запретил распространять знания о философии хозяйства, и экономическая теория в СССР исчезла.

В настоящий период, сто лет спустя, в человеческом хозяйстве сформировался очередной дисбаланс, производственные силы сделали колоссальный рывок в своем развитии: созданы и создаются с постоянным расширением совершенно новые технологии, способные производить не только привычные нам продукты, но и неизвестные ранее, с непонятной перспективой потребления. Продуктом хозяйственной деятельности человека становятся и технологии производства материального продукта потребления, и технологии производства нематериального, духовного, культурного, имманентного и трансцендентального продукта, к потреблению которого современное общество не готово, хотя и понимает его присутствие и потому прячется за церковными обрядами и ритуалами.

Современный конфликт производства и потребления формирует проблему, которая уже не может разрешиться простым саморегулированием, не поддается прогнозированию, не вписывается в рамки современных теорий хозяйствования и формирует более мощный, в сравнении с предыдущими, социальный взрыв. Это обуславливается ускоренным развитием производительных сил, имеющих гораздо более мощную энергетику и кинематику индустриального развития. Простым набором локальных войн и революций эту угрозу сбалансировать не удастся и правомочно констатировать, что современные, условно, локальные конфликты и кризисы носят не случайный, бессистемный характер, а являются реакцией человеческой массы на деформацию отношений между производством и потреблением, т. е. продуктом производства. Производительные силы уже создали новые средства производства и новые продукты, а производственные отношения по разным причинам не смогли их принять и усвоить, а производительные силы создают уже новые продукты. Произошло перепроизводство продукта в новом виде и нового типа, произведено много чего такого, что современное потребление потратить не готово, а, как известно, непотребленный произведенный продукт неизбежно из блага превращается во зло, а это современные экономические концепты уже принимать отказываются, поскольку это уже метафизика. Хотя, справедливости ради, следует заметить, что объяснить происходящее с позиций представлений современной экономической теории и даже философии не так уж и просто.

Выстраивается, и уже в значительной степени выстроена, новая структура хозяйствования, которая не стремится сбалансировать борющиеся стороны, а, наоборот, удерживает сформировавшуюся деформацию в противоборствующей системе. Человек настолько увлекся совершенствованием производительных сил, что стал не просто покорителем природы, а демиургом, стал творить собственную природу, но при этом не может выйти за границы своего вчерашнего бытия. Человек творит свой новый мир, новую природу, конкурируя с Природой — с Богом, но при этом в окружающем пространстве ведет себя не как Бог, а как разжиревший раб. Человек не может и не хочет привести производство в соответствие с производственными отношениями, усложняя само человеческое бытие и провоцируя еще большее обострение и так уже гиперболизированного конфликта производства и потребления.

Для восстановления разрушенного равновесия противоборствующих сторон требуются новые теоретические подходы и новые знания, нужны более углубленные исследования природы самой проблемы и ее составляющих.

Принимая посылку, что человеческое хозяйство, по большому счету, это сбалансированная система, в которой взаимодействуют два глобальных антагонистических противоречия — производство и потребление — можно проследить интересную, часто ускользающую от внимания исследователя, деталь.

Производство и потребление являются основой человеческого хозяйства. Ни человеку, ни человечеству не дано ни знание, ни понимание своего предназначения, но и человек и человечество при этом всегда ведут свое хозяйство, и человечество выживает и размножается. Главным критерием эффективности человеческого хозяйствования всегда было выживание — если хозяйствование эффективно, то общество или сообщество выживает, а если нет, то оставляет только артефакты своего существования. Можно предположить, что одной из базовых целей природного целеполагания и жизнеотправления человечества является выживание через свое хозяйство, хозяйствование. Глобально человечество всегда выживало, причем с расширенным воспроизводством, что позволяет с высокой вероятностью предполагать, что выживет и на этом отрезке времени, несмотря на нагромождение, казалось бы, неразрешимых кризисов различной масштабности.

Выживая, человечество постоянно совершенствует и расширяет ряд хозяйственных задач в двух направлениях: в производстве, т. е. производит продукт жизнедеятельности и совершенствует средства производства; и в потреблении, т. е. потребляет произведенный продукт жизнедеятельности и совершенствует производственные отношения.

Все остальные хозяйственные задачи сосредоточиваются в формате задач производства и распределения (потребления) и формируют сферы производства, совершенствуя средства производства через технологии производства продукта жизнедеятельности, и сферы потребления, совершенствуя производственные отношения через системы распределения.

Экономические теории изучают опыт обоих направлений хозяйства и формируют рекомендации или законы развития хозяйственных отношений, которые с разной степенью точности можно было называть сбалансированными.

Но в данный период развития задача создания сбалансированной системы осложняется слишком большим отставанием производственных отношений, что ведет к изменению всей картины человеческого бытия. Традиционно картина человеческого хозяйства выглядела так: во всех эпохах в потреблении всегда участвовали все представители сообщества (человечества), а в производстве участвовал ограниченный контингент населения, но к распределению произведенного продукта всегда допускались только те участники производства, кто входил в

управленческую элиту. В эпоху Премодерна, Модерна и даже в раннем Постмодерне сферы производства традиционно требовали большего числа участников, производство было общественным. В современной фазе Постмодерна созданы технологии, которые стали вытеснять работников («лишних» людей), производящих материальные ценности, из производственной сферы, и сегодня для обеспечения стабильного производства достаточно около 10% от всей человеческой массы. Озвучиваются проекты искусственного дифференцирования мирового сообщества, и это не только деление на «золотой миллиард» и прочих «лишних» людей. Сейчас ведется реконструкция национальных хозяйств, обществ и сообществ, запущены процессы деклассирования вниз, начиная от так называемого среднего слоя, и создания классовой управляющей элиты вверх. Ситуация, хорошо обыгранная фантастами и плохо проработанная экономистами и социологами. Такая дифференциализация создает реальную угрозу и мировому, и национальным хозяйствам другого уровня: сокращение человеческой массы приведет к сокращению почвы для формирования научной и культурной элиты, что, в конце концов, приведет к разрушению христианской цивилизации.

Такие процессы уже идут и в Европе, и у нас в России: Европу осваивает арабский мир, Россию — Китай, а события в Северной Африке — это только прелюдия к новому кризису. В США ситуация смягчается только за счет селекционной миграции, но это временная отсрочка, которая не продлится более 20 лет.

Перед человечеством вообще и перед учеными в частности ставится достаточно амбициозная задача — понять смысл происходящего в человеческом хозяйстве, что можно сделать через понимание жизнеотправления и целеполагания человека и человечества, поскольку от этого понимания на современном уровне развития зависит перспектива развития человеческой цивилизации вообще. Отдельному человеку и человечеству не дано понимание стратегии своего развития, задуманного природой, но человека интересуют перспективы бытия в обозримых отрезках времени. Современная перспектива просматривается весьма пессимистичной: если в нас не врежется комета, не поглотит черная дыра, не изменится ось вращения Земли, не разразится техногенная катастрофа, то все зачистит ядерная или еще какая-нибудь война. Однако серьезные исследования показывают, что в ближайшие двести лет природный апокалипсис не произойдет, да и техногенный если и будет, то не в этом веке, а вот угроза социально-экономического коллапса весьма вероятна, причем в самое ближайшее время. Но именно эту угрозу, происходящую из самого человеческого хозяйства, можно и предупредить, и предотвратить, если подобрать

соответствующие инструменты, которых не предлагают современные и традиционные экономические теории.

Таким стабилизирующим инструментом на данных отрезках времени и пространства может выступить философия хозяйства, которая дает иное представление о реальности и раскрывает иные горизонты развития человеческого хозяйства. Философия хозяйства в трактовке Ю.М. Осипова может рассматриваться как новое знание, которое, как матрица, способно представить экономику сегодняшнего и завтрашнего дня и позволить сбалансировать, выстроить и урегулировать основные противоречия человеческого хозяйства: производство и потребление. Философия хозяйства дает возможность найти иные ответы на многие вызовы, на которые не дают ответы традиционные экономические учения.

Литература

1. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990.
2. Осипов Ю.М. Экономическая теория на пороге XXI в.—3: Экономическая цивилизация и научная экономия / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2000.
3. Жуликов П.П. Философия хозяйства. Взгляд со стороны // Философия хозяйства. 2010. № 1.

О.В. ДОБРОЧЕЕВ

Масштабы участия России во всемирной гонке научных исследований (глобальной инновационной волне), или От «призрака коммунизма» ко «всемирному человеку»

Аннотация. В статье обсуждаются высокие цели мирового и российского развития в форме создания либо «искусственного разума» либо «искусственной Земли» и социально-экономические условия их достижения.

Ключевые слова: гонка научных исследований, «искусственный разум», «искусственная Земля», социальная турбулентность.

Abstract. The article discusses the lofty goals of world and Russian development through the creation of «artificial intelligence» or «artificial earth» and socio-economic conditions of their achievement.

Keywords: race research, «artificial intelligence», «artificial earth», the social turbulence.

Президент США Обама в своем ежегодном послании конгрессу 25 января 2011 г. заявил: «Полвека назад, когда Советы победили нас в космосе, запустив свой спутник, мы и не думали, что победим их в лунной программе... Тогда даже НАСА не существовала. Но после инвестиций в науку и образование мы не только обошли СССР, но подняли волну инноваций, которая создала новую промышленность и миллионы рабочих мест... Сейчас у нашего поколения такой же “момент Спутника”».

В России же, на исторической родине «спутника» сегодня его новую версию не только не запустили, но еще и не спроектировали.

Так что американцам не позавидуешь — стране срочно нужен мощный стимул обновления (желательно в форме готового и испытанного образца), а его нет.

Как это не покажется странным, но то, что стимул нового витка развития американской экономики не появился вовремя в хорошо известном им месте — России, это, конечно, наша недоработка! Ибо в мировом (ныне глобальном) разделении труда нам в последнюю сотню-другую лет была отведена роль первопроходца, кто бы и что бы по этому поводу ни «думал» и ни говорил. Достаточно в этой связи заметить, что два крупнейших в XX столетии глобальных проекта человечества были реализованы именно на российской земле. Речь идет в первую очередь о полномасштабном воплощении в жизнь «призрака коммунизма», который, как было написано в «Манифесте коммунистической партии», лишь забрезжил в Европе в 1848 г. Всего же через 100 с небольшим лет после полномасштабных испытаний в коллективизации, Второй мировой войне, целине и космосе мы не только оживили этот плод научной фантазии, но и конституировали его в виде «советского человека». История еще успеет дать свою окончательную оценку этому глобальному социальному эксперименту, пока же просто отметим, что «призрак коммунизма» через 100 лет приобрел плоть и кровь именно в России, полностью перекроив при этом политическую карту мира и социальные устои человечества.

Та же история случилась и с никогда не существовавшим на земле феноменом космонавта, которого лишь в неявной форме пассажира межпланетного пушечного ядра выдумал в Европе в 1865 г. Жюль Верн.

И это не говоря уже о первом искусственном спутнике Земли, полностью придуманном и испытанном в России, новой версии которого так вожделяют сегодня американцы.

Конечно, только весьма наивные люди могут думать, что такого рода глобальные проекты могли быть реализованы без участия рос-

сийского гения в лице Менделеева, Кондратьева, Циолковского и многих других — от Толстого и Ульянова до советского учителя и космонавта.

Поэтому американцы вполне обоснованно обращают свой взор на Россию в поисках новых ориентиров глобального развития. Поскольку и сегодня, и в обозримом будущем это ее зона ответственности на космическом корабле под названием «Земля».

То, что Россия в последние столетия стала на Земле «местом силы» (термин О.В. Давыдова), неудивительно, поскольку географическое положение социального полюса планеты постоянно менялось по мере «взросления» человечества, систематически смещаясь из южных широт в северные. Величайшие цивилизации древности зародились чуть севернее экватора в Египте, Вавилоне, Индии, Китае. Позже положение центра всемирной социальной силы сместилось в Центральную и Северо-Восточную Азию. Затем лидерство перешло к совсем уже холодной Европе. Ну а в XX в., как мы видим, сместилось в сторону России. И это совершенно естественно, поскольку полюс холода на Земле — поселок Оймякон — находится в России.

Дальше за нами ледяной космос, куда после советского «спутника» устремлены все взоры человечества. Недаром наш великий соотечественник А. Чижевский, намекая на пути эволюции человечества, назвал Землю, на которой он родился, «берегом вселенной». Поэтому России сегодня срочно нужно создание нового «спутника» — а точнее, нового научно обоснованного «образа» космического будущего, необходимого человеку XXI в. И не только для удовлетворения острой жизненной необходимости американцев — это в первую очередь нужно для нас самих. А если быть точным, то это нужно для всего человечества, переживающего невиданный ранее «глобальный» кризис, связанный с полномасштабным освоением Земли, поскольку выходы из тупиков эволюции люди всегда находили только в новых знаниях о себе, природе и космосе.

От докризисной к посткризисной модели развития России

Мировой финансовый кризис, совершенно неожиданно для российской элиты глубоко поразивший национальную экономику в 2008—2009 гг. и породивший в отношениях с Грузией невероятный для нашей истории военно-политический кризис, заставил многих в России задуматься о реальном (а не «СМИшном») образе нашей страны и ее будущем. А по сути — о новом социальном проекте для России.

Первой попыткой элиты сформулировать «образ желаемого будущего» стал доклад ИНСОР, опубликованный в феврале 2010 г.

В январе 2011 г. Примаков в своей статье отметил, что первая попытка лихорадочного поиска в верхних эшелонах власти адекватной времени и месту России модели развития успехом не увенчалась. Российской политической и экономической элите стало понятно, что и Запад сегодня органически не способен предложить миру сколько-нибудь конструктивную модель мирового экономического, не говоря уже о политическом, развитии. (Бжезинский еще в начале 2000-х гг. достаточно откровенно писал о непонимании, что делать после победы над СССР, а об интеллектуальной скудости западной стратегической мысли свидетельствуют два ее самых известных тупиковых, по сути, сценария глобального развития: «пределов роста» Римского клуба 1970-х гг. и катастрофического потепления А. Гора 2000-х.)

Е. Примаков при этом считает, что в поисках и новых ориентиров, и политического консенсуса нужно полагаться, прежде всего, на свои интеллектуальные силы, сколь скудными они бы ни были. В его статье об этом говорится в том смысле, что нужно, прежде всего, многократно увеличить финансирование научных исследований.

По нашему же мнению, в своекорыстно организованной экономике, в том числе и экономике знаний, проку от этого будет мало. (Но «мало» все же лучше, чем ничего.) Потому что научные работы эффективны настолько, насколько они адекватны высоким целям развития общества. Причем в степени, которая намного превосходит связь посылов с результатами в любой другой полезной деятельности человека. Таким образом, круг замкнулся.

Нам нужны высокие общенациональные ориентиры социального и экономического развития, но мы не можем их сформулировать имеющимися научными силами и средствами, поскольку их эффективность прямо пропорциональна их целеустремленности.

Выход из этого круга известен: необходимо обратиться к социальным ориентирам более высоко порядка общности. К тем из них, которые связаны со смыслом существования современного человека и его сверхдолгосрочными устремлениями.

Новые рубежи развития человечества

Первым шагом на этом пути является понимание феномена современного человека: что он из себя представляет? и каковы его оптимистические перспективы в будущем?

По нашему мнению, ответ на этот вопрос совершенно нетривиален, поскольку в конце XX в. на Земле незаметно для многих на смену «человеку разумному» пришел новый, никогда не существовавший ранее «человек глобальный». Его первой версией стали космонавты, а второй — люди бизнеса и политики, жизнь и деятельность которых

стала протекать практически на всем земном шаре в целом, а не в отдельно взятой стране или деревне, как это было еще сравнительно недавно во времена наших дедушек и бабушек.

Только после ясного понимания, что же представляет собой этот новый «глобальный», или «всемирный», человек и каковы его исторические перспективы, можно понять цели российского человека XXI в. и сформулировать долгосрочные задачи национального хозяйства. Поскольку в абстрактной форме производства товаров, без относительно человека, которому они адресованы, хозяйство, единственный смысл существования которого состоит в обеспечении жизни и деятельности человека, никому не нужно.

К настоящему времени в мире вызрело несколько научно обоснованных, насколько это возможно, оптимистических представлений об удаленном лет на 100 вперед будущем человечества.

С одной стороны, это уже отмеченные высокими научными премиями «ереси», как их называет Фримен Дайсон, связанные с созданием в космосе вокруг Солнца рукотворной сферы расселения человечества, массового проектирования живых организмов на Земле и полного ядерного разоружения.

С другой стороны, опубликованная в 1990-х гг. гипотеза автора о проектировании и воссоздании в различных уголках космоса «искусственного человека», полностью интеллектуально совместимого с земным человеком и способного к самовоспроизводству в разнообразных космических условиях.

Обе эти перспективы, казавшиеся в XX в. бесконечно удаленными, по мере становления «всемирного человека» стали приобретать совершенно иное значение. Сегодня, за неимением иных глобальных ориентиров, именно они становятся стратегическими целями нового сверхдлинного, или глобального, цикла развития человечества, такого же неповторимого и значимого для истории, как и предыдущий цикл, инициированный в середине XIX в. фантастическими для своего времени идеями Ж. Верна, Маркса, Дарвина и Больцмана и закончившийся их полномасштабной реализацией во второй половине XX в.

Сопоставляя между собой два последних космических проекта будущего, следует заметить, что создание «искусственного разума» вместо той или иной формы «искусственной Земли» при сравнимых интеллектуальных усилиях требует много меньших материальных ресурсов. Однако одновременно со вторым космическим проектом и в качестве базы для его реализации необходима сотовая кластеризация мирового хозяйства и конституционализация «всемирного» человека.

Таким образом, даже не рассматривая полную выборку проектов будущего, можно заметить, что к началу масштабного развертывания

глобального кризиса 2000-х гг., а по сути всего XXI в., сверхвысокие цели развития человечества оказались, как это регулярно и ранее случалось в истории, сформулированы — хотя и в очень абстрактной форме.

Дело осталось «за малым» — за их реализацией.

В той формулировке, в которой в настоящее время изложены пути развития человечества, они, конечно, абсолютно фантастичны. По крайней мере, потому что сегодня нет необходимых технологий для их реализации и даже не сделаны некоторые критически важные научные открытия, проектные разработки и инженерные решения. Это, однако, совсем не означает, что новые «научные ереси» не могут быть осуществлены, просто для их претворения в жизнь необходимо время, сопоставимое с жизнью нескольких поколений людей, как это было, например, с реализацией фантазий Жюль Верна о полете человека на Луну.

История свидетельствует, что от момента опубликования его романа «С Земли на Луну» в 1865 г. до высадки человека на эту планету в 1969 г. прошло ровно 104 года. И это не смотря на то, что ко времени публикаций фантазий Ж. Верна была создана лишь классическая механика Ньютона, которая лишь в принципе позволяла рассчитать траекторию полета на Луну, не было вычислительной техники и даже радиосвязи, не говоря уже о современной химии и металлургии. И за 104 года человечество, не имея ничего, кроме открытий Ньютона и увлекательной идеи Ж. Верна, успело все это придумать, создать, и испытать. (А помимо этого, пережить еще два катастрофических события, связанных с Первой и Второй мировыми войнами, и оседлать атомную энергию.)

И это далеко не уникальный случай в истории. Подобное произошло в Англии, когда через 107 лет после изобретения Т. Ньютоном в 1718 г. паровой машины в 1825 г. в стране начала действовать первая железная дорога. (А еще ранее в 1492 г., «всего» через 91 год после изобретения Каравеллы, была открыта Америка.)

Аналогичный по продолжительности период отделяет фантастическую идею Маркса и Энгельса о «призраке коммунизма», который в 1848 г. «бродил по Европе», от построения в СССР в 1964 г. «развитого социализма» и конституции «советского человека».

Так, что появление в 1999 г. даже весьма слабого научного основания в виде принципиального физического решения задачи о природе материального носителя разума и турбулентном механизме его «работы» может оказаться стартовой площадкой для того, чтобы глобальный цикл социальной эволюции, инициированный в середине XIX в. великими умами человечества, не оказался последним. И чтобы на-

чавшийся в конце XX в. цикл человека «глобального», или «всемирного», породил к 2103 г. новый феномен — «человека вселенского».

Реальные шаги на пути к фантастическому будущему

Опыт предшествующих глобальных 140-летних социальных циклов говорит, что не позже, чем через 18 лет после возникновения новых «глобальных» идей, начинается их детальная интеллектуальная проработка, которая продолжается не менее 17 лет. Так что не удивительно, что сегодня, через 16 лет после интеллектуального всплеска в середине 1990-х, вслед за окончанием великого социалистического эксперимента и освоения ближайшего космоса, во многих странах мира от Европы до Китая и Индии резко увеличены бюджетные ассигнования на научные исследования. Даже краткий экскурс в историю говорит, что сегодня это не то, что веяние времени, а достаточно жесткая историческая необходимость.

Что касается масштабов участия России в новой всемирной «гонке научных исследований», или новой инновационной волне, по западной терминологии, то ситуация здесь тоже довольно определенная. Наша страна на рубеже тысячелетий, как ранее Индия, ЕС, а до них Китай, тоже начала новый виток своей экономической и одновременно политической истории, который подразумевает новые рубежи развития. По сути именно об этом и говорят оценки ситуации: Примакова — об исчерпании «докризисной модели» развития страны, Путина — об окончании «переходного» экономического периода и Медведева — о необходимости нового «образа желаемого будущего».

О том же по сути, а именно, о необходимости новой волны развития и для США заявил Б. Обама. И уж если Обама заговорил о том, что «сейчас у нашего поколения такой же “момент Спутника”», то как же нам в России не обращать внимание на это космическое, можно сказать, обстоятельство?

Думается, что Обама не случайно заговорил именно о советском (или российском в историческом смысле) спутнике как отличительной особенности нашего космического времени, а не об американском атомном проекте или лунной программе. Связано это с тем, что реальным, а не «СМИшным» лидером в мировой «интеллектуальной гонке» продолжает оставаться, как и 60 и 80 лет назад, наша страна. И не только потому, что выходцы из России занимают ведущие позиции и в «Силиконовой долине», и в элитном интеллектуальном Институте «Санта-Фе», получают Нобелевские премии по физике, а известные западные ученые приезжают в Россию узнать, что нового после Колмогорова мы сделали по теории турбулентности. А потому что именно России в последнюю сотню лет выпала тяжелая ноша искать выходы из глобальных тупиков социальной эволюции.

Поэтому «крайне необходимой», как ее называет Е. Примаков, нашей национальной задачей действительно становится создание «идеологической надстройки над нашим обществом». Обращение к отечественной истории говорит, что по сути это означает вначале поиск оптимистической перспективы развития всего человечества, а затем пионерская попытка ее реализация на 1/6 части суши.

Первым шагом на этом пути становится полномасштабная научная проработка проекта новой России XXI в. В силу особенностей переживаемого критического момента всемирной истории она должна включать в себя широчайший круг проблем, начиная с описания новой картины мира и заканчивая детальной проработкой системных и хозяйственных вопросов реализации нового социального проекта.

Таким образом, необходимо, как это случалось не однажды в российской истории и во времена Петра I и Екатерины II и 80 лет назад, когда возникла идея «ноосферы», формулирование новой картины мира, создание принципиально новой комиссии по естественным производительным силам, проектирование новой административной и политической структуры страны и т. д. Огромная работа эта не может быть краткосрочной. На ее реализацию потребуется не менее десятилетия, поэтому она должна быть начата в самое ближайшее время.

Предугадывать заранее, открытие каких новых «атомных энергий» совершат за это время ученые и естествоиспытатели, дело не только не благодарное, но и не научное. Детально заглядывать в будущее мы можем только до следующей точки ветвления мирового исторического пути. А первая из них, по нашим и некоторым другим оценкам, придется на 2015—2019 гг. Именно на эту глубину и могут строиться реалистичные народнохозяйственные планы. А далее, как учил российский академик Бернулли, следуют «интервальным» методом лишь оценивать постоянно уточняемые стратегические ориентиры мирового и национального развития на 15—20 лет вперед. Постоянно при этом имея в виду, что к концу XXI в. на Земле необходимо завершить проект «всемирного человека» и запустить проект «вселенского человека».

Таким методом последовательных приближений и необходимых в ряде случаев итераций мы и сможем устойчиво продвинуться к достижению естественных стратегических целей развития России, поскольку новый глобальный мир и новую Россию придется строить, как всегда это и происходило, на ходу детально просчитывая оперативную перспективу и устремляя свой интеллектуальный взор в бесконечно удаленное, как кажется многим, но совершенно определенное время, отстоящее от нашего времени в соответствии с сегодняшними открытиями глобальной цикличности всего лишь на 90—100 лет вперед.

А.К. СКАЛЕНКО

Трансформационная глобалистика мира — XXI

Мы можем столько, сколько знаем.

Ф. Бэкон

Аннотация. С учетом наиболее острых проблем современной жизни в представленной работе общесистемно (глобальносистемно) рассмотрены неотвратимо проявленные, наиболее влиятельные для развития реалии и тенденции — интенсивная информатизация и глобализация мировых процессов.

Установлены фундаментальные взаимосвязи этих феноменов, позитивы и негативы их влияния в процессах управления социально-экономическими системами, а также разработана *глобальная системо-информационная методология* деятельности и цивилизационного развития мира в XXI в.

Ключевые слова: цивилизация, информатизация, глобализация, интеграция, методология, деятельность, развитие, управление.

Abstract. In view of the most acute problems of modern life in the present study system-wide (global-system) were considered inevitable shown, the most influential for the development of the realities and tendencies — intensive informatization and globalization of world processes.

Established the fundamental relationship between these phenomena, positives and negatives of their influence in the processes of socio-economic systems management, and developed a *global system-information methodology* of activity and civilizational development of the world in XXI c.

Keywords: civilization, informatization, globalization, integration, methodology, activity, development, management.

Используя символы, буквы и числа, человечество осознало цикличность и интенсивность влияния явлений природы на свою жизнь, научилось применять эти знания и передавать их грядущим поколениям, фактически положив этим начало своей цивилизационной истории [1].

Вполне закономерным является тот факт, что именно эти общесистемные мысли гениального биогеохимика, фундатора ноосферного мышления, глобалиста № 1 современной мировой истории академика В.И. Вернадского сориентировали автора данной статьи на углубленно-целостные исследования проблем развития мира — XXI. Итак, автор просит вместе с ним обратить внимание на наиболее системно острые проблемы нашей жизни.

С точки зрения глобализационно-цивилизационного подхода современный мир чрезмерно, по некоторым параметрам даже катастрофически, напряжен дезинтеграционными эффектами. Сегодня мы наблюдаем, что тем или иным образом разделены люди, страны, религии, культуры, политика, труд и науки.

Скрытая, но глобально мощная опасность для жизни и развития таится в том, что все это происходит в условиях космически действенного фундаментального закона единства мира и объективной нерушимости законов природы. Что же это — закономерная противоречивость мира или человеческий парадокс? И как избежать опасности?

Несмотря на то, что негативные последствия этой напряженности реально проявляются в самых различных формах, в том числе в формах распада сверхдержав и жесточайшего терроризма, общесистемные причины этих феноменов далеко не всегда очевидны. На почве дефицита знаний о сущностных причинах глобальной дезинтеграции сегодня в мире сформировалось мировоззрение, чаще всего называемое *пределы роста*, или *мальтузианско-апокалиптическое*.

Общесистемное рассмотрение основных факторов, глобально влияющих на современную жизнь, особенно на геополитику и геоэкономику, позволило автору этой статьи вскрыть ряд фундаментальных, ранее четко не осознаваемых транспсихоинформационных эффектов, феноменов и закономерностей, знание которых предоставляет возможности их учета в организации жизненных процессов, более оптимистически оценивать перспективы жизни, развития мировой экономики и общецивилизационного движения в более безопасном режиме.

Внимательно присматриваясь к реальным событиям и прислушиваясь к политическим и парapolитическим разговорам в современном мире, нетрудно заметить доминанту сюжетов о так называемой *глобализации*. Больше всего такие разговоры распространены в сфере социально-экономической проблематики, особенно в попытках научного осмысления феномена глобализации, а также непосредственно в процессах международных отношений. Такая ситуация, на первый взгляд, представляется вполне понятной. Ведь на уровне конкретного проявления в последние десятилетия мы наблюдаем фактически планетарные, т. е. охватывающие весь земной шар процессы и эффекты невиданного ранее взаимовлияния различных людей, стран и народов практически во всех сферах мировой жизни.

Но, несмотря на очевидность и существенную ощутимость эффектов глобализации, уже, кстати, аналитически зафиксированных множественностью авторов в различной литературе (см., напр.: [1—10]), реальная ситуация показывает, что сегодня все же чрезвычайно остро встал во-

прос всестороннего, научно более тщательного рассмотрения этого феномена с целью соответственно более глубокого проникновения в его сущность. Реальная ситуация также показывает, что решение этого вопроса является жизненно необходимой потребностью всего мира, всех его регионов и государств [11].

Представляется, что исторически первичными и глобально впечатляющими эффектами для человечества, наверное, были стихийные катастрофы планетарных масштабов, например, наступление ледников или печально известный всемирный потоп. А уже в наш период истории можно назвать глобальными первую, вторую и «холодную» (*идеологическую*, а на самом деле *информационную*) мировые войны, а также так называемую индустриализацию и интенсивное использование развитыми странами технологий с чрезвычайно опасным уровнем риска — химических и ядерных. Это привело к глобально ощутимой деформации окружающей среды, значительному ухудшению социально-психологического состояния людей и общечеловеческих отношений.

Далее присматриваясь к реалиям, нельзя не обратить внимание и на существенно негативную закономерность мирового развития, проявляющуюся в политически, социально и гуманитарно опасном характере практически никогда не исчезающих с лица земли экономических кризисов. Причем, как показывает жизнь, от таких кризисов не застрахованы ни развитые, ни развивающиеся страны и регионы. Показательным в этом отношении является тот факт, что сегодня из 6 млрд. населения планеты примерно 1 млрд. людей живут менее чем на 1—2 дол. в день. И это при том, что 1 млрд. землян назван «золотым». Более половины стран мира фактически постоянно находятся на грани выживания или же в состоянии социально-экономического кризиса. Поразительными являются факты наличия в отдельных странах чудовищной пропасти между уровнями жизни кучки богатых и большинства бедного населения. Удивляет также факт господствующей бедности в государствах, располагающих нередко уникальными по качеству и количеству человеческими, природными и другими ресурсными возможностями [10].

В этой связи уместно напомнить о политически саморазрушительном экономическом кризисе еще в советском пространстве. А постсоветские страны, в том числе и молодые наши государства, вот уже длительное время находятся в так называемом переходном состоянии, которое, как известно, «требует жертв». Поэтому, преследуя в дальнейшем цель более глубокого проникновения в сущность процессов глобализации, которая, по нашему мнению, оказывает могущественное влияние на организацию социально-экономической жизни в переходных обществах и развивающихся странах, мы считаем своим долгом

хотя бы в общем излагать разработанную нами системно-информационную методологию деятельности и развития в современных условиях, требующих интеграционного подхода. И в связи с этим мы обратим особое внимание еще на один, по нашему мнению, весьма существенный феномен конца XX — начала XXI в. — *интенсивную информатизацию* мировой жизни. Предварительно отметим, что в результате наших общесистемных исследований стало ясно — этот феномен фактически непосредственно связан с человеческой психикой и глобализационными процессами, а также с интеграционными и дезинтеграционными эффектами во всех сферах жизни, причем в приоритетно-стратегическом отношении [11]. Это обязывает нас рассматривать поставленные проблемы по возможности максимально глубоко, чрезвычайно тщательно и осторожно, необходимо учитывая и соблюдая при этом процессуальные общесистемные связи.

Некоторым образом обобщая изложенное, зафиксируем, что вторая половина XX в. — это не только апогей так называемой научно-технической, т. е. глобальной индустриальной революции, но и период непосредственного осознания людьми планетарно-системной обратной связи, которая кроме успехов *технологизации* со всей очевидностью обозначила ее глобально негативные последствия в *экологической* сфере. И, принципиально говоря, не только в традиционном понимании этой сферы. Ведь сегодня мы уже почти убедились в том, что вопросы этики, нравственности, правосознания и морали как ключевые показатели психического здоровья людей, а также идеолого-методологическую ориентацию общественного развития необходимо отнести к сфере жизненно важной экологии.

Целенаправленно продвигаясь к пониманию глубинной сущности глобализационных волн, с определенной долей образности можно сказать, что они напоминают новейший вариант «всемирного потопа». И, наверное, уже нет на нашей планете людей, которые в той или иной мере не ощутили бы толчков глобализации и некоторым образом на них не среагировали. Например, даже типичный представитель классического капитализма Дж. Сорос в достаточно откровенной аналитической форме озабоченно рассуждает о «кризисе глобального капитализма» [12].

С другой стороны, планетарно ощутимой реакцией на этот «потоп» стали, так сказать, «глобально массовые» выступления антиглобалистов. Сообщения об этих акциях говорят о том, что о сущности и смысле этих выступлений, наверное, не имеют должного представления и сами протестующие, потому что принимают во внимание лишь «негативную» сторону процессов глобализации.

Однако, исходя из актуально новопроявленных реалий и тенденций мирового процесса, следует прямо сказать, что сегодня уже очень остро ощущается потребность как-то упорядочить существующие представления о феномене глобализации, осознать ее сущность, проследить истоки и формы протекания глобализационных волн в конкретных условиях общемирового, регионального и национального развития. Разумеется, все это необходимо сделать с целью разработки оптимальных принципов деятельности, технологического и экономического поведения и самоуправления развитием в исторически новейшей ситуации.

К сожалению, практически все варианты анализа феномена глобализации привязываются авторами только лишь к планетарности или к географическому распространению тех или иных явлений и процессов на всю или значительную часть земного шара. Ортодоксально «убеждающая солидность» в таком анализе, как правило, обеспечивается использованием статистических данных различного, нередко сомнительного, происхождения. Но сама сущность феномена глобализации при этом остается на обочине процессов познания.

Таким образом, очень хорошо в практическом плане ощущая и прослеживая различные явления *императивного глобализационного* процесса, авторы такого аналитического рассмотрения фиксируют только лишь маршруты его распространения и, в лучшем случае, события как следствия на уровне явлений, а не глубинной сущности. Следовательно, результаты такого рассмотрения не предоставляют и не могут нам предоставить возможности определения закономерностей развития процессов глобализации, ее истоков, а также характера влияния на мировую жизнь с целью более полного учета и использования этого фактора в творческой деятельности, в решении проблем построения более эффективных и более безопасных социально-экономических систем, более совершенных международных и межчеловеческих отношений.

Результаты наших общесистемных исследований феномена глобализации показывают, что ее фундаментальная сущность свидетельствует не просто о некоторой всеобщности, а об универсальной закономерности объективного характера, следовательно, об абсолютно нерушимой, т. е. необходимой, всеобщности, которую надо лишь научно осознать, учитывать, неуклонно соблюдать и практически использовать. Но, откровенно говоря, весьма удивительным при этом выглядит молчание философов как общепризнанных методологов в проблематике развития. Попытки всегда активных прагматиков осмыслить эти процессы с философской точки зрения, как правило, лишь загоняют вглубь эту методологически важную проблематику. В результате мы

имеем некую «кашу», порождающую в свою очередь, *дезинтегрирующую*, т. е. *кризисообразующую концептуальную* путаницу. Понятно, что такая ситуация чрезвычайно неблагоприятна и, можно сказать, особенно опасна для обществ переходного состояния и развивающихся стран.

Внимательно прослеживая ведущие тенденции реального мирового развития и учитывая классическую мысль о том, что конкретные потребности развития продвигают вперед науку больше, чем десятки университетов, мы уже можем зафиксировать *фундаментальную, общесистемно органичную связь процессов глобализации с феноменом интенсивной информатизации* мира, которая проявилась преимущественно в виде различных информационно насыщенных технологий — компьютеризации, интернетовской, сотово-мобильной, факсимильной и других форм электронной связи. Глобально ощутимой в экономической сфере оказалась информационно-электронная форма торговых отношений на мировом рынке, а также форма трансинформационно ускоренных финансово-денежных потоков, о влиянии которых на мирохозяйственную жизнь сказано уже предостаточно. Но социально наиважнейшей функцией *информатизации* все же представляется обеспечение процессов активно творческого, эффективного и безопасного, всесторонне ответственного отношения человека к окружающему миру.

Таким образом, системное рассмотрение реализуемых электронными устройствами технологий убедительно свидетельствует о том, что именно *информационному ресурсу* надо сегодня придать особый статус и четко определить его в качестве приоритетно стратегического, фундаментально наиболее влиятельного фактора социально-экономического развития. Будучи выразителем объективных законов мирового процесса, этот фактор и является глубинным побудителем глобализационных процессов в политической, социальной и экономической жизни современного человечества.

При этом не следует забывать, что даже по-современному эффективные так называемые высокие технологии принципиально могут быть созданы и практически функционировать лишь благодаря объективным, т. е. по сути глобальным свойствам информационного ресурса. Реальное положение дел в мировой экономике и общие тенденции развития убедительно свидетельствуют о переходе наиболее развитых стран в состояние (так называемых сегодня) *информационных обществ* собственно феномен глобализации хозяйственных структур различных уровней и регионов мира является только новейшим проявлением объективных свойств и закономерностей функционирования ин-

формационного ресурса в социальных и общецивилизационных процессах [7 —10; 13].

Здесь уместным будет вспомнить мудрую общечеловеческую мысль о том, что для успеха в каждом деле наиважнейшим является его начало. Ведь не случайно сказано: вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. К сожалению, человеческое слово далеко не всегда является истинным, правдивым и компетентным. И поэтому совершенно понятно, что результаты и эффективность нашей человеческой деятельности в первично-приоритетном плане всегда зависели и будут решающим образом зависеть от *слова-мысли, слова-воли, слова-информации*.

И все же, несколько неожиданно для людей, максима «*информация правит миром*» стала крылатым выражением современности. Реально и неотвратимо проявленные эффекты интенсивной мирохозяйственной информатизации и трансинформационной глобализации заставляют человечество сегодня активно заботиться об информационных ресурсах, а также учитывать их ведущую роль в своей жизни. Мировая элита уже хорошо ощущает, что исторически наступили совсем другие времена и что строить свою национальную и общечеловеческую жизнь мы обязаны именно на этих так глобально и так императивно проявленных волнах мирового процесса. Поэтому, считая приведенную максиму ключевой в проблематике раскрытия сущности феноменов информатизации и глобализации, проведем краткий общесистемный анализ некоторых основных — осознаваемых или неосознаваемых людьми — полифункциональных свойств информационного ресурса.

Во-первых, собственно информационный ресурс — это, прежде всего, знания о нерушимых законах протекания природных процессов, используемые человеком активным и компетентным для формирования возможно реальных целей своей конкретной деятельности и развития. А всеобщий характер безусловной нерушимости и пространственно-временной универсальности законов природы определяет их *абсолютную глобальность*, т. е. глобальность, не зависящую от человеческой воли. Таким образом, результаты любой деятельности принципиально могут соответствовать поставленным целям только лишь при условии соблюдения человеком законов объективно существующего мира.

Во-вторых, человек творчески действующий использует информационный ресурс в качестве содержательного субстрата своего интеллектуального труда и для создания идеально-целевых моделей: концепций и программ реализации результатов творчества в социально-экономических процессах. Но заметим, что модели, построенные на основе некачественного, прежде всего, недостоверного информацион-

ного ресурса принципиально не могут достичь цели. Таким образом, даже значительный прогресс в рамках информационно ложной системы может закончиться величайшим регрессом.

В-третьих, поскольку информационно сформированная субъектом цель — как закон — необходимо ставится в начало любой системы деятельности и полностью пронизывает ее, это дает нам основание собственно информационно-целевой ресурс определить в качестве природно-закономерного и единственного, т. е. глобального ориентира поведения и фактора выживания человека разумного, а также в качестве средства организации и управления целенаправленной деятельностью и саморазвитием человечества в объективно существующей естественно-энергетической среде.

Однако тут чрезвычайно важным является то, что процессы деятельности хотя и регламентированы информационно-целевым ресурсом как чрезвычайным и полномочным представителем законов объективно существующего мира, но осуществляются субъектом, которому свойственно ошибаться за счет дефицита достоверных информационных знаний, недостаточной компетенции и состояния психического здоровья. В реальной жизни субъективный фактор проявляется, говоря несколько упрощенно, как мотив и волевые импульсы управленцев и исполнителей, которые не всегда имеют строго целевое направление в интересах людей, вплоть до общественно деструктивного волюнтаризма. Без всякого сомнения, этот фактор является жизненно необходимым главным образом потому, что идеальный по своей содержательной «природе» информационный ресурс, питающий собственно саму субъективность, является энергетически инертным и «оживляется» исключительно компетентным человеческим сознанием. Но будучи уже зависимым от человека, он становится зависимым и от его ошибок, и от его интеллектуальных способностей, и, что еще не менее важно, — от его духовности, нравственности и морали.

Поскольку уже практически и научно зафиксировано, что сплошная глобализация и интенсивная информатизация являются объективно неотвратимыми волнами современного мирового процесса, то здесь не лишним будет каждому субъекту задать себе вопрос — *быть или не быть?* Ведь выжить и достойно удерживаться на уровне партнерства сегодня могут только те страны, которые поняли глубинную сущность этих императивно проявленных волн, которые сумеют воспользоваться этим динамически мощным течением и которые незамедлительно мобилизуют свой человеческий потенциал, т. е. совершенно сознательно и активно начнут входить в состояние современного *информационного* общества. Такое общество *системно закономерно* разрабатывает и реализует жизненно важные программы деятельности и раз-

вития, прежде всего социально-экономической сферы, и вообще функционирует на основе стратегии приоритетного усовершенствования своих *научно-информационных, интеллектуально-творческих и инновационно-технологических ресурсов*.

Таким образом, сегодня уже является очевидностью, что современное мировое сообщество, особенно общества так называемого переходного состояния, остро нуждается в научном осознании основных параметров своего *информационного пространства*. Как мы уже можем представить, эти потребности по своей глубинной сущности являются отражением объективных законов общемирового процесса, в том числе закономерностей развития социально-экономической сферы. Безусловно, эти законы являются сложными, но они обладают универсальной и необходимой действенностью. Именно поэтому человечество вынуждено постоянно познавать их, и, как уже сказано, использовать в качестве глобального идеально-информационного ориентира поведения и субстрата целеполагания в процессах своей деятельности и развития.

Какая же опасность ожидает человеческие сообщества, которые в наше историческое время, в системно и научно достаточной мере не осознали глобально решающей роли и приоритетно стратегического значения информационного ресурса в процессах своей жизнедеятельности и развития?

Во-первых, не осознавшие этот фактор общества как субъекты самодетальности и саморазвития не смогут учитывать его в процессах построения и функционирования своих социально-экономических систем. Такая ситуация в новейших условиях императивной глобализации является чрезвычайно опасной и, в конечном счете, закономерно и необходимо приведет как минимум к развалу уже существующих структур обеспечения жизни.

Во-вторых, большую опасность представляет собой недостаточное научно-практическое осознание *фундаментальных механизмов функционирования* информационного ресурса в условиях существенно опережающей компьютеризации (и других форм технологической информатизации) мирохозяйственной жизни. Такое опережение сверхмощно ускоряет большинство жизненно важных, но методологически и концептуально не обоснованных социально-экономических процессов. Это вполне закономерно может привести к образованию «критически взрывоопасной массы» не только в производственно-технологической и экологической, но и в социально-психологической сфере.

В-третьих, методологически недостаточно осознанное и технологически ускоренное использование информационного ресурса в системах общественного труда также вполне закономерно формирует дис-

пропорции в процессах развития, в первую очередь, порождая *дефицит* функционально необходимых, достоверных и достаточно усвоенных трудоспособными людьми информационных знаний. Можно сказать, что даже, наоборот, такая ситуация активно содействует накоплению недоброкачественной информации, которую следует понимать как социально и политически опасную *дезинформацию*.

И, в-четвертых, чрезвычайную опасность для человеческого общества также может представить чрезмерное искривление *психоинформационного* пространства как жизненно важнейшего экологического показателя в сферах интеллектуальной, духовной и морально-правовой жизни. Особо подчеркнем, что так называемые средства массовой информации, откровенно говоря, *некорректно* ни по отношению к достоверности сообщений, ни относительно компетентности и здоровья пользователей информации, ни относительно проблем безопасности на всех уровнях, в большинстве случаев неосознанно или даже целенаправленно *дезориентируют* современного человека. А острейшая, фактически *глобальная проблема ответственности* в этом отношении еще даже не поставлена.

В связи с этим приведем еще, к сожалению, лишь некоторые основные положения разработанной автором *системно-информационной методологии* познания, деятельности и развития.

1. Методологически важно обратить серьезное внимание на то, что в историческом плане, т. е. в аспекте антропо- и социогенезиса, процессы трудовой деятельности и социокультурного развития человечества естественно и закономерно осуществлялись путем усовершенствования, прежде всего, *методов* познания объективно существующего вещественно-энергетического мира. Однако сам принцип познания окружающего мира человеком разумным по своей наиболее глубокой сущности является *абстрактным*, т. е. условно-разделительным. Такой — по своей «природе» идеальный — эффект разделения мира на первичном плане деятельности проявляется уже в процессах построения социально-функциональной психоинформационной картины объективно закономерных процессов-событий в окружающей среде. Именно благодаря этим, так сказать, негативно-дезинтеграционным феноменам рождается еще один, удивительно специфический по своим свойствам и *конструктивным* возможностям мир — *идеально-информационный*.

Поскольку реальное разделение объективно неразрывного материально-энергетического мира принципиально неосуществимо, то «природа использовала» возможность условно-абстрактного отображения действительности человеком сознательно мыслящим (интеллектуальным). Следовательно, такое разделение следует считать естественно и

функционально необходимым. Но вместе с этим, как показано ранее, глобальным по влиянию и жизненно наиважнейшим функциональным позитивом, транссубъектно (транспсихически) существующий идеально-информационный мир резко усложнил общее восприятие и понимание этого мира, а также взаимодействие человека с объективно существующей средой. Без всякого сомнения, такое разделение сегодня является наисущественнейшим негативом в жизни человечества. Парадоксально, но именно об этом, на взгляд автора, речь идет еще в старых библейских заветах и мифах. О реальности и роли эффекта абстрактного отчуждения человечества от живой, объективно существующей действительности нам время от времени напоминает глубочайший по содержанию лозунг: «*Назад — к природе!*».

Понятно, что поиск путей и средств преодоления глобальных дезинтеграционных последствий первично-абстрактного (условного) социально-функционального разделения мира феноменом информации является наиболее важной глобальной проблемой современной цивилизации. Следовательно, разработанная автором и используемая в данной работе системно-информационная методология деятельности и развития в современных условиях может послужить началом пути научно-практического осознания глобальных резервов мирового прогресса.

2. Все более усложняющиеся системы технологически опосредованного труда на идеальной информационно-целевой основе и рамки естественных возможностей человека вполне закономерно вызвали необходимость глобального пространственно-временного, или геоэкономического, разделения труда. Реальные процессы современных международных отношений и, можно сказать, императивное проявление глобализационных эффектов в мировой экономике и экологии свидетельствуют о том, что такое разделение также оказывает значительное дезинтеграционное влияние на все сферы человеческой жизни. Следовательно, необходимость самоконтроля мирохозяйственной деятельности людей сегодня существует объективно и закономерно, является приоритетно актуальной и требует своего разрешения именно на глобально интегрирующей информационно-целевой основе как единой платформе развертки активно творческого социально-экономического процесса.

3. Функционально прогрессообразующими, но вместе с тем также дезинтеграционно негативными оказались процессы глобальной специализации труда и дифференциации наук. Так называемые отраслевые системы деятельности и соответствующее им кадровое и ресурсное обеспечение в современной социально-экономической жизни настолько специализировались и взаимоизолировались, что им уже мож-

но дать общие характеристики типа «эгоистический эклектизм» или «вавилонское столпотворение». И это касается не только их внутренней структуры. Прикладные науки и труд сегодня демонстрируют опасное взаимонепонимание, не говоря уже об отсутствии должных органических взаимосвязей с фундаментальными науками, особенно с гуманитарными, а также с методологией и праксиологией.

Таким образом, актуальной и одной из острейших проблем человечества сегодня является преодоление глобальной *дезинтеграционной* напряженности в жизни мирового сообщества, возникшей вследствие чрезмерной, методологически и практически неконтролируемой специализации труда и дифференциации наук. Категорическим императивом здесь можно определить неотложное решение проблемы действительной интеграции гуманитарных, естественных, общественных и технических наук. Подчеркнем, что проблема преодоления этой практически мировоззренческой дезинтеграции главным образом заключается в осознании, прежде всего управленческой элитой, объективно неразрывного единства информационно-целевого, интеллектуально-творческого и инновационно-технологического факторов как фундаментальных составляющих и глобально влияющих резервов построения по-современному эффективных систем социокультурной и экономической деятельности и безопасного развития.

4. Научно-образовательная сфера, или сфера собственно информационно-интеллектуального труда, как передний фронт современной социально-экономической деятельности и развития сегодня остается фактически без всесторонне обоснованной и достаточно осознанной *методолого-концептуальной* платформы. Негативное дезинтеграционное влияние этого дефицита наиболее ощутимо проявляется в процессах так называемой информатизации общественного развития, к сожалению, с учетом, как правило, лишь электронно-технологической составляющей этой системно и, можно сказать, глобально сложной задачи. Ясно, что здесь становятся совершенно необходимыми доработка и использование *системно-информационной теории развития* на соответствующей методологической базе.

5. С позиций указанной методологии каждая система труда, т. е. всякая целесообразная деятельность, или даже отдельное действие, по своей сущности и в своей реально-объективной процессуальности является *интеграционной*. Но вопреки этому, основные составляющие трудовых систем, как это понятно из вышеизложенного, являются функционально, т. е. оперативно необходимо разделенными. Следовательно, если к проблемам деятельности и развития подходить без учета *глобально интегрирующего* фактора — информационно-интеллектуального ориентира и движителя, т. е. бессистемно, то это

будет подходом дезинтеграционным. Результаты такого труда, в конечном счете, будут неэффективными и даже опасными. Таким образом, передний фронт преодоления глобально дезинтегрирующего влияния функционального разделения труда должен предшествовать реальной социально-экономической деятельности, и он фактически совпадает с процессами интеллектуального труда и управления на *генетически и методологически единой, глобально интегрирующей* (консолидирующей) *информационно-целевой основе*.

6. Поскольку реальную сущность современного субъекта деятельности определяет человек не только как психически-сознательно (интеллектуально) развитый, но и как социально, информационно и технико-экономически компетентная творческая личность, то закономерно в историческом плане возникли проблемы обеспечения качества — *достоверности и понимания* — информационного ресурса, идеальное содержание которого как раз и является функционально необходимым для организации систем успешного труда. Актуальность и острота этих проблем также проявляются в различных дезинформационных эффектах, например, в распаде трудовых систем, в том числе на уровне национальной экономики, в неэффективном сотрудничестве на региональном и международном уровнях.

7. Таким образом, учитывая глобальную и необходимо закономерную *транsinформационную* сущность социокультурного и экономического развития, а также практически неисчерпаемую *прогрессотворческую* способность *информационно-интеллектуального* ресурса в диалектическом режиме его функционирования, человечество призвано не только выработать приоритетно стратегическое отношение к этому ресурсу, но и, прежде всего, считать его *единственным представителем объективно существующего мира* с его нерушимыми законами, в начальном и конечном счете определяющими эффективность мирового социально-экономического и общецивилизационного развития.

Таким образом, обращая внимание на глобальное, особо негативное влияние *информациогенных дезинтеграционных эффектов* на реальную жизнь и развитие, можно сделать вывод о неотложности проведения фундаментальных научных исследований в этой области объединенными усилиями мирового сообщества, например, по общесистемной программе «*Человек, экосфера и информатизация мира*». На основании изложенного ясно, что сущность *экосферы* закономерно содержит в себе не только системно проблематичную социально-экономическую деятельность людей, но и экологические прямые и обратные общесистемные связи, включая состояние окружающей среды, духовности, нравственности и правосознания всех членов мирового

го сообщества. Такие исследования объективно необходимы, особенно на этапе интенсивно глобализирующего перехода мира в состояние постмодернового *информационного общества*.

Литература

1. *Вернадский В.И.* О науке. Т. 1. Дубна, 1997.
2. *Аверьянов А.Н.* Системное познание мира: методологические проблемы. М., 1985.
3. *Бек У.* Что такое глобализация? М., 2001.
4. *Всемирная история экономической мысли.* Т. 2. М., 1988.
5. *Гвишиани Д.М.* Методологические проблемы моделирования глобального развития. М., 1978.
6. *Глобальные трансформации и стратегии развития.* К., 2000.
7. *Моисеев Н.Н.* Человек и ноосфера. М., 1990.
8. *Практика глобализации: игры и правила новой эпохи.* М., 2000.
9. *Декларация тысячелетия ООН. Основные положения.* М., 2000.
10. *Скаленко А.К.* Глобально-информационное измерение экономической безопасности Украины // Актуальные проблемы международных отношений. К., 2001. Вып. 26.
11. *Скаленко А.К.* Глобализация и информатизация — объективно неотвратимые волны современного мирового процесса // *Економічний часопис XXI.* 2002. № 10.
12. *Сорос Дж.* Кризис глобального капитализма. К., 1999.
13. *Скаленко А.* Глобальные резервы роста: информация+интеллект+инновации. К., 2002.
14. *Скаленко А.* Глобализация XXI: реалии и концепции // *Діалог цивілізацій: протиріччя глобалізації: Матеріали II Всесвітньої конференції.* К., 2003.
15. *Скаленко О.К.* Україна сучасна: проблеми системного розвитку // *Наукова доповідь на XII міжнародній науково-практичній конференції.* К., 2003.
16. *Доктрина информационной безопасности Российской Федерации.* М., 2000.
17. *Доктрина информациологического развития человечества XXI.* М.; Н.-Й., 2001.
18. *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983.

||

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Ф.И. ГИРЕНОК

Что такое философия?

Аннотация. Тема статьи: что такое философия? По мнению автора статьи, философия связана с абсурдом и тавтологиями. Функция философии амбивалентна: с одной стороны, она призвана утешать, с другой стороны, она призвана расшатывать язык, расплавлять готовые смыслы и значения слов. В статье дается авторский обзор существования дел в философии от начала ее зарождения до наших дней.

Ключевые слова: философия, мышление, тавтология, абсурд, русская философия.

Abstract. Article theme: what is the philosophy? According to the author of article, the philosophy is connected with absurdity and tautologies. Philosophy function is inconsistent: on the one hand, it urged to console, on the other hand, it urged to loosen language, to melt ready senses and word meanings. In article the author's review of existence of affairs in philosophy from the beginning of its origin is given up to now.

Keywords: philosophy, thinking, a tautology, absurdity, Russian philosophy.

Философия — это то, при помощи чего меньшинство отделяет себя от большинства людей, отмахиваясь от них как от назойливых мух. Философия — это граница между большинством и меньшинством. Как эта граница устанавливается? Очень просто. Вот пример. Мы смотрим на чашку. Что мы видим? Чашку. А что видит философ? Чашечность. Чтобы увидеть чашку, достаточно иметь глаза. А чтобы увидеть чашечность, нужно, скажет философ, иметь ум. Как только исчезает различие между меньшинством и большинством, исчезает и философия.

Философию придумали умные люди, которые не принадлежали к большинству, у которых не было своего места в мире. Поэтому умные люди всегда неуместны и несвоевременны.

Маргиналы

Философ — это, прежде всего, иммигрант, «лимитчик», гастарбайтер. Он всегда не местный. Он приехал откуда-то со стороны, из другого мира. Например, из Малой Азии в Грецию, как Анаксагор, которому в Афинах было ничто не мило, ничто не дорого. Для всех греков

солнце — это бог, для Анаксагора — это камень. Понятно, что греки прогнали Анаксагора из Афин, и он умер.

Философ ни к чему не привязан, ничего не ценит, ко всему относится критически. Его не устраивают ни местные боги, ни местные традиции, ни местные власти. Философия — это всегда взгляд другого, взгляд со стороны, из иного мира. В нем, как у Гераклита, нет ни сочувствия к людям, ни сопереживания, но есть любопытство.

Философ — эстет, метафизик, а философия с самого начала является потусторонним взглядом на привычное, на близкое. Сократ, ученик Анаксагора, хотя и был из местных, но вел себя как философ, т. е. как чужестранец, как посторонний, разрушая мир подручного, обжитого, конечного. За это, да еще и за высокомерное поведение в суде, его и убили.

Никто не знает, оплакивала ли его Ксантиппа или нет, но к философии она не имела никакого отношения.

Почему у философии неженское лицо?

Неженское это дело заниматься философией. Почему неженское? Потому что философия рождается в обожающем взгляде, который бросает один мужчина на другого. Философы — это люди лунного света. У них то, что они чувствуют, растворяется в том, что они видят. Тогда как у всех нормальных людей видимый мир растворяется в мире переживаемом.

В момент, когда философия начинает рождаться в обожающем взгляде женщины, бросаемом на мужчину, начинается деградация философии. И мужчина, как Ориген, должен оскопить себя, чтобы остаться философом.

Если взгляд обожания бросает на женщину мужчина, то от этого взгляда рождается не философия, а дети. Обожание между женщинами ни к чему не ведет. В нем ничего не рождается, кроме техники овладения телом. Но овладеть техникой — не значит совершить поступок.

Поступок

Философия — это поступок. Поступать — означает самого себя класть в основание цепочки причин и действий. Только маргиналы могут представлять философию как личностный акт, как поступок, ибо только они, вступая в конфликт с традицией, могут класть себя в основание причинных цепей.

Если философия — это поступок, то философ — это не профессор в очках, а киник или юродивый. А это значит, что в пространстве философии пульсирует асоциальная по своей природе энергия, заставляющая философа выходить за пределы, переступать нормы, т. е. быть

как бы социальным преступником. Философия вообще является социально приемлемым видом интеллектуального юродства. Киник Антистен говорил, что лучше быть животным, чем человеком, а также — что лучше быть варваром, чем эллином.

Сегодня философ — это не философ, а актуальный художник, акционист, устроитель перформансов. Это группа «Война» или Кулик и «Синие носы». Но перформанс — это не поступок, у которого есть следствия, а эпатаж, пощечина общественному вкусу. А это значит, что современные философы существуют за пределами философии. Тем самым мы имеем двойной разрыв в виде философии без философов и философов без философии.

Мыслитель

Традиционно философ понимается не как киник, а как платоник, т. е. как мыслитель, а философия — как мышление. Философы — это мыслители. Они, — говорит Хайдеггер, — называются так, потому что мышление происходит главным образом в философии. Мыслитель — это человек, который вводит ненаблюдаемые сущности для того, чтобы объяснить наблюдаемое, отвечая на вопрос: что это? И почему это, а не то?

Например, мы хотим понять, почему люди тоскуют, почему они не могут жить без тоски. Мы идем за помощью к ученому. Ученый, отвечая на этот вопрос, непременно расскажет что-нибудь об устройстве нейродинамических структур мозга. Но этот рассказ мы не можем сделать фактом своей сознательной жизни. И тогда мы идем к философу. Философ не пойдет по следам ученого, ибо ученый, на его взгляд, не мыслит. Он испытывает природу. Философ же мыслитель, т. е. он, следуя за Декартом, скажет, что все дело в добре и зле, в том, что добро субстанциально, а зло функционально. Т. е. добро может существовать без зла, а зло без добра — не может. А это значит, что нельзя провести ясную границу между добром и злом. И, выбрасывая зло, нам приходится вместе с ним выбрасывать и добро. Вот об этом добре и тоскует человек. Этот рассказ расширяет наше сознание, хотя мы не узнали из него ни что такое добро, ни что такое зло.

Мышление — это логически упорядоченные грезы, путешествие воображения в то, что может оказаться истиной.

Тайна мышления

Тайна — это не секрет, который мы знаем, но о котором мы никому не говорим. Тайна — невыговариваемое в речи, то, что принуждает нас к речи, но речью не является.

Когда мы говорим о тайне мышления (а мышление — это тайна), то говорим о невыговариваемом в мышлении, о неммыслимом, о том, что принуждает нас к мысли, но само мыслью не является.

Что же в мышлении есть такого, что не выговаривается в нем? Может быть, тайна мышления в восприятии? Что же такое восприятие? Хайдеггер полагает, что воспринимать — значит замечать присутствующее. Но заметить присутствующее — это еще не значит мыслить. В противном случае, баран, заметивший стог сена, оказался бы настоящим мыслителем.

Может быть, воспринимать — значит другое, а именно: изъять себя из состава наличного, из порядка того, что не скрывает своего присутствия. И действительно, в нашем «я» отражается весь мир, но в этом мире нет «я», т. е. в нем есть какая-то дыра, какой-то изъян. И это меняет представление о восприятии, ибо мы воспринимаем не потому, что нечто присутствует, а благодаря тому, что нечто изъяло себя из мира. Конечно, мы можем воспринимать и то, что отсутствует. Например, мы не видим своего друга среди присутствующих в кафе. Но его отсутствие — это не дыра в мировом порядке, ибо он присутствует в другом месте.

Что же изымает себя из состава бытия, чтобы воспринять его в качестве присутствующего? Изымает себя наше «я». «Я» — это изъятие себя из того, что присутствует. Изъятое из мира «я» является грезой. Грезящий человек не является вещью среди других вещей, или, что то же самое, мышление и бытие не одно и то же. Мыслить — значит изымать себя из состава сущего. Изъятие «я» позволяет миру открыться для восприятия.

Грезы дают нам возможность мыслить, т. е. они дают нам то, что уже имеют в себе. И в этом смысле мыслить значит грезить. Грезы не создаются нами. Они приходят к нам, не основываясь на представлениях о вещах, предъявляя нам то, чего нет в мире. Движение к предметности начинается с беспредметной грезы, которая, овладев телом, впервые являет себя миру в самоаффектации.

В самоаффектации я не говорю, что пришла весна. Я улыбаюсь, я беспричинно рад. Я радуюсь радости. Моя радость имеет причину во мне. Но чувство радости не перестает быть чувством, хотя оно и связано с тем, что пришла весна. Это чувство не подлежит проверке в терминах истины и лжи. И только в момент, когда я понимаю, что весна пришла не потому, что я рад, и не для того, чтобы обрадовать меня, я начинаю мыслить, т. е. полагать содержание радости (то, что весна пришла) в качестве объекта, от радости не зависящего. Теперь радость и весна — это два разных события. «Пришла весна» — это уже суждение предметное, подлежащее проверке на истину и ложь.

Так совершается то, что называется мышлением, тайна которого всегда коренится в грезах.

В русской философии тайна мышления связывается с теорией сердечного человека. Суть этой теории И. Киреевский формулирует так: «Что есть в сознании и чего нет в чувстве, то — ложь данного человека». Мышление только тогда становится точным, когда в нем совпадают чувство и сознание.

Двойная непрозрачность философии

Философское мышление обладает двойной непрозрачностью. Она непонятно большинству. А после того, как оно стало непонятно большинству, оно становится непонятно и самим философам, ибо их мысли сегодня куда-то улечиваются, а слова остаются, и эти слова ничего не говорят о мысли. Поэтому все упования современных философов на то, что их непонимание может вдруг оказаться светоносным.

Если философия — это пространство свободного мышления, если это путешествие в мир ненаблюдаемых сущностей, то философ — это метафизик, т. е. человек, который утратил связи с сознанием повседневности. Философия как метафизика никого лично не касается. И поэтому она подлежит забвению.

Утешение

Чтобы не попасть в список того, что забывается, философия должна отречься от метафизики, а философ должен объявить себя антиметафизиком, т. е. тем, кто хочет вернуть сознание в мир обжитого, конечного. Для этого ему, как блудному сыну, нужно объясниться со своими родителями, т. е. со здравым смыслом.

Но если философия перестает быть метафизикой, то тогда ее нужно понимать как утешение, а философа — как утешителя, который практикует субъективирующее мышление. Т. е. что он делает? Он переводит униженных и оскорбленных из одного состояния в другое, в котором они забывают о том, что унижены и оскорблены. Люди, как дети. Философ — это взрослый, который всегда может сказать детям: смотрите, птичка пролетала. И дети будут смотреть, забывая о боли и страданиях. Тем самым философия становится коллективной психотерапией.

Овод

Философия как утешение — это цветок, из недр которого неохотно выползает философ-шмель, философ-овод. Оказывается, философия не столько утешает, сколько кусает и больно жалит. Она припекает и обжигает. Она не дает спуска никому: ни обывателю, ни ученому, ни

священнику, ни самой себе. В философии есть что-то садистское и мазохистское. Поэтому философа никто не любит. Он одиночка. Анахорет. Человек пещеры. По словам Антисфена, человеку пристало жить без общины, без дома, без отечества. Социум преследует философа. Философ отвечает миру взаимностью. Он не любит людей, и особенно не любит политиков, которые присвоили себе такого монстра, как социум.

Философия — это способ, которым маргинал, одиночка, шизофреник и аутист мстит социуму. Протагор расшатывал социум своей софистикой. Социум сжигал его книги на площадях и прогонял его из Афин. Поскольку социум — это массы, связанные языком, постольку философия расшатывает язык, расплавляет смыслы и значения слов. В результате слабеют социальные цепи, ослабляется власть политиков. Если не расшатать вязущие связи языка, то нельзя освободить свое уже-сознание. А без уже-сознания люди — социальные куклы. Если язык укрепляет социальные связи, то сознание расшатывает их, обнаруживая зыбкость человеческого существования. Философия расплавляет смыслы в безнадежной попытке извлечь новый смысл, затрудняющий превращение человека в марионетку.

Философ не любит рассуждать о языке своей философии. Он не интересуется познанием познания. Философ — делосский ныряльщик, а не рефлексун. Ему нужно достать со дна моря жемчуга смыслов, а не наблюдать за рефлексивной рябью поверхности мысли.

Непослушание философа

Как ни странно, философия, будучи любовью к мудрости, не любит ум. Почему? Потому что ум нужен всегда другому. Другой выращивает в нас ум для того, чтобы сделать нас послушными. Иначе говоря, быть умным — значит быть послушным. Философия не хочет, чтобы мы были послушными. Она помогает нам все делать так, чтобы в нас ничто не проникало без нашего на то согласия. Она дает нам ту меру безумия, которая позволяет нам оставаться такими, какие мы есть. А мы всегда уже есть такие, какими мы еще только хотим стать.

Ум сопряжен с политикой, с выстраиванием пространства послушания. Политики используют ум для того, чтобы задним числом оправдать те глупости, которые они делают. Философия приучает нас слушать вне горизонта послушания.

Преподаватели философии

Помимо политиков потребность в уме испытывают преподаватели философии. Любой преподаватель — это политик, ибо он нуждается в послушании. Его философия — это учебники по философии. Учебни-

ки — это то единственное, что не может тебя укусить, задеть, и одновременно то, что нельзя расшатать и расплавить, т. е. нельзя вернуть философии, офилософить.

Пастиш

В любом современном философском тексте можно найти следы другого текста. А это значит, что тождественность текста самому себе не гарантирована авторской подписью. Сен-Симон, присваивая тексты Конта, не разрабатывал стратегию апроприации. А Гегель, которого Шеллинг подозревал в подражании своему стилю, не имел склонности к применению техники палимпсеста. Что бы Гегель не писал, через его тексты проступал не Шеллинг, а Гегель, равно как в текстах Маркса проступал не Фейербах, а Маркс.

Современный философский текст — это лоскутное одеяло, сшитое в апроприативной технике. В нем есть неотмеченные цитаты, пересказы, референции, аллюзии и отмеченные цитаты.

Плагиат выступает сегодня в благородной форме пародии и в стиле пастиш, как подражание мастеру. Ирония покровительствует откровенной эксплуатации ранее найденных философией схем мысли. В ней под видом отрицания существует утверждение. И наоборот. Какой бы текст философ не написал, в нем обязательно проступит уже кем-то написанная фраза: например, «бытие определяет сознание». Так действует философский палимпсест.

Паталогоанатомы

Философия — это не история философии. Историки — это паталогоанатомы философии. Всякая философия умирает, если она перестает плести вяжущие связи между тавтологиями и парадоксами, своими метафорами и абсурдом. А это значит, что сегодня философы не мыслят сами. Они могут только переживать заново те мысли, которые ранее были помыслены. А поскольку помысленные мысли на дороге не валяются, постольку их надо как-то добывать, находить, т. е. реконструировать. А это уже дело эксперта.

Экспертиза

Современная философия — это экспертиза. А экспертиза по своему существу есть нечто бесполое. Поэтому сегодня философы не являются ни мужчинами, ни женщинами. Они являются экспертами, гуманитарными технологами.

Если философия — это экспертиза, то она не может быть личностным актом, поступком. Эксперт не может положить себя в основание нового ряда явлений, так как для этого ему нужны еще одни основа-

ния, которые ведут к дурной бесконечности. Он не маргинал. Философия эксперта — это философия без поступка. А философия без поступка — это просто болтовня, языковое неистовство, отношение к объекту, не опосредованное отношением к самому себе.

Эксперт даже не мыслитель, ибо он глух к шагам тавтологий в пространстве мысли.

Шаги тавтологий

Философия — это имена. А каждое имя — это сжатая пружина смысла, энергия стиля. В философии есть ритм, и нет проблемы начала. Философ может начинать с чего угодно и говорить о чем угодно. Но его язык всегда будет непреднамеренно тавтологическим, т. е. пустым. Например, прекрасное, согласно Платону, прекрасно благодаря прекрасному. Эта пустота не просто пустота, она, как «Черный квадрат» Малевича, полна и плодотворна. В любой философии слышны шаги тавтологий. Они слышны, например, в определении понятия субстанции. «Под субстанцией, — говорит Спиноза, — я разумею то, что существует само в себе и представляет само через себя, т. е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которой оно должно было бы образоваться». Так возникает философский дадаизм.

Тавтологии очаровывают. В них есть дробь барабана, монотонный повтор и невозможность найти аналог повторяемому. «Я» — это всегда «я», и найти замену «я» невозможно. Но не всякая тавтология является философской. Если я говорю, что дом — это дом и больше ничего, то я лукавлю, ибо в доме может быть гостиница, столовая, пристройка. Если я говорю о добре, то я имею в виду, что добро — это добро, и больше ничего в нем нет. Для всякого дома найдется причина. Для добра нет причины. Повторение того, что имеет причину, является скучным и неплодотворным. Высказывание «дом — это дом» не есть философская тавтология. Повторение же того, что не имеет причину, является плодотворным, ибо оно требует усилий. Например, усилие мысли нуждается в пространстве пустых слов.

Пустые слова

У каждой философии есть своя мелодия. Мелодия — это ключевая метафора. Философия без метафоры — это как корова без вымени, без молока. В ней смысла нет. Метафора — исток, образ, то, откуда берет свое начало мышление. Чтобы появилась метафора в языке, нужны пустые слова. Философия обожает пустые слова. Например, «бытие» — пустое слово, «я» — пустое слово. Благодаря этой пустоте можно

сказать: я — дом, я — солнце, я — зверь, потому что я — ничто из того, чт. е..

В философии, как в музыке, есть свой контрапункт. Этот контрапункт задается обменом негативностью. Например, радость — это не горе, а горе — это не радость. Радость возвышает, горе низвергает. Но иногда антонимы вступают в позитивный обмен смыслами. Например, ты ждешь повышения по службе, а все места заняты, и вот умирает твой друг, место для тебя освобождается. Между радостью и горем происходит обмен смыслами. И ты испытываешь горькую радость. Так ты узнаешь о существовании абсурда.

Абсурд

Каждая философия несет в себе свой абсурд, благодаря которому освобождается не языковое в языке. И истина оказывается не истиной, а ложью. Равно как заблуждение оказывается не заблуждением, а истиной. Благодаря философии мы узнаем о существовании мира, в котором нет ни лжи, ни истины. Этот мир иногда называют миром симулякров. Любое начинание, всякий первый шаг, рождается в состоянии, о котором ничего нельзя сказать на языке истины.

Философия без парадоксов — это не философия, а инструкция. Абсурд выводит философию за пределы языка к молчанию. Любая философская мысль пульсирует между тавтологиями и абсурдом.

Ускользящая философия

Чтобы сегодня понять, что такое философия, нужно научиться читать философские тексты, чтобы потом убедиться в том, что философ — это не тот, кто умеет читать эти тексты, а тот, кто умеет говорить о том, о чем невозможно молчать.

Нужно научиться говорить, чтобы понять, что философ — это не тот, кто умеет говорить красиво, а тот, кто умеет слушать.

Нужно научиться слушать, чтобы понять, что философ — это не тот, кто умеет слушать, а тот, кто умеет молчать.

Нужно научиться молчать, чтобы понять, что философ — это не тот, кто умеет молчать, а тот, кто умеет грезить, сопрягая грезы со словом или поступком, соединяя видимое и невидимое, языковое и безъязыкое. Человек может мыслить, поскольку он имеет для этого возможность. Эту возможность ему дают грезы.

Каждый человек грезит. Русские грезы актуализируют русские философы.

Русская философия

Русская философия возникает вне философии, поэтому в ней нет желания разрушать подручный мир обжитого. Функцию разрушения берет на себя русская интеллигенция. Философы — охранители преданий, они, как Аксаков, отзываются не на зов бытия, а на зов дома. Бытие — это не дом, и язык — это не дом бытия. Как говорил Шпет, язык наш — враг наш. Бездомность является отличительным признаком мысли интеллигента. В России философы — не интеллигенты, а интеллигенты — не русские философы.

В.А. КУТЫРЕВ

Модернизация: против бездумного инновационизма — за контролируемое развитие

Аннотация. В статье критикуется отождествление модернизации с инновационизмом; показывается, что идеалы инновационно-потребительского общества противоречат идее устойчивого развития как условию выживанию человечества. Ориентиром модернизации должно быть контролируемое развитие.

Ключевые слова: модернизация, инноватизация, цивилизация, технос, постчеловеческий мир, устойчивое развитие, управляемое развитие.

Abstract. In article are criticized the identification of modernization with innovationism: article shows that the ideals of innovation and consumer society contradict the idea of sustainable development as a condition of survival of mankind. Landmark modernization must be controlled development.

Keywords: modernization, innovatization, civilization, Technos, post-human world, sustainable development, controlled development.

На Всероссийском инновационном форуме «Россия, вперед» в Сколково Президент РФ Д.А. Медведев сказал: «Пойдем дальше. Секция “Сторонники модернизации”. Давайте посмотрим, кто у нас сторонники модернизации. Интересно было бы, если бы была секция “Противники модернизации”, было бы во всяком случае, веселее» (*смех*) (с сайта Президента РФ, 14 декабря 2010 г.).

Отрадно, что Президент допускает возможность существования «противников модернизации», хотя в реальности он вряд ли с ними

встретится. Непосредственно их действительно нет (смех?), но разве не допустимы по отношению к ней хотя бы скептики, критики или оппоненты каких-то ее направлений, способов реализации, т. е. люди, думающие дальше, нежели «сделать как», рассуждающие о целях, смысле, влиянии этих процессов на природу, на человека, его судьбу. (Если у нас осталась философия или хотя бы философия науки, которую не свели к восторженным «рассказам о новых технологиях»). Значит, есть или, по крайней мере, должны быть *противники модернизации в форме без(д)умного инновационизма*. Мы относим себя к этой «секции» и хотели бы обсудить возникающие здесь противоречия и проблемы, т. е. по-мыслить дальше хода е-2—е-4, чем, увы, в основном ограничиваются ее (ограниченные ею) энтузиасты.

В определенном смысле вся человеческая история — это модернизация. Но чтобы не расплыться мыслью по древу, надо, видимо, указать ветку, на которой мы сидим и модернизируем: здесь, сейчас, в начале XXI в., в России. Под модернизацией в таком случае подразумевается перевод общества на новационный образ жизни, внедрение (ин-новацию) в быт и бытие последних, «с пылу, с жару» достижений науки и техники. В отличие от предыдущих веков развития человечества теперь их особенность в том, что в сущности все они связаны с проникновением в мега-, микро(нано)- и информационно-виртуальные миры, возникшие на базе теоретических открытий первой половины XX в., прежде всего в физике, квалифицируемых обычно как неклассические и начавшейся во второй половине века их технизацией, воплощением в практику. Благодаря этому, люди видят, слышат, осязают то, чего вокруг них нет, что феноменологически они не видят, не слышат, не воспринимают. Открытые микро/мега/вирту миры несоизмеримы с нашими органами чувств, параметрами телесности, а в конце концов, и мышлением, если оно не вооружено электронными машинами. Однако мы в них действуем, добиваясь полезных в/для макрореальности результатов. Общий практический смысл происшедших научных революций XX в. в том, что несоизмеримость познания стала несоизмеримостью быт(а)ия. Сфера деятельности человечества превысила сферу его жизни. *Мир перестал совпадать с нашим Домом*.

К настоящему времени наука прямо сливается с техникой, превращаясь в технонауку (technoscience), которая больше не познает природу, подобно классической, и не преобразует ее как неклассическая, а используя в виде материалов, создает новую реальность, вторую «природу». В таком качестве она обычно определяется как постнеклассическая, по принципиальным характеристикам являясь трансценденталистской (исходит не из сущего, а из мысли), дигиталистской (все формализуется и математизируется), конструктивистской (проективной,

ориентированной на то, чего нет) — «искусственной». Ее признанное ядро — конвергирующие друг с другом исследования в сфере наноразмерностей, биоты, информатики и когнитивного интеллекта (НБИК). Однако, это узкое, интерналистское понимание проблемы. Если ее оценивать мировоззренчески, то *современная = постнеклассическая наука является постчеловеческой*. Потому что творит реальность неадекватную традиционному биотическому человеку, какой он был в до сих пор прошедшей истории, это реальность до людей на Земле не бывшая, не существовавшая на Земле и при людях, до актов со-(творения)здания ими иного, искусственного мира. Иного не по форме, как было «в (не)классике», а по субстрату. Если продолжить данные тенденции развития до метафизического идеала, то постчелове(неклассическая наука творит новую=иную субстанцию. При том произвольно, свободно: «по шучьему велению, по моему хотению». И какую угодно. Это вершина деятельных возможностей человечества, их масштаба и величия, которой оно, в лице западной цивилизации, жаждет как можно скорее достичь.

Все народы карабкаются к ней, одни находясь у подножья, другие где-то посредине или ближе. Россия отстает от передового отряда прогресса и задача модернизации в том, чтобы догнать его, влиться в ряды стран, чье производство в гораздо большей степени основывается на постнеклассических технологиях. Передовым странам модернизация не нужна, они в ней развиваются, в то время как содержанием российской модернизации является переход к подобным технологиям. Их универсализация¹. Таким образом, мировоззренческая суть стоящей перед Россией задачи НБИК-модернизации, наиболее четко выражается понятием *постчеловеческой инноватизации*. Именно она позволит ей войти в клуб стран, находящихся на острие прогресса. Постчеловеческий модернизационный инновационизм — это процесс, вызывающий невиданные, почти и невообразимые, немислимые энергии, силы и материалы, которые делают человека Богом, но он же может поглотить его, превратив в материал и силу для того, что будет после человека. Умертвит его. *Ради становления Иного*.

¹ Если, рискуя запутать читателя внутри философскими тонкостями, подойти к типологии исторического развития более глубоко, то модернизацию на основе постнеклассической науки надо называть постмодернизацией. Тогда все получается логично: эпоха постнеклассики = постмодерна = постчеловека. *Задачей России в таком случае является постмодернизация*. Но, по-видимому, целесообразно остаться при социально утвердившемся слове — модернизация, подразумевая ее постчеловеческое измерение, исходя из чего мы и обосновываем необходимость ею управлять.

Когда-то модернизация России проводилась под лозунгом: «Коммунизм есть советская власть + электрификация всей страны». Это была индустриальная модернизация. Теперь лозунг светлого будущего может звучать так: «Потребительское общество (комфорт) есть капитализм (рынок) + инноватизация всей страны». Инновационизм нельзя сводить к голой техничности. Он предполагает вывод нового товара или услуги на рынок, спрос на них. Для этого в них должна быть потребность и главная проблема инновационной экономики не в том, что не хватает новаций, а в том, как выявить или создать, при(на)думать новые потребности. Прежние теоретики будущего были озабочены проблемой нехватки материальных благ для удовлетворения потребностей человека и заботились, как их ограничить, выделив «разумные». О том, какие потребности считать разумными, а какие нет, написаны горы книг. Ирония истории в том, что теперь проблема не в нехватке благ, а в нехватке потребностей. «Потребность в потребностях». Нынешние «форсайт технологи» обсуждают и заботятся о том, как увеличить их количество. Отсюда «потребительское общество» с его маркетинговой религией. Это общество, идеология, когда не только много и все больше потребляют, но когда потребности его членов не ограничиваются, а, напротив, культивируются. Вплоть до рекламирования с целью эксплуатации пороков и страстей. «Пути разума», налагавшиеся на рост потребностей — сброшены. Они не только перестали быть разумными, но и не должны ими быть. С их разумностью борются. Потому что воля к жизни деградирует до «воли к потреблению». *Началось потребление самого человека*².

Поскольку базовые, «естественные» потребности в современной цивилизации фактически удовлетворяются, или, в принципе, могут быть удовлетворены, их место занимают сознательно конструируемые, искусственные. Человек не подозревал, что какие-то услуги или товары ему нужны, пока их не изобрели в инновационно-коммерческих центрах, и реклама не убедила его в их совершенной необходимости. Иногда они хулиганские (очки с рисками для разрезания торта, аппарат для надевания презерватива, устройство, приподнимающее тарелку по мере съедания супа), иногда, особенно по отношению к природе, прямо преступные, или на первом этапе полезные, а на втором приносящие вред, для компенсации которого нужно изобретать новые нова-

² Пример заботы о том, как эти процессы эффективнее наладить (см.: [1]) Из содержания статьи следует, что стимул развития. Программирование потребностей — это программирование (зомбирование) личности. Вот каких высот/низин достигла наука и будто бы философия, рефлекторно обслуживая саморазвитие потребления и технологий.

ции. Возникли символические, знаковые, виртуальные потребности, и для них, в общем-то, нет предела. Самая великая ложь нашего времени, что для благополучной жизни людям все еще недостаточно средств. Понятие богатства и бедности исторично, нынешние бедные в XIX в. считались бы вполне обеспеченными людьми. В то же время при знаково-символическом потреблении средств не хватит никогда и никакое наращивание производства удовлетворить их не сможет (в XX в. количество продукции на душу населения увеличилось в десятки, по некоторым видам в сотни раз, а душам все мало).

Само развитие техники, смена ее поколений тоже рождает потребность в непрерывных новациях, внутренне как бы обусловленных, необходимых, если же этого недостаточно, то стимулируются «навороты», гаджетизм, мода (!) на машины и сооружения. Автомобили оцениваются по красоте и дизайнерским выдумкам как когда-то женские шляпки. Их производство стимулируется досрочным уничтожением. Здания строятся для престижа: кто выше, какое причудливее. Мощнейшие ракетные комплексы, пожирающие тысячи тонн кислорода, используются для вывоза космических туристов. Сообщают о работах над специальной капсулой для «медового месяца в невесомости». Получается, что вершины, достижением которой можно бы удовлетвориться в погоне за новыми потребностями, в техно-потребительском обществе — нет. Развитие его передового отряда демонстрирует «дурную бесконечность» их все время отодвигающихся сияющих горизонтов, манящих, притягивающих к себе о(т)стальное человечество. И нас — несчастных, всегда догоняющих.

Догоняющих что? Общество полностью (не)удовлетворяемых потребностей и бес-конечного (окончательного) комфорта? Хотя, если принципиально обобщать достигнутый людьми уровень возможностей, то они и так живут в раю, все сказки стали былью. Вокруг нас самодвижущиеся ступы и сапоги-скороходы (ставить негде), летают ковры-самолеты, на которых спят и принимают душ, волшебные зеркала, позволяющие видеть события в любом конце Земли, чудесные коробочки по которым можно говорить с кем и когда угодно, из-под земли непрерывно фонтанируют несущие свет и тепло рога изобилия. На каждом углу развернуты скатерти-самобранки, на каждом шагу непрерывно доставляющиеся из тридевятых царств золотые, они же молодильные яблоки, называемые теперь апельсинами. Все удобства, вплоть до прекрасных гурий на дорогах, зазывающих отдохнуть путников из ступ, и «умных домов» с автоматизированными, куда даже царь пешком ходил, то(л)чками. Если нынешнее положение человечества оценивать исторически честно, то надо сказать, что осуществи-

лась его самая великая мечта, самая универсальная утопия: *оно идет/попало(сь) в Рай!*³

Разумеется, в райском положении пока не все, даже в самом раю, что касается России, то она вступила в него одной ногой, вторая пока в чистилище. Стремясь в рай обеими ногами, стоило бы посмотреть на него более здраво и объективно. Каков он на самом деле, надо ли туда безоглядно рваться, если судить не по технико-экономическим показателям, а по людям, которые там живут. Имея в виду, что проблема неравного использования потребительских благ вполне решается социально-политическими методами, мы должны вести речь о философской, культурно-исторической характеристике «состояния рая» и модернизационных подступов к нему, оценивая его с точки зрения судьбы человека. *Каким «человек потребляющий» в нем становится* — сейчас и по тенденции? В конце концов, для кого/чего ведется борьба за максимальное потребление и комфорт?

Для начала можно с уверенностью утверждать, что потребительские общества перестали быть культурными. Другими словами, отношения в них перестают регулироваться внутренними духовными ценностями — представлениями о добре, зле, долге, грехе, чувством вины, стыдом и совестью, заменяясь регламентациями извне — прямым контролем, правовыми и социальными технологиями, доходя до материальной фиксации всех поступков (говорящая скамейка делает вам замечание за брошенный окурок). Общество атомизируется, формализуется, непосредственные, живые связи между его членами заменяются юридическими, кодифицированными. Не случайно, Запад больше не позиционирует себя как культура, называя сложившийся в нем образ жизни цивилизацией. Выявленное в свое время О. Шпенглером различие между культурой, когда отношения между людьми носят органический характер и цивилизацией, когда они становятся механическими, вполне подтверждается. Переход от культуры к цивилизации Шпенглер рассматривал как исторический тренд, это было его предвидение, сейчас оно — реальность. Культуре как духовности — конец. В цивилизации личность заменяется актором, рациональным дельцом, который, выбирая свое поведение, не переживает ситуацию, а реализуют условия достижения социально-экономического успеха. В дальнейшем актер десубъективируется, превращаясь в человеческий фактор и агента. Распадается даже индивид, его целостность, вместо него — «мультивиды», что, впрочем, правильнее квалифицировать как проявление кризиса уже самой цивилизации, ее «болезни к смерти».

³ Нам уже приходилось писать о сказочной жизни современных людей (см.: [2]). Полагаем, лишний раз вспомнить о рае — не грех.

Таким образом, модернизация, когда речь идет о социальных отношениях, означает преодоление культуры и замену ее цивилизацией. Это практически свершилось. По ближайшей же тенденции, учитывая распространение социально-гуманитарных технологий, их наложение на постчеловеческий характер производства, можно сказать, что умирает и вот-вот умрет цивилизация. Это свершается. Она превращается в Систему техники — *Технос*. Модернизация, когда речь идет о социальных отношениях, означает теперь их преодоление и замену не просто технико-экономическими, а финансовыми и коммуникационно-виртуальными отношениями. Так называемыми гуманитарными технологиями, продуктом *Ni-tech* и *Ni-Hume*⁴. Личности и даже бездуховному актору — конец. Остается «человеческий фактор» и агенты (сетей), вплоть до превращения в своего рода зомби (вопрос, что такое зомби, плохо или хорошо (!) им быть в методологии науки активно обсуждается). Особенность ситуации России в том, что, э(ре)волюционируя от культуры и личностей к Техносу, к агентам, фактору и мультивидам, она должна как бы перепрыгнуть через акторов и цивилизацию, проходя этот период в ускоренном историческом темпе. Отсюда драматизм по(раз)ложения личностей, тяжелая ломка всех межчеловеческих отношений.

Становление Техноса не какие-то фантазии или футурологические предсказания, а жизненная повседневность существования людей в инновационном обществе. Так или иначе, она отражается в философской рефлексии. Наиболее известные оценки технико-потребительского образа жизни: «бюрократические джунгли», «общество спектакля», «всеобщего равнодушия», «массового опустошения», «состояния после оргии», в конце концов — непрерывное ожидание конца света. Или утверждений, что он произошел — «Апокалипсис по»⁵. И это в странах, которые достигли высшей точки в «потреблении инноваций». Неужели мы, в России, борясь с остатками своей

⁴ Если, рискуя запутать читателя внутри философскими тонкостями, подходить к типологии исторического развития более глубоко, то модернизацию на основе *Ni-Hume* технологий (когнитивного манипулирования сознанием человека) надо бы называть трансмодернизацией. Получается все логично: эпоха транснауки (техноса) = трансмодернизма (трансгресса) = трансгуманизма (трансгуманизма) как преодоления человека. Эта самоубийственная задача — «трансмодернизации» на повестке дня на Западе, Россия к ней только приближается.

⁵ См., напр.: [3—8] и т. д. Внутренних критиков рая, как ни странно, гораздо больше, чем внешних. Хотя может и не странно. Они знают его реалии непосредственно, а находящиеся на подступах к нему имеют туристическое сознание.

культуры, чтобы «вступить в цивилизацию», а на самом деле в Технос, не должны задуматься, а все ли в порядке с положением, к которому, подстегивая себя модернизационными призывами, стремимся как к земле обетованной? Не постараться ли извлечь какие-то уроки из их опыта?

Неоспоримым достоинством западной цивилизации в ней самой и для остального мира считалась свобода. «Свободное общество» — ее другое название. Свободой, ради свободы, «издержками свободы» (слова, предпринимательства, любви) оправдывались любые отрицательные (если таковые признавали) черты «открытого общества». «Открытое» — знаменитый концептуальный синоним свободного общества. Оно противостояло «закрытым», где свободу ограничивают мораль и религия. Privacy: права человека, презумпция невиновности, тайна переписки, частной жизни, выбора — его священные коровы. Которые в самом деле были и давали молоко. Но кто решится теперь о них говорить, если говорить всерьез? Теперь, когда все просматривается, а где просматривается, там и прослушивается; когда человека то и дело, публично щупая, раздевают догола и у каждого индивидуальный номер, занесенный в общую базу данных; когда невозможна тайна межгосударственных дипломатических связей, не говоря об индивидах и т. д. В условиях перерастания цивилизации в технос о свободе можно говорить лишь в силу инерции или корыстного интереса в обмане. Нынешний, «воспитанный в свободе», обыватель требует установки камер слежения за всеми и везде: на улицах, на транспорте, в магазинах, тюрьмах, в солдатских казармах («глаз командира»), в частных офисах и госучреждениях, в банях(?), туалетах(!). Наконец, в квартирах (сначала за домработницами, потом детьми, потом сами за собой). В так называемых «умных домах» фиксируется любой шаг и внутреннее состояние организма. Практически нет мест, которые бы оставались неприкосновенными. Все больше и больше ограничивается принадлежность человеку собственного тела. Детекторы лжи, отпечатки пальцев, универсальные электронные карты, эксперименты с аппаратами по чтению мыслей и стиранию памяти, ничтоже сумняшеся, вводятся и принимаются как норма, не отдавая отчета, что это отказ от признания человека ответственным, обладающим собственной волей и сознанием существом. *Отказ от личности осуществляется практико-эмпирически.*

Не хочется перегружать статью лишним напоминанием об общеизвестной, когда-то всех пугавшей утопии Дж. Оруэлла «1984», с ее «телескринями» и «англсоцем», но трудно удержаться от восхищения как точно он описал техно-потребительское будущее, которое фактически стало нашим настоящим. «...Будущее представляется все более уско-

ряющимся маршем технического прогресса: машины, избавляющие от физического труда, машины, избавляющие от размышления (*это до появления компьютеров и электронного образования!* — В.К.), машины, избавляющие от боли, гигиена, высокая производительность труда, четкая организация производства, больше гигиены (*вплоть до дисбактериозов кожи* — В.К.), рост производительности труда, лучше организация производства. Пока вы не окажетесь в знакомой уэллсовской утопии, тонко спародированной в «О, прекрасном новом мире», рае маленьких толстяков» (*небольшая неточность: толстяки большие, огромные.* — В.К.) [9, 170].

Да и все ли в порядке у «не работающих и не думающих гигиеничных толстяков» не с осуществлением только, а с самим идеалом, к которому, руководствуясь девизом: «в науке кроется все счастье человечества», устремилась потребительская цивилизация, если они = человек в ней вымирает? При всех инновационных достижениях это — прозаическая, подтверждаемая статистикой, правда. Курс на полную технизацию жизни, дискредитацию традиционных ценностей родового человека с неизбежностью ведет к падению его воспроизводства. Конец природно-культурной истории человечества означает «в конце концов» конец демографический. Богатый, комфортный, эгоистичный, гендерный Запад, благодаря этому — заканчивается. (Для воспроизводства населения коэффициент рождаемости на одну семью должен быть 2,4, а он в среднем по Европе 1,5). В отличие от России, «минусующей» от высокой смертности и безответственного эгоизма правящего класса, причина их вымирания не в недостатке (новаций, знаний, денег, товаров), а в избытках, в образе жизни, который ведут люди. Чего стоит запрет на официальное употребление слов «отец» и «мать», тем самым их признание нецензурными, объявленное в Европе и США. Как в вызывавшем всеобщее отторжение «Новом удивительном мире», описанном в романе О. Хаксли, где слова «отец» и «мать» тоже были ругательными. Когда это виделось утопией, такого будущего все боялись, когда подобное скандально символическое совпадение происходит в реальности — не замечают. Очевидно, что дальнейшим движением по тому же пути, в том же направлении проблема у(вы)мирания передового отряда человечества не преодолевается, а усугубляется. Значит, стремление в рай — это стремление к смерти. Неужели бездумным «сторонникам модернизации», ставя задачу «догнать», скорее войти в него, но в той или иной степени еще находясь на распутье, не повод задуматься? Что тогда для этого надо, если, конечно, они совсем не утратили такой способности. Хотя, надо признать, сохранить ее не так просто.

Идеология инновационизма стала господствующим мировоззрением и настолько, что возник феномен *неомании*. Когда предполагается, что любые сложившиеся системы и вещи существуют для того, чтобы скорее исчезнуть и замениться иными, новыми. Потом опять новыми, еще раз новыми — непрерывный, ничем не ограничиваемый поток перемен в режиме с обострением, который уносит мир и человечество в неизвестном направлении, растворяя и превращая в материал прогресса. Неомания и ненасытный молох потребления питают друг друга и оба вместе истощают природу и человека, ведя к утрате ими их идентичности. Лишь бы новое, лишь бы прибавлять. Перемены и «реформирование» стали самоцелью. Не прогресс ради общества, а общество ради прогресса, развитие «в разнос» — вот что происходит с обществом, когда оно идет по пути модернизации под знаменем без(д)умного инновационизма. *Прогресс превращается в трансгресс.*

Трансгресс — это развитие с переходом через то, что развивается, в «свое иное». Трансгрессизм категорически противоречит теории так называемого устойчивого развития, которая была выдвинута в 1990-е гг. как своеобразный императив выживания человечества. Она была принята практически всем миром в качестве «официальной идеологии» после серии докладов Римского клуба, показавших губительную для природы и человека опасность неконтролируемого роста мировой экономики, когда прозвучали призывы к «остановке развития», к «нулевому росту». На подобный шаг мир пойти не мог. Но ограничить развитие по параметрам сохранения системы, которая развивается, т. е. поддерживать ее в устойчивом состоянии — это было осознано как единственно правильная возможная установка, если люди хотят выживать. Последний рубеж их самости. Чтобы удержаться на нем, развитие цивилизации надо перестраивать по целям, скорости и внутреннему характеру, подчиняя задачам сохранения *Homo sapiens*, каким он сложился в процессе биологической эволюции. Подчиняя экономику — хозяйству, технику — культуре, потребление — самосовершенствованию, рациональное — духовному. Это предполагает, что далеко не все, что технически возможно, следует осуществлять, не всякое новое можно и нужно внедрять. Чтобы стать инновациями, новации должны проходить жесткие социально-гуманитарные фильтры. Базовая мировоззренческая установка для устройства и при функционировании таких фильтров: сначала надо быть, а потом меняться; *развиваться надо для того, чтобы быть*. Sustainable development — это когда изменение и становление не самоцен(ль)ны, не движение в дурную бесконечность, а служат сущему и Бытию.

И вот сейчас, с одной стороны, это, выдвинутое в качестве последней надежды мировоззрение выживания забывают, а с другой, если

используют, то в извращенном виде, трактуя устойчивость развития как его еще большее ускорение. Страны, области, районы, графства и кантоны принимают планы «устойчивого развития», имея в виду обязательное наращивание объемов производства. Не отказываясь открыто, принятую всем миром идею поддержания того, что развивается (природы, общества, человека) также всем миром запутывают, а фактически отбросили. Хоронят, не попрощавшись. Вместо устойчивого развития, как видим, стоит всеобщий оглушительный крик о развитии как замене всего и вся без разбора — новым. Крик об «инновационизме». И никакого осознания, что это прямо противоположные, отрицающие друг друга подходы. Никакой проблемы, по крайней мере, в России, тут не видят. Поистине, слепые вожди слепых, идут с закрытыми глазами. Деятельность Римского клуба и провозглашенная в 1992 г. в Рио-де-Жанейро Декларация об устойчивом = ограниченном = регулируемом развитии, были, по-видимому, последним озарением человечества перед погружением в техногенный фатализм. Последней крепостью его здравого смысла.

Хотя, так или иначе, взывать к ним (человечеству и здравому смыслу) надо. Даже если не удастся остановить это трансгрессивное движение, должны быть люди, которые понимают, что происходит. Чтобы сохранить наше достоинство как мыслящих существ. Были мол, такие «секции», кто не согласился с эвтаназией, видели и предупреждали. Пытались опровергнуть утверждение М. Хайдеггера, что «наука не мыслит», предлагая отслеживать результаты технической активности дальше собственного носа. Если наше положение безнадежно, надо сделать все, чтобы его изменить. Таким способом существующий Номо сарієns может выиграть несколько лет, десятилетий, веков. Если будет бороться до конца, хотя бы и без упования на окончательную победу.

Как само устойчивое развитие не должно пасть жертвой непрерывного новационизма, так и его идеология не должна быть заложником суетной моды, мельтешения теоретической терминологии. Если смысл устойчивого развития превратился в противоположный, никакими объяснениями, призывами «к подлинности» его не восстановить. Однако стоит попытаться выразить, удержав эту подлинность в других, близких понятиях и терминах. Желательно более точно отвечая изменившимся обстоятельствам, с учетом прежнего опыта использования имени. Модифицировать форму, чтобы адекватнее уловить содержание. Представляется, что другим названием современного развития, поскольку мы хотим надеяться, что оно останется человеческим, может быть — *контролируемое, управляемое развитие*.

Развитие объекта с сохранением устойчивости требует управления им. Устойчивое развитие (*Sustainable development*) в действительности может быть реализовано только как управляемое развитие (*Controlled development*). Развитие управляемо, контролируемо, если оно с рефлексией, если у него есть цель и субъект. Это значит, что любая инновационная деятельность должна отслеживаться по последствиям и параметрам влияния на человека, быть обдумываемой и оцениваемой. У сторонников внедрения того или иного изобретения должны быть обязательно критики, оппоненты, ибо ни один продукт современной технауки не является однозначно положительным. Они все, даже если не брать открыто авантюрные и непосредственно патологические — амбивалентны. «По определению», поскольку инновационная деятельность вышла за пределы феноменологической реальности и стала постчеловеческой. Приводить ее к мере человека, задача более актуальная, ответственная и сложная, чем внедрять нарастающее как цунами количество сомнительных, неясных и непредвидимых по последствиям новаций. Как бы они нас не смыли, не унесли с этой Земли. *Взаимодействие Человеческого и Иного — вот основной вопрос философии (управления) ради нашего выживания.*

Будем надеяться, что на следующей встрече с Президентом Российской Федерации, посвященной модернизации российского общества, секция противников ее без(д)умного (про)ведения — появится. «Сторонники контролируемого развития». У кого-то, может быть, (при)откроются глаза. И все будут представлять интересы человека как высшей цели модернизации и управления любыми новациями. *Управления для жизни.*

Литература

1. *Аргонов В.Ю.* Искусственное программирование потребностей человека: путь к деградации или стимул развития // Вопросы философии. 2008. № 12.
2. «Этот безумный, безумный мир...» // Философия и общество. 2011. № 1.
3. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.
4. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М., 2000.
5. *Культура времен апокалипсиса.* Екатеринбург, 2004.
6. *Липовецкий Ж.* Эра пустоты. СПб., 2001.
7. *Сиоран Э.М.* Горькие силлогизмы. М., 2008.
8. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее. М., 2004.
9. *Orwell G.* Wells, Hitler and the World State. 1970.

РОССИЕВЕДЕНИЕ

Ф.И. ГИРЕНОК

О русском и советском дискурсах и разрыве между ними

Аннотация. В статье определяется особенность русского дискурса и советского, а также различия между ними. Эти отличия сводятся к следующему: в русской философии развивается тема софийности, в советской — тема Другого.

Ключевые слова: другой, язык, сознание, русская философия, советская философия, София, Бахтин, Флоренский.

Abstract. In article feature of Russian discourse and Soviet, and also distinctions between them is defined. These differences are reduced to the following: in Russian philosophy the theme of Sofia, in Soviet — a theme of Another develops.

Keywords: another, language, consciousness, Russian philosophy, the Soviet philosophy, Sofia, Bakhtin, Florensky.

Русская философия появляется в XIX в. с осознания славянофилами онтологии русской жизни. В чем суть этой онтологии? По формуле Чаадаева, она заключается в том, что мы всякий раз заново вынуждены решать вопрос о том, как нам жить. В словах Чаадаева есть правда, но не вся, ибо веру свою мы, все-таки, не меняли. Как говорил Хомяков, церковь у нас одна. И власть одна — от Бога. Это неизменное. По формуле Хомякова, суть нашей онтологии состоит в соборности, в воле к любви.

Соборность. Русский дискурс

Что такое соборность? Бердяев пишет: «Соборность есть общение в любви». Но что это значит? А это значит, что мы имеем дело с людьми, «Я» которых смещено из центра. Чем оно смещено? Во-первых, ощущением присутствия Бога. Во-вторых, традицией. Что может объединить людей со смещенным из центра «Я»? Любовь. Поэтому Хомяков говорит о воле к любви. Но что делать с человеком, если его жизнь вращается вокруг его «Я»? Этот человек будет стремиться не к общению в любви, а к власти. Множество людей, которые центрированы своим «Я», может объединить только интерес. Или власть.

В первом случае мы имеем дело с соборностью. Во втором — с социальной группой, коллективом.

Следовательно, славянофилы осознают онтологию жизни русского человека, т. е. человека со смещенным из центра «Я». Но смещение означает, что «Я» не имеет никакого отношения к «Мы». «Мы» — это не множественное число «Я». «Я» и «Мы» связаны только грамматически. С онтологической точки зрения, «Я» и «Мы» имеют разное происхождение. «Я» — продукт языковой обработки человека. «Мы» — принадлежит мистерии. Я проявляет волю к власти. «Мы» сторонится власти. Как же понимается власть в русском дискурсе?

Власть и безвластие

Для русского человека власть — это государство, а государство — это сила, на которую может опереться человек со смещенным из центра «Я», столкнувшись с волей централизованного «Я». Если государство в этом случае не выполняет свое предназначение, то, с русской точки зрения, следует: говорить об измене.

«Толковый словарь живого великорусского языка» говорит нам о том, что всякую власть определяет закон. И только верховная власть стоит выше закона. Отношение русского сознания к власти может быть выражено простой формулой: всякая власть дана человеку от Бога. Но что это значит? Разве и безбожная власть от Бога? Разве она не от дьявола? На все эти вопросы следует дать отрицательный ответ. Почему? Потому что из этой формулы следует, что человеку нужно сторониться власти. Не его это дело, а Бога. Бог — судия для власти, а не человек. Изменить природу власти никому не удастся.

В самом деле, человек может стремиться к власти, но не может противостоять ей. Государственная машина способна превратить в прах любого человека. И только на Христе она сломала свои зубы. Нельзя, чтобы люди делали глупость, бросая бессмысленный вызов власти. Объявляя всякую власть от Бога, народное сознание как бы говорит: нечеловеческое это дело бросать вызов власти, ибо силы их совершенно несоизмеримы. Если же объявить, что власть происходит не от Бога, а от человека, то тогда она покажет свою соизмеримость с человеком, и многие люди могут попытаться вступить с ней в борьбу, попробуют изменить ее природу, а это чревато для них катастрофой. Ибо ее природа — это насилие.

В той мере, в какой власть мыслится от Бога, она перестает быть основным вопросом социальной революции. Человеку не следует заниматься переустройством общества. Ему нужно не вращать вокруг себя глазами, а изменить самого себя. Из формулы «всякая власть от Бога» следует: только изменяя себя, человек может изменить социальный мир.

Мир человека — это не мир логики, а мир абсурда. Рационально устроенный мир существует только в порядке речи. В мире же абсурда требуется не ум, а воля к власти. Волю человека нельзя обуздать умом и направить ее к цели. Иными словами, страшнее власти безвластие. Вот безвластие — не от Бога, а от дьявола. В пространстве безвластия пробуждаются и показывают себя все пороки человека. В нем нет никакой метафизики, никакой сверхидеи. Во время безвластия ничего нельзя сделать, все невозможно.

В классической русской философии доминирует «мы» и почти полностью игнорируется тема другого. Но эта тема появляется в советской философии едва ли не на следующий день после смерти русской религиозной философии.

Другой. Советский дискурс

На мой взгляд, советский дискурс наиболее полно представлен в работах Бахтина и Выготского. Возьмем известное положение Бахтина о том, что «никто не может воспринимать себя как целое». Восприятие себя Бахтин относит к порядку представления. Что же он относит к порядку бытия? К порядку бытия он относит Другого, ибо Другой — это тот, кто дает нам нашу целостность, кто опосредует нашу жизнь, кто завершает нас. Другого Бахтин помещает в ситуации вневходимости, поэтому Другой всегда не здесь. Что же Другой в состоянии вневходимости может знать такого, чего не знаю я о самом себе? Он знает мое рождение и знает мою смерть. В ситуации вневходимости человек получает новую чувствительность, и ему не надо никому сопереживать. Никто сам по себе своими силами в новом плане бытия родиться не может. За рождением нового человека стоит Другой. Бахтин пишет «В эстетике словесного творчества»: «Личности не будет, если Другой ее не создаст».

Можно согласиться с Бахтиным, что никто не видит себя в пространстве. Каждый из нас, переживая себя, создает свой внутренний образ. Но этот внутренний образ, который вижу я, не видит Другой. Другой видит только мою наружность, которой не вижу я. Так возникает конфликт между мной и Другим. Но Бахтин тему этого конфликта не обсуждает. Он не видит причин для раздвоения Другого и, следовательно, не видит причин для того, чтобы дезавуировать заявленную позицию относительно Другого.

Я приведу цитату из Ивана Ильина, в которой он говорит о цельных людях, имеющих на его взгляд сатанинское начало в душе. «Это, — пишет Ильин, — цельные натуры, без всякого раздвоения, которые просто наслаждаются злом, тотальные преступники, которых мы беспомощно наблюдаем и с которыми не знаем, что делать».

Если для Бахтина Другой не допускает в себя раздвоения, будучи цельным, то для Ильина цельный человек преступник, наслаждающийся злом. Что мы можем противопоставить цельному человеку? Только свою шизофрению, свое раздвоение, в котором рождается сомнение.

И в этом смысле я хочу напомнить о «Записках из подполья» Достоевского, в которых представлен иной взгляд на Другого нежели у Бахтина. Другой — это не вневещность, это и не тот, кто смотрит на нас, и не тот, на кого смотрим мы. Другой — это тот, кто заставляет тебя смотреть на себя с отвратительной точки зрения. То есть Другой — это объективация грез, способ терзания себя благодаря полаганию иного в себе.

Бахтин, придумавший полифонию, хронотоп и диалогизм героев Достоевского, всего лишь объективировал свои собственные фантазмы, которые к Достоевскому не имеют никакого отношения. Недаром Бахтин так и не решился проанализировать упомянутые мной «Записки из подполья», ибо они полностью расходятся с его взглядами.

Различия советского и русского дискурса можно увидеть и в понимании слова, языка.

Язык. Разрыв в понимании

Для Бахтина язык является чем-то мертвым, неизменным. Язык — это просто правила игры. Речь же человека всегда живая. Речь — это сама игра, в которой соединяется воображаемое и язык. Проблема же состоит в том, как нам помыслить речь: как нечто индивидуальное или же как нечто социальное. Если она индивидуальная, то в ней нельзя будет найти места для Другого. Если же она социальна, то что же тогда в речи высказывается? Бахтин полагает, что речь социальна. Что в ней важно не то, что ею высказывается, а то, что она обращена к речи Другого. В соответствии с этим положением он формулирует свой концепт слова, которое понимается как слово-перекресток.

Флоренский думает иначе. Для него речь высказывает нечто интимное, индивидуальное. На Флоренского работает сама материя слова «высказывание». Бахтину пришлось вступить в борьбу с этой материей. В противном случае ему пришлось бы согласиться с тем, что высказывание — это своего рода производство, в котором нужно все время что-то выводить наружу, делая потаенное публичным. Очевидно, что высказать можно только личное, непубличное, тобой пережитое, подуманное. Все остальное просто сказывается. Высказать уже высказанное нельзя. Его можно просто передать Другому или принять во внимание. Речь без высказывания коммуникативна. Она не требует

каких-то особых процедур по пониманию. Высказывание — некоммуникативно, ибо оно по своей природе чревато непониманием.

Флоренский настаивает на том, что высказывание идет изнутри во вне. А это значит, что высказывание нуждается в особой онтологии, а именно: в двухсторонней структуре мира. Но эта онтология не нуждается в Другом. Бахтин исходит из того, что между высказыванием и сказанным нет никакого различия, что выражаемое и выраженное одно и то же. Поэтому речь нуждается не в двусторонней структуре мира, а во времени и присутствии Другого. Бахтин пишет: «переживание — выражаемое и его внешняя объективация — созданы, как мы знаем, из одного и того же материала». Этот материал — знаки. Согласно Бахтину, в диалоге не может быть невысказанных мыслей, если бы они были, то они бы разрушили диалог, и выражаемое оказалось вне связи с выраженным. Что недопустимо, ибо нарушает коммуникативный механизм. Бахтин предполагает, что в диалоге человек говорит ровно столько, сколько услышит его собеседник. А это означает, что Другой определяет возможности твоего сознания. И поэтому Тютчев с Фетом ошибались, тоскуя о возможности души говорить без слов.

Для Флоренского — слово это не перекресток. «В изучение слова, — пишет Флоренский, — мы подходим к основному противоречию, которое разрешимо только одним способом, а именно, признанием того, что прежде, нежели понять друг друга словесно, мы должны уже понимать друг друга внутренне, мистически, непосредственно. Чтобы разговаривать, надо иметь мистическое единство душ, которое разговором только выявляется сознанию».

Флоренскому возражал Выготский, который собирался построить психологию без души. «Непосредственное общение душ, — писал Выготский, — невозможно». Согласно Выготскому, мысль совершается в слове, в знаке. Согласно Флоренскому, мыслить — не значит говорить. Это хорошо показал Достоевский. В «Дневнике писателя» Достоевский рассказывает о том, как шесть пьяных мастеровых в разговоре выражали свои мысли одним и тем же словом. И при этом прекрасно понимали друг друга. А это значит, что мысли в языке — не от языка, а от ума. Поэтому они могут выражаться не только в словах, но и в образах.

Образы

Русский дискурс в философии создавался на основе православия, в котором истина связана не со словом, а с образом. Образ убедительно показывает, тогда же, как слова доказывают. Словесное доказательство нужно проверять, ибо слова могут оказаться пустыми. А образы самодостаточны. Они не отсылают к другим образам. В них нет изъя-

нов, нехватки. В них выполняется правило: быть — значит быть в восприятии. Флоренский говорит: «Есть “Троица” Рублева, следовательно, есть Бог».

Ориентация не на понятия, а на понятийные образы ограничивают русскую религиозную философию в изложении абстрактных истин, но позволяет реализовать альтернативную логику мышления, смысл которой попытался передать Е. Трубецкой в работе «Умозрение в красках». Этот смысл состоит в следующем.

Иконический характер мира не сводится к простой визуальности. Чтобы посмотреть, нужно просто открыть глаза. Открыв глаза, мы не все сможем увидеть. Смотреть — это не значит видеть. «Умозрение в красках» переводит невидимое в видимое. Например, икона расширяет границы визуального. Но в этом расширении оно уже зависит не от глаза, а от ума.

Образность русского дискурса делает его близким литературе и одновременно далеким от аналитической философии. В нем интуиция является тем способом, в котором вещи, согласно Н. Лосскому, показывают себя такими, какие они есть. И этот показ невозможно уловить при помощи абстрактных понятий, которые, как правило, связаны рефлексией.

Рефлексия

Русский дискурс не рефлексивен. Он не интересуется рефлексией как внутренней структурой субъективности. Более того, он бросает вызов рефлексивной субъективности, ибо видит в ней опасность для мысли. Эту особенность русского дискурса можно было бы выразить так: кто рефлексивирует, тот не мыслит, а кто мыслит, тот не рефлексивирует. Так, например, Бердяев видел в попытках познать познание угрозу мысли со стороны рефлексивной субъективности, уводящей нас в дурную бесконечность, а не в сторону метафизики.

Метафизика

Русский дискурс метафизичен. Ибо он постоянно выходит за пределы сущего. Но выходит он за эти пределы не в ужасе, в котором человеку, согласно Хайдеггеру, являет себя ничто, а в страхе, в котором человеку являет себя Бог. Русский дискурс укоренен в трансцендировании не к ничто, а к тому, что полагает это ничто, чтобы творить из него все. Поэтому не встреча с ничто является главным событием в жизни русского человека, а встреча с Богом, трансцендирование к тому, что стоит над отношением между Бытием и Ничто.

Русский философ, оставаясь в языке, безразличен к языку. И поэтому, например, «Философию имени» Булгакова нельзя рассматри-

вать как философию языка. Философия имени — это стремление русского философа ускользнуть к безъязыкому, трансгрессировать за пределы языка «к перевернутому миру» (Гегель).

Перевернутый мир

Если верить Гегелю, то нужно согласиться с тем, что в философии мир предстает как нечто перевернутое. В русской философии перевернутый мир представлен фигурой юродивого. Юродивый — забытый предмет русской философии, который по своей сути, является ничем иным, как описанием мира изнанки нашей души.

Используя смысловые ресурсы нашего языка, которые таятся в пословицах, поговорках, сказках, притчах и прибаутках, можно попытаться заглянуть в этот мир изнанки.

Боль

Другой путь заглядывания в мир подлинного проходит через боль и страдание. Страдать — значит обрести свою самость, чтобы быть собой от начала и до конца. Быть собой крайне обременительно, ибо это означает перестать быть частью мира, который, конечно же, начинает за это мстить всеми возможными способами. «Человек, — писал Достоевский, — любит жизнь потому, что любит боль и страх». Боль является внутренним распятием человека. От внутренней боли нет обезболивающих средств. Боль сопротивляется разворачиванию нашей субъектности. Ибо в боли инициатива принадлежит боли, а не сознанию. Боль приходит тогда, когда ее не ждут. Она застаёт нас врасплох, и следовательно, ее нельзя означить, нельзя найти в интенциональной направленности на мир нашего сознания. Боль не интенциональна.

Итак, язык русской религиозной философии рационализировал страхи и боли русского сознания, показывая ему его невидимую сторону. Все эти рационализации были разрушены советской философией, были изъяты из ее дискурса.

Изъяны

Недостатки русского дискурса очевидны: дискурс все время как бы плывет и никуда не может приплыть. Он неустойчив, аморфен, часто повторяет себя. Например, куда приплыла софиология Соловьева? Непонятно. Соловьев еще в «Трех силах» определил Россию в качестве лишенного радости жизни поставщика души в Европу. У нас ее много, у них мало. Поэтому Россия мыслится Соловьевым в качестве сырьевого придатка Европы. Ключевой характеристикой России для него, по существу, стало слово «посредник». Россия — это то, что связывает мир в одно целое, не являясь самим этим целым.

Я думаю, это связывание выражает и прагматику «Софии», противоречивого понятия Соловьева. София — это и не логос, который ведет к рациональности, и не миф, который покидает почву реальности. София противостоит и мифу, и логосу, являясь образом посредника между верхом и низом органического целого. Образ Софии был утрачен в России интеллигенцией.

Дискурс интеллигенции

Советский дискурс — это дискурс интеллигенции, утратившей, согласно Федотову, свои корни и веру. Культ науки заменил для нее Бога. Обезличенный язык ученого заполнил пустоты, образовавшиеся после смерти русского дискурса. В советском дискурсе не было дна, конечной инстанции понимания, т. е. не было, как говорил Гачев, «национального образа мира». И поэтому на языке советской философии нельзя было понимать. На нем можно было только симулировать. Советская философия — это событие языка, утратившего связь с неязыковой реальностью. Философ России перестал принадлежать России. Он стал транслятором идей европейской философии.

Русская философия умерла. На ее месте возникла история русской философии. Историки, как патологоанатомы, принялись изучать ее труп. Результатом их труда стали путеводители по русской философии.

В результате нам теперь ближе Маркс, а не Булгаков, Фуко, а не Самарин, Хайдеггер, а не Флоренский. Соловьев для нас — это теперь бесконечно далекий безжизненный космос. Почему? Потому что первые — это те, к кому мы идем, а вторые — это те, от кого мы ушли. Между нами и русской религиозной философией нет ничего общего: ни предмета, ни понятийного языка, ни смысла. Но и в пространстве европейской философии мы не можем найти себе места, ибо не мы начинали тот разговор, который столетиями длит европейская философия. Так в пространстве современной философии образовался еще один разрыв. Мы не знаем, кто мы.

Кто мы?

Заимствуя термины европейской философии, мы не присутствуем в европейском метафизическом пространстве. Философы современной России оказались в двусмысленном положении. Посредством языка они соотносят себя с русским дискурсом. Но русская религиозная философия умерла. Поэтому в этом отношении у нас есть только язык и мертвые мысли. Посредством немногих мыслей мы соотносим себя с европейской философией. Но для этих мыслей у нас нет языка. Европейские мысли на русском языке, как сарафан на корове. Нельзя удер-

жать метафизическое мышление в языке, для этого непредназначенном. Поэтому философы современной России мечутся между языком без мыслей и мыслями без языка. И не знают, что им делать. Вернее, все, что они делают, получается либо безъязыким, либо сплошным безмыслием. В этой ситуации нужно признать, что мы путники, заблудившие в лесу. За нами нет никакой интеллектуальной традиции. Мы всякий раз вступаем в беспредметный разговор с надеждой, что появится предмет разговора. И понимаем, что предмет разговора существует до разговора только в Европе. Ибо только в Европе есть мыслительные традиции. Мы безнадежные одиночки. У нас каждый сам за себя.

Для европейской философии мы являемся почти никем, какими-то дальними бедными родственниками. Мы интересны только как рынок сбыта для их идей. Как потребители их философских текстов. Мы еще можем понимать то, что сказано философами Европы. Но мы не можем понимать того, что ими недосказано и тем более сверхсказано. В этой ситуации нам, видимо, нужно признать свою бедность и отказаться от попыток договаривания того, что не нами говорилось, а также от попыток угадывания смыслов сверхсказанного европейской философией. Нам нужно попытаться найти в нас то, что началось раньше нас на другом берегу, в пространстве русской религиозной философии. Нам нужно научиться делать бессмысленные шаги с надеждой, что смыслы, может быть, появятся потом, с задержкой во времени. Либо они не появятся никогда.

В.В. РЫШКУС

О развитии России

Аннотация. В статье поднимаются вопросы, что считать развитием как таковым и каким является развитие России. В противостоянии сторонников субъективистского и объективистского подходов к развитию автор отдает предпочтение последнему, отмечая естественноисторические особенности развития России. Поднимается вопрос сочетания экономики и хозяйства в России, при котором бы решалась задача обеспечения народа.

Ключевые слова: развитие, Россия, экономика, хозяйство, экономическое хозяйство, национальная экономика, философия хозяйства, земля.

Abstract. In the article an author raises a problem of the development itself and about the development of Russia. In the opposition of the followers of subjectivist and objectivist approaches in the treatment of development the author prefers the last, pointing the natural specific characteristics of the development of Russia. The question of communication between economics and economics in Russia raises, that the task of people saving was provided.

Keywords: development, Russia, economics, economics, economical economics, national economy, philosophy of economics, land.

На Земле идет постоянный процесс развития. Невозможно однозначно оценить характер этого развития. С одной стороны, совершаются научно-технические открытия, становятся доступными новые области знаний, дорога в инновационный, нанотехнологичный мир оказывается близкой и не столь уж непроходимой. Человек, потребляя бесконечное количество материальных благ, которыми его каждый день снабжает мировая экономика, думает, что ему легче и интереснее живется по сравнению с периодом в несколько десятилетий назад. Однако, с другой стороны, войны, которые были во все времена, совсем не прекратились, а, быть может, даже стали более жестокими, если говорить не только о наносимом материальном ущербе, но и о моральной подоплеке происходящих событий. Войны ведутся не только на полях сражений с применением современных видов технических вооружений. Происходят экономические и финансовые кризисы с присущей им периодичностью. Ощутимее становится разрыв в уровне благосостояния между самыми богатыми и самыми бедными странами. Нарастают экологические проблемы, а демографическое развитие застопорилось уже лет 50 назад и теперь оказалось в кризисном состоянии, а света в конце тоннеля в решении этих вопросов пока не видно. Усугубление обозначенных негативных тенденций ставит под сомнение положительную оценку такого развития.

Что при этом считать развитием и о каком развитии нужно говорить как в тактическом, так и в стратегическом смысле? Насколько является развитием ситуация, при которой нам удобнее продать или купить какой-нибудь технический прибор, получить от этого материальную выгоду, затем вложить заработанные деньги в доходный проект, предварительно рассчитав NPV, IRR?! Поучаствовав в сделках купли-продажи и, возможно, став богаче, можно ли говорить, что произошло некое движение?! Можно ли назвать это движение развитием?! Можно ли назвать его «движением вперед»?!

С точки зрения самого субъекта конкретных отношений, это может показаться продвижением вперед, поскольку были авансированы де-

нежные средства, которые потом преумножились и дали экономический эффект. Субъект как бы «прирос» денежными средствами, которые вложил в другой проект и т. д. С точки зрения альтернативных отношений, где другие субъекты совершали подобные сделки, но с большим оборотом денежных средств, так называемый прогресс первого субъекта будет казаться лишь движением улитки, поскольку в рамках целой системы он не будет замечен. Но те ли это моменты, которые необходимо брать за методологическую основу рассуждений о развитии?!

Как мы заметили, эффект от каких-либо совершаемых действий (будь то юридическое или физическое лицо, субъект федерации или государство) может быть положительным для одного субъекта, но отрицательным для другого. Так, введение таможенных пошлин может повысить доходную часть бюджета одного государства, но вынудить другое понести незапланированные убытки. Если судить по дефициту (профициту) бюджета как о развитии, то смело можно утверждать, что одна страна развивается, а вторая, если не находит альтернативных путей снижения издержек или увеличения доходов, регрессирует. Если взять за основу макроэкономические показатели стран в динамике и на их основании делать выводы о развитии, то получится, что все воспринимается через призму *экономических* отношений.

Какие могут быть предложены решения по увеличению рождаемости, экологической безопасности, если все базируется на экономических отношениях?! Конечно, экономические. А именно: увеличение социальных льгот и пособий, выделение денежных средств для городского и муниципального строительства и т. д. Многим представляется нормальным, что эти меры смогут в полной мере решить обозначенные проблемы. Только ситуация в окружающем мире в корне не меняется, несмотря на выполнение различных социальных программ (они оказывают незначительный эффект, да и то в краткосрочной перспективе).

Отметим две точки зрения на то, кем или чем определяется развитие. Одна сторона придерживается мнения, что общемировое, вселенское развитие всецело зависит от воли и решений сильных мира сего. Другие как бы противостоят им, полагая, что развитие носит объективный естественноисторический характер, и оно само определяет волю и сознание людей (см.: [1, т. 23, 9]). Распространено убеждение, что если одни страны стали богатыми, обрели статус развитых экономик или даже стран «золотого миллиарда», то и другие смогут вслед за ними стать таковыми. Стоит только перенять опыт. Многие, полагая, что Маркс писал именно об этом (а не о том, что путь капитализма будет пройден *только* западными странами), вспоминают его каждый

раз недобрым словом, когда очередная программа построения капитализма проваливается.

Эти заблуждения могут быть опровергнуты с экономической точки зрения. Так, за годы либеральных реформ 1990-х гг. в России так и не удалось построить развитую рыночную экономику, и более того, она откатилась назад по многим экономическим показателям по отношению к развитым странам (производительность отраслей, структура импорта/экспорта, доля заработной платы в национальном доходе и др.). Хотя, казалось бы, технологии, используемые в развитых странах, были переняты, а командно-административная система управления — успешно сломана. Практика в который раз доказала непреложную истину: ломать проще, чем строить.

Невозможность прохождения всеми странами одинакового пути развития была отмечена еще 150 лет назад К. Марксом, писавшим русской социалистке В. Засулич о том, что если в развитых странах развивается частная собственность, то в России отношение к земле строится на общинных принципах, но никак не на спекулятивных [1, т. 19, 401 — 402]. Это предопределило то, что в западных странах капитализм начал развиваться куда быстрее, чем в остальных. Россия с самого начала объективно не смогла пойти вслед за западным миром и стать одной из капиталистических держав. Этому препятствовал как уже упомянутый характер землепользования русского человека (артельный тип взаимодействия в крестьянском хозяйстве), так и природно-климатическая специфика территории России. Заметим, что сам Западный мир в последнее время все больше говорит о сомнительности всеобщей пользы капитала.

Природа, мир или кто-то еще устроили так, что Россия не является промышленно отсталой страной, отказываясь от однозначного следования по пути западного капитализма. В ней сочетаются эти объективные условия, и таким преимуществом не следует пренебрегать. Мы имеем дело не с экономикой, как бы это было, если бы рассматривали США, Великобританию, Германию, и не с хозяйством, как бы это было, если бы мы делали исторический экскурс в Средневековую Русь. У нас в той или иной степени на одних территориях существует экономика, при этом на других сохраняется хозяйство, и они объективно сосуществуют в России. Однако их соприкосновение следует называть не кооперацией, а борьбой, в ходе которой более сильное может разрушать более слабое, в результате чего последнее может вовсе исчезнуть. Эти процессы не видимы человеческому глазу, но они ощутимы в исторической перспективе. Мы предлагаем название для этого — *экономическое хозяйство*. Кто-то может указать на тавтологию употребления этого понятия (мол, экономика — это и есть хозяйство, толь-

ко денежное — как одно из возможных обвинений), но мы раскроем его содержание и объясним, почему предлагаем его использование в отношении России.

Под *экономическим* мы понимаем то, что определяется основным экономическим оборотом, в том числе отношения по поводу купли-продажи товаров и услуг. Хозяйство существует объективно, помимо экономики. Это те территории, где нет экономического оборота, поскольку, с одной стороны, они не представляют интереса для предпринимателя (не получит он желаемого возврата на инвестиции), а с другой — на этих территориях просто не живут люди с психологией алчных и жаждущих наживы дельцов. И хозяйство, таким образом, уже не столько территории (которые можно очертить на географической карте), сколько сознание людей, выраженное в их отношении к природе, семье, земле, народу, друг к другу. Когда человек с детства развивается в хозяйстве, воспитывается в любви родителей, любви к окружающему миру, к другим людям, к традициям своего народа, то он пронесит эти чувства сквозь свою жизнь. Он, быть может, живет уже в крупном городе и работает на капиталистическом предприятии, но остается человеком с хозяйственным мышлением, т. е. исходящим из любви к ближнему при любых своих деяниях. Это выражается в том, как он воспитывает своих детей или просто как относится к уборке территории вокруг дома и внутри него и т. д.

Что дает России объективное развитие в направлении экономического хозяйства? Россия неоднородна, и развитие ее неоднородно. В России почти 80% населения проживет в европейской части страны (25% территории страны), притом что на 75% территории первой по величине в мире стране живет лишь 20% населения. В России неоднородно распределено влияние климата: от сурового северного до мягкого континентального и южного. Жизнь в крупных городах сочетается с жизнью в деревнях, причем уровень этой жизни может значительно различаться (см., например, статистику валового регионального продукта). В России, в отличие от тех же развитых стран, на сегодняшний момент большое количество пустующих, неухоженных земель (так, в Дании все сельхозгодия находятся в частной собственности). Построение рыночной экономики на базе развития инноваций в России нереально именно из-за специфики развития России, а вот реализация инновационных проектов (как это было в СССР, когда сделали возможным полет человека в космос, развивали авиапромышленность, атомную энергетику) вполне допустима, тем более что это не противоречит неоднородному развитию России.

Актуальность вопроса развития России подчеркнута в Концепции *долгосрочного* социально-экономического развития до 2020 г., разра-

ботанной Президентом и Правительством РФ. Государство вроде бы все сказало и указало путь дальнейшего следования — «социально ориентированная инновационная экономика» — и, более того, раскрыло содержание предлагаемых шагов. Но разговоры о стратегии развития продолжают вестись в научных кругах. С одной стороны, это объясняется тем, что крепкие экономисты находят неточности в формулировках и с помощью экономико-математических инструментов пытаются объяснить их и, таким образом, скорректировать содержание Концепции. Опять же их надежды связаны с государством, т. е. с *субъектом*, который, по их мнению, может и должен вывести Россию на лидирующие позиции в мире по экономическому, социальному и иным видам развития. Они исходят из той предпосылки, что, как государство захочет, так и сможет повернуть экономику. Мол, все в руках государства, в консолидации его усилий и бизнеса. Получается, что развитие определяется государственными программами и не зависит от объективных исторических условий. Президент или министр экономического развития дадут директиву, и мы сразу станем экономической супердержавой. Зачастую встречаются публикации, в которых экономисты вносят «принципиальные» уточнения в свои программы, в зависимости от корректировок государственных программ сверху.

По сути многие предлагаемые авторами стратегии развития России — это выбор оптимального взаимодействия государства и бизнеса. Так, группа авторов СИГМА полагает, что только средний класс способен вести Россию к инновационному «светлому будущему», для этого ими предлагаются «демократическое развитие гражданского общества, приближение уровня благосостояния граждан к европейскому уровню, реорганизация государства в новых условиях с выходом из состояния конфронтации с окружающим миром» [2, 3 — 4]. С. Губанов ставит вопрос о пути и формуле развития России, отталкиваясь от того, что отношение к производству ради прибыли — коренной вопрос современного развития [3, 7]. Некоторые авторы, будучи приверженцами подхода новой институциональной теории в экономике, полагают, что отсталость России объясняется слабым развитием институтов трансформации частной собственности в производительный капитал, и только «правильное построение отношений собственности на средства производства» [4, 21] изменит ситуацию, а для этого необходимым представляется «обуздание частных интересов». В. Полтерович предлагает создание институциональной системы для выработки стратегий экономического развития, совместимой с «имеющимися культурными, политическими и институциональными ограничениями, — систему интерактивного управления ростом (СИУР)» [5, 21], важной предпосылкой создания которой автором называются технопарки, экономи-

ческие зоны, национальные проекты, Российская венчурная компания, Инвестиционный фонд РФ, Банк развития. Л. Григорьев считает, что для создания инновационной экономики важно дать возможность частному бизнесу реализовать свой инновационный потенциал в адекватной правовой среде, оставив за государством решение тех проблем, которые накопились в течение переходного периода [6, 60]. А. Блохин предлагает следующие шаги стратегии развития России, которые определяют интенсивность институциональных преобразований: рост конкуренции на всех рынках; развитие и расширение кооперационных связей между экономическими агентами, повышение взаимной требовательности и взаимного контроля, рост инвестиций с мировых финансовых рынков; приток квалифицированных мигрантов, являющихся носителями привычных для развитых стран правил и норм отношений доверия и требовательности в коллективах и социумах при выполнении взаимовыгодной деятельности; рост экономической активности среднего класса (см.: [7]).

При этом о том, что в Концепции, обращения президента стоят две противоборствующие друг другу задачи, никто не говорит. Главным является разрешение этого противоречия в пользу действительного развития. Противоречие состоит не в том, что мы хотим привлекать иностранные инвестиции, не имея системы льгот и привилегий для инвесторов, и не в том, что государство и бизнес пока недостаточно находят общих точек соприкосновения. А в том, что мы и инновационную экономику хотим построить, и демографическую ситуацию улучшить. И сохранить народ русский, и, смотря на западных соседей, поднять уровень благосостояния.

А.П. Чехов сто с лишним лет назад заметил: «Национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения». Справедливы слова автора в отношении экономики. Многие думают, что экономика определяется национальными границами государств, и можно в изолированной стране повышать уровень благосостояния, обособившись от общемирового развития. По крайней мере, такие мысли приходят после прочтения очередных программ развития, в которых авторы с легкой уверенностью говорят о возможности «догнать и перегнать Америку» за довольно короткие сроки, встав на «инновационные рельсы развития». Однако невозможно управлять тем, что само управляет поведением людей. Многие полагают, что это именно выбор людей определяет характер экономики, а не наоборот. Так появляются навязчивые идеи порабощения мира, завоевания лидерских позиций в высокотехнологичных отраслях, а объективное развитие экономики не учитывается.

Экономику вести нельзя, потому что она сама ведет. И в этом смысле можно говорить о ее *наднациональности*. Более того, становясь транснациональной, как и создаваемые ею глобальные корпорации, экономика разрушает традиции, веками укоренившиеся в народе. И даже не столько традиции, сколько сами народы. Не вдаваясь в подробности демографической статистики (а такие данные есть), можно отметить мировые тенденции увеличения миграции и естественной убыли населения в развитых странах, что говорит о вымирании коренных народов. Иммигранты из экономически отсталых стран, ведомые сознанием достойного заработка и социальных льгот, перебираются в развитые страны, в которых рост экономического благосостояния сопряжен с демографической убылью собственного населения, и именно иммигранты создают иллюзию для многих, что в этих странах продолжает сохраняться естественный прирост населения.

Хозяйство важно вести и сохранять. Сама форма жизни в деревне может не означать хозяйства, если такая жизнь не воспринимается как хозяйственная, наделенная высшим смыслом — ради людей и жизни на *земле*, как на планете, так и на земле-матери, дающей и пищу, и воспитание, и развитие. Неслучайно потому появилась философия хозяйства, показывающая, что экономизм негативно влияет на развитие человека. Хозяйство нацелено на воспитание человека в единстве с народом, и его философия предполагает наделение человека «иными представлениями о хозяйственной реальности, чем это делала теоретическая экономия, как, собственно, и философия вообще» [8, 10]. Как отметил И.В. Пшеницын, и хозяйство, и экономику нельзя свести только к *отношениям между людьми* [9, 165]. Необходимо рассматривать, вслед за С.Н. Булгаковым, поднявшим главную проблему современности «о человеке в природе и о природе в человеке», также *деятельность человека, его связь с природой*. Единство человека и природы в хозяйстве выражается в том, что в хозяйстве не возникают проблемы, связанные с загрязнением окружающей среды. Маркс писал: «Человек *живет* природой. Это значит, что природа есть его *тело*, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения <...> природа неразрывно связана с самой собой, ибо человек есть часть природы» [1, т. 42, 92]. Для человека в хозяйстве природа — это не просто окружающая среда, место его обитания, а родной дом, Родина, т. е. он относится к ней так, как относится к своему дому. Природа потому является продолжением тела человека, что он ей не противостоит, а бережно относится, и этим отношением к природе пронизана вся его жизнь. Относясь подобным образом к природе, человек переносит это отношение на окружающий мир в целом, в котором он живет с другими людьми. Для человека в хозяйстве является естественным

создавать семью, воспитывать детей, передавать традиции через поколения.

Отношение к природе — это и отношение к земле. Если в развитых странах ежедневно совершаются спекулятивные сделки на рынке недвижимости еще с XVIII в., то потому и проблема экономики и хозяйства в экономической мысли этих стран не осознается. Все это определяет как отношения людей друг к другу, так и восприятие ими патриархальных ценностей, исчезающее по мере усиления отчуждения человека от семьи, природы, народа. Обратите внимание на слово «земляк». В английском языке это слово переводится как *countryman*, т. е. житель деревни, селянин. У нас слова «земляк» и «житель деревни» могут не означать одного и того же. Когда два человека узнают, что родились на одной земле, они горячо приветствуют друг друга, выкрикивая порой: «Земляк!», т. е. они — люди, родившиеся на одной земле. Они пусть и соотечественники, пусть и сограждане, но, в первую очередь, земляки. Это можно назвать словесной эквилибристикой, но фактически это отражение развития. Сохранение национальных традиций, выраженное в почитании предков, в бережном отношении к природе и земле, вскормившей и воспитавшей, любви к ним, стремлении привить патриархальные ценности детям — вот, что движет сознанием хозяйственного человека. Когда этого нет, то люди, порой не замечая, и природу загрязняют, думая, что один брошенный на улице пакет мусора погоды не делает, и, будучи бизнесменами, стремясь к максимизации прибыли, не обращают внимания на то, что это может нанести вред окружающему миру. Все идет от воспитания, а образование вторично на этом фоне, а не наоборот. Воспитание — это показатель того, в хозяйстве человек сформировался или в экономике.

Говоря о развитии России, мы имеем в виду то действительное развитие, которое должно быть определяющим в формировании человека и его самореализации в соответствии с действительной природой, а не той, которая появляется у человека в экономике (см. Смита о тяге к мене, торговле). К сожалению, многие страны переступили те рамки, когда такое развитие может осуществляться, и это немедленно отразилось на демографических показателях (средний возраст женщины при вступлении в брак, средний возраст женщины при рождении первого ребенка, коэффициент брачности и др.), а, по сути, на сознании самих людей. Действительное развитие, направленное на развитие самого человека, оказывается невостребованным в развитых экономиках. Под развитием в экономике принято понимать нечто материальное, научно-технический прогресс, а такие понятия, как «любовь», «душа», просто не существуют в их первоначальном смысле, и они легко подменяются другими — «секс», «эгоизм».

По сути, противостояние экономики и хозяйства — это борьба двух противоположностей, Воланда и Бога. Зачастую в сегодняшнем мире побеждает первая из двух противоположностей, и это ярко видно на примере финансовых махинаций на мировых фондовых биржах, в таких явлениях, как коррупция и бюрократия. Однако если есть Бог, а он, суть, нечто нематериальное, он существует там, где жизнь людей наполнена хозяйственным смыслом. Даже будучи городским жителем, можно сохранять этот смысл, иметь Бога внутри. Ни походы в церковь, ни молитвы людей, у которых нет Бога внутри, не наделяют их божественной силой, поскольку они стали экономическими, преследующими меркантильные интересы.

Сегодня невозможно говорить об абсолютизации цели по сохранению хозяйства и отказа от экономики. С одной стороны, слишком далеко зашла экономика в своем развитии, что теперь невозможно определить, какая экономика в нашей стране — отечественная или все-таки глобальная. Ведь даже собственная экономика России с ее промышленностью и множеством отраслей не способна производить продукцию в таком объеме, чтобы воспроизводить собственную рабочую силу, о чем свидетельствует сильная импортная зависимость. С другой стороны, нет необходимости разрушать то, что существует сегодня, и возвращаться на несколько столетий назад, когда люди жили в одно- и двухэтажных деревянных домах. Но при всем этом существует объективность, по которой мы судим о неоднородности развития России. Мы и к инновациям стремимся, и душу народа хотим сберечь. Все достижимо, только нужно понимать, какого рода инновации мы хотим и что хотим делать с их помощью, как при этом не погубить бессмертную душу народа или вообще не сделать так, что народа не будет, а будут жить наднациональные люди, для которых сегодня Родина — это «золотая жила» в одном месте, а завтра — в другом, более доходном.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
2. Коалиции для будущего. Стратегии развития России в 2008 — 2016 гг. М., 2007.
3. Губанов С. Неондустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9.
4. Амосов А. Стратегия великой державы в судьбе России // Вестник Института экономики РАН. 2009. № 2.
5. Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. 2008. № 4.

6. Григорьев Л. Инвестиционный процесс: накопленные проблемы и интересы // Вопросы экономики. 2008. № 4.
7. Блохин А. Концепт-прогноз долгосрочного развития России // http://www.worldenergy.ru/doc_main_64.html.
8. Осипов Ю.М. Время философии хозяйства: В 3 кн. с приложением. М., 2003.
9. Пшеницын И.В. О хозяйстве и его философии // Философия хозяйства. 2010. № 1.

С.В. ПРОКОПЕНКО

Исторические этапы формирования предпринимательской культуры в России

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития российской предпринимательской культуры. Рассматриваются основные этапы формирования и события, определившие направление ее развития. В рамках статьи автор, опираясь на разработанные в научной литературе периодизации развития российского предпринимательства, характеризует основные черты хозяйствования, свойственные менталитету российских предпринимателей в тот или иной исторический период.

Ключевые слова: предпринимательская культура, предпринимательство, этапы.

Abstract. This article considers the problem of development of Russian enterprise culture. It reviews the main periods of formation and the events, which determined the direction of development. In his work author, basing on periodization of Russian enterprise developed in scientific literature, characterizes main characteristics of household, usual for Russian entrepreneurs' mentality in one or another historic period.

Keywords: enterprise culture , busyness, periods.

На протяжении многовекового процесса формирования российская предпринимательская культура прошла несколько периодов, подойдя на рубеже XIX—XX вв. к высшей стадии своего развития и угаснув на десятилетия после окончания новой экономической политики (1921—1929).

Какие же основные периоды мы можем выделить, анализируя процесс формирования предпринимательской культуры в России?

Складывание предпринимательской культуры начинается уже на начальном этапе становления российского государства. Первые очертания деловой культуры России того времени мы замечаем в памятниках торговой истории Древней Руси. Это договоры князей Олега, Игоря и Святослава с Византией, в 911, 945 и 971 гг. соответственно. В них регулировались наказания греческих и русских купцов в случае совершения ими уголовных преступлений, а впоследствии договор содержал обязательства Руси не нападать на Византию.

В те времена еще языческая Киевская Русь активно занималась внешней торговлей и транзитом товаров. Это период влияния западной культуры на русскую. Он отличался отсутствием общего для всех личностного нравственного кодекса. Это влекло за собой недоверие между людьми, что являлось важной особенностью предпринимательской культуры этого периода.

Историки приводят данные о том, что иностранцы весьма нежелательно отзывались о русских купцах, говоря, что они ведут торговлю с величайшим лукавством и обманом. Ученые утверждают, что обычай запрашивать и торговаться был искони характеристикой русского. Н.И. Костомаров отмечает, что «это было необходимое условие той степени образованности, на которой еще стояла Россия, и обстоятельств, сопровождавших развитие торговли. В первобытные времена она была соединена с разбоями и набегами. На низкой степени развития цивилизованного общества она неразлучна с коварством и обманом, и чем выше общество становится на пути нравственного и умственного образования, тем более и торговые отношения принимают характер честности» (цит. по: [1, 69]).

Одним из результатов влияния западной культуры стало принятие христианства в 988 г., которое предопределило тенденцию развития российской предпринимательской культуры. Принятие христианства чрезвычайно сильно повлияло на глубокие пласты национальной культуры и свойственный людям способ видеть и понимать мир и, как следствие, на отношение к хозяйственным взаимоотношениям. На Руси начала формироваться национальная идея в форме идеала святой Руси — не консервативного, не либерального, не политического, а «идеала нравственного, религиозного». На смену «языческой героической этике», когда человек мог совершить убийство или обман ради героического поступка и не испытывать угрызений совести, приходит общий для всех и каждого нравственный кодекс. И на первый план выходят уже такие понятия, как внутренний голос совести, любовь к ближнему, свобода воли.

В XI в. начинается создание первого исторического памятника российского права «Русская правда». Позже Владимир Мономах ввел

в «Русскую правду» закон, ограничивающий ростовщичество. Такое решение было принято после народных волнений, связанных с разгромами домов евреев-ростовщиков, которые взимали огромные проценты. В «Уставе о резах» сумма процента ограничивалась 20-ю в год. Это подорвало позиции «паразитического» предпринимательства, а само ростовщичество в народе всячески осуждалось.

Что же касается формы организации труда, то предпочтительной была артель. Древняя артель — это добровольный союз нескольких лиц, доверяющих друг другу и скрепивших свои договорные отношения обетом или клятвой содружественных людей, преследующих общую цель свободного проявления каждым своей индивидуальности.

Общеобразовательная подготовка тружеников Древней Руси осуществлялась посредством церковного пастырства и учительства. Обучение трудовым навыкам совершенствования мастерства осуществлялось, с одной стороны, в семье крестьян и ремесленников, а с другой — в общине и артели, непрерывно, в течение всей жизни.

Одно из важнейших, по мнению ряда исследователей (Карамзин, Костомаров, Макеева), событий, повлиявших на тенденцию развития отечественной предпринимательской культуры, стало монгольское нашествие (1237—1242), которое практически парализовало торговлю, отрезав Русь от Европы. Культура Востока стала оказывать существенное влияние на формирование российской культуры. Типичными формами организации торговли становятся большие гостиные дворы, напоминавшие восточные караван-сарай. В гостинном дворе на Руси, в отличие от Западной Европы, где место торговли и жилья были отделены друг от друга, купцы не только вели дела, но и жили.

Что же касается культуры предпринимателей, то она не была однородной. Кроме находчивости, скорости мысли и целеустремленности предпринимателей отличали либо богобоязнь, либо изворотливость. Они умели находить выход из трудных ситуаций и молились перед началом каждого дела, с выгодой использовали свои титулы и положения, которые позволяли им иметь знакомства с высокопоставленными представителями власти или духовенства.

В целом в рамках Московской Руси формировался единый тип предпринимательской культуры, в котором православные моральные устои хоть и нарушались периодически, но тем не менее оставались наиболее значимыми.

В XVII в., после церковного раскола, начала формироваться уникальная субкультура, которая сильнее всего повлияла на развитие предпринимательства и торговли в России. Раскольники, староверы, старообрядцы — те, кто не пошел вслед за изменениями в православных традициях, а остались верны своим корням, были людьми

«трезвого» поведения, сплоченные тяжелыми условиями жизни и помогавшие друг другу во всех начинаниях. Предприимчивость поддерживалась среди них не только морально, но и материально.

В.В. Керов указывает на положительное влияние староверов на развитие предпринимательства. Они способствовали становлению предпринимательства «современного типа, связанного с практицизмом субъектов хозяйствования, экономическим рационализмом, использованием вольнонаемного труда (задолго до отмены крепостного права), новой техники, высоким качеством товаров, новыми принципами хозяйственного руководства и предприимчивостью тех, кто не был связан в финансовом отношении с государством» [2, 15].

Старообрядцев отличали набожность и ревностное отношение к «вере и завету отцов». Также выделяются факторы, способствующие «корпоративному» успеху раскольников: общинная солидарность, взаимовыручка и взаимная поддержка.

В годы правления Петра I (1689—1725) предпринимательство получило мощный импульс. Был взят курс на сближение с Европой, а внутренняя экономическая политика была направлена на развитие и поддержку крупного промышленного предпринимательства. Интересно, что для повышения трудоспособности работников, которыми являлись недавние крестьяне, их направляли в школы при монастырях, где они обучались необходимым трудовым навыкам и усердию.

В целом, как пишет Зарубина, со времен императорства Петра I идеология служения Отечеству определяла сознание высших слоев общества и постепенно распространялась на купечество и интеллигенцию [3, 369—370].

Нельзя оставить в стороне период правления Екатерины II (1762—1796), в рамках которого политика меркантилизма Петра I сменилась концепцией физиократов, признававших источником богатства исключительно природу. На первый план выходят идеи абсолютной ценности частной собственности, свободной конкуренции и свободы внешней торговли.

Следующее важнейшее событие, которое сильнее всего повлияло на развитие предпринимательства в России, — отмена крепостного права в 1861 г.

Многие предприниматели были выходцами именно из крепостных крестьян. Масса трудоспособных и энергичных людей, освободившихся от крепостных уз, наконец-то получили возможность самореализоваться. Прохоровы, Грачевы, Морозовы, Гучковы, Рябушинские и другие выходцы из крепостных крестьян благодаря исключительным способностям и энергии сумели занять господствующие позиции в промышленности и торговле. Освобождение от крепостной зависимости

огромного количества трудоспособного населения повлекло за собой всплеск предпринимательской активности, что привело к росту конкуренции и, следовательно, к проблемам в предпринимательской культуре.

Конец XIX — начало XX в. является особым этапом русского предпринимательства. «Он связан с коренной структурной перестройкой российского торгового и промышленного потенциала. В стране наблюдается чувство подъема, созидательного энтузиазма» [4, 30].

Примером для рассмотрения поведения успешного предпринимателя этого периода может послужить В. Рябушинский, который в своих воспоминаниях пишет: «Правила для дела, а не дело для правил. Это одно из преимуществ “хозяина”. Он может смело ошибаться, никому не давая ни отчета, ни объяснений. Возможность не бояться ошибок дает громадное преимущество единоличному хозяину: он смел, предприимчив, гибок, не должен оглядываться» [5, 147]. Он говорит о русских предпринимателях как об «осторожных и медлительных» людях, которые принимают решение не сразу, а выжидают. Но если решение принято, то гнут свою линию, несмотря на неудачи.

В целом вторая половина XIX — начало XX в. характеризуется как период небывалого всплеска меценатства и благотворительности предпринимателей. Состоявшийся в марте 1910 г. Всероссийский съезд деятелей по призрению отметил, что 75% всего бюджета составляют пожертвования [6, 83—84].

«Вряд ли купцами двигало только бескорыстие», — пишет Л.П. Роцевская. Значительные средства вкладывались в обработку общественного мнения для облегчения получения прибыли и увеличения шансов в победе на выборах в городскую думу. Однако так или иначе передовая часть купечества своими капиталами помогала развитию просвещения и культурной жизни страны.

Проявлением высокой нравственности дореволюционного российского предпринимательства являлся культ честной конкуренции. «Не знаю почему, — отмечал автор мемуаров «Москва купеческая» П.А. Бурьшкин, — между московскими “скупщиками” никакой общности не было, разве что были друг с другом знакомы, да и то более домашним порядком, а не по деловым отношениям. Совершенно не было в обычае обмениваться справками о кредитоспособности покупателя или иными деловыми сведениями».

Конкурентным преимуществом была ситуация, когда фирма могла торговать по цене ниже, чем у конкурентов, но не в ущерб оплаты собственным работникам. Хорошей фирма считалась лишь тогда, когда служащие знали, что их положение лучше, чем в других, и стремились остаться на службе, покидая ее только при намерении начать собст-

венное дело. Фирмы, где служащие из-за плохого обращения с ними часто менялись, уважением не пользовались. Их презрительно называли проходными дворами.

В дореволюционной русской культуре начинал складываться своеобразный механизм стимулирования предпринимательской деятельности на основе духовно-нравственных ценностей, которые оправдывали эту сферу деятельности в глазах общества. В основе лежала идеология служения, являвшаяся на то время базовой.

В начале XX в. культура российских предпринимателей была близка к современному идеалу.

Дальнейшая эволюция российской предпринимательской культуры после событий 1917 г. была существенно заторможена. Период нэпа стал для предпринимательства советской эпохи последним. Соответственно говорить о развитии предпринимательской культуры уже нельзя. Это скорее была последняя возможность нэпманов скопить хоть какой-то капитал перед принятием новой Конституции СССР в 1936 г., в которой было объявлено о построении социалистического общества, в котором предпринимательство определялось как уголовно наказуемое деяние [7, 86].

Литература

1. Предприниматель и культура. Материалы III Всероссийской заочной научно-практической конференции. Челябинск, 2005.
2. Керов В.В. Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России в конце XVII—XIX вв. Дис. ... д-ра ист. наук.
3. Зарубина Н.Н. Русский путь и восточная самобытность: сравнение типов хозяйственной ориентации // Цивилизации и культуры. М., 1996. Вып. 3.
4. Платонов О.А. 1000 лет русского предпринимательства. Из истории купеческих родов. М., 1995.
5. Рябушинский В.П. Купечество московское // Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.; Иерусалим, 1994.
6. Васильева Е.Н. Становление культуры предпринимательства в современной России. Дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2007.
7. Аношкин А.А. Фобии в российской предпринимательской культуре: культурологический анализ нарратива. Челябинск, 2009.

IV

**АКТУАЛИИ
ЭКОНОМИКИ И
ОБЩЕСТВА**

Г.А. РОДИНА

Эволюция критериев экономического благосостояния населения

Аннотация. В статье рассматривается эволюция критериев экономического благосостояния населения — с учетом эндогенного и экзогенного аспектов исследования.

Ключевые слова: критерии благосостояния, экономическое развитие, общественное благополучие.

Abstract. The article considers evolution of criteria of economic welfare — taking into account endogenous and exogenous aspects of research.

Keywords: criteria of welfare, economic development, social welfare.

Используя нелюбимую экономистами систему координат «хорошо — плохо» для поиска критериев общественного благополучия, можно выделить два аспекта. Во-первых — эндогенный (внутренний), характеризующий субъективные оценки самого общества и его отдельных членов относительно того, хорошо им живется или нет, т. е. своеобразный срез национального *само*-чувствия, самоощущения. Так, бедное общество может чувствовать себя вполне комфортно; но можно в то же время есть на завтрак бутерброды с черной икрой и думать, что жизнь не удалась. Во-вторых — экзогенный (внешний) аспект, характеризующий соответствие или несоответствие национального благосостояния мировым критериям общественного благополучия. Мы не рассматриваем первый аспект; наш предмет — оценка критериев социально-экономического благосостояния, эволюционирующих в ходе трансформации мировой экономики за последние полвека.

Отправной точкой нашего исследования является 1961 г., когда XXII съезд КПСС принял Программу построения коммунизма в СССР к 1981 г. В первом варианте текста этой Программы содержались конкретные количественные характеристики производства чугуна, стали, цемента, ткани и т. д. в качестве целей и одновременно критериев выполнения Программы. Для нас важно, что эти критерии выглядели в виде валовых показателей выпуска товаров, имеющих вещную форму. Мировое лидерство в *их* производстве отождествлялось с мировым лидерством *вообще*. Лозунг того времени «Догнать и перегнать!» означал именно это: превзойти другие страны (прежде всего, США) в выплавке стали, выпуске цемента и пр. — за счет превосходства в ко-

личественных темпах роста. Вполне реальный лозунг для второй (по валовому продукту) экономики в мире.

Полвека назад наши отечественные критерии национального благосостояния представляли собой критерии экстенсивно развивающегося индустриального общества, что, в общем-то, соответствовало мировым тенденциям развития.

Четверть века спустя (середина 1980-х гг.) наша страна также оказалась в судьбоносном для себя времени, — начале перестройки. Открылась новая страница национальной истории, перечеркнувшая ориентиры прошлой жизни. И все же... С некоторой натяжкой можно признать, что Программа построения коммунизма в СССР практически оказалась выполненной по тем объемным экономическим показателям, которые были заложены в ней: к 1985 г. страна вышла на первое место в мире по чугуну, стали, минеральным удобрениям. Удельный вес таких отраслей, как машиностроение, металлообработка, химия и нефтехимия, электроэнергетика, определявших научно-технический прогресс в народном хозяйстве, вырос почти вдвое и достиг в совокупном общественном продукте в 1985 г. 38%. Однако в индустриально развитых странах доля этих отраслей достигала в то время уже 55 — 65%, что свидетельствовало об успешном переходе на преимущественно интенсивные рельсы развития. Нельзя сказать, что обозначившееся отставание советской экономики не осознавалось — вчетверо было сокращено количество строящихся крупных промышленных предприятий, создавались научно-производственные объединения, были созданы новые отрасли — роботостроение, микроэлектроника, атомное машиностроение и др. Но определяющими для развития экономики эти тенденции не стали. К 1985 г. в СССР насчитывалось не более нескольких десятков тысяч компьютеров и ЭВМ (в то время как в США — 1,5 млн новейших ЭВМ и 17 млн персональных компьютеров и ЭВМ). К началу 1980-х гг. доля ручного труда в отечественном народном хозяйстве составила: в промышленности — 40%, в сельском хозяйстве — 75%.

Замедлились темпы роста валовой продукции и в сельском хозяйстве (с 4,3% в начале 1960-х гг. — до 1,4% к 1985 г.), несмотря на огромные капиталовложения. Причина заключалась в их неэффективном использовании: они вкладывались не в интенсификацию сельхозпроизводства, а в сооружение гигантских комплексов, непродуманную мелиорацию и химизацию почвы. Так, болотистые земли в Ростовском районе Ярославской области не столько осушили, сколько иссушили, а агропромышленная интеграция, задуманная как соединение сельского хозяйства с обслуживающими его отраслями «напрямую», выродилась в чисто административную структуру. Большинство колхозов и совхо-

зов оказались убыточными, в результате Советский Союз продолжал осуществлять массовые закупки зерна (в среднем 40 млн т в год). Не помогла выходу из кризиса и принятая в 1982 г. Продовольственная программа.

К сожалению, оценивая достижения отечественного экономического развития за 25 лет (от момента постановки известных целей в 1961 г.), приходится с грустью констатировать, что первое место, скажем, по стали стало не столько предметом гордости, сколько признаком экономической отсталости.

Дело в том, что за четверть века мир изменился: наметился переход к постиндустриальному, информационному, *knowledge based society*, что породило две тенденции в мировой экономике:

- глобализацию;
- социализацию — гуманизацию общественного производства на базе инновационного типа экономического роста.

В итоге мир осознал потребность в замене критериев экстенсивно развивающегося индустриального общества некими «очеловеченными» критериями, к чему мы оказались не готовы, продолжая гордиться тем, что «делаем ракеты и перекрыли Енисей». Все те же экстенсивные рельсы, обремененные остаточным принципом финансирования социалки.

Так, в отличие от начала 1960-х гг., к середине 1980-х гг. наши внутренние критерии общественного благополучия (по крайней мере, официально декларируемые) вступили в противоречие с мировыми.

Новым мировым критерием социально-экономического благополучия стал разработанный ООН и впервые примененный в 1991 г. ИРЧП (индекс развития человеческого потенциала). Он представлял из себя сводный национальный показатель, составляемый на основе трех характеристик:

- 1) индекса реального валового внутреннего продукта на душу населения;
- 2) средней продолжительности предстоящей жизни;
- 3) уровня образованности.

Основная идея, которая в то время считалась радикальной, заключалась в следующем: о развитии страны следует судить не только по показателю экономического роста, как это делалось в течение долгого времени, но и по достижениям в области здоровья и образования, которые также поддаются измерению в большинстве стран. Главными целями социально-экономического развития провозглашались: долгая, здоровая, творческая жизнь, доступ к знаниям и достойный уровень жизни, т. е. в центре развития должен находиться *человек*. Люди — как индивидуально, так и в группах — одновременно являются и бенефи-

циариями, и движущей силой развития человека. Это новое определение подчеркивает суть развития человека: мотивы устойчивости, справедливости, расширения прав и полномочий и присущую данному подходу гибкость. Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что понятия человеческого развития и благополучия выходят далеко за обозначенные в ИРЧП рамки и должны включать в себя гораздо более широкий набор возможностей, в том числе политические свободы, права человека и, перефразируя Адама Смита, «возможность ходить по улице, не испытывая чувства стыда» (критерий так называемой в наше время социальной бедности). Главное достоинство нового подхода заключалось в том, что от объемных показателей экономического роста было предложено перейти к расширению спектра выбора для людей».

В ноябре 2010 г. был опубликован юбилейный, двадцатый, Доклад о развитии человека, озаглавленный «Реальное богатство народов: путь к развитию человека» [1]. Первая десятка стран, в соответствии с расчетами ООН, выглядит следующим образом: 1) Норвегия; 2) Австралия; 3) Новая Зеландия; 4) США; 5) Ирландия; 6) Лихтенштейн; 7) Нидерланды; 8) Канада; 9) Швеция; 10) Германия.

Заметим, что в мире сегодня есть страны, где ВВП на душу населения выше, чем в группе лидеров (обычно в качестве такой базы для сравнения берется США), однако они в эту группу сегодня не включаются! Например, Сингапур (27-е место), ОАЭ (32-е место), Кувейт (47-е место). Да и в лидирующей десятке отсутствует корреляция между подушевым доходом и рейтингом: так, ВВП на душу населения в Лихтенштейне вдвое выше, чем в США, однако американский рейтинг выше.

Российская Федерация расположилась на 65-м месте, между Албанией (64-е место) и Казахстаном (66-е место). Замыкает список Зимбабве — 169-е место.

Несмотря на то, что ИРЧП начал применяться 20 лет назад, его можно рассчитать применительно к любому периоду при наличии статистической базы. Интересно проследить, как менялся российский рейтинг в мире за последние 25 лет (более ранние периоды чреваты слишком большой погрешностью).

- Начнем с предперестроечных лет — середина 1980-х гг.: наш, еще советский, рейтинг определялся между 20-м и 25-м местами.
- Начало российского суверенитета — 1991 г. — 33-е место.
- Канун дефолта и девальвации 17 августа 1998 г. — 60-е место.
- Смена Ельцинской эпохи — Путинской — декабрь 1999 г. — 73-е место.
- Середина 2000-х гг. — 2005 г. — 68-е место.

- Наконец, 2010 г. — 65-е место.

Казалось бы, с учетом всего вышесказанного вопрос о том, отражает ли рост валового внутреннего продукта на душу населения рост экономического благосостояния в XXI в., может считаться риторическим. Однако сегодня существует две противоположные точки зрения.

1) Да, отражает, поскольку «прилив поднимает все лодки». Иными словами, рост общенационального пирога неминуемо улучшит жизнь всех граждан.

2) Нет, не отражает, поскольку ВВП отражает все, что угодно, кроме того, ради чего стоит жить (пример: опросы общественного мнения относительно того, гарантирует ли более высокий доход большее счастье).

Чтобы разобраться в обеих точках зрения, сравним Францию и США.

В 2010 г. французский уровень ВВП на душу населения составил 70% от американского. Однако по ощущению экономического благосостояния уровень Франции приблизительно равен уровню США. Почему? Оказывается, французский уровень следует подкорректировать следующим образом:

- во-первых, к этому уровню нужно прибавить 11% за более высокую продолжительность жизни (80 лет во Франции против 76 лет в США);

- во-вторых, к этому уровню нужно прибавить еще 14% за большее свободное время (35-часовая рабочая неделя с месячным отпуском во Франции против 40-часовой рабочей недели и двухнедельным отпуском в США);

- в-третьих, к этому уровню нужно прибавить еще 12% за меньшее неравенство (оно исчисляется коэффициентом Джини, который во Франции составляет 0,3, а в США — 0,45).

Путем несложных расчетов получаем: $70\% + (11 + 14 + 12)\% \times 0,7 = 95,9\%$, т. е. почти 100% уровня США.

Теперь применим данную методику к оценке реального уровня благополучия в России, в сравнении с Соединенными Штатами.

В 2010 г. российский уровень ВВП на душу населения составил 34% от американского. Произведем соответствующую корректировку:

- во-первых, от этого уровня нужно отнять 50% за менее высокую продолжительность жизни (68 лет в России против 76 лет в США; при этом негативным фактором является не только меньшая продолжительность жизни россиянина, по сравнению с американцем, но и колоссальный разрыв между продолжительностью жизни мужчин РФ — 61,8 лет — и женщин РФ — 74,2 года);

- во-вторых, к этому уровню нужно прибавить 0,5% за большее свободное время (40-часовая рабочая неделя с месячным отпуском в России против 40-часовой рабочей недели и двухнедельным отпуском в США);

- в-третьих, от этого уровня нужно отнять 7% за большее неравенство (несмотря на то, что коэффициент Джини в РФ составляет 0,4 против 0,45 в США, реальное неравенство в России выше, поскольку в отечественный расчет не попадает 1% «верхов» — олигархов, скрывающих свои доходы, да еще верхняя доля среднего класса тоже не попадает в статистические обследования по той же причине).

В итоге получаем: $34\% + (-50 + 0,5 - 7)\% \times 0,34 = 15\%$ уровня США.

Современная трактовка полученных исследований выглядит весьма пессимистично: американец готов отдать до 85% своего дохода, лишь бы не родиться в России!

Можно вполне аргументированно констатировать, что за последнюю четверть века практически произошла социальная революция, выразившаяся в возрастании роли нематериальных критериев в оценке общественного благополучия; в частности, было признано, что, во-первых, развитие человека отличается от экономического роста; во-вторых, существенные достижения возможны даже без быстрого экономического роста. Недаром благополучные общества столкнулись с явлением дауншифтинга¹, когда материально обеспеченные люди уходят в Тибет, создают коммуны и пытаются обрести гармонию в соединении с природой.

Учитываются ли эти качественные изменения экономической политикой в России? Нет! Поэтому я заканчиваю данную статью открытым вопросом: насколько нам нужно продолжать ориентироваться на увеличение темпов роста ВВП (насколько актуальны задачи его удвоения, утроения и т. д.)? Не лучше ли повысить качество медицинского обслуживания, увеличить продолжительность жизни, сократить количество аборт, бомжей и т. п.?

Предвижу возражения моих оппонентов: для повышения качества медицинского обслуживания, увеличения продолжительности жизни и т. п. необходимы средства, которые можно взять лишь из взрослого

¹ *Дауншифтинг* (от англ. *downshifting*) — сленговый термин, означающий философию «жизни ради себя», отказа от чужих, в том числе навязанных обществом, целей наподобие карьерного роста, счета в банке, собственного дома — своеобразный выбор «простой жизни». Дауншифтеры отказываются от доходов и стрессов в пользу свободного времени, увлечений и общения с семьей [2].

ВВП. Однако ход мирового развития опровергает эти аргументы: в целом, бедные страны догоняют по ИРЧП богатые страны (блестящими примерами являются Коста Рика, Куба, Шри-Ланка, достигшие более высокого уровня развития человека, чем другие, при умеренном росте доходов). Такое сближение дает гораздо более оптимистичную картину, чем точка зрения, ограничивающаяся рассмотрением тенденций в области доходов, где продолжалась дивергенция.

Литература

1. Доклад ООН 04.11.2010 о развитии человека «Реальное богатство народов: путь к развитию человека» // Электронный документ // http://hdr.undp.org/en/media/HDR10%20RU%20Summary_without%20table.pdf.
2. <http://www.downshifting.ru/>

М.Л. АЛЬПИДОВСКАЯ

Бренность бюрократической экономики постмодернизма

Бренность — одно из основных свойств конечных объектов систем. Быть бранным значит иметь ограниченный по времени период и цикл существования.

С сайта «Информист»

Аннотация. Современный этап развития социально-экономической системы представляет собой эпоху бюрократического империализма, вступившую в период регресса и обострения своих основных противоречий. Важнейшими показателями этого процесса являются отсутствие интегрированного экономического интереса, ослабление действия социальных норм и эффективных механизмов защиты национальных интересов. В этих условиях функционирование системы становится экономически неэффективным.

Ключевые слова: бюрократия, бюрократические интересы, модернизация, экономика постмодернизма.

Abstract. The present stage of development of social and economic system represents the epoch of the bureaucratic imperialism which has entered during the period of recourse and an aggravation of the basic contradictions. The major indicator of this process is absence of the integrated economic interest, easing of action of social norms and effective mechanisms of pro-

tection of national interests. As a result the system functioning becomes economically inefficient in these conditions.

Keywords: bureaucracy, bureaucratic interests, modernization, postmodernism economy.

Российская экономическая власть «ознаменовала» начало нового тысячелетия неким событием, которое нельзя сказать, что прошло незаметно для всех заинтересованных лиц (см.: [1]). Этим событием стала двухдневная конференция «Модернизация российской экономики», на которой министры и ученые попытались заглянуть в будущее России. Три года подряд представители правительства Российской Федерации, ученые и заинтересованные зарубежные эксперты собирались, чтобы общими усилиями нарисовать картину экономического будущего России. Краски с каждым разом становились все ярче, фантазия художников — изощреннее, а будущее, вопреки всем стараниям экономического «бомонда», — еще туманнее.

Слово «модернизация» прочно вошло в лексикон российской экономической элиты после того, как Г. Греф разработал, а Правительство РФ одобрило в 2000 г. «Стратегию социально-экономического развития России». Практически никто более не сомневается в том, что без качественного обновления и структурных сдвигов российская экономика не то, что перегнать, а даже догнать западную экономику в обозримом будущем не сможет.

Тем не менее, очередного русского «экономического чуда» ожидать не приходится. После фиаско ультралиберальных «преобразований», уничтоживших всю отечественную хозяйственную деятельность, рыночные фундаменталисты заговорили о необходимости модернизации экономики. Причем носит она догоняющий характер, приводящий в итоге к саморазрушению научно-производственного потенциала страны [1]².

Ни для кого не является секретом, что догоняющая модернизация обрекает экономику России на технологическое отставание. Так называемая инновационная рента, образующаяся за счет временной монополии на использование передовых научно-технических решений, является основным источником финансирования опережающего разви-

² При этом проведенная деиндустриализация страны означает и деклассирование рабочих, утрату огромного «человеческого капитала». А ведь в любой промышленно развитой стране контингент квалифицированных рабочих считается особо ценным национальным достоянием. Сформировать его стоит большого труда и творчества, а восстановить очень трудно.

тия. Она позволяет наращивать конкурентные преимущества за счет инвестиций в фундаментальную и прикладную науку и образование.

Наряду с этим новый технологический уклад не может возникнуть на пустом месте. При возникновении нового технологического порядка предшествующий ему порядок не исчезает и не превращается в «металлолом». Меняется лишь только его функция — из результирующей превращается в обеспечивающую. Конечно, можно согласиться с Г. Грефом, который утверждает, что «...через 200—250 лет промышленный сектор будет свернут за ненадобностью так же, как во всем мире уменьшается сектор сельского хозяйства» [2], что не бесспорно (неужели роль реального сектора экономики будет сведена к нулю?). Возможно, через 250 лет так и будет. Но нас сейчас интересует будущее не столь отдаленное. И в этой связи особенно важны инвестиции в инфраструктуру: энергетику, транспорт, связь, коммунальное хозяйство, модернизирующие их в соответствии с потребностями нового технологического уклада.

Отмеченное выше в полной мере соотносится со «сквозной» исторической (цивилизационной) концепцией Западного глобального проекта, сущность которой состоит в том, что развитие человечества описывается в рамках линии Премодерн — Модерн — Постмодерн. Причем появление следующей стадии автоматически закрывает возможности дальнейшего развития в рамках предыдущей стадии [3]. Эта теория, проект развития которой стартовал в 1960-е гг., завоевала всеобщую популярность во времена колоссального развития информационных технологий в 1990-е гг., когда структура экономики США существенно изменилась. Тогда-то (не без поддержки идеологической машины США) и родился тезис о построении «постиндустриального» общества — экономической базы Постмодерна.

Постмодерн изначально отвергает принцип системной организованности, целостности и структурной упорядоченности общества. Он рассматривает социально-экономическую реальность как множественность, состоящую из отдельных, единичных, разрозненных элементов и событий. В Постмодерне общество теряет черты тотальности, выстроенности в соответствии с той или иной моделью — оно становится совокупностью локальных, самопроизвольных и слабо скоординированных процессов. С точки зрения сторонников постмодернизма, нестабильность, неопределенность и многозначность развивающихся в обществе процессов рассматриваются не как проявление патологии системы, а как признак и условие ее жизнеспособности.

Реально существующая современная социально-экономическая система не только нестабильна социально, политически, культурно, идеологически, но и экономически. В действительности информационные отрасли «новой» экономики не увеличивают производитель-

ность труда в индустриальных отраслях «старой» экономики. В статье Михаила Хазина «Конец сказки о “новой” экономике» [4], в которой были изучены межотраслевые балансы США с точки зрения понимания взаимодействия «новых» отраслей экономики со всеми остальными ее частями, показано, что ускоренный рост информационных отраслей «новой» экономики связан с внеэкономическим³ перераспределением ресурсов, направленным в пользу этих новых отраслей. Это в свою очередь вызвало серьезную стагнацию в США и в других развитых европейских экономиках за последние два десятилетия.

Завятые заступники «новой информационной» экономики полагают, что современная экономика состоит, в основном, из сферы услуг, при этом превратно ими понимаемой, а производственная сфера — удел стран Юго-Восточной Азии в рамках глобального разделения труда. При этом высокоразвитые «постмодерновые» экономики временно ускользают из ловушки удорожания финансовых издержек, переходят к стимулированию своего потребительского спроса. Процесс производства они отдают на аутсорсинг в отсталые в научно-техническом отношении страны с низкооплачиваемой рабочей силой, обеспечивая с помощью финансовых механизмов возврат на свои потребительские рынки товаров, произведенных в этих странах.

В долгосрочной перспективе данный вариант может работать только в том случае, если экономика, «экспортирующая индустриализацию», перманентно совершенствуется в этом процессе. В противном случае может наступить момент, когда ей больше будет нечего предложить развивающимся в Модерне странам. Но эта экономика уже не может совершенствоваться в этом процессе, потому что потенциал нормального развития ее индустриального общества (общества Модерна) уже исчерпан. Она может себе позволить только вывоз части производств с относительно низкой добавленной стоимостью, оставив у себя более высокотехнологичные производства, и далее — стимулировать спрос этой высокотехнологичной продукции. Именно этот путь и был избран странами Запада. Но он неизбежно приводит в демографический тупик ограничений рынка сбыта и финансовый тупик ограничений эффективности производства.

В результате экономического дисбаланс достиг той точки, когда уровень спекулятивных инвестиций, которые не имеют никакого участия в реальной экономике, на начало XXI в. в 30 раз превысил объем монетарных операций на глобальном уровне — в десятки раз больше, чем это необходимо для финансирования всех экономик мира, инвестиций, торговых операций. Этого никогда не наблюдалось ранее в

³ Перераспределение ресурсов, не основанное на реальных результатах хозяйственной деятельности.

эпоху Модерна — эпоху развитой индустрии. Современная экономика превратилась в экономику, подчиненную финансовой сфере [5, 9—28], когда финансы перестают играть обслуживающую вторичную роль посредника, а становятся господствующей силой над реальной экономикой, над всей хозяйственной деятельностью.

Денежные власти извлекают доход, который есть не что иное как финансовая рента, воплощающаяся в процентах, налогах, доходах от разного рода перепродаж, спекуляций, биржевых сделок и т. д. При этом финансовая система выступает как кредитор реального сектора экономики, который становится постоянным ее должником. Причем кредитор выдает «нереальные» деньги, возвращающиеся обратно вполне «настоящими», прошедшими реальный хозяйственный оборот, обретшими совершенно реальную ценность.

В эпоху Постмодерна коренным образом меняется соотношение производства и потребления: общество из производительного опять возвращается в состояние потребительного. В экономике Модерна движущей силой является интеллект инженера и менеджера. Ее развитие возможно лишь тогда, когда основные инвестиции направлены именно на развитие интеллекта и производства, а также на повышение квалификации рабочей силы, т. е. в научные исследования, образование, в реальный сектор экономики. Вследствие чего индустриальная экономика (экономика модернового типа), несмотря на некоторые отрицательные экстерналии явления, порождаемые научно-техническим прогрессом, в итоге ведет общество к более высокой ступени развития, выражаясь фигуральным языком, — через тернии к звездам. В экономике Постмодерна движущей силой становится потребитель. В тех странах, в которых принципиально изменилась структура производства, структура потребления практически осталась прежней. В неразделимой паре «производство — потребление» экономика Постмодерна изменила только первую часть. А этот факт сложно признать бесспорным достижением, поскольку все до сих пор происходящие экономические кризисы были вызваны именно несоответствием структуры производства структуре потребления. И, с точки зрения критиков «информационного сектора» экономики, все рассуждения ее апологетов о достижениях экономики Постмодерна и являются доказательством ее кризисного состояния.

Современные авторы нередко определяют эпоху Постмодерна как эпоху «ничто», как «постэпоху». Постиндустриальная, посткапиталистическая, постлиберальная, посттеологическая, постгуманистическая — все эти «пост» присоединяются при оценке современных нам условий как постмодернистских. Антимилитаристская, антидиктаторская, антитоталитаристская по своим устремлениям постмодернистская литература описывает экономику, политику, официальную идеологию

постмодернистского общества в еще более мрачных тонах, чем в случаях, когда речь идет об эпохе Модерна. Никогда еще не было таким острым противоречие между горячим и искренним осуждением войны и тем фактом, что весь период после Второй мировой войны был заполнен множеством войн и вооруженных конфликтов, которые стали повседневной реальностью. Исследователи правильно отмечают, что постмодернистская война — целая система действий на уровне современных государств, которая делает войну перманентной и (пока) неизбежной [6].

Россия была вынуждена принять ту модель экономики Постмодерна, которая была уже возведена на Западе. Национально-ориентированной модели сформировать не удалось — так, как это было сделано в рамках экономики Модерна. Самым интересным для нас остается то, в каком положении в новом мире окажется Россия. Несмотря на произносимые речи о построении общества нового типа, виден только его регресс. Промышленные предприятия закрываются. Производство никуда не переводится. Да и переводить его при всем желании и возможностях некуда ввиду отсутствия «неоколоний», перспектива возникновения которых в ближайшем будущем не предвидится... Следовательно, России необходимо искать свой собственный путь выхода из создавшейся кризисной ситуации, отличный от стран «развитого» капитализма? Чтобы понять это, нужен более глубокий анализ происходящих в мире процессов.

Как известно, институциональные структуры создаются для обеспечения экономических интересов широких общественных слоев. Функционирование этих структур анонимно. Конкретный частный (персонифицированный) экономический интерес в их деятельности отсутствует. Но это в идеале... В действительности происходит автономизация институциональных образований, которые переходят к преимущественной реализации собственно узкогрупповых интересов, в итоге концентрирующихся на частных (персонифицированных) интересах.

Процесс автономизации управленческих структур далеко не нов и хорошо известен как феномен бюрократии. Однако на современном этапе развития человеческого общества на самых разных уровнях ассоциирования — от отдельной организации до национальных государственных бюрократических структур — приобретает невиданные ранее формы. Бюрократические структуры фактически утрачивают связь со своей служебной функцией, выходят из-под общественного контроля во всех его формах и проявлениях и стремятся к обретению собственной полноты власти над экономическими, а, следовательно, и политическими процессами. При этом неденежная форма изыскания бюрократической ренты все чаще проявляется в так называемом «эффек-

те вращающихся дверей», широко используемемся представителями чиновничьего аппарата. Сущность концепции «вращающихся дверей» сводится к тому, что накопленные на государственной службе опыт и связи в дальнейшем используются в бизнесе, что не исключает последующий переход вновь на государственную службу с повторением цикла, но, по всей вероятности, уже на более высоком уровне. И это — общемировая тенденция, которую следует определить как бюрократический империализм.

В октябре 2010 г. в Колумбийском университете (США) перед представителями мирового экономического «бомонда» выступил с докладом нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц. Он объявил о кончине современного капитализма и заявил, что «...в самом скором будущем миром будут править скопившиеся гигантские резервные фонды правительств. Отныне не бизнесмен, а чиновник — хозяин земли. Наступает государственный капитализм. Нас ждет причудливый сплав старого, дикого “гобсековского” капитализма с его пренебрежением наемных работников и реалий нового века, новых технологий и способов производства... Иллюзия цивилизации... на самом деле утраченной. Золотой европейский XX век канул в лету. Отныне — труд до старости, до смерти за станком или перед компьютером. Зарплата, позволяющая обеспечивать самые необходимые потребности» [7].

Итак, современный этап развития социально-экономической системы представляет собой эпоху бюрократического империализма, вступившую в период регресса и обострения своих основных противоречий. Важнейшими показателями этого процесса являются отсутствие интегрированного экономического интереса, ослабление действия социальных норм и эффективных механизмов защиты национальных интересов. В этих условиях функционирование системы становится экономически неэффективным. Бюрократические интересы, концентрирующиеся исключительно на частных персонифицированных интересах отдельных представителей, становятся самоцелью, что ведет к дальнейшему ущемлению интересов труда⁴ и национальных интересов в целом. В результате происходит резкое снижение потребительского

⁴ В России на протяжении всех лет реформ практически полностью отсутствуют механизмы защиты интересов труда. Под предлогом достижения конкурентоспособности в стране недопустимо занижена оплата труда. Низкий потребительский спрос, в свою очередь, сводит на нет перспективу экономического развития общества. Еще более зловещим выглядит тот факт, что разрыв в доходах 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан России ежегодно растет. Подобная ситуация чревата полным подрывом социальной стабильности.

спроса, вследствие чего неизбежно наступает коллапс экономики, и социально-экономическая система гибнет (см.: [8; 9]).

Государства, чьи регулирующие, административные и прочие возможности в целом велики, но направлены исключительно на злоупотребление властью, где бюрократия подменяет менеджмент аморфными номенклатурными структурами, препятствует инновациям, выводит из сферы производства основную часть ресурсов, не могут стать на защиту национальных экономических интересов и противостоять экономическим и политическим болезням развития социально-экономической системы. И в самое ближайшее время их нереальные постмодерновые экономики могут рассыпаться, вернувшись к классическому Модерну, причем в его довольно ранних, жестких и грубых формах.

Литература

1. *Корон Е.* Экономика эпохи постмодернизма // Известия. 2002. 3 апр. // <http://www.izvestia.ru/economic/article16586/index.html>.
2. *Кара-Мурза С.Г.* Россия—2007: кризис мировоззренческой основы общества // Фонд «Кризисные исследования и антикризисные разработки» (Фонд «Антикризис») // http://www.rus-crisis.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2500:2500&catid=47:2009-07-27-18-00-14&Itemid=75.
3. *Хазин М.* Постмодерн — реальность или фантазия? // Мировой экономический кризис. Хроники и комментарии // <http://worldcrisis.ru/crisis/170860>.
4. *Хазин М.* Конец сказки о «новой» экономике // Центр экономического анализа и экспертизы // <http://www.assessor.ru/forum/index.php?t=405>.
5. *Осинов Ю.М.* Кризис — время разочарований, прозрений и надежд (тезисные заметки) // Философия хозяйства. 2009. № 3.
6. Философский словарь // Мир словарей // http://mirslouvrei.com/content_fil/GLAVNYE-USTANOVKI-I-IDEI-POSTMODERNIZMA-PROEKT-POSTMODERNA-12491.html.
7. *Арсюхин Е.* Последний Куршевель // Известия. 2010. 28 окт. // <http://www.izvestia.ru/comment/article3147795/>.
8. *Альпидовская М.Л.* Теория бюрократии: экономический аспект. М., 2008.
9. *Мусин М.М.* Финансовая разведка знает все. М., 2009.

П.С. ТОЛКАЧЕВ

Духовно-нравственные начала экономики

Аннотация. В статье исследуется влияние духовно-нравственной составляющей на все процессы, которые осуществляет человек и общество в своей хозяйственной деятельности. Апробируется идея о том, что хозяйственный прогресс напрямую связан с раскрытием духовного вектора общественно-экономического развития.

Ключевые слова: экономика, духовный вектор экономического развития, жизненный цикл экономики, структура экономического процесса.

Abstract. The article investigates influence of a spiritually-moral component on all processes which are carried out by the person and a society in the economic activities. The idea is approved that economic progress directly is connected with disclosing of a spiritual vector of socioeconomic development.

Keywords: economy, a spiritual vector of economic development, economy life cycle, structure of economic process

Духовный вектор экономического развития

Человек есть духовное существо, имеющее материальный носитель — тело. Духовно-нравственные качества человека позиционируют его как существо *вечное*, в то время как телесная оболочка — *временное*. В этом непримиримом противоречии реализуется *цель* земной деятельности человека — *достижение совершенного вечного бытия*. Человек постоянно ищет полноты радости жизни. Это свойство заложено в его сущности. Отсюда — стремление к духовному и физическому совершенству, побуждающее его одновременно к прогрессу и в сфере материального производства.

Как известно, понятие «экономика» пришло к нам из Древней Греции. Слово «экономика» включает в себя две составляющие: «ойкос» — место человеческого обитания, дом, хозяйство — и «номос» — порядок, правило, закон. Древними греками это понятие воспринималось не в узко материальном смысле, как некие правила производства и потребления продуктов, а в иерархическом единстве духовных и материальных сущностей человека. Они прекрасно понимали, что хотя материальные потребности и неотложны с точки зрения телесного бытия человека, но одновременно подчинены его нравственным ценностям, которые господствуют над телесными как высшие над низшими. Нравственным свойством человек возвышается над природой. Только

примат нравственного в человеке может объяснить его способность к самопожертвованию в критических ситуациях.

Человек, начиная с первых моментов своей жизни, когда он обретает ощущение собственного «Я», и до самого последнего мгновения пребывания на земле во всех своих действиях — будь *то* сердечные помышления или законченные мысли, слова или дела — всегда делает выбор между *добром и злом*. Этот выбор составляет высшее нравственное делание человека. Его не знает и не осуществляет никакое другое существо, живущее на нашей планете. Критерием же выбора объективно выступает человеческая *совесть*, которая есть его внутренний судья, оправдывающий или осуждающий личные поступки.

Однако личный выбор человека может и не совпадать (частично или даже полностью) с сигналами, посылаемыми совестью. Человек всегда остается свободным: возлюбить ли ему добро, а зло возненавидеть, или же наоборот — перейти на сторону зла, а добро отвергнуть. Тернистый путь земной жизни до известной степени способен повлиять на духовную ориентацию человека, ибо принятие *добра*, в конечном счете, приводит к положительным результатам его земных трудов, а принятие *зла* рано или поздно — к отрицательным. Тем не менее, окончательное решение всегда остается за самим человеком. Его внутренняя духовная свобода не попирается ни при каких внешних обстоятельствах⁵.

Формирующееся личное представление о добре отливается в сознании человека в некий идеальный образ и приобретает форму *высшей ценности*, которая, как магнит, неудержимо влечет к себе всю его личность. Стремление к ее достижению, т. е. желание совершенства, становится *высшей целью*, *духовным вектором* пребывания человека на земле, приводящим в движение все факторы производства и придающим определенную направленность всему хозяйственному процессу. В хозяйственном отношении реализация высшей цели образует *основной экономический закон* земной деятельности индивида.

⁵ «И все-таки она вертится!» (итал. E pur si muove!) — крылатая фраза, которую, как некоторые полагают, произнес в 1633 г. известный астроном, философ и физик Галилео Галилей, будучи вынужденным отречься перед инквизицией от своего убеждения в том, что Земля вращается вокруг Солнца. Судя по свидетельствам друзей и письмам самого Галилея, его истинные взгляды после показного покаяния нисколько не изменились, он по-прежнему был убежден во вращении Земли вокруг себя и вокруг Солнца.

Понятие экономики

На первый взгляд, экономика есть постоянная борьба людей за средства своего материального существования. Однако обладание последними не может составлять высшую ценность для человеческой личности, поскольку все создаваемые материальные ресурсы — временны. Они не обладают вечными и неизменными свойствами. В человеке только нравственные его начала вечны и неизменны. Они не устаревают во времени, и даже смерть индивида не может их уничтожить. Они продолжают жить в потомках, переходят от родителей к детям, из рода в род, храня от моральной деградации и неминуемого в таком случае самоуничтожения человеческую цивилизацию. Поэтому, хотя все телесные потребности человека и первичны *по неотложности* исполнения, но они же вторичны по отношению к его духовной сущности и *иерархически* подчинены последней (этим, в частности, объясняется способность человека к самопожертвованию).

Если бы человек в своей хозяйственной жизни действительно подчинился удовлетворению только материальных потребностей, он бы никогда не гнал производство за пределы необходимого. Известная формула, прокламируемая многими (прежде всего, западными) научными школами, *о безграничности* материальных потребностей представляет собой яркий пример специфического духовного отношения к экономике, сложившегося в определенных исторических условиях в особых социальных группах человеческой цивилизации.

Живя на земле, человек все свои духовные (в том числе нравственные) действия всегда реализует в материальной форме. Это, в известной мере, мешает ему видеть духовную основу своего материального производства. Научный анализ позволяет раскрыть духовно-нравственные начала экономики. Действительно, современное общественное хозяйство, особенно в границах так называемого «золотого миллиарда», показывает нам, что собственно необходимые материальные потребности образуют весьма незначительную долю в общем объеме производимых товаров и услуг. В то же время материальные затраты на удовлетворение душевных (желание комфорта, развлечений, потребности в спорте, театре, кино и пр.) и духовных (например, стремление к безграничному обогащению современного нам финансового сословия), не только превышают первые, но и постоянно возрастают абсолютно и относительно⁶.

⁶ Главной причиной происшедшей в начале XX в. социалистической революции в России было не стремление рабочего сословия добиться улучшения своего материального существования, а нравственное убеждение в несправедли-

Исходя из вышеизложенного, мы можем дать следующее определение экономики. *Экономика — это совершающееся внутри природы духовно ориентированное воспроизводство материальной жизни человека и общества.*

Жизненный цикл экономики

В вышеприведенном определении выделены две крайние формы: экономика индивида (личности) и общественная экономика. Между ними имеются многочисленные промежуточные состояния — так называемые мезосоциумы: семья и различные территориальные сообщества (деревня, село, город, район, область и др.), в которых духовно ориентированное воспроизводство материальной жизни совершается на коллективной основе.

Для понимания *сущности* экономического процесса научное повествование необходимо начать с воспроизводства материальной жизни индивида, ибо оно исторически и логически предшествует формированию общественной экономики.

Индивидуальная экономика является собой духовно ориентированный замкнутый земной жизненный цикл человека (от рождения до смерти), взятый относительно воспроизводства условий его материального существования. Совершая свое земное поприще, человек последовательно проходит четыре стадии своего экономического развития. *Первая стадия — детство.* Здесь происходит постепенное *становление* личности будущего производителя (подготовка будущей рабочей силы). *Вторая стадия — юность.* Это наиболее активная фаза трудовой жизни индивида. Она характеризуется быстрым *ростом* духовных и физических способностей человека в выбранной сфере материального производства, постоянным увеличением объема и качества производимой продукции. *Третья фаза — зрелость.* Это фаза *замедления*. В известный период времени человек приближается к пределу своих творческих и физических способностей в сфере материального производства, за которым дальнейший рост эффективности его труда останавливается. *Четвертая фаза — старость.* Она связана с неизбежным наступлением *спада* личного производственного потенциала и, в конечном счете, покидания им земной юдоли (рис. 1.).

Экономика как необходимость постоянного воспроизводства материальных благ, как нескончаемая борьба за средства материального существования является той средой, в которой крайне обостряется противоречие между духовной и материальной сущностями человека.

вости поведения по отношению людям физического труда высших сословий — чиновников, дворянства, купечества, промышленников и др.

Можно предположить, что продолжительность земного жизненного цикла индивида, всегда определяемая известными биологическими законами, одновременно оказывается и тем отрезком времени, в границах которого человек делает окончательный выбор в своей нравственной позиции.

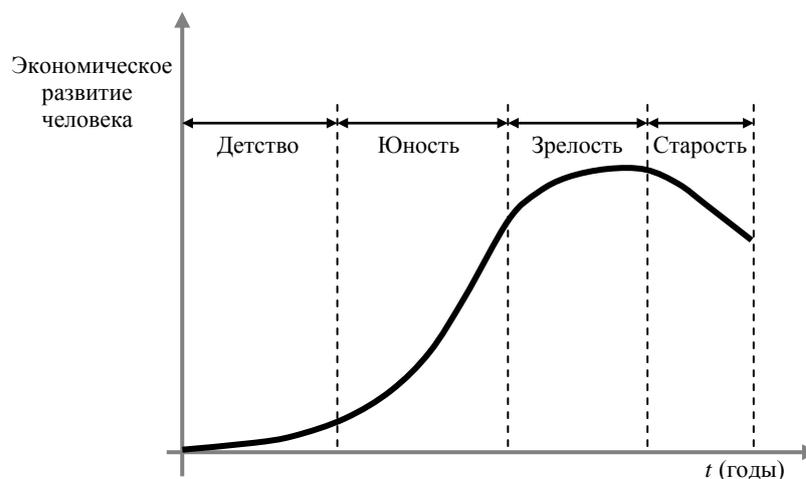

Рис. 1. Экономический жизненный цикл индивида

Общественная экономика (к которой в настоящее время относятся три ее вида: всемирное хозяйство, цивилизационная и национальная) выступает развитой и более сложной формой по отношению к индивидуальной. В реальной действительности человек не способен воспроизводить свою материальную жизнь в одиночку. Он не обладает полнотой земного бытия. И не только в психологическом, половом, демографическом, но и в чисто экономическом смысле слова. Отдельный человек всегда частичен. Ему объективно требуются другие индивиды для формирования устойчивой целостности. Поэтому хозяйственные жизненные циклы отдельных личностей, имеющие относительно одинаковую духовную ориентацию, органически переплетаются, образуя общественную экономику,

Каждая конкретная общественная экономика, если ее рассматривать как единое целостное явление, в своем развитии проходит определенный жизненный цикл, который включает в себя три точки (возникновение, момент наивысшего развития и сход с исторической арены) и четыре фазы: становление, рост, замедление и спад (рис. 2). В

отличие от экономики индивида, цикл которой ограничивается земным существованием человека — зачастую, несколькими десятилетиями, период жизни общественной экономики измеряется другими временными интервалами. Наибольшим исторически долгожителем была Византийская империя, которая вместе со своей в целом неизменной экономикой просуществовала 1123 года. Древний Рим имел срок жизни примерно восемь веков, Османский султанат — пять столетий, Китайская империя Цин — 300 лет, Российская империя просуществовала 200 лет, Британская — 150, Австро-Венгерская — около 100 лет. Советская экономика — 73 года и 9 месяцев.

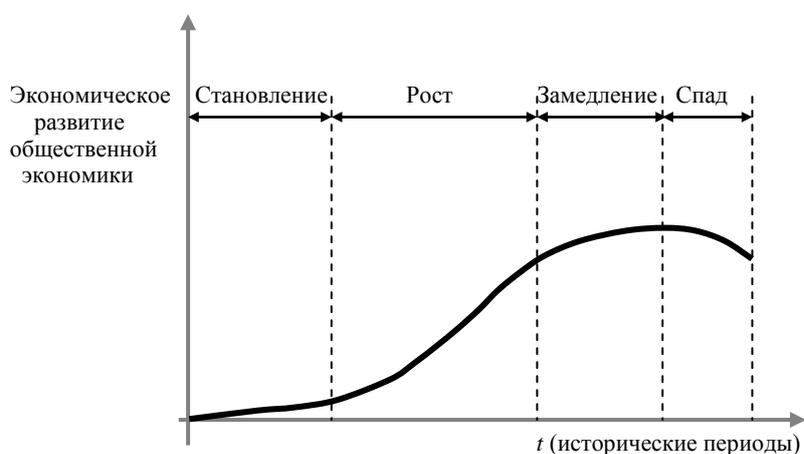

Рис. 2. Жизненный цикл общественной экономики

Современная экономическая наука, представленная в основном западными школами, обычно измеряет общественную экономику объемом продукта, который получает общество, за счет использования имеющихся у него производственных ресурсов. Это упрощенный подход к пониманию общественной экономики. При таком рассмотрении из поля зрения выпадают духовные факторы экономического развития, обеспечивающие продвижение той или иной общественной экономики на пространстве мировой истории. Опуская анализ самих экономических субъектов, а следовательно, и их духовных целей, такие научные школы на передний план выводят произведенный материальный продукт. Поэтому их теоретические постулаты не содержат нравственной оценки общественного производства. Такой подход, в известной мере, справедливый для западного социума, не годится для анализа других форм общественной экономики: всемирного хозяйства, других цивили-

лизаций, а также отдельных национальных экономик. Исследование многообразия общественного экономического развития возможно только через изучение духовной специфики его носителей — отдельных народов и их групп (многонациональных социумов).

Структура экономического процесса

В литературе процесс создания общественного продукта получил наименование *экономического* (непосредственно производственного), а воспроизводство обществом собственной материальной жизни — *социального* процесса. Общее же хозяйственное движение характеризуется как *социально-экономическое*⁷.

Внутри общества все индивиды связаны друг с другом экономическими отношениями, образуя совокупную общественную личность. В этом смысле все человеческое общество противостоит природе в качестве единого субъекта, а природа — как его единый объект. Поэтому с точки зрения воспроизводства собственной материальной жизни первоначальное воздействие человека на природу — с целью производства продукта — представляет собой *отчуждение* его сил и способностей, а последующее потребление созданных материальных благ выступает *присвоением* природы.

Таким образом, целостный экономический процесс имеет сложную структуру и характеризуется единством *духовного и материального, социального и экономического* содержания. Одновременно он выступает процессом *производства и потребления и отчуждения и присвоения*.

При правильной духовной ориентации вся совокупная хозяйственная деятельность общества реализуется *в росте народонаселения*, в полноценном удовлетворении насущных потребностей всех его членов — нынешнего и будущих поколений, рациональном использовании природных ресурсов и сохранении окружающей природной среды. Внутри же самого общества и между обществом и природой устанавливается *гармония*.

Отказ от положительной направленности духовного вектора приводит к потере обществом действительной цели своего развития, искажает внутриобщественную гармонию, разрывает общество на противоборствующие группы и партии и разрушает рациональное отношение его к природе. Возвращение к прежнему положительному состоянию, если оно и возможно, не происходит автоматически, а совершается через кризис.

⁷ Весьма часто под термином *экономический процесс* понимают единство социального и экономического.

В отличие от природы человеческая производственная деятельность всегда несовершенна — в силу несовершенства человеческого разума. Поэтому хозяйственная деятельность человека *a priori* (по самому существу) всегда сопряжена с ошибками и потерями — и в индивидуальном, и в общественном планах. В своем общественно-историческом развитии экономика движется путем «проб и ошибок» и уже хотя бы поэтому нуждается в постоянном анализе и научном исследовании. Без научной оценки экономического опыта, без постоянно совершенствуемой экономической теории более менее устойчивое хозяйственное развитие невозможно. Разумеется, человеческая ограниченность и сюда привносит элемент непредсказуемости, однако потери при пренебрежении к экономической науке становятся намного больше.

М.А. ЧИРКОВ

Последствия ускорения хозяйственных взаимосвязей в экономике Российской Федерации

Аннотация. Ускорившееся взаимодействие производителя и потребителя, несмотря на положительные моменты, имеет и свои негативные последствия. Роль производства на заказ в современной экономике заключается, в том числе, и в преодолении кризисных явлений в экономической системе.

Ключевые слова: эффективность производства, производство на заказ, взаимосвязь производителя и потребителя.

Abstract. Increasing speed of interconnection between producer and consumer in spite of its positive moments has its negative effects. Production to order role in modern economy involves overcoming crisis occurrence in economic system.

Keywords: production efficiency, production to order, interconnection between producer and consumer.

С момента появления товарно-денежных отношений в истории человечества производство на заказ занимает существенную нишу в экономической жизни любого общества. Несмотря на весьма разнообразные проявления этого типа производства, общим признаком является, несомненно, признание результатов труда до его начала. В разные исторические эпохи заказные формы производства и торговли расширяли или сужали занимаемые позиции, периодически понижаясь до вто-

ростепенных или, наоборот, превращаясь в основную движущую силу развития отдельных регионов и целых стран.

Эффективность данного производства всегда являлась предметом жарких дискуссий, однако при правильном определении области применения его использование неизменно обеспечивало положительный результат. Проблема изучения производства на заказ и обеспечения эффективности производственного процесса стоит в нашей стране наиболее остро из-за объективных экономических сложностей затянувшегося переходного периода и наложившихся на них трудностей двух кризисов 1998 и 2008—2009 гг. В стране какие-нибудь 15—20 лет назад произошел разрыв огромного количества налаженных десятилетиями хозяйственных связей, не всегда максимально эффективных, но надежно действовавших, и в настоящий период необходимо уделить особое внимание их восстановлению на новом уровне с использованием вновь открывшихся возможностей (см.: [1; 2]).

В соответствии с необходимостью реструктуризации многих отраслей национальной экономики требуется многократно увеличить интенсивность исследований в данной области для достижения и поддержания конкурентоспособности экономики России на мировом рынке. Существующие в настоящее время разработки данного вопроса зачастую теряют актуальность и оказываются неприменимыми в связи с изменяющимися экономическими условиями и динамичным техническим прогрессом во многих областях. В качестве иллюстрации можно привести примеры системы «Just in time» в машиностроении, возведение объектов «с колес» в строительстве и магазинов сети «Утконос» в Москве и Московской области, обеспечивающих ассортимент в десятки тысяч наименований товаров при работе на заказ своих розничных отделений. Еще 15—20 лет назад это невозможно было осуществить хотя бы из-за чрезмерной дороговизны надежных высокопроизводительных электронных устройств, которые могли бы обеспечить поступление, обработку и формирование заказов. Изучение производства на заказ должно проводиться исключительно с учетом результатов достижений научно-технического прогресса в Российской Федерации и в мире в целом.

Исследование вопросов, связанных с производством на заказ, — весьма актуальная и важная задача, назревшая в настоящее время в РФ. Структура взаимоотношений между российскими предприятиями далека от совершенства, что вызывает коллапсы, требующие вмешательства первых лиц государства и оставляет широкий простор для разработок в этой области. Необходимо превратить понятие производства на заказ из абстрактного научного термина в рабочий инструмент отраслевых исследований эффективности производства и важный па-

раметр при разработке мер государственного регулирования в любых отраслях, а особенно в тех, которые сегодня определяют конкурентоспособность на мировых рынках, что, в конечном счете, через прямые рыночные механизмы, а также при помощи продуманной фискальной политики приведет к повышению благосостояния российских граждан [3; 4].

Хозяйственные взаимосвязи на основе заказов между экономическими субъектами в процессе своего функционирования приобретают рациональную конкретную форму, отличающуюся наибольшей жизнеспособностью в реальной экономике. Таковой служит справедливое распределение результатов трудовой деятельности между субъектами. Через нее реализуется деятельность агентов связей. Эта форма наиболее тесно связана с самим содержанием, она объективна и выступает в качестве самостоятельного фактора.

Производственные отношения между субъектами в процессе своего развития приобретают форму различных коммерческих отношений в зависимости от экономических условий и социального статуса их носителей. Реализуясь как производство на заказ, они приобретают чисто рыночную форму — в виде экономического контракта. И эта форма существует в качестве самостоятельного феномена объективной действительности. Именно через нее отражается экономическое содержание производства на заказ, в ней заключается вся полнота экономических стимулов, служащих усилению к/д хозяйствующего субъекта в воспроизводственном процессе. Экономический контракт, без которого невозможно осуществление производства на заказ, в реальной жизни имеет множество форм существования: договор, заказ, прямые поставки товаров, длительные хозяйственные связи, оптовая и розничная торговля и др.

Возникновение и развитие форм производства на заказ в экономике России идут по пути усложнения системы хозяйственных взаимосвязей, что, во-первых, является доказательством ее действительного совершенствования, а значит, и общественного движения к прогрессу, а во-вторых, свидетельствует об уменьшении их неопределенности и проблем, связанных с их рисковым характером. Имеются примеры создания весьма прогрессивных и работающих с большой эффективностью форм производства на заказ, такие, например, как «точно в срок» или Lean Manufacturing [5].

Наглядная демонстрация рисков работы предприятия (экономического субъекта) на открытом рынке можно проследить на необъяснимом падении американского фондового рынка 6 мая 2010 г. В 2:42 американский фондовый рынок, весь день медленно падающий, начинает стремительно обваливаться. В течение всего пяти минут индекс Доу—Джонса, определяющий стоимость крупнейших компаний США,

потерял примерно 600 пунктов из 10600 только для того, чтобы в последующие десять минут восстановиться до прежнего уровня [6]. Автор статьи задается вопросом: «Как вообще могло случиться, что за считанные минуты фондовый рынок просел почти на триллион долларов?». Версий несколько, но правда, по версии журналистов, одна: в последнее время три четверти объема сделок на фондовом рынке заключается не людьми, а высокоскоростными роботами-трейдерами. Автоматические торговые системы начали появляться еще в 1970-х, но настоящую популярность получили в конце 1990-х: во-первых, в 1998-м SEC (Комиссия по ценным бумагам и биржам США) разрешила электронную торговлю, во-вторых, буквально за три года фондовые биржи впервые за две сотни лет своего существования уменьшили порог минимального изменения цены лота от 1/8 дол. до одного цента: если с долями проще управляться людям, то ценовая точность введена для удобства компьютерной обработки. С тех пор торговые залы только пустеют; трейдеры бесцельно слоняются, поглядывая в смартфоны: все равно всю их работу выполняют компьютеры. Впрочем, старожилы Нью-Йоркской фондовой биржи вспоминают, что 6 мая трейдеры забегали, как в старые времена, зал невероятно оживился паникой и криками. Еще бы — торговые роботы сходили с ума у них на глазах. Почему? Первые версии появляются не сразу. Пятимесячное разбирательство SEC закончилось довольно невнятным отчетом, в котором не дано ни причин, ни разъяснений, почему такого не случилось раньше и как избежать повторов в будущем. Отчет гласит, что якобы в тот день угрюмая ситуация с европейской экономикой усугубилась продажей фьючерсов некоей компании «Waddell & Reed Finance».

Небольшая компания «Napex», проводившая параллельное независимое расследование, уверена, что все дело в роботах-трейдерах, перегрузивших биржу. Про высокочастотный трейдинг (high-frequency trading, HFT) практически никто не знал еще полтора года назад, пока летом 2009 г. в «Нью-Йорк Таймс» не вышла статья, рассказывающая про технологию, существующую более десяти лет. Впрочем, если на пороге тысячелетия заявки на бирже обрабатывались в течение секунд, то сейчас счет идет на тысячные доли секунды: в выигрыше оказывается, тот, у кого есть доступ к специальным алгоритмам и суперкомпьютерам, и имеет к тому же наиболее выгодное географическое месторасположение где-то в Нижнем Манхэттене — поближе к Уолл-стрит. Из Калифорнии — с другого побережья США — торговать можно, но уже бессмысленно: сигнал туда и обратно идет 50 миллисекунд, а самые ретивые роботы-трейдеры из Нью-Йорка оставляют заявки уже через 3 миллисекунды после получения данных, снимая сливки с самых благоприятных предложений о продаже или покупке лотов. Кроме того, в дело идут внушительные вычислительные мощ-

ности и мощнейшие алгоритмы: роботы-трейдеры скрупулезно прочесывают рынок, выявляя совпадения, делая прогнозы и пытаясь уловить малейшие перемены в рыночной обстановке еще до появления финансовых новостей Bloomberg.

Ошибочность обоих подходов к объяснению заключается в том, что война роботов-вирусов или продажа фьючерсов не самой крупной компании не создают предпосылок для такого рода провалов на рынках. Дело в отсутствии эффективного стабилизирующего механизма на фондовом рынке. Такого рода стабилизаторы пытаются предложить и ведущие научно-исследовательские учреждения РФ. В частности, на кафедре политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова широко обсуждаются возможности внедрения новых видов ценных бумаг-стабилизаторов с изменяющимися характеристиками в случае возникновения кризисных ситуаций на фондовом рынке. Но что невозможно на рынке ценных бумаг, то возможно сделать в реальной экономике. Необходимо проработать возможности изменения действующего законодательства РФ для введения стабилизирующих факторов в системообразующих отраслях, в частности, в области обязательств по заключению долгосрочных контрактов для предприятий таких отраслей. Такие меры предотвратят возникновение провалов спроса на продукцию продолжительностью до 1—3 лет и позволят обеспечить более высокий уровень конкурентоспособности для экономики в целом. А это, в свою очередь, будет способствовать решению первоочередных задач, поставленных руководством страны, по переходу к инновационному развитию, превращению Москвы в мировой финансовый центр, развитию реального сектора экономики, ухода от сырьевой модели функционирования экономики Российской Федерации.

Литература

1. Попов А. Плановые и рыночные методы: условия сочетания // Экономист. 2005. № 10.
2. Касти Дж. Большие системы (связанность, сложность и катастрофы). М., 1982.
3. Пороховский А.А. Вектор экономического развития. М., 2002.
4. Радаев В.В. Развитие хозрасчетных отношений на современном этапе и совершенствование планирования // Плановое хозяйство. 1975. № 9.
5. Шаститко А.Е. Сигналы и дерегулирование экономики. М., 2003.
6. The Prime Russian Magazine. 2010. No. 3.

А.В. СОРОКИНА

Эффективность государственных инвестиций в человека (на примере образования и здравоохранения)

Аннотация. В статье государственные инвестиции в человека рассматриваются сквозь призму бюджетных затрат на образование и здравоохранение. Эффективность данных затрат определяется их воздействием на уровень жизни населения. Для оценки эффективности инвестиций в человека автор строит эконометрическую модель, которая связывает темпы роста уровня жизни в регионах России и долю бюджетных расходов на образование и здравоохранение.

Ключевые слова: государственные инвестиции в человека, бюджетные расходы на образование и здравоохранение, уровень жизни, регионы России, эконометрическая модель.

Abstract. The article examines government investment in person as budget education and health expenditures. Efficiency of these costs is analyzed through their influence on living standards. In order to estimate the efficiency of government investment in person in the case of Russia the author constructs econometric model which relates living standards in Russian regions and budget education and health expenditures.

Keywords: government investment in person, budget education and health expenditures, living standards, Russian regions, econometric model.

В современном обществе все большее значение приобретают государственные инвестиции в человека. Эффективность данных расходов может быть оценена посредством их влияния на рост уровня жизни⁸ в стране (регионе). Многие исследования подтверждают важное влияние, оказываемое системой образования и здравоохранения на динамику социально-экономических показателей.

Расходы на образование. Большинство исследователей относят расходы на образование к инвестициям. Если это личные расходы индивидуума, то данные инвестиции будут носить характер частных. Если общество выделяет часть ресурсов на предоставление услуг образования своим членам, то данные инвестиции являются по своему характеру государственными. По определению, инвестиции — это вложения в текущем периоде, которые приносят выгоды в будущем. В связи с этим возникает вопрос, какие именно выгоды получают от расходов на образование индивид и общество в целом.

⁸ Количественным выражением уровня жизни в данной статье служит среднедушевой ВВП (ВРП).

Индивидуальные выгоды от образования способствовали тому, что в странах с различным уровнем развития в течение XX столетия происходило быстрое расширение числа участников образовательных систем. Первые эмпирические исследования индивидуальных выгод от образования (по данным о заработной плате в США) привели к пониманию важности рассмотрения данных расходов как инвестиций. Использование исследователями эконометрического анализа применительно к развивающимся странам показало, что наличие базового школьного и профессионального образования увеличивает доходы индивидуумов примерно на 10—40% [1, 46].

Однако с появлением более широких рядов статистических данных и возможностей для их анализа исследователей стал интересовать вопрос, какие выгоды получает общество от расходов на образование. В таблице 1 представлены результаты исследований как индивидуальных, так и общественных выгод от инвестиций в образование в трех регионах мира (Африке, Азии и Латинской Америке), а также в группе развитых стран в зависимости от ступени образования (начальное, среднее и высшее).

Как видно из таблицы 1, общественная отдача от образования снижается по мере того, как повышается степень обучения вне зависимости от группы стран. Также и в странах с низким уровнем среднедушевых доходов (Африка, Латинская Америка) частная отдача от года обучения на соответствующей ступени примерно в 2 раза выше, чем общественная. В Азии и в странах с высоким уровнем среднедушевых доходов (Западная Европа, США, Новая Зеландия, Израиль) частная и общественная отдача от среднего и высшего образования примерно одинаковы.

Таблица 1

Средняя норма отдачи* от образования в различных регионах мира в зависимости от ступени обучения

Регион	Общественная отдача			Индивидуальная отдача		
	Начальное	Среднее	Высшее	Начальное	Среднее	Высшее
Африка	27	19	14	45	28	33
Азия	18	14	12	34	15	18
Латинская Америка	35	19	16	61	28	26
Западная Европа, США, Новая Зеландия,	13	10	8	19	12	11

Израиль						
---------	--	--	--	--	--	--

* В таблице приведены данные о процентном увеличении доходов общества и индивидов в случае наличия той или иной степени образования.

Источник: [1, 575].

В сфере образования отчетливо заметны провалы рынка — коммерческий сектор не имеет достаточных стимулов для того, чтобы сделать обучение доступным для всех граждан. Индивидуум, стремящийся приобрести знания и навыки, потенциально владеет человеческим капиталом. Поэтому у него должна быть возможность взять кредит на финансовом рынке для получения образования, обеспечением для которого служил бы его будущий человеческий капитал. Однако на практике это не всегда возможно. В связи с этим требуется вмешательство государства, которое либо напрямую финансировало бы сферу образования, либо выдавало способным гражданам кредиты или гранты для продолжения обучения.

Таким образом, современные исследования свидетельствуют о том, что образование может предоставлять экономические выгоды для общества, которые превышают сумму индивидуальных выгод. Это происходит благодаря тому, что образование создает богатую почву для инноваций и научных открытий, что приводит к ускорению темпов роста экономики в целом.

Расходы на здравоохранение. Д. Катлер отмечает, что полезность индивидуума зависит от уровня его здоровья и прочих благ (см.: [2, 2146]). Здоровье же само находится в зависимости от множества факторов. Он выделяет три фактора, оказывающих наибольшее влияние на здоровье человека, — образ жизни индивидуума, характеристики окружающей среды и система здравоохранения. В странах национальные системы здравоохранения различаются долей участия государственного сектора в предоставлении услуг здравоохранения. Решение вопроса о балансе частного и государственного сектора в системе здравоохранения зависит от того, насколько адекватно построены системы стимулов для обоих секторов.

С. Арора исследует влияние состояния здоровья населения на долгосрочные темпы роста экономики в десяти индустриальных странах в течение XX в. (см.: [3, 699—749]). В результате проведенного эконометрического анализа автор находит подтверждение тому, что улучшение состояния здоровья населения позволяет снизить ограничения на виды экономической деятельности и повысить долгосрочные темпы роста в индустриальных странах на 30—40%. Резкий рост доходов населения, который наблюдался с начала XX столетия до настоящего момента, произошел бы на 50—70 лет позднее в случае фиксирования

показателей здоровья населения на уровне конца XIX в. Автор использует для оценки здоровья такой показатель, как ожидаемая продолжительность жизни в различных возрастах. Каковы же причины произошедшего увеличения данного показателя в течение прошлого столетия? По мнению С. Арора, их несколько. Во-первых, это развитие системы здравоохранения как инвестиций в общественную инфраструктуру здоровья. Во-вторых, улучшение питания населения в результате увеличения предложения и повышения доступности продовольственных товаров. В-третьих, открытия микробной теории и выработка на их основе рекомендаций по борьбе с инфекционными заболеваниями.

С. Арора также объясняет механизм, посредством которого здоровье может влиять на темпы экономического роста. Увеличение ожидаемой продолжительности жизни приводит к расширению горизонта планирования. Это ведет к повышению отдачи от инвестиций в образование с точки зрения как общества, так и отдельного человека. Образование же, совместно с хорошими показателями здоровья, положительно влияет на производительность труда в экономике, доходы населения и чувствительность экономики к инновациям. Так же в долгосрочном периоде увеличение ожидаемой продолжительности жизни и соответственно горизонта планирования ведет к снижению ставки межвременных предпочтений (повышение терпения), что положительно сказывается на норме сбережений. Вследствие этого расширяются возможности для роста инвестиций в основной капитал, что оказывает положительное влияние на темпы роста ВВП. Отсюда следует рекомендация по расширению доступного для населения качественного здравоохранения с целью увеличения ожидаемой продолжительности жизни как необходимого условия высоких темпов экономического роста в краткосрочном и долгосрочном периодах и, как следствие, уровня жизни населения.

Таким образом, государственные расходы на образование и здравоохранение представляют собой инвестиции в развитие человека, поскольку в данном случае затраты общественных ресурсов сопровождаются отдачей в виде прироста валового продукта и в конечном итоге повышением уровня жизни населения. Государственные инвестиции в человека можно считать эффективными, если бюджетные затраты на образование и здравоохранение приводят к росту уровня жизни населения. Рассмотрим с помощью данного критерия эффективность государственных расходов на образование и здравоохранение в регионах России.

Эмпирическая проверка влияния на уровень жизни населения в регионах России бюджетных расходов на образование и здравоохранение. Для оценки эффективности государственных расходов на

образование и здравоохранение в регионах России исследуем с помощью эконометрических методов зависимость уровня жизни населения от структуры региональных бюджетных расходов.

Для проведения эконометрического анализа необходимо наличие большого массива данных, который позволит получить объективную оценку влияния государственных расходов (объясняющих переменных) на уровень жизни населения (зависимая переменная). Поэтому в исследовании используется статистическая информация по 79 субъектам федерации⁹ за период 2000—2008 гг. Представленный массив данных позволяет применять методы панельного анализа для оценки параметров интересующей нас зависимости. Зависимая переменная и объясняющие показатели приведены в табл. 2.

Таблица 2

Зависимые и объясняющие переменные в модели

Обозначение переменной	Описание переменной
<i>Зависимая переменная</i>	
<i>GRP_ps</i>	темпы прироста реального ВРП* на душу населения
<i>Объясняющие переменные (по отношению к совокупным бюджетным расходам в регионе)</i>	
<i>G_to_TE</i>	доля затрат на государственное управление
<i>N_to_TE</i>	доля затрат на национальную экономику
<i>E_to_TE</i>	доля затрат на образование
<i>H_to_TE</i>	доля затрат на здравоохранение
<i>S_to_TE</i>	доля затрат на социальную поддержку населения

*Реальный ВРП — в данном случае ВРП, выраженный в неизменных ценах 1999 г.

Из таблицы 2 видно, что помимо затрат на образование и здравоохранение в эконометрическую модель были включены такие объясняющие переменные, как расходы на государственное управление, национальную экономику и социальную поддержку населения. Это позволяет контролировать воздействие прочих расходов (помимо затрат на образование и здравоохранение) на динамику уровня жизни в регионах России.

⁹ Из рассмотрения исключаются автономные округа, входящие в состав других субъектов РФ, а также Чеченская республика в связи с отсутствием официальных статистических данных за некоторые периоды времени. Источником статистической информации являются данные с сайта Росстата [4].

Исследуемую нами зависимость можно записать в виде следующего уравнения:

$$GRP_ps = \alpha_0 + \alpha_1 \cdot G_to_TE + \alpha_2 \cdot N_to_TE + \alpha_3 \cdot E_to_TE + \alpha_4 \cdot H_to_TE + \alpha_5 \cdot S_to_TE,$$

где $\alpha_0, \alpha_1, \alpha_2, \alpha_3, \alpha_4, \alpha_5$ — коэффициенты, которые необходимо оценить.

Сформулированная гипотеза о положительном влиянии на рост уровня жизни населения государственных расходов на образование и здравоохранение будет подтверждена, если коэффициенты α_3 и α_4 будут статистически значимы и больше нуля.

Проведение эконометрического анализа на данных по регионам России позволило получить информационно важные результаты¹⁰. Незначимыми оказались коэффициенты при переменных α_1, α_2 и α_5 — их величина близка к нулю. Таким образом, эмпирический анализ не обнаружил существенной зависимости между уровнем жизни населения в регионе и долей бюджетных расходов на государственное управление, национальную экономику и социальную поддержку.

Коэффициенты при расходах на образование и здравоохранение оказались значимыми, что говорит о влиянии соответствующих расходов на рост уровня жизни в регионах России. Значение коэффициента $\alpha_3 = 0,41$, а коэффициента $\alpha_4 = -0,14$. Полученная зависимость темпов роста среднедушевого ВРП в регионах России от структуры бюджетных расходов выглядит теперь следующим образом:

$$GRP_ps = 8,5 + 0,41 \cdot (H_to_TE) - 0,14 \cdot (E_to_TE).$$

На рисунке 1 представлены средние за период 2000—2008 гг. темпы роста уровня жизни в регионах России и доли расходов на образование и здравоохранение в региональных бюджетных расходах. Из данного рисунка видно, что во многих регионах наблюдается прямая связь между темпами роста уровня жизни и долей бюджетных расходов здравоохранение, и обратная — с долей затрат на образование.

¹⁰ Оценка коэффициентов осуществлялась на панельных данных по 79 регионам России за 2000—2008 гг. с помощью группового взвешенного метода наименьших квадратов.

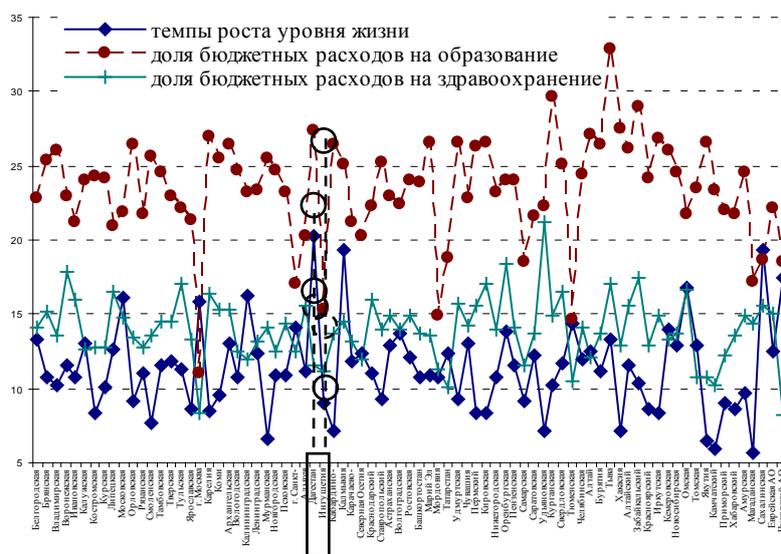

Рис. 1. Средние значения за период 2000—2008 гг. темпов роста уровня жизни, доли бюджетных расходов на образование и здравоохранение в регионах России

Для примера сравним Московскую и Орловскую области, которые на графике расположены рядом. Доля расходов на здравоохранение в среднем за рассматриваемый период была выше в Московской области (15%), чем в Орловской (13%). В то же время по доле расходов на образование Орловская область (27%) опережала Московскую (22%). Построенная модель предсказывает, что Московская область должна характеризоваться более высокими темпами роста уровня жизни населения по сравнению с Орловской областью. Действительно, в Московской области средний темп роста ВРП на душу населения за период 2000—2008 гг. составлял свыше 16% ежегодно, в то время как в Орловской области он был ниже 10% в год.

Таким образом, эконометрический анализ показывает, что расходы региональных властей на здравоохранение в России придают дополнительный импульс повышению уровня жизни населения. Увеличение доли затрат на здравоохранение на 1 процентный пункт в региональном бюджете, согласно построенной модели, приводит к увеличению ежегодных темпов роста среднедушевого ВРП на 0,41%.

В то же время построенная модель выявила, что повышение доли бюджетных расходов на образование приводит к сокращению темпов

роста уровня жизни в регионе. Увеличение доли затрат на образование на 1 процентный пункт в региональном бюджете имеет следствием сокращение темпов роста уровня жизни на территории на 0,14%.

Здесь, однако, надо сделать важную оговорку, препятствующую прямолинейной трактовке указанной зависимости. Отрицательный знак перед долей бюджетных расходов на образование свидетельствует о низкой эффективности данных расходов *в текущем периоде*. Расходы на образование предстают как изъятие имеющихся на данный момент средств из экономической сферы регионов на непроектируемые цели, что отражается в отрицательном влиянии данных расходов на *текущие* темпы роста ВРП на душу населения. Повышение уровня и качества образования в стране (регионе) приводит к увеличению *долгосрочных* темпов роста уровня жизни. Бюджетные расходы на образование имеют отдачу в виде усиления инновационности развития и повышения производительности труда, что ведет к ускорению темпов экономического роста и повышению уровня жизни населения. Однако данный результат проявляется в долгосрочном периоде, т. е. тогда, когда современные учащиеся пополнят ряды квалифицированной рабочей силы.

Таким образом, построенная в работе эконометрическая модель позволила дать количественные оценки эффективности государственных инвестиций в человека в регионах России. Получила подтверждение эффективность государственных расходов на здравоохранение. В то же время, модель показала, что расходы на образование не оказывают положительного влияния на рост уровня жизни населения в текущем периоде, поэтому можно говорить об эффективности данных расходов только *в долгосрочном периоде*. Из этого следует, что для повышения уровня жизни населения и роста социально-экономического потенциала страны необходимы государственные инвестиции в здравоохранение и образование.

Литература

1. *Schultz T.* Education Investments and Returns // Handbook of Development Economics. 1988. Vol. 1.
2. *Cutler D.* Health Care and the Public Sector // Handbook of Public Economics. 2002. Vol. 4.
3. *Arora S.* Health, Human Productivity, and Long-Term Economic Growth // The Journal of Economic History. 2001. Sept. Vol. 61. No. 3
4. www.gks.ru.

А.Д. АНТОНОВ

Стратегическое поведение фирмы в новом социуме: вопросы теории

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы стратегического поведения фирмы в условиях формирования постиндустриальной социально-экономической системы. Отмечаются недостатки существующих теоретических концепций стратегического поведения фирмы применительно к компаниям, работающим в высокотехнологичных отраслях. Проводится анализ влияния на стратегическое поведение фирмы ряда фундаментальных тенденций, характерных для процесса постиндустриальной трансформации социально-экономической системы.

Ключевые слова: стратегическое поведение фирмы, стратегия, интеллектуальный капитал, постиндустриальное общество, собственность, экономическая нестабильность.

Abstract. This article considers key aspects of firm's strategic behavior under postindustrial economic and social transformation conditions. Author underlines limited effectiveness of existing strategic behavior theoretical concepts in conformity with companies operating in high-tech industries. It's stated that firm's strategic behavior is significantly influenced by fundamental postindustrial transformation factors, such as crucially growing role of intellectual capital, property rights transformation and distortion and considerable increase of economic instability level.

Keywords: firm's strategic behavior, strategy, intellectual capital, post-industrial society, property, economic instability.

Развернувшаяся в развитых странах в конце 1970-х — начале 1980-х гг. вторая волна НТП ознаменовала для мировой экономики начало перехода от индустриального к информационному типу развития. Сегодня проблема форсирования процессов постиндустриальной трансформации и ускоренного перехода на инновационный путь развития является особенно актуальной и для российской экономики.

В ходе постиндустриальной трансформации ускорение динамики изменений в социально-экономической среде, в том числе бурный технологический прогресс, структурные сдвиги на рынках труда, а также усиление и непрерывная эволюция форм конкуренции, приводит к росту общего уровня неопределенности и нестабильности в экономической системе. Это, в свою очередь, оказывает огромное влияние на возможности создания и поддержания предприятиями устойчивых конкурентных преимуществ, делая эту задачу как никогда сложной,

многогранной и творческой. В новых условиях самые различные компании все в большей степени ощущают острую потребность в мощных аналитических инструментах и моделях, которые могли бы позволить им не просто быстро и эффективно приспосабливаться к постоянно меняющимся условиям внешней среды, но и реагировать на эти изменения *проактивно*, оказывая на элементы внешней среды, непосредственно соприкасающиеся со сферой деятельности компании, встречное влияние.

Как должна быть организована деятельность предприятия, способствующая снижению уровня неопределенности, максимально эффективной реализации возникающих новых возможностей для развития бизнеса, поддержанию высокого темпа разработки и внедрения инноваций? Каким образом фирма должна создавать и поддерживать конкурентные преимущества, обеспечивающие недоступный для ее конкурентов уровень ренты? Какие фундаментальные принципы должны лежать в основе долгосрочной устойчивой деятельности компании, функционирующей в условиях «экономики знаний»? Ответы на подобные вопросы традиционно находились в компетенции одного из наиболее динамично развивающихся направлений в рамках теории фирмы — *теории стратегического поведения*. Однако ограниченность трактовки поведенческих принципов фирмы в новом состоянии экономики была отмечена многими исследователями уже в середине 1990-х гг.¹¹.

На наш взгляд, определяющее влияние на формирование и развитие новых теоретических концепций в области стратегического поведения в условиях перехода к инновационному типу развития будут оказывать фундаментальные изменения в экономической базе: кардинальное возрастание роли человеческого капитала (как в рамках фирмы, так и в экономике в целом), эволюция отношений собственности, а

¹¹ Так, например, Г. Хэмел и С. Прахалад уже в 1996 г. одну из своих работ посвятили анализу проблемы ограниченности традиционных подходов к трактовке поведения фирм индустриальной эпохи к поведению фирм в новых условиях [1, 237—242]. Б. Левендаль и О. Реванг также подчеркивают влияние изменений, происходящих в экономической системе в последние два десятилетия, и ставят вопросы о возможностях развития теории стратегического управления в новых условиях [2, 755—753]. На проблемы, с которыми столкнулась «традиционная» парадигма теории стратегического поведения фирмы в условиях перехода к постиндустриальной экономической системе указывают и отечественные исследователи. Так, А.М. Макаров убедительно доказывает неэффективность существующих «классических» подходов к формированию стратегии предприятия исключительно на основе анализа отраслевой структуры или набора доступных ресурсов и компетенций компании (см.: [3]).

также растущая нестабильность подвижной постиндустриальной системы. Эти тенденции рассматриваются далее в данной статье.

На пути к новой экономике

Фундаментом постиндустриальной трансформации, выделенным еще в самых первых работах по теории постиндустриального общества¹², является процесс замещения физического труда трудом интеллектуальным (в частности, знаниями, как ключевым элементом интеллектуального труда). Именно он по сути своей и породил термин *knowledge-based economy*, подчеркивая первоочередную роль интеллектуального труда и интеллектуального капитала как нового ключевого ресурса в экономике. Многие теоретики постиндустриального общества выделяют именно этот фундаментальный структурный сдвиг в качестве основного, предопределяющего и обуславливающего все последующие тенденции и процессы трансформации индустриальной социально-экономической системы в постиндустриальную.

Изменения происходят и внутри производственного сектора экономики. Темпы роста наиболее высокотехнологичных, науко- и знаниеемких отраслей, таких как производство компьютерной техники и радиоэлектроники, с 1972 по 2008 г. составили 15,1% [5], что примерно в пять раз выше, чем средние темпы роста всей американской экономики за тот же период. Еще один важнейший показатель степени развития постиндустриального сектора экономики — доля расходов фирм на информационные технологии, включающий в себя расходы на электронно-вычислительную технику, покупку лицензий на использование программного обеспечения, а также заработную плату ИТ-персонала и профессиональных ИТ-консультантов. Этот показатель, агрегирующий в себе уровень комплексной информатизации и автоматизации компаний, в США с 2003 по 2008 г. рос в среднем на 8,65% в год.

Таким образом, в экономике развитых стран, прежде всего США, процессы постиндустриальной трансформации продолжают ускоряться, охватывая все большее количество отраслей экономики и элемен-

¹² Первые основы теории постиндустриального общества были заложены в 1960-х гг., такими исследователями, как Д. Белл, М. Янг, О. Тоффлер, П. Друкер, Р. Хейлбронер, Т. Сакайя, Т. Стюарт, Л. Эдвинсон. Так, например, О. Тоффлер подчеркивал масштабность изменений в обществе конца XX в., выводя их далеко за рамки технических и телекоммуникационных новаций. «Во все большей степени, — отмечал он, — люди осознают, что вокруг нас формируется новая культура. И дело не только в компьютерах. Это новые установки по отношению к труду, полу, нации, досугу, авторитетам и так далее» [4, 34].

тов социальной системы. Рост количества фирм, функционирующих в рамках «knowledge-based economy», неуклонно увеличивается, а вместе с этим также неуклонно возрастает потребность в научно обоснованных механизмах формирования стратегий, позволяющих фирме выживать и успешно развивать свой бизнес в новых социально-экономических условиях.

Роль интеллектуального капитала в инновационной стратегии фирмы

В условиях постиндустриальной трансформации на первый план выходят задачи генерации нового знания, накопления интеллектуального капитала и трансляции позитивного опыта (best-practice) в рамках внутренней среды фирмы. По всей видимости, знание можно и, скорее всего, следует считать экономическим ресурсом в традиционном понимании этого термина. Именно на этой предпосылке основаны некоторые новейшие работы в области теории стратегического поведения фирмы¹³.

Занятые в «постиндустриальных» секторах экономики высокообразованные и высококвалифицированные наемные работники перестают быть лояльными «корпоративными солдатами» и в условиях высокой мобильности на рынках труда начинают отождествлять себя скорее с партнерами компании (которые будут продолжать сотрудничество с компанией только до тех пор, пока оно будет оставаться взаимовыгодным). В среде высококвалифицированных специалистов формируется принципиально новая система трудовых морально-этических принципов и ценностей. Наиболее ярко проявляющейся тенденцией в этом плане является выработка критического отношения к жесткой и авторитарной организации труда, авторитету вертикальной власти, к физическим и моральным жертвам во имя идеалов корпоративной культуры.

Утверждение «постиндустриальной» трудовой этики ведет к тому, что традиционная экономическая власть, основанная на экономической зависимости наемного работника от конкретного работодателя, теряет свою эффективность. Ресурсы, используемые компанией, оказываются фактически вне границ ее социально-экономического влияния, вследствие чего контролировать их становится практически невозможно.

¹³ Прежде всего, здесь имеются в виду концепция «динамических способностей фирмы» (Dynamic Capabilities Approach), основы которой были сформулированы в [6, 509—533].

Таким образом, в условиях постиндустриальной экономики *знание* становится *важнейшим средством производства*, а не равноценным с капиталом и неквалифицированной рабочей силой ресурсом¹⁴, принадлежность которого не полностью совпадает с собственностью на капитал (о чем — ниже).

Мотивационные основы и демократизация трудовых отношений

Интеллектуализация экономики подрывает и *мотивационные основы* индустриального общества, ставя под сомнение лежащие в его основе социальные мотивы и цели. На смену императива максимизации материального благосостояния приходит осознание возможности самоутверждения через личностное и профессиональное развитие, выражающееся, прежде всего, через создание, накопление и применение новых знаний и инновационных технологий. Новые социально-личностные запросы, носители которых в середине XX столетия были в развитых странах статистическим меньшинством, в условиях постиндустриальной трансформации получают свое дальнейшее развитие¹⁵. Новая элита «класса интеллектуалов» ищет самовыражение вне традиционных стереотипов «общества потребления», выдвигая на первый план развитие духовных потребностей, стремление к саморазвитию, уважению личного достоинства и самостоятельности [8]. Что касается материальных потребностей, то они сохраняются и развиваются, но уже в новом качестве, не как условие существования человека, а как необходимое условие его духовного развития, как символ признания и статуса в обществе, как источник самооценки и удовлетворенности жизнью и профессиональной деятельностью.

По сути, особенность отношений сотрудника и фирмы отражает новое диалектическое противоречие, выступающее одной из важнейших движущих сил развития фирмы в условиях постиндустриальной экономики. Фирмы вынуждены конкурировать в борьбе за трудовые ресурсы, делая трудовой процесс максимально демократичным и способствуя реализации творческих способностей каждого работника, так как в постиндустриальную эру именно возможность творческой самореализации и комфортность условий труда выступают важными факторами, во многом определяющими лояльность сотрудника к предприятию. В то же время демократизация трудовых отношений в рамках

¹⁴ Понятие «знания» мы будем использовать далее только в этом смысле.

¹⁵ Исследователи этих тенденций в США (в частности, Г. Мкрчан) отмечают, что если пункт «интересной работы» в 1946 г. стоял на шестом месте в системе ценностных ориентаций американцев, то в 1986 г. — на первом (см.: [7]).

предприятия характеризуется постепенным переходом от жестких авторитарных форм управления трудом к гибким формам, предполагающим расширение прав рядового работника в управлении производством. При этом тенденция демократизации трудовых отношений имеет под собой вполне четкие объективные основания, а именно, усложнение реальных бизнес-процессов, являющихся объектом управления. Наглядной иллюстрацией данного утверждения может служить любой типичный IT-проект: как правило, руководитель проекта не может осуществлять эффективное планирование работ, не привлекая к этому процессу аналитиков, владеющих специфическими предметными знаниями, позволяющими реально оценить список задач и объем трудозатрат на выполнение проектных работ.

Таким образом, демократизация трудовой жизни ведет к тому, что от работника, формально не относящегося к категории менеджера, все больше требуется обладание способностями, ранее считавшимися исключительной прерогативой менеджеров или организаторов производства.

Постепенное размывание границ между менеджерами и работниками вызывает трансформацию вертикальной иерархии, распределение «вниз» ответственности, ранее сосредоточивавшейся на верхнем ее уровне. Результатом этих изменений являются два важных эффекта: во-первых, уменьшается количество уровней управления, что способствует более гибкому и быстрому принятию деловых решений; во-вторых, ослабевает сопротивление изменениям, что делает систему фирмы более гибкой и адекватно реагирующей на необходимость адаптации. По нашему мнению, *данные эффекты являются для фирмы тем фундаментом, на котором могут быть выстроены процессы и организационная структура, позволяющие эффективно реагировать на проявления экономической нестабильности в условиях постиндустриальной экономики.*

Эволюция отношений собственности

Радикальное возрастание роли знания и информации в процессе общественного воспроизводства является одной из важнейших причин развития процесса трансформации института частной собственности. И, в первую очередь, в его основе лежит смена *доминирующих объектов собственности*. На место «видимых», осязаемых вещей, таких как земля, капитал, приходит информация в виде кодифицированного теоретического знания, новых технологий и т. д. Именно эти факторы все более отчетливо начинают играть роль ключевых объектов собственности (см.: [9]). Причину, лежащую в основе данного процесса в условиях перехода к постиндустриальному обществу, весьма четко сфор-

мулировал В.Л. Иноземцев: «В развитых странах возникают общества, в которых человек не зависит в той степени, в какой это имело место в индустриальной цивилизации, от собственности представителей господствующего класса на средства производства, так как главным из них становятся знания, неотделимые от человека, а условия их развития и применения становятся все более доступными» [8, 70].

Решающую роль при этом играют два ключевых фактора. Во-первых, в постиндустриальной экономике продуктом все большего числа отраслей становятся не материальные блага, а знание. При производстве же новых знаний (как продукта) именно знания (как ресурс), а не физический капитал начинают играть ключевую роль. Так, во многих компаниях перечень используемых основных средств ограничивается столами, стульями и ноутбуками, на которых работают сотрудники фирмы. Примером этого могут служить многие отрасли бизнеса, такие как отрасли профессиональных услуг — в сфере аудита, консалтинга, ИТ и т.д.

Во-вторых, на сегодняшний день в большинстве развитых стран, стоящих на пути «постиндустриализации», получить доступ к знаниям (как к ресурсу, по сути, средству производства) через систему образования и профессионального обучения для большого количества людей гораздо проще, чем в условиях индустриальной социально-экономической системы сосредоточить в своих руках объем капитала, необходимый для успешного ведения бизнеса. Кроме того, немаловажным здесь является и тот факт, что знание представляет собой «коллективное благо», так как накопление, обмен и применение знания порождают, как правило, колоссальные внешние эффекты, связанные с особенностями процессом информационного обмена.

Становление знания как доминирующего объекта собственности неизбежно ведет к трансформации отношений собственности в рамках фирмы. Внешние последствия данного процесса в какой-то степени повторяют последствия размывания пучка правомочий собственников компании, вследствие делегирования «технических» функций управления компанией наемным менеджерам. Однако в этом процессе ядро проблемы «принципал — агент» располагалось на уровне отношений «собственник (акционер) — наемный управляющий», а в его основе лежало добровольное делегирование задач по управлению компанией третьим лицам. При этом права собственности на основные средства производства, используемые компанией, оставались сосредоточенными в руках собственников (акционеров) компании.

С расширением функций наемных работников — владельцев интеллектуального капитала — размывание прав собственности владельца (владельцев) фирмы заходит гораздо дальше, и в значительной

мере определяется степенью использования в основной деятельности фирмы интеллектуального капитала наемных работников.

Для более детального анализа воспользуемся структурированным определением собственности как пучка правомочий. С точки зрения нашего анализа имеет смысл выделить ключевые правомочия: «владение», «пользование», «управление». Рассмотрим по порядку влияние процессов постиндустриальной трансформации на каждый из них.

Традиционно под правомочием владения, являющимся также одним из важнейших элементов собственности, использовавшимся еще в рамках классического римского права, понималось возможность собственника исключительного физического контроля над вещью. Распространяя данное определение на частную фирму¹⁶, можно сказать, что *право владения* подразумевает возможность осуществления физического контроля, как минимум, над капитальными ресурсами фирмы. Однако по мере роста доли использования в основной деятельности фирмы интеллектуального капитала, находящегося возможности осуществления собственником контроля над производственными ресурсами фирмы пропорционально снижаются. Дело в том, что в эпоху господства индустриального способа производства процессы внутрифирменного управления осуществлялись в четких рамках отраслевой структуры, функциональной специализации и национального контекста. С постепенным размыванием этих границ в результате процессов постиндустриальной трансформации происходит и смещение границ применимости экономической власти традиционного типа — власти, основанной на экономической зависимости наемного от работодателя — собственника основных средств. В постиндустриальной системе — в условиях, когда лимитирующим фактором экономического развития становится накопленный объем знания, профессиональных компетенций, которые, по сути, сами начинают играть в производственном процессе роль основных средств, отношение к физическим средствам производства перестает быть решающим фактором влияния, власти и привилегий в обществе. Таким образом, интеллектуальный капитал фирмы оказывается вне зоны эффективного контроля собственников фирмы, что приводит к неявному (т. е. экономическому, а не юридическому) перераспределению пучка правомочий «владения» между собственниками физического капитала и высококвалифицированными наемными работниками, являющихся собственниками части интеллектуальных ресурсов фирмы.

¹⁶ На наш взгляд, не является принципиальным конкретный вид частной собственности, будь то «классическая» частнопредпринимательская или акционерная фирма.

Далее, с точки зрения стратегии фирмы, функционирующей в экономике, где информационные потоки играют ключевую роль, важнейшим является влияние процессов постиндустриальной трансформации на возможность реализации собственниками компании *правомочий управления*. Действительно, на сегодняшний день в силу объективной сложности производственного процесса, во многих высокотехнологичных компаниях осуществление как стратегического, так и оперативного управления фирмой без привлечения к этому процессу высококвалифицированных специалистов — сотрудников и менеджмента компании — становится, как минимум, затруднительным, а в большинстве случаев и вовсе невозможным. Глубину и масштабность данного процесса трудно переоценить: сегодня эпоха «универсальных менеджеров»¹⁷, способных эффективно управлять абсолютно любым предприятием или бизнес-процессом, уходит в прошлое. В условиях высокотехнологичных производств и сложнейших бизнес-процессов постиндустриальной экономики функции управления могут эффективно осуществляться только носителями соответствующих профессиональных знаний и компетенций. Таким образом, сегодня в компаниях «постиндустриального» сектора происходит «размывание» еще одного пучка правомочий, ранее в преобладающей степени сосредоточенного в руках собственников компаний.

Наконец, в силу того, что именно интеллектуальный капитал как неразрывная совокупность знаний и людей, способных применять эти знания в производственном процессе, в постиндустриальной экономике приобретает первостепенное значение, прямая реализация *правомочия «пользования»* (т. е. в случае с фирмой — использования ресурсов предприятия исключительно в личных целях) собственником предприятия представляется затруднительным. Это связано с тем, что в компаниях постиндустриального сектора каждый носитель интеллектуального капитала (безусловно, речь здесь идет о высококвалифицированных сотрудника) владеет уникальным активом — совокупностью своих профессиональных знаний и личных качеств, — имеющим высокую ценность не только в рамках отдельной фирмы, но также и в рамках, как минимум, всей отрасли. При этом примечательным является тот факт, что каждый индивид обладает практически неограниченными возможностями по исключению для других членов общества (в том числе и для собственника!) доступа к собственным знаниям. Учитыв-

¹⁷ Под данным термином понимается определенный класс менеджеров, владеющих инструментарием менеджмента (методологии управления проектами, технологии планирования работ и составления бюджетов и т. д.), но при этом не владеющих спецификой предметной области.

вая характер постиндустриального производства, когда помимо собственных капитальных ресурсов владелец компании в производственном процессе вынужден использовать также и интеллектуальный капитал своих ведущих сотрудников, происходит *трансформация целевой функции фирмы*. Если ранее владелец капитала мог формировать ее в большей степени в соответствии со своими личными интересами, то в новой экономике в целевую функцию компании, заданную собственником, «вплетаются» целевые функции владельцев интеллектуального капитала, что зачастую приводит к ее серьезному видоизменению.

Это означает, что *стратегия, сформированная без привлечения ключевых сотрудников, являющихся носителями большой доли интеллектуального капитала компании, в условиях постиндустриальной экономики становится практически бесполезной и абсолютно непредсказуемой с точки зрения возможных результатов ее реализации*.

Таким образом, прогресс знаний ведет не только к изменению баланса между вещественными (осязаемыми) и не вещественными (неосязаемыми) факторами производства и связанной с этим сменой доминирующих объектов собственности, но и к подрыву тех основ, которые в условиях индустриальной экономической системы составляли фундамент экономической власти крупных собственников капитала и природных ресурсов.

С точки зрения стратегии фирмы данный вывод означает, что эффективная ее реализация возможна только в том случае, когда сотрудники компании будут иметь стимулы эффективно принимать участие в ее формировании, а также будут мотивированы сознательно поддерживать ее реализацию (см. дополнительную литературу по теме статьи: [10—18]).

Литература

1. *Hamel G., Prahalad C.K.* Competing in the New Economy: Managing Out of Bounds // *Strategic Management Journal*. 1996. Vol. 17. No. 3.
2. *Loewendahl B., Reovang O.* Challenges to Existing Strategy Theory in a Postindustrial Society // *Strategic Management Journal*. 1998. Vol. 19. No. 8.
3. *Макаров А.М.* Преобразующий менеджмент: Стратегическое управление организацией в современных условиях // *Вестн. СПб. ун-та*. 2005. Сер. 8. Вып. 1 (№ 8).
4. *Тоффлер А.* Шок будущего. М., 2003.
5. www.census.gov.
6. *Teece D.J., Pisano G., Shuen A.* Dynamic Capabilities and Strategic Management // *Strategic Management Journal*. 1997. Vol. 18. No. 7.

7. *Михнева С.Г.* Интеллектуализация экономики: инновационное производство и человеческий капитал // *Инновации*. 2003. № 1.
8. *Иноземцев В.Л.* «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // *Социс*. 2000. № 6.
9. *Ведин Н.В.* Постиндустриальное общество: становление новой системы присвоения // *Проблемы современной экономики*. 2002. № 1.
10. *Друкер П.Ф.* Задачи менеджмента в XXI веке. М., 2007.
11. *Катькало В.С.* Место и роль ресурсной концепции в развитии теории стратегического управления // *Вестн. СПб. ун-та*. 2005. Сер. 8. Вып. 3 (№ 24).
12. *Комаров И.* Интеллектуальный капитал // *Персонал*. 2000. № 5.
13. *Сакайя Т.* Стоимость, создаваемая знаниями, или История будущего // *Новая индустриальная волна на Западе* / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.
14. *Сунян В.Б.* США на пути к «новой экономике» // *Россия и Америка в XXI веке*. 2010. № 1.
15. *Nonaka I., Takeuchi H.* The Knowledge-Creating Company: How Japanese Companies Foster Creativity and Innovation for Competitive Advantage. N. Y., 1995.
16. *Nonaka I., Takeuchi H.* The Knowledge-Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation. N. Y., 1995.
17. *Nonaka I.* A Dynamic Theory of Organizational Knowledge Creation // *Organization Science*. 1994. Vol. 5. No. 1.
18. *Wernerfelt B.* A Resource-Based View of the Firm // *Strategic Management Journal*. 1984. Vol. 5. No. 2.

С.В. ЧИСТЯКОВ

Формирование института доверия как процесса, передающего и обменивающего знания в сетях

Аннотация. Центральным звеном в понимании ценности современного бренда стало доверие — еще одна абстракция в массе иллюзорных, нематериальных понятий. Доверие — процесс, который служит для передачи и обмена знаниями. Доверие — это уверенность в будущем поведении в рамках сетевых взаимоотношений и во взаимоотношениях с брендом.

Ключевые слова: сетевая организационная форма, многоуровневая экономика, институт доверия, неформальные человеческие отношения, горизонтальные связи, сетевой бренд.

Abstract. The central part in understanding of value of a modern brand became trust — one more abstraction in weight of illusory, non-material concepts. Trust — the bridge which serves for transfer and an exchange of knowledge. The trust is a confidence of the future behaviour within the limits of network mutual relations and in mutual relations with a brand.

Keywords: network organizational form, multilevel economy, institute of trust, informal human relations, horizontal bonds, network brand.

Современное общество имеет организации разных типов — «как бюрократические, так и небюрократические» (см.: [1, 52; 2; 3, 109]). Однако новым «знаменем времени» можно считать сетевые формы организации. Об этом достаточно категорично рассуждает шведский экономист Э. Лейф: «Сети — это вещь, трудно определить их ценность, поэтому ее просто игнорируют, но во всех сетях взаимоотношений содержится огромный невостребованный потенциал ценности. В то время как подавляющая часть взаимоотношений остается на уровне деловых, новое поколение мыслителей сетевыми категориями задается вопросом: А какая же дополнительная ценность содержится в этих взаимоотношениях за пределами наиболее очевидных обменов?» [4]. Смысл сети состоит в том, что она потенциально позволяет организациям получать выгоду от сетевого эффекта, так же как и от общего предпринимательского духа. Автор продолжает: «И это — только начало сетевого подхода. Мы постоянно подключаем к нашей сети новых игроков и стараемся сделать нашу сеть поистине безграничной. Для тех, у кого хватает смелости, прозрачный сетевой подход таит в себе огромные возможности создания ценности. Иновации могут быть достаточно простыми, они могут сводиться к соединению несоединимых узлов и позволять другим игрокам видеть и выдвигать идеи и открытия. Результатом является спираль сетей и связей, распространяющихся в корпоративном мире подобно вирусу».

Основной принцип формирования сетевых структур — самоорганизация его участников [5], которые в зависимости от меняющейся ситуации варьируют свои связи. Возникает так называемая «организация без границ». Это понятие подразумевает активное сотрудничество с субъектами вне формальных рамок организации (с поставщиками, клиентами, конкурентами). Эти контакты столь интенсивны, а плотность экономических отношений столь велика, что ставится под вопрос само существование организации как обособленной структуры. Происходит частичное исчезновение границ между формальными де-

ловыми и неформальными человеческими отношениями. *Суть сетевых структур — поддержка и творческое использование неформальных человеческих отношений.* Например, если люди достаточно долго взаимодействуют между собой, скажем, в рамках одного предприятия, совместно завтракают на предприятии, помогают друг другу воспитывать детей, то их группа имеет тенденцию становиться сетевой группой, с частичными лидерами и преобладанием горизонтальных связей. Происходит неформальное структурирование коллектива на основе взаимного интереса, симпатий, не предписанного уставами авторитета и социального статуса. Сети, безусловно, являются сообществами. Сообщества стимулируют обмены мнениями и позволяют людям совместно использовать опыт и знания. В мире бизнеса, полном неопределенности и отчуждения, сообщества обеспечивают чувство принадлежности и сопричастности. Сети взаимоотношений, какими бы неструктурированными и неосязаемыми они не были, предлагают единственную определенность — ощущение законности — и позволяют уравновесить неопределенную сущность нематериальных активов. Таким образом, сети обладают потенциалом персональной и коммерческой ценности.

Формируется своего рода неофициальная параллельная структура [6], невидимая сеть внутри коммерческого предприятия или иной организации. В этой сети лидерство и авторитет изменчивы, так как не определены никаким должностным уставом, существуют горизонтальные (уравнивающие людей по рангу) связи, способствующие распространению информации (слухов, сплетен и др.) вопреки всем официальным барьерам «конфиденциальности», «секретности» и др.

В пределах каждой неформальной сетевой группы у людей в той или иной мере пробуждаются чувства взаимной сплоченности, лояльности — отголоски столь характерных для групп охотников-собирателей родственных чувств. Умный менеджер нередко имитирует сетевую структуру, создавая временные полуавтономные рабочие группы, комитеты, комиссии и пр. с широкой специализацией участников. Возможность того, что фирмы, внедряющие сетевые структуры, повысят свою способность к самообновлению, вытекает из двух отличительных свойств сетевой формы: характера взаимосвязей между компонентами и добровольных рыночных отношений [7].

Даже когда компонентами сети владеют сообща, структура организации не утрачивает рыночного характера. Четко определенные, нацеленные и структурированные контракты управляют взаимосвязями вместо заранее установленных внутренних правил, процедур и рутинных инструкций. В противоположность этому в иерархических организациях каждое взаимодействие носит отпечаток административно

регламентируемых ограничений. Поведением здесь управляют структурное звено и должностное положение, а не результаты деятельности.

Рыночные связи структурируются адекватно условиям функционирования организации. В сетевых структурах они не гарантируют, что всегда будут эффективными для каждой из сторон, но направляют стороны к равенству, предполагающему достижение желаемых результатов. Рыночные отношения в сетевых организациях имеют очевидные преимущества перед чисто иерархическими механизмами, порождающими множество ограничений.

Рыночные отношения внутри организаций нацеливают каждого партнера на определенные, точно измеренные результаты. Однако это не означает, что требуются сложные, юридически оформленные или слишком формальные контракты. Контракт может быть очень простым, предусматривая время и стоимость. В начале каждого крупного проекта определяются и разделяются обязанности, создается механизм эффективных рабочих отношений и разрешения споров.

Наиболее важно, что отношения в сети не диктуются какой-либо одной стороной всем остальным. В действительности главное позитивное, что есть в сетевой структуре, — это отношения добровольности [8]. Конечно, может случиться, что партнеры несвободны в выходе из этой сети отношений, даже если они представляются им несправедливыми. Тогда возможно вмешательство корпоративных руководителей в операции внутреннего рынка.

Положительные черты сетевой организации могут помочь руководителям в адаптации к новой среде в соответствии с принципами организации каждой фирмы. Любые изменения, ограничивающие добровольность, становятся потенциальной угрозой для эффективности всей сети. Например, в [1] авторы ставят добровольность участников как один из принципов формирования сети на первое место:

- добровольность участников;
- принцип единства;
- принцип определения сферы деятельности участников, их значение и место в будущей сети;
- принцип самостоятельности участников сети;
- принцип определения взаимосвязи между членами сети;
- принцип оптимизации структуры;
- принцип экономической устойчивости и гибкости системы;
- принцип диалектического распределения прав и ответственности;
- принцип постоянного обновления и развития;

- принцип обеспечения оптимального уровня централизации в структуре и управлении;
- принцип целенаправленной концентрации собственности;
- принцип оптимального взаимоотношения индивида и команды;
- принцип создания и обеспечения единого информационного пространства.

Исследования подтверждают, что организации, особенно большие и сложные, испытывают затруднения, приспосабливаясь к изменениям окружающей действительности [9; 10]. Адаптация к изменениям на рынке и в технологии невозможна в рамках старой организации, без рассмотрения направлений преобразования системы, без принятия организационных мер, обеспечивающих стабильность деятельности в новых условиях.

Организационные формы, особенно сетевые, должны противостоять провалам в деятельности и неспособности справиться с новыми задачами. По своей природе сетевые организации всегда находятся в процессе обновления, а их основные элементы — в состоянии корректировки в соответствии с рынком, технологиями и другими факторами окружающей среды. В связи с вышеизложенным представим одно из экстравагантных, но наш взгляд, заслуживающих особого внимания правил успешного индивидуального поведения в сетевой экономике, сформулированных К. Келли¹⁸ [3].

В начале XXI в. источником неопределенности деятельности организации являются изменчивые технологии и нестабильная внешняя среда. Важнейшими характеристиками внешней среды является ее динамика, неопределенность, сложность строения и гетерогенность, когда нет единого представления о природе внешней среды, т. е. совокупности организаций и социальных групп, с которыми контактирует организация. Актуальной задачей становится динамическая адаптация организации к внешним условиям, т. е. свойство своевременно реагировать на изменения [11; 12].

Отчетливые тенденции, прослеживаемые в последние годы анализами, — это кризис средней и крупной компании и высокая жизнеспособность малых и средних фирм как источников создания новых рабочих мест. Процессы разукрупнения предприятий происходят по мере развития коммуникационных и информационных технологий. В глазах некоторых наблюдателей кризис крупного предприятия есть необходимое следствие кризиса массового производства. Быстрее развитие индивидуального, мел-

¹⁸ Целью правильно построенной сети должно быть постоянное неравновесие. Экономисты, пытающиеся нащупать сегодня законы развития сетевой экономики, приходят к выводу, что она функционирует на грани хаоса.

косерийного производства создает благоприятные условия для производства информационных товаров. Росту мелких компаний способствовали также выделение и передача крупными корпорациями отдельных вспомогательных операций предприятиям из других отраслей и специализированным предприятиям, выполняющим определенные виды услуг. В процессе своей деятельности малые предприятия вынуждены поддерживать связь с большим количеством других субъектов и нередко становятся участниками огромного производственного процесса. В основе организации такого процесса интеграции деятельности лежат сетевые информационные технологии.

Технологическая сеть с помощью интеграционных концепций позволяет свести производственные процессы воедино. В сетевых объединениях происходит смещение акцента с рассмотрения фирмы как самостоятельного хозяйственного звена, формирующего свою стратегию развития на основе согласования внутренних ресурсов с состоянием внешней среды, к анализу системы взаимодействующих фирм как единого рыночного образования. Технический прогресс достигается не за счет прогрессирующей продуктовой и функциональной специализации, а путем интеграции и реинтеграции отдельных трудовых процессов. В результате широкого объединения производственно-трудовых процессов возникает максимальный потенциал конкурентоспособности, вытекающий из возможности создания цепочек добавленной стоимости (ценности) и снижения издержек координации деятельности.

Использование сетевых информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) позволяет снизить транзакционные издержки компаний по поиску партнеров по бизнесу, упрощает процедуры заключения договоров и контроля их выполнения, позволяет повысить прозрачность рынков за счет легкости сравнения цен и условий продаж, а также снизить пространственно-временные барьеры и барьеры вхождения на рынок. ИКТ позволяют экономическим отношениям, а также процессу создания нематериальных благ принять электронную форму существования, особенность которой состоит в сетевом характере ее структуры, низкой себестоимости и в том, что события в ней происходят мгновенно [13; 14].

Было бы большой ошибкой считать, что в сетеобразных структурах применяются исключительно свободные связи, в них больший упор делается на формах сотрудничества и коренных аспектах поведения сотрудников и руководителей. К этому добавляется твердая приверженность сотрудников амбициозным общефирменным целям, реализация которых измеряется с помощью дифференцированно структурированных систем контроллинга. Благодаря этому может быть достигнута высокая степень самоконтроля по всей организации вплоть до отдельной рабочей группы. Основной характеристикой сетей остается корен-

ное смещение организационного внимания и контроля от содержательного аспекта в сторону процессов социальных отношений. Коллективные, честно и открыто осуществляемые разъяснительно-организационные процессы в идеальном варианте обнаруживают огромную мотивационную, скрепляющую силу [15; 16], которая намного превышает в этом отношении, например, иерархический контроль. С этических и общечеловеческих позиций сетевые организационно-управленческие формы обладают также высоким эмансипационным потенциалом.

По этому поводу можно привести пример, связанный с американским предпринимателем Ди Хоком, основателем компании «Visa» [17], кроме того, достаточно известным специалистом в области экономической теории. Одним из результатов его теоретической деятельности стал так называемый «Хаордический альянс» (Chaordic Alliance) — глобальное институциональное объединение, связывающее людей и организации с целью совершенствования, распространения и воплощения в жизнь новых, более эффективных и справедливых концепций коммерческих, политических и социальных организаций. «Хаордический альянс» призван создать условия для формирования практических, инновационных организаций, которые гармонично сочетали бы конкуренцию и сотрудничество в интересах решения критически важных проблем сообществ (сетей). Ди Хок придумал неологизм «хаорд» (chaord) — хаотический порядок, позаимствовав первые буквы слов *chaos* (хаос) и *order* (порядок). Он употребляет термин «хаордический» для описания любой системы организации, которая имеет черты как хаоса, так и порядка, причем ни одна из этих черт не является доминирующей. В книге «Зарождение хаордической эры» (Birth of the Chaordic Age) Ди Хок так определяет понятие «хаордический»: «1. Поведение любого самоуправляющегося организма, организации или системы гармонично сочетает характеристики порядка и хаоса. 2. Организованный таким образом, ни порядок, ни хаос не доминирует. 3. Характеризуется фундаментальными организационными принципами эволюции и природы».

Таким образом, хаордические организации характеризуются гибкостью, инновационностью, приспособляемостью и включенностью. Эти характеристики не являются точными, аккуратными и упорядоченными. Они также не привязаны к долгосрочным целям, не изнурены спускаемыми «сверху» стратегиями. «В хаордическую эру гораздо важнее будет обладать четким пониманием смысла и ясными здравыми принципами, в рамках которых можно быстро решать множество конкретных краткосрочных задач, а не осуществлять долгосрочные планы с заранее установленными и постоянными

ми целями, — утверждает автор. Подобные планы обычно ведут к бесполезным попыткам контролировать события для того, чтобы «вписать» их в план, вместо того чтобы постараться понять их и всеми возможными способами двигаться вперед в желаемом направлении».

В хаордической организации руководство распределено по всем ее сферам, а не собрано в рамках класса менеджеров. Ни один человек или группа людей не «управляет» хаордической организацией в том смысле, какой мы привыкли вкладывать в это понятие. Участники организации во многом сами управляют своей деятельностью, как считают нужным. Когда возникает необходимость в коллективных действиях, процесс принятия решений может основываться на единодушном согласии, на «чувстве общности» или, вероятно, решение может приниматься голосованием на основе большинства голосов. Ценные качества лидерства могут быть различными в разных частях организации. Для управления хаордической организацией требуются все приемы лидерства, которые только можно представить. Такое лидерство никогда не может быть шоу одного человека.

Отголоски хаордических альянсов прослеживаются в понятии *adhocracy* [10; 18] (от лат. *ad hoc* — специально созданный для решения особой задачи). Адхократия — явление, противоположное бюрократии. Адхократия — более подвижная и гибкая форма организации, где индивидуумы могут свободно применять свои таланты так, как требует сложившаяся ситуация. В рамках адхократии ключевое значение имеет представление о том, что является полезной, результативной деятельностью. Если менеджеры считают, что неформальная деятельность приносит пользу, они должны всячески поддерживать соответствующий участок работы.

С развитием сети степень асимметричности информации значительно уменьшается. Потребители стали получать одновременно одинаковую информацию. Получили распространение интернет-аукционы [19]. Аукционные торги прозрачны по определению, поскольку в процессе их осуществления все получают одинаковую информацию. А такое важное в бизнесе понятие, как бренд, превратилось в декларацию права собственности. Можно предположить, что многие вещи сейчас стали несколько менее материальными. Мышление базируется на ценностях. Центральным звеном в понимании ценности современного бренда стало доверие — еще одна абстракция в массе иллюзорных, нематериальных понятий. Доверие — мост, который служит для передачи и обмена знаниями. Доверие [20] — это уверенность в будущем поведении в рамках личных взаимоотношений и во взаимоотношениях с брендом. Мы все время наблюдаем за моделями поведения компаний, и доверие вырастает там, где мы видим последова-

тельность и постоянство. Д. Гуленков и Н. Филимонова [1] также отдают «пальму первенства» институту доверия.

Цитируемые авторы определили Россию как страну с низким уровнем бизнес-доверия, мы вынуждены лишь частично согласиться с этим положением и отметить, что имеющий место в РФ и других постсоветских странах так называемый «сетевой» капитализм, основанный в том числе на локализации транзакций (где институт доверия стоит на одном из первых мест), не дает право авторам для такой оценки [2; 21].

Нельзя не заметить работу А.К. Ляско, посвященную проблеме доверия: «Доверие, представляющее собой уверенное ожидание благоприятного исхода потенциально незащищенных взаимодействий с другими агентами, неизбежно связано с тем фактом, что социальные отношения носят временной и условный характер. Под неопределенностью подразумевается как состояние окружающего мира, порождающее потребность в доверии, так и разрыв в его осмыслении, преодолеваемый благодаря доверительным отношениям» [22]. Доверие, как предполагается, выступает гарантом того, что желательный ход событий будет иметь место в непознаваемом будущем, как если бы он был гарантирован в известном прошлом.

Таким образом, сетевой подход исходит из простой предпосылки о том, что хозяйственные агенты с большей вероятностью вступают в отношения с теми, с кем они имели дело ранее, убедившись в надежности уже известных партнеров. «С одной стороны, никакая совокупность опытных фактов не может уверить нас в том, что партнер достоин доверия, только на основании ранее фиксированных событий и реакций на них. С другой стороны, даже самое неопределенное и расплывчатое доверительное чувство все же частично основано на индуктивном обобщении предшествующего опыта, дающего нам знание о том, кто из акторов может заслуживать нашего доверия» [9].

Литература

1. Гуленков Д.Г., Филимонова Н.Н. Сетевая кооперация в консалтинге. М., 2006.
2. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая индустриальная волна на Западе / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.
3. Келли К. Новые правила для новой экономики. Двенадцать принципов преуспевания в бурно меняющемся мире // Проблемы новой политической экономии. 2003. № 1—2.
4. Эдвиссон, Л. Корпоративная долгота. Навигация в экономике, основанная на знаниях. М., 2005.

5. *Неклесса А.И.* Глобализация, геоэкономика и сетевая культура // *Философия хозяйства*. 2002. № 4.
6. *Рюэгг-Штюрм Й., Янг М.* Значение новых сетеобразных организационно-управленческих форм для динамизации предприятий // *Проблемы теории и практики управления*. 2001. № 6.
7. *Паринов С.И.* Экономика XXI века на базе интернет-технологий // *Информационное общество*. 1999. Вып. 2.
8. *Иноземцев В.Л.* «Экономика знаний» сегодня и завтра // *На рубеже веков. Экономические тенденции и их неэкономические следствия*. М., 2003.
9. *Радаев В.В.* Социология рынков: к формированию нового направления. М., 2003.
10. *Роберт А. Даль.* Введение в экономическую демократию. М., 1991.
11. *Клейнер Г.Б.* Эволюция институциональных систем. М., 2004.
12. *Чекмарев В.В.* Экономическое пространство и его сетевая организация. Кострома, 2002.
13. *Чекмарев В.В., Чистяков С.В.* Экономические взаимодействия в сфере образования: сетевые формы // *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Сер. Экономические науки. Экономика образования. Специальный выпуск № 1*. Кострома, 2006.
14. *Якубович В.* Институты, социальные сети и рыночный обмен: подбор работников и рабочих мест в России // *Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу*. М., 2002.
15. *Мильнер Б.З.* Теория организаций: Учеб. пособие. М., 1998.
16. *Старк Д.* Гетерархия: неоднозначность активов и организация разнообразия в постсоциалистических странах // *Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу*.
17. *Hock D.* Birth of Chaordic Age. San Francisco, 1999.
18. *Олейник А.* Модель сетевого капитализма // *Вопросы экономики*. 2003. № 8.
19. *Davenport Th., Prusak L.* Working Knowledge. Boston, 1998.
20. *Варгене Х.-Ю.* Революция в предпринимательской структуре. М., 1999.
21. *Кац М.Л., Шапиро К.* Сетевые внешние эффекты, конкуренция и совместимость // *Вехи экономической мысли. Теория отраслевых рынков. Т. 5 / Под ред. А.Г. Слуцкого*. СПб., 2003.
22. *Ляско А.К.* Проблема доверия в социально-экономической теории. М., 2004.

З.М. ЗАКАРЬЯЕВА

Управления современным образованием: организационные механизмы

Аннотация. В статье исследуются роль институциональных форм как средств повышения эффективности современного образования, модернизации его организационных и управленческих форм.

Ключевые слова: организационные механизмы, управление образовательными процессами, интеграция образовательного пространства, модернизация образования, институциональные формы образования, реинжиниринг системы образования.

Abstract. In this article we consider the role of institutional forms as the means of advancing efficiency of modern education, modernization of its organizational and management forms.

Keywords: organizational mechanisms, management of education processes, integration of educational space, modernization of education, institutional forms of education, reengineering of educational system.

Модернизацию системы образования рассматривают как непрерывный процесс инновационного развития, в ходе которого одни решаемые задачи порождают постановку других — более сложных, в ходе которого те или иные достигнутые результаты становятся отправной точкой для следующего инновационного витка. Это должно привести к формированию модели перспективного «эффективного образования» (из выступления Президента РФ Д.А. Медведева на встрече с руководством всероссийской политической партии «Единая Россия» 8 апреля 2009 г.), без которого невозможно правовое государство. Модернизация российского образования — это своеобразная форма соревнования отечественной культуры, обладающей богатыми классическими традициями, колоссальным творческим потенциалом, с другими мировыми учебными системами за достойное место в ноосфере завтрашнего дня.

Обеспечение доступности образования, повышение его качества, улучшение эффективности использования материальных и интеллектуальных ресурсов, усиление роли государства в образовании — эти вопросы стали предметом рассмотрения в Ново-Огареве 28 августа 2009 г. По словам премьер-министра В.В. Путина, проверка, которую проводило Министерство образования, показала, что 19% прошлогодних трат на образование оказались неэффективны. В 2008 г. РФ увеличила расходы на образование на 120 млрд р. — до 738 млрд р. Однако, посетовал глава кабинета, бюджетополучатели умудрились растратить 140 млрд р. «На эти деньги мы могли бы повысить зарплаты учителям на 25 процентов или можно было построить 300 школ» (из

заявления В.В. Путина на совещании, посвященном подготовке к новому учебному году, Ново-Огарево, 28 августа 2009 г.). И больше 30% респондентов, опрошенных в ходе проверки, оценили работу сферы образования как «неудовлетворительную».

Вместе с тем премьер-министр подписал решения, касающиеся идущего сейчас эксперимента по развитию системы господдержки студентов вузов: «Учащиеся при условии хорошей успеваемости смогут теперь рассчитывать на целый ряд льгот. Речь в том числе идет об отсрочке платежей по основной сумме кредита на весь срок обучения в вузе»; «государство также будет субсидировать процентную ставку по образовательным кредитам в размере 3/4 ставки рефинансирования Центробанка. Кроме того, не будет таких требований к заемщику, как залог или поручительство. За счет федерального бюджета мы будем возмещать банкам-участникам эксперимента возможные потери в случае невозврата этих кредитов».

Идет процесс поиска теоретических и практических путей выхода из кризиса, новых типов образовательной системы, соответствующей требованиям и запросам современного общественного развития.

При анализе путей выхода из кризиса образовательной системы непрерывность рассматривается как фундаментальный принцип современного образования. Идеи непрерывного и возобновляемого образования по существу близки друг другу, хотя есть и различия.

Определенный вклад в развитие концепции новой образовательной системы, возникающей в ходе преодоления мирового кризиса образования на основе процессов информатизации, внес японский ученый И. Масуда. Подытоживая анализ процессов становления новой образовательной системы, Масуда отмечает: «Радикальное изменение образовательной системы будет иметь огромное значение в человеческой истории, поскольку с этим изменением связан исторический переход от индустриального общества, в котором природная среда односторонне трансформировалась, а материальное потребление расширялось, к информационному обществу, которое стремится к сосуществованию с природой путем преобразования самого человека и означает установление новых социально-экономических систем» [1, 189].

Важнейшей особенностью управления образованием в современных условиях является то, что оно должно осуществляться специализированными министерствами, а также быть компонентом правительственных программ, охватывающих все сферы общественной жизни.

Отмеченные особенности управления современным образованием приводят к значительному расширению сферы образовательных услуг и продуктов вследствие увеличения разнообразия учебных технологий, педагогических методов и приемов, институциональных форм, организационных структур и экономических механизмов предоставления образовательных услуг.

Это вызывает необходимость рассмотрения значительно большего числа альтернатив при принятии решения об инвестировании средств в образование как для органов управления, так и для отдельных учебных заведений. Поэтому для всех уровней управления современным образованием важной проблемой становится проблема выбора эффективного способа инвестиций.

Вместе с тем статистические данные показывают, что, несмотря на информационное развитие современного общества, в мире приблизительно 10% людей функционально неграмотны (очевидно, что эти данные не слишком точны). Это значит, что в общемировом масштабе свыше миллиарда мужчин и женщин совершенно или частично не умеют пользоваться письменным словом.

Между тем как в России, так и в мире проблема доступа к образованию стоит достаточно остро. Например, по такому показателю, как количество студентов вузов в расчете на 10 тыс. человек населения, наша страна занимает довольно скромное место — в начале третьего десятка в списке стран, проранжированных по этому показателю. В целом для всех уровней образования возможности доступа также выглядят не очень оптимистично — на 10 тыс. человек населения в начале 1990-х гг. в России приходилось 1,9 тыс. учащихся (для сравнения: в США этот показатель составляет 2,41 тыс. учащихся).

Обострилась проблема качества образования и в связи с непрерывно растущим объемом человеческих знаний. В условиях, когда каждые 10—15 лет объем информации удваивается, классический учебник и учитель неизбежно становятся поставщиками устаревших знаний. Кризис образования проявляется в разных формах и направлениях, но наиболее очевидно и последовательно кризис образования проявляется в его финансировании. Характеризуя сложившуюся за последние годы ситуацию с финансированием системы образования в целом, можно утверждать, что уровень финансирования, определяющий, в конечном итоге, устойчивость пороговых показателей экономической безопасности в области образования, приблизился к критически низким значениям.

Таким образом, в основе многих проектов, которые сегодня рассматриваются как базовые для развития основных направлений стратегического планирования, лежат прагматизм и жесткий экономический расчет. В частности, это касается и стратегии образования до 2010 г. Ведь именно развитие образования формирует в значительной мере инвестиционную привлекательность страны.

Организационное устройство системы высшего образования определяется необходимостью решения задач, по крайней мере, по трем направлениям.

Первое — обеспечение реального равенства возможностей доступа к высшему образованию представителей различных социальных, на-

циональных, региональных, возрастных групп населения, а также публичного контроля общественности за соблюдением прав человека в сфере образования.

Второе — стимулирование интеграционных процессов в системе образования: интеграция науки, образования и практики; интеграция различных уровней образования; интеграция различных областей научного знания и направлений профессиональной подготовки.

Третье — упорядочение финансово-экономического механизма деятельности образовательных учреждений.

Институт статистики ЮНЕСКО (ИСЮ) опирается на широкий круг источников и выявляет области, в которых необходима дополнительная информация для формирования целостной системы образования, «для этого политикам все в большей степени нужны международные сравнения, чтобы сделать выводы о том, достаточные ли средства выделяются на образование и насколько эффективно они используются» [2, 7].

Поиск обоснования путей вывода системы образования, в том числе и высшего, из финансового кризиса и обеспечение ее стабильного развития требуют изучения пороговых социально-экономических показателей, используемых в аналогичных системах зарубежных стран. В связи с этим следует отметить, что за рубежом считается общепринятым такой уровень финансирования образования, который не ниже его среднего уровня в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), где расходы на образование рассматриваются как социально приоритетные.

Одобренная Правительством Российской Федерации Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. открывает дополнительную возможность широкой общественной дискуссии, в ходе которой должна сформироваться позиция отечественных вузов и объединений в отношении к мировым и европейским тенденциям развития высшего образования, в частности к Болонской декларации. И не только их. Сегодня образовательная политика не может замыкаться ни ведомственными рамками, ни академическим сообществом. Без активного участия в ее формировании социальных партнеров высшей школы она по-прежнему остается политикой не реформирования, а официального проектом «намерений», планом бюрократических мероприятий.

В Болонской декларации одобрен факт расширения субъектов, вовлекаемых в структурную реформу высшего образования, объединения для достижения провозглашенных ею целей и инициатив правительственных и неправительственных структур. «Высшие учебные заведения Европы, — говорится в Декларации, — взяли на себя основную роль в построении европейского пространства, высшего образования, а также реализации главных принципов Magna Charta

Universitatum. Особенно важной является последняя задача, так как независимость и самостоятельность высших учебных заведений обеспечивает адаптацию системы высшего образования и научных исследований к изменяющимся потребностям общества и достижениям научной мысли» [3, 5].

Не вызывает сомнений, что Болонский процесс ищет точки сближения систем высшего образования главным образом в странах ЕЭС и Евросоюза для повышения мобильности граждан и придания высшему образованию конкурентоспособности и тем самым — престижа Европы.

Одна из особенностей развития современной цивилизации — формирование региональных межгосударственных объединений, стремящихся интегрироваться в мировое образовательное пространство. В связи с этим нужно различать два явления: транснационализацию высшего образования и интернационализацию высшего образования. Первое означает образование, получаемое в одной стране в рамках вуза (учебного заведения) другой страны. Второе понятие «интернационализация высшего образования» охватывает: обмен преподавателями и студентами; международные академические связи; особые учебные планы. В последние годы в вузах России международная составляющая в высшем образовании становится все более заметным фактором.

С момента основания ЮНЕСКО играет роль координационного центра в мировой политике в области высшего образования, являясь инициатором реформ и нововведений, многочисленных проектов и программ, которые реализуются в тесном взаимодействии с государствами-членами, крупными межправительственными организациями, высшими учебными заведениями, неправительственными академическими объединениями. При этом она руководствуется следующими принципами: содействие соответствия высшего образования потребностям общества; повышение качества высшего образования; содействие академической свободе и институциональной автономии; расширение международного сотрудничества вузов и академической солидарности.

Системный подход к управлению современным образованием предполагает реинжиниринг деятельности в сфере образования. Его цель — радикальное совершенствование всей системы образования, ее коренное преобразование на основе использования НИТ, приводящее к повышению качества и эффективности образования. Опыт развития, основанного на НИТ образования, показывает, что случайное использование технологий в учебном процессе не может быть достаточно эффективным. Процесс интеграции компьютерных и коммуникационных технологий в образовательный процесс должен основываться на выработке и реализации принципов эффективного управления развитием технологической основы образовательной системы.

Основной вопрос при выборе информационных, коммуникационных технологий заключается не в том, какая из них заведомо ведет к наилучшему результату учебного процесса, а в том, как оптимальным образом спроектировать и организовать этот процесс, как обеспечить адекватные связи между его элементами и компонентами.

Сегодня основными типами технологий, которые используются в современном образовании, являются: печатные материалы; аудиокассеты, видеокассеты и видеодиски; телефон; радио и телевидение; электронная почта; компьютерные обучающие программы; телеконференции. Эти технологии значительно различаются по множеству параметров, и само их разнообразие делает проблему выбора актуальной.

Инновации в технологической подсистеме приводят к существенному расширению множества педагогических методов и приемов, которые существенно влияют на характер преподавательской деятельности, тем самым оказывая воздействие в целом на развитие педагогической подсистемы. В связи с применением современных компьютерных и телекоммуникационных технологий в сфере образования происходят существенные изменения в преподавательской деятельности, месте и роли преподавателя в учебном процессе, его основных функциях.

Одной из важнейших подсистем образовательной системы наряду с технологической, педагогической, экономической и теоретико-методологической является организационная. Она связана с регулятивной и коммуникативной деятельностью по налаживанию и поддержанию необходимых связей между различными элементами системы образования.

Эффективность современного образования, базирующегося на новых информационных технологиях, существенно зависит от его организации. Становление таких новых форм учебных заведений можно рассматривать как развитие новых организационных моделей дистанционного образования. В качестве основных моделей дистанционного образования следует выделить: заочное образование, открытое, телеобразование, виртуальные классы и учебные заведения. Быстрое развитие образовательных заведений нового типа делает актуальной также такую проблему управления образованием, как проблема аккредитации учебных заведений, в том числе новых нетрадиционных типов.

Литература

1. Masuda Y. Managing in the information Society: Releasing synergy Japanese style. Oxford, 1990.
2. Всемирный доклад по образованию / Институт статистики ЮНЕСКО. Монреаль, 2007.
3. The Bologna Declaration on the European space for Higher education an explanation. 1991.

V

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Ю.М. ОСИПОВ

Натураномика

Аннотация. Рассматривается натуральная экономика, для которой характерны интеграция человека в природу, от нее зависимость и достижение с природой равновесия.

Ключевые слова: природа, экономика, человек.

Abstract. Author considers natural economy, characterizing factors of which are integration of human in nature, dependence from nature and achievement of balance with nature.

Keywords: nature, economy, human.

Натураномика — природное хозяйство, хозяйство в природе, обусловленное природой хозяйство, когда природа не просто лоно, условие и фактор человеческого хозяйства, а когда хозяйство ведется человеком в единении, хотя и не обязательно в полном равновесии, с природой, при ее определяющем влиянии, непосредственном участии, по-природному, когда и сама природа ведет хозяйство — свое и человеческое.

Человек — существо природное, дите *природы*, но если под природой понимать не все вообще мироздание, а ту его часть, которая имеет какое-то отношение к родам человека и к человеческому роду, то можно заключить, что человек одновременно и какое-то неприродное существо, как бы и из другого мира, может, надприродного, или сверхприродного, во всяком случае, существо, выделяющее себя из природы, ей противостоящее, ее переделывающее, воспринимающее ее как ресурс для потребления и объект для всяческого переустройства.

Сначала человек, не могущий вообще без природы и природного себя воспроизводства, воспринимал себя элементом природы и не мог не жить, соответственно, хозяйствовать, по-природному, во взаимодействии с природой, внутри природы, вместе с природой, а потому хозяйство (Х.) человека не могло не быть Х. опережденным, или натурализованным, а потому и натураномикой (Н.). Н. — естественная принадлежность естественного человека. Природа, а точнее само природное Х. — со стороны природы, давало человеку все необходимое для жизни и Х., правда, не без *труда*, весьма и напряженного. Хорошо ли было тогда человеку в природе или нет, но скорее всего рая все-

таки не было, а была упорная борьба за жизнь, в которой человек приспособлялся к не совсем ему адекватной природе, искал возможность в ней выживания. В итоге человек, наделенный неприродной свободой воли и выбора, решил задачу бытия в природе, приспособился к ней, включился в природное Х., создал и вошел в Н.

Однако неприродность человека взяла вверх и со временем Х. человека становилось все более и более неприродным, все более искусственным, все более человеческим. Человек стал не только пользоваться природой, но и использовать ее в целях ведения более сложного, чем могла дать сама по себе природа, Х., дополнять и даже замещать природу, активно ее культивируя. Скотоводство и земледелие — далеко уже не простые охота или собирательство. Постепенное, а иной раз и взрывное, замещение природной производительной силы человеческой силой вызвало преобразование простейшей Н. во все более сложную, — и наступило время, когда человек, уже совершенно творчески настроенный, стал вести свое жизнеотправление посредством явно выраженной *артеномики*, т. е. уже явно культуруообусловленного Х. Долгое время артенномика не преодолевала совсем Н., бытывая в ней как меньшая, зависимая, дополняющая и вспомогательная часть. Но в артенномике была заложена возможность перехода к иному, чем Н., хозяйству, при условии, если артенномика, развиваясь, поглотит собою Н. и станет преобладающей. И такое время пришло, причем окончательно и бесповоротно, в середине II тысячелетия от Р.Х., когда в Западной Европе, произошел в эпоху так называемого Возрождения революционный прорыв к артенномике.

Артенномический переворот трудно переоценить с точки зрения его значения для судеб человечества. Хозяйствующий человек, почувствовав себя *демиургом* — создателем нового, уже своего, мира, отбросив природообусловленные и богообусловленные ограничения, взяв на вооружение *науку, технику и экономику*, пустился неудержимо в *хозяйственный прогресс*, не только обновляющий природный мир человека, но и создавший все более сложный и масштабный неприродный мир — *артемир*, в котором этот человек-демиург в конечном счете и оказался в XX—XXI вв. от Р.Х.

С Н., конечно, не было совсем покончено, но она перестала быть определяющей, мало того, сам образ человека и его жизни кардинально денатурировались, перестали быть естественными, все более отрываясь от природы и все более погружаясь в *неприроду*. Сегодня передовой человек — человек победившей *научной, технической и экономической (финансовой) цивилизации* — живет и хозяйствует более всего вне природы, может рядом с ней, и менее всего в природе и под ее диктовку.

Искусственный мир — артемир — повсюду, он глобально обволакивает, если не поглощает человека, его жизнь, его Х. «Назад к природе!» — уже невозможный к исполнению лозунг, а если что еще и возможно, то всего лишь: «Вперед к природе!», но... ясно, что уже не более, как к приемлемому качественному и количественному, в том числе смысловому и нравственному, соотношению артеномики с Н., как и вообще неприроды с природой. В целом же возврата к Н. быть уже не может: Земля покорена человеком и служит уже даже неземельному по сути хозяйствованию. Более вероятен теперь уход человека в какой-то *иной* мир, ему еще неведомый, но к которому он неустанно стремится.

Н. совсем не исчезла и не может исчезнуть, ибо человек, при всех своих неприродных и даже антиприродных достижениях, все равно остается существом натуральным. И дело здесь не только в том, что сохраняется натуральное производство, что хозяйство человек все равно ведет в природе и во взаимодействии с нею. Значение природы здесь гораздо выше. Природа — это партнер, пусть даже сейчас подчиненный и эксплуатируемый, но все же партнер для человека хозяйствующего. Она и сама продолжает хозяйствовать, кажется, испытывая все меньше от этого удовлетворения и все более страдая. Тем не менее, взаимодействие с природой остается, пусть и не такое натуральное, как прежде, а все более и более искусственное, но без природы, ее хозяйствования, никакого, даже и самого изощренного, неприродного хозяйствования со стороны человека вообще быть не может. Мало того, именно природа делает хозяйство человека эффективным и, как сейчас принято говорить, выгодным. Прибыток в человеческом хозяйстве, лишь обусловленный прибавочным (дополнительным) трудом, всегда восходил и ныне восходит к природе, Х. Природа — не предмет труда и не объект творческого интереса, а самый настоящий ресурсный, деятельский и производительский партнер человека, однако такой партнер, которого человеку удастся еще и нещадно эксплуатировать.

Несмотря на великий отрыв человека от природы и Н., последние все равно играют непреходящую роль в Х. и бытии человека, — и не только как источники и орудия богатства, обретения человеком благ, но и как фундаментальные балансирующие силы. Что бы ни выделял хозяйствующий человек, его Х все равно оказывается в матричной зависимости от природы, естества, Н., ибо блага-продукты так или иначе восходят к природе, ее материалу, ее вещественности. Та или иначе, но общий жизненный баланс, — при все господстве артеномики, — определяется природной составляющей человека, что означает, что все физические и экономические параметры артеномики оказываются природно между собой взаимообусловленными. Разумеется, чем

дальше от природы, тем эта зависимость от нее ослабевает, но она, тем не менее, есть, пусть и косвенная, пусть и опосредствованная. Тот же межотраслевой баланс, который фактически и рассчитать-то невозможно, каким-то образом, — конечно же, трансцендентным, — в итоге реально соблюдается, а сколько вообще в жизни, Х., экономике подобных балансов?.

Цены с точки зрения *философии хозяйства* могут быть любыми, но... не какими угодно: так вот «любыми» — это от человека экономического, а «не какими угодно» — это от природы, от естества, от объективности. Так что Н. не только не в прошлом, не только в некой локальности, но и в глобальном настоящем, если не забывать об организуемом воздействии природы, естества, объективности на жизнь, Х., экономику человека. И тут важно иметь в виду, что и в артеомике, в артемире, во всей искусственности зримо или незримо присутствует Н., природа, естественность, пусть и скрыто, в переработанном виде, в некоей неестественности, ибо и артемир восходит к первозданной материи и к перводуху, так усиленно человеком демиургическим отрицаемым.

Ю.М. ОСИПОВ

Субэкономика*

Аннотация. Рассматривается феномен субэкономики, характерный для современной глобальной экономики. Субэкономика — включенная в мировую экономику и зависимая от нее страновая экономика.

Ключевые слова: экономика, глобализация, мировая экономика, национальная экономика.

Abstract. Author considers phenomenon of subeconomy, characterizing for modern global economy. Subeconomy is included in global economy and dependent on it national economy.

Keywords: economy, globalization, global economy, national economy.

Субэкономика — объективно и субъективно зависимая, подчиненная, лишенная обычно воспроизводственной целостности и полноценного управленческого центра, несамостоящая, не выраженная в полной мере субъектно, тяготеющая к управлению извне, его испыты-

* Исследование осуществляется в соответствии с грантом РГНФ №02-02-00267а.

вающая, субординационная экономика; формально национальная по статусу и теоретически рассматриваемая как макросистема, не реализующая в достаточной мере ни тот, ни другой образ, являющаяся по преимуществу и в главном производной от более крупной, глобального значения и порядка, экономики либо внешней управляющей структуры; современная экономика национального уровня, ставшая производной от мирохозяйственных процессов и глобального ими управления.

Когда речь заходит о *субэкономике* (С-э.), то имеется в виду, конечно, не открытость национальной или страновой экономики внешнему миру, даже не ее интеграция в мировое хозяйство или в крупное региональное образование, а именно субординационная зависимость открытой и интегрированной экономики, ее принципиальная несамостоятельность и нецелостность при формальной, или юридической, самостоятельности и кажущейся макроэкономической системности. Здесь нет и не может быть никакой *колониальности* — о *колониях* и *метрополиях* тут речь вообще не идет. С-э., как, собственно, и *субгосударства* — это именно формально, или символически, свободные образования, но при всей своей свободе не могущие реализовать себя как самостоятельные в своих намерениях и действиях макроэкономические субъекты. А ведь всякая национальная, или страновая, экономика, строго говоря — *субъект*, хоть и отличный от собственно субъектных (частных) субъектов, но претендующая на определенную субъектную выраженность. И вот выходит, что далеко не все из называемого национальным и определяемого как страновое способно и по сути быть таковым.

Уровень и степень субординизации экономик, заслуживающих субоценки, бывают, разумеется, различными. Не каждую из подвергающихся той или иной зависимости экономик следует зачислять в состав С-э., хотя в рамках современной *глобализации* все меньше остается экономик, способных избежать подобной номинации. Те же европейские национальные экономики — не стали ли уже С-э., хотя и весьма на мировой арене уважаемыми? Во всяком случае, здесь есть, над чем подумать. Экономику США вряд ли можно легко назвать зависимой — от кого-либо извне, но так ли уж она самостоятельна, в особенности, перед лицом *глобального мирового центра*? И здесь есть, над чем поразмышлять, как есть, над чем подумать, и в случае с тем же Китаем — удастся ли ему оставаться за рамками субординационных отношений?

А вот с современной Россией все обстоит куда-как проще, ибо являет она собой практически классический образец *субобразования*. Если бы российская экономика была всего лишь слаба, расстроена,

кризисна, то не было бы никакой необходимости говорить о ней как о С-э. Но дело обстоит сложнее: сознательно спровоцированная в ходе так называемых рыночных реформ хозяйственная деградация весьма успешно сочетается, при практически полной открытости экономики, с субординационной зависимостью от *глобального мирового центра*: вряд ли кто осмелится считать современный рубль национальной валютой, а международный курс рубля — национальным, а гуляющий по России доллар — необходимой для страны внутренне обусловленной валютой; точно так же вряд ли кто из здравомыслящих людей будет рассматривать внешний государственный долг как явно необходимый для российской экономики или российского государства при широком оттоке долларовых капиталов за границу и крайне низкой инвестиционной активности внутри страны; вряд ли кто из более или менее государственно мыслящих россиян сочтет энерго-сырьевую экспортную ориентацию российской экономики, навязанную реформами, вдохновляемую из-за рубежа, за единственно верное для национальных интересов страны решение; вряд ли кто из реальных экономистов признает, что нехватка расходных и инвестиционных денег в стране, особенно, в профицитном государственном бюджете, долларовые резервы которого хранятся не где-нибудь, а на Уолл-стрит, есть объективное следствие плохого состояния национального хозяйства; вряд ли кто из конструктивно мыслящих граждан России согласится с тем, что свертывание оборонной промышленности, машиностроения, авиапрома, судостроения, сельского хозяйства и той же космической отрасли, равным образом науки и фундаментального образования, происходит исключительно из-за нехватки денег, низкой конкурентоспособности или вообще ненужности указанных отраслей и сфер; вряд ли кто из наблюдательных людей согласится с тем, что уход России с ряда мировых рынков высокотехнологической продукции, как и свертывание инвестиционной и производственной активности за рубежом, в частности, по атомной и оборонной линиям, обусловлены внутренними потребностями российской экономики и пожеланиями самой России; вряд ли кто из добросовестных аналитиков признает, что поспешное вступление России в международные экономические организации, подконтрольные глобальному мировому центру, как и прыжок России под сень того же Мирового банка и глобальной финансовой системы, отвечает во всю интересам России, ей исключительно выгодно и делается ею совершенно добровольно. Подобного рода сентенций можно выдать сколько угодно. И все они свидетельствуют только об одном: о превращении российской экономики в классическую С-э.

Ни российское государство, ни российский капитал, ни российское общество не ставят перед собой и перед экономикой страны никаких

амбициозных задач. Кажется, что главное сегодня — максимальная распродажа ресурсов и богатств, эксплуатация накопленного предшествующими поколениями производительного потенциала в энергосырьевых и неэкологичных отраслях, встроенность, пусть и зависимая, в глобальную финансовую систему, насыщенность потребительского рынка, вхождение, хоть и проблематичное, российской элиты (а на самом деле — псевдороссийской псевдоэлиты) в мировую космополитическую элиту — на положении, конечно, *субэлиты*, накопление несметных богатств в руках не слишком ориентированного на интересы России олигархов, поддержание относительного благосостояния становящегося все более нетворческим среднего класса, растительное бытие сокращающегося населения — и все это при расширяющемся овладении страной силами из-за рубежа и внешнем неявном управлении со стороны глобального мирового центра.

С-э. соответствует и *субгосударство*, лишенное полноценной субъектности и какой-либо исторической амбициозности, становящееся по сути лишь посредническим звеном на национальном уровне в глобальной системе управления планетарным миром.

История полна не только случайностей и невероятностей, но и самых настоящих чудес, правда, не бескровных или хотя бы небеззатратных, а потому ставшее, или очутившееся, сегодня субобразованием завтра может вдруг воспрянуть и превратиться во вполне самостоятельного субъекта истории, действующего от себя и в своих интересах. Констатируя субординационную зависимость нынешней России от глобальной мировой системы, не следует исключать возможности преодоления этой зависимости, скорее всего, в обстановке и в результате какого-то крупного, если не тотального, планетарного потрясения.

Ю.М. ОСИПОВ

Антихозяйство*

Аннотация. Феномен анидохозяйства, когда имеет место сокращение производства, деградация жизни, уменьшение населения. Характерен для периодов кризисов, войн, реформ и революций, плохой политики..

Ключевые слова: экономика, политика, деградация.

* Исследование осуществляется в соответствии с грантом РГНФ №02-02-00267а.

Abstract. The phenomenon of antihousehold means the decline of output, degradation of life, shortage of population .It appears during the periods of crisis, war, reforms, revolutions and bad policy.

Keywords: economy, politics, degradation.

Антихозяйство — хозяйство наоборот, результатом которого оказывается сужение объема, снижение качественного уровня и степени производительности как самого хозяйства, так и всей жизни; деградиционное хозяйство, ведущееся не по линии от 0 к 100, а в обратном направлении — от 100 к 0; ликвидационное хозяйство, уходящее, отмирающее; некрохозяйство.

Антихозяйство (А-х.) — достаточно обычное явление в хозяйственном бытии человека. Особенно данный феномен характерен для разного рода локальных хозяйств: индивидуальных, семейных, общинных, коллективных, предприятийных, отраслевых, региональных, но он случается и в масштабе больших пространств. По сути, любое хозяйство (Х.) в чем-то и в какой-то момент оказывается или может оказаться А-х. *Антихозяйственность* — принадлежность Х. вообще, жизни вообще. Однако далеко не всегда стоит говорить об А-х. как об особом феномене, заслуживающем специфической квалификации. В условиях *хозяйственного кризиса*, к примеру, явно проявляется антихозяйственность, обусловленная как объективными трудностями ведения Х., так и субъективными хозяйственными (управленческими) просчетами, но специально говорить об А-х. здесь не приходится. Время от времени умирают целые отрасли, но вряд ли кому-либо приходит в голову квалифицировать это как А-х., если такое умирание сопровождается развитием других отраслей и регионов, хотя, строго говоря, антихозяйственный мотив, конечно же, звучит достаточно отчетливо. Точно так же нет никакого смысла говорить об А-х. при угасании какого-нибудь конкретного Х., если это угасание вызывается какой-либо внешней необходимостью, как и при свертывании уже завершенного или не очень удачного дела. Такого рода антихозяйственность всегда имеет место, она органична Х. вообще, и специального определения как А-х. не требует.

Иное дело, когда исследователь сталкивается с устойчивой *антихозяйственной потенцией*, практически органично свойственной тому или иному Х. Примером такой неприятной органики могут послужить в России те же искусственные общинные образования («толстовские») плохо ведшие свои аграрные дела и непременно разваливавшиеся, а также многие из не менее искусственных и тоже коллективных сельских Х. (называвшимися колхозами) советской эпохи. Вообще все искусственное, надуманное, принудительное несет в себе непреодоли-

мую антихозяйственную заразу. Истории хорошо известны, к примеру, рабовладельческие и феодальные с крепостным трудом X., от которых в эпохи их упадка так и веяло А-х. Вряд ли то же строительство Петербурга неугомным Петром I может избежать упрека в антихозяйственности, как такого же упрека заслуживает, безусловно, сталинский ГУЛАГ (лагерное X. с трудом заключенных). Но есть и менее явные, но более, если так можно выразиться, каверзные и досадные примеры. Если повнимательнее посмотреть на ранний капитализм, в особенности колониального типа, то можно без особого труда найти подтверждения самого настоящего А-х., когда в жертву приносятся природа и люди, культуры, цивилизации, правда, все это параллельно весьма даже рациональному и экономически эффективному X. Не избежал кое-чего подобного и социализм — в том же СССР. Помимо растраты природы, людских резервов и даже самой жизни, как и уничтожения многого ценного и непреходящего из досоциалистического наследия, *планово-административный способ X.* отличался и в период развитого социализма сильной антихозяйственной тенденцией (снижением производительности труда, дефицитами, незаинтересованностью в эффективном труде, низким качеством работ, долгостроем, незавершенным строительством, показухой, невосприимчивостью к нововведениям, нехватками всего и вся и т. д. и т. п.). Конечно, нет никакой необходимости присваивать *социалистическому X.* вообще обидного наименования А-х., но не видеть весьма уютно расположившегося в его недрах антихозяйственного элемента тоже нельзя (достаточно вспомнить о тех же судорожных хозяйственных инициативах Хрущева, наносивших прямой вред X. страны, особенно сельскому X. — итогом хрущевских сельскохозяйственных реформ стала катастрофическая нехватка продовольствия, доведшая страну чуть ли не до массового голода; к сожалению, дело не ограничивалось одним Хрущевым и ему подобными — о бесконечных идиотских начинаниях и действиях разного уровня властей, как и об удушающей инертности растерянных низов, не хочется даже говорить).

Однако А-х. — вовсе не феномен прошлого. Никуда оно не исчезло, благополучно бытует и сегодня. Разве в *глобализме, финансомике* или в мировом господстве доллара нет своего антихозяйственного эффекта, разумеется, весьма скрытого, который еще надо уметь разглядеть, в меньшей мере проявляющегося для глобального финансового центра и в гораздо большей степени для планетарной периферии? Одни запрограммированные международные (!) финансовые кризисы чего стоят! А наркотический трафик, а шоу-бизнес, а имитация труда и социальной значимости миллионами «образованных», а выброс всего ненужного и вредного из передового-де мира в мир якобы отсталый!?

Но наиболее ярко феномен А-х. проявился в наше время, конечно же, в России — в связи с так называемыми реформами конца 1980-х, 1990-х и начала 2000-х гг. Разумеется, это не первый всплеск А-х. в России — достаточно хотя бы вспомнить о татаро-монгольском нашествии, Смутном времени начала XVII в., Петровских реформах рубежа XVII и XVIII вв., революциях 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войне 1918—1920 гг. с сопутствовавшей ей хозяйственной разрухой, Великой Отечественной войне с немецкой оккупацией части страны, также сопровождавшейся антихозяйственным беспределом.

В самом факте вдруг охватившего страну А-х. ничего абсолютно и исторически нового нет, но в мотивах и способе его воцарения кое-что необычное все-таки есть. Случилась антисоциалистическая и антихозяйственная революция, но не ради выхода страны из социального, хозяйственного и политического тупика, а с целью, во-первых, внутренней и внешней *приватизации* страны, ее богатств и ресурсов, вполне заслуженно получившей наименование прихватизации; во-вторых, создания класса владельцев страны, стремящегося более всего лишь войти в мировую космополитическую элиту; в-третьих, быстрее (внезапного) накопления любого по размерам, в том числе и невероятного, частного богатства, реализующего приватизацию и создание слоя богатых (и сказочно богатых в первую очередь); в-четвертых, прекращения не только имперского, но даже и независимого национального, бытия страны, ее подчинения мировому глобальному центру с утверждением в стране подчиненного и производного характера *субфеноменов*: политического, хозяйственного, социального; в-пятых, прекращения раз и навсегда действия инновационного и высокотехнологического, научно-образовательного, элитарно-производительного типа Х. с навязыванием стране Х. энерго-сырьевого характера; в-шестых, принесения страны — со всеми ее домочадцами — в жертву задуманной и успешно реализуемой переделочной программе (не прорыв страны в будущее, а полный ее упадок в настоящем); в-седьмых, беспощадного разграбления (растаскивания) страны с передачей возможности ее дальнейшей — донорского типа — эксплуатации сомкнувшим ряды внешним и внутренним господствующим силам; в-восьмых, стирания любого наследия прошлого с последовательным переделыванием характера и структуры существующего народонаселения, его «отгораживанием» от природных и иных исконных ресурсов и источников существования, от родного жизненного пространства, и сокращением, преодолением традиционных форм жизни, с антицивилизационной *инфернализацией* социо-хозяйственного бытия.

В результате революции в России не просто утвердилось А-х. или даже *антижизнь*, а нашла себе пристанище самая что ни на есть

обыкновенная *анти-Россия*. Таков замечательный итог растянувшейся на века *Российской Реформации*. Жизнь в России потеряла любой сколько-нибудь высокий нравственный смысл, сама Россия практически утратила деятельную историческую перспективу — если, конечно, не оставлять веры в чудо — чудо восстания из пепла!

Ю.М. ОСИПОВ

Утопизм

Аннотация. Феномен утопии как необходимый момент проективности бытия со стороны человека.

Ключевые слова: утопия, философия, социология, философия хозяйства.

Abstract. This article is about the phenomenon of utopia as a necessary part of projectivity of existence from the point of view of a human.

Keywords: utopia, philosophy, sociology, philosophy of economy.

Утопизм — проектирование либо вообще несбыточного, либо как-то возможного, но не непременно возможного, очень уж вероятностного — невероятного или почти невероятного, более желаемого чем действительного, или, иначе говоря, к способности, однако играющего нередко эффективную роль в течении и в развитии реальности, в особенности, в формировании будущего.

Сам по себе утопизм (У-м.) — феномен вполне древний, восходящий к способности человека, наделенного *словом, языком и сознанием*, воображать то, чего нет, а иной раз и быть не может, проектировать несуществующее, но могущее быть, не останавливаясь и пред несбыточным, перед тем, что почти невозможно достичь, или, иначе говоря, к способности фантазировать, правда и с заранее заданной и будто бы реалистичной проективной целью. Как специфический термин У-м. возник после опубликования работы Томаса Мора «Утопия», в которой был представлен проект будущего — коммунистического — общества, помещенного автором на воображаемый о. Утопия (Utopia). Мало того, что сам проект был насквозь воображительным, но и самим названием острова уже подтверждалось практическая нереализуемость проекта. Однако сам проект Т. Мора имел место, а его восприятие как нереального мифа не помешало в дальнейшем как исповедовать идеи этого мифического проекта, так и реально идти ему навстречу: в общинах, в коллективах, даже и в больших социумах (как в ходе того же

христианско-общинного, так и обычно называемого социалистическим опытом).

Специфика утопического проекта или утопии (У.) не в одной только его мифической нереалистичности (практической неосуществимости), но и, во-первых, в непременной его привлекательности, даже чаемости, и, во-вторых, в его определенной жизненной действенности, пусть и не в прямой реализуемости, но хотя бы в стремлении к этой реализуемости. У. — не вообще всякая, фантазия, а фантазия по поводу будущей реальности, та самая фантазия, которая, будучи в основе, может быть и нереальной нереальной, имеет шанс не только реализовываться, но и реализоваться, как правило, частично или же в какой-то иной фактической интерпретации.

Толкает на У., ее сочинение, реальная фактология, феноменологическая действительность. Но возникает У. более всего как некий *но-уменьальный* продукт, как что-то вполне *метафизическое*. У. — это некая *метафизика* будущего, или метафизика для будущего. Нужно иметь в виду, что У. имеет шанс и перестать быть таковой при неожиданном своем воплощении в реальность, а вот вполне трезвый и точный-де социальный проект, особенно в рамках так называемого *прогнозирования*, может, став безрезультатным, оказаться как раз У. Замечательно точный социальный проект может и частенько реально оказывается самым обыкновенным блефом, особенно, какой-нибудь бюрократический проект, а самая несуразная У. вдруг оборачивается самой насущной реальностью.

Сам по себе У-м. — реальность. Он базируется на воображенческой способности человека, на его памяти, на идеальной культуре, а стимулируется проекционной необходимостью в реализации человеческого жизнеотправления: человек в общем-то обязан воображать и проектировать свое жизнеотправление. Сначала всегда проект (намеренно), пусть и микроскопический и одномоментный, затем и реализация проекта, пусть и с отклонениями и даже нереализацией. Таким же образом осуществляется и *хозяйство* (Х.) человека: сначала возникает какая-нибудь воображенческая *виртуалия*, а потом приходит время и какой-нибудь *реалии*.

Так что в человеческом мифотворчестве ничего особенного нет: человек — постоянный и неутомимый мифотворец, хотя не все им придумываемое попадает в итоге в разряд собственно *мифов* — что вообще невыполнимых, что и весьма выполняемых. Миф как таковой — задержка в сознании этим сознанием воображенного, ну а если это специальный миф о желаемом целостном будущем в форме проекта, то это, конечно же — У. И такое утопическое мифотворчество имеет право быть — до момента своего подтверждения-неподтверждения в реальности (подтвержденный в реальности утопический проект уже не

У., а неподтвержденный вроде бы реалистичный проект — вдруг и У., мало того, еще более У., чем прежде).

К У-м. и к У. нельзя относиться как к какой-то несерьезности, легковесности, чуть ли не глупости. Разумеется, У. может быть и несерьезной, и легковесной, даже и глупой. Однако У. утопии — рознь! Бывают и добротные У., мало того, любые У. необходимы, ибо выполняют разные роли: и отвлечения с развлечением, и понимания с ориентацией, и опоры с надеждой, и маяка с руководством, и средства решения фундаментальных проблем. У-м. в какой-то мере игра, а У. может быть и просто игровой пустышкой. Но как человеку вообще без У. и У-м.? Человек ведь вовсе не замкнутое на природу, окружающую среду, на мир, даже на самого себя существо. Это существо, наделенное сознанием и воображением, оно не может остановиться на какой-либо данности, как и себя не может остановить в какой-либо данности. Между человеком и миром (вместе с человеком) всегда есть зазор, заполняемый *образами*, сосуществующими с пустотой. Отсюда не одна лишь возможность, но и необходимость У-м. и У., позволяющих не только заполнять пустоту, никогда ее не заполняя, но и ориентироваться в пустоте, выдвигая новые потребности и лелея надежду на их удовлетворение.

Одной из великих и действенных У. является У. коммунистическая, к тому же претендующая на научность. Даже поправки разного социалистического толка не спасли эту У. от ее фундаментальной утопичности. В то же время хорошо известно, что кое-что из социалистического оказалось вполне реально воплощенным. Выходит, что не все в У. утопично, но все неутопичное в У. реализуется уже вне самой У. Между У. и реальностью — сложнейшее *полилектическое* взаимодействие, ведомое еще и *трансцендентностью*. У. осуществляется, но часто, если не по преимуществу, как-то и где-то за пределами самих целостных утопических конструкций.

Примером другой социальной У. может служить социал-христианская У., или У. о Царстве Божием на Земле, рассматриваемом как вполне совершенное человеческое общество в мире сем. Конечно, сама религиозная концепция тут не при чем, она не базируется на этой идее, но при определенном прочтении этой концепции, ее особом понимании, данная утопическая конструкция выходит на первый план. Можно назвать ее еретической, но факт остается фактом — данная У. существует.

Вообще в человеческой исторической практике много всякого У-м., в особенности, в области *идеологии*. У-м. характерен для *религии*, *филозофии*, даже и для *науки*, не говоря уже о идеологиях в чистом виде. Хватает У-м и в социо-политической практике. То, что платоновское «идеальное государство» всего лишь У. хорошо известно, но ведь и

гегелевское «совершенное государство» не меньшая У. А разве «демократия» или «гуманизм» не имеют утопической составляющей, как «правовое общество», «открытое общество», американский «глобализм», «гражданское общество», как, собственно и «православная цивилизация», и «Святая Русь», и грядущее «Русское Возрождение»? Немало утопического, если вообще не полностью У., мы найдем в том же *софианство*, всеединстве, экуменизме, да мало ли еще в чем. У-м. везде и всюду, он там, где есть хоть какое-нибудь социальное проектирование, хоть какой-то разговор о будущем. Даже *апокалипсис*, если рассматривать его со стороны «конца света» — достаточно утопичен.

Человек не знает и знать не должен своего будущего. Уже поэтому любое рассуждение о будущем утопично, не говоря уже о «моделях» будущего, его каких-то более или менее целостных конструкциях. Хочешь, не хочешь, но У. выходят сами собой. Однако человек не только может, но и должен рассуждать о будущем, его как-то воображенчески конструировать. У-м. поэтому нужен, он неистребим и неисчерпаем: был, есть и будет, причем не как только мысль о будущем, но мысль, работающая и в настоящем. У-м. имеет возможность и необходимость воплощаться, даже если ничто о той или иной известной У. прямо и не говорит. У-м. — фактор жизни, всего жизнеотправления, это фактор хозяйствования, деятельного, а не только чисто размыслительного, бытия человека. Ведь само уже бытие человека весьма утопично (это надо в особенности понимать!), и сам человек утопичен, все его сознание. Для полилектика ничего не стоит сказать: «Человек — это У.!» А что, разве не так? Попробуй-ка, поживи без У. и У-м., что у тебя получится, господин всезнающий ученый? Ибо сам ты тоже есть в чем-то самая обыкновенная У.

Ничего страшного в таком «всеобобществлении» У-м. нет, ибо помимо У. есть и реальность, которая, правда, тоже весьма утопична, а нередко и сама У. и есть. У. — ирреальность, сверхреальность, внереальность, но это и реальность, ибо реальность не сводится к собственно реальности. В мире неизвестности, или в трансцендентном мире, человеку ничего не остается, как быть утопистом, мало того, быть У., и на реальность смотреть как на утопическую, если вообще не как на У., но от этого человек не перестает быть реалистом, как и не перестает быть реальностью.

Надо ли говорить об У. и У-м. именно в таком ключе, не достаточно ли ограничиться «воздушными» проектами, разумея под У-м. и У. что-то если и не негативное, то, во всяком случае, не слишком позитивное? В том-то и дело, что надо, ибо реальный У-м гораздо глубже и масштабнее, чем, скажем, просто неудачное проектирование. Если все можно было бы привести к одному неудачному проектированию, то и говорить-то было бы почти что не о чем. У-м. куда как более сложный,

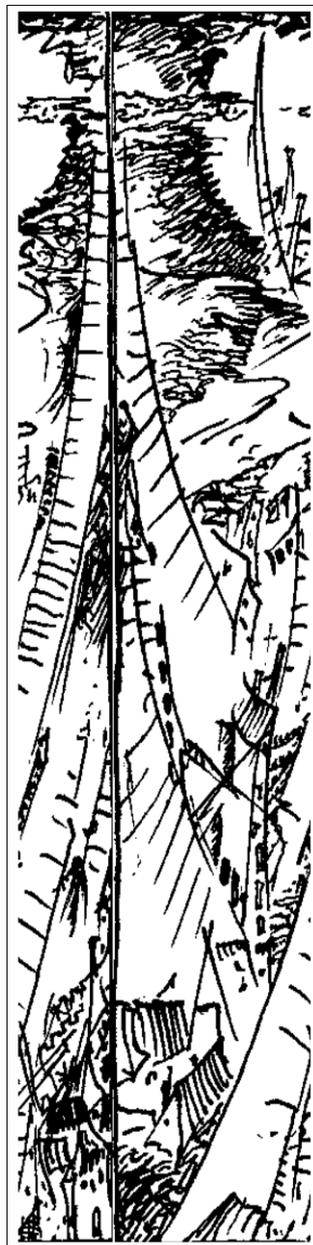
глубокий и распространенный феномен, чем это может показаться на первый взгляд. «Свобода, равенство, братство!» — что это, если не У., однако ежечасно работающая, по-своему и действенная. Любая конституция — У., однако тоже работающая и тоже действенная (конституция ведь не просто факт, это еще и идеальный проект идеального нечто, называемого обществом, государством, цивилизацией). Народовластие — где оно? Рыночное хозяйство — не У. ли? А ведь это все тоже проекты. Вообще проектов вокруг гораздо больше, чем мы обычно думаем: многое из действующего вроде бы никакие не проекты, а просто работающие механизмы, а на самом-то деле, если хорошенько подумать, никогда не осуществляющиеся до конца утопические проекты.

Хозяйствование — сплошь утопично, хотя и вполне реалистично. Что ни замысел, то У., что ни проект, то в чем-то утопический. Но ничего, все в *хозяйстве* (Х.) работает, все как-то вертится... смазываемое как раз У-м. Шагу нельзя сделать в Х. без сопряжения с какой-нибудь У., а прибегая, пусть и не осознанно, к У., можно хозяйствовать, действовать, творить. Возможно ли то же *творчество* без У-м.? Конечно нет. Творчество не просто всегда в чем-то утопично, оно как раз есть прекрасная канализация У-м. Последний чувствует себя в творчестве как рыба в воде. У-м. — что-то вроде родного чада творчества, его органическая составляющая, впрочем, может, и не чада только, а даже и родителя, ибо У-м. тоже восходит к творящему ничто, как и самое что ни на есть творящее творчество.

У-м. и У. не подлежат изгнанию ни из творчества, ни из хозяйствования, ни из жизни. Они в целом нормальны. Иное дело, что они могут быть вредными, наносящими ущерб, даже и смертоносными. Сами по себе они несомненны, но в исполнении своем они, конечно же, разные. Одна из задач думающего человека — критическое отношение к У-м. и У., их сортировка. Ведь сама практика У-м. и выдвижение У. — дело человека, и очень важно в связи с этим, какой по содержанию человек этим занимается, что предлагает, что навязывает, чем руководствуется. *Философия хозяйства* (Ф.х.) признает У-м. как необходимый феномен, но она учит и оценивать У-м., разбираться в нем и в У., жить среди У., принимать решения. Не будет Ф.х. осуждать У-м. как таковой, делая вид, что ей самой он не свойственен. Нет, Ф.х. признает У-м., более того, она признает его реализацию и внутри самой себя, но она стоит за правильное понимание У-м, за возможность и правильность быть в мире У. и в утопическом мире. Кому-то и сама Ф.х. может показаться У., — что ж, это право размышляющего человека, — но утопическое начало в Ф.х., если оно есть, никак ее не умаляет, ибо У-м., худобедно, Ф.х. достаточно ясен.

VI

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

З.Э. СКРЫШНИК

**Россия в преддверии великого неизвестного:
ответы и вопросы
(о романе Юр. Михайлова «Реквием»)***

Аннотация. Размышления автора после прочтения книги Юр. Михайлова «Реквием. Роман о романе, или роман с романом», в центре которой исследовательское прочтение романа-загадки «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова, а также судьба России — осмысление ее возможностей и утрат.

Ключевые слова: метафизика, роман, М. Булгаков, трансцендентность.

Abstract. Author's reflections after reading the book by Yur. Mikhailov «Requiem. Novel about Novel, or Affair with Novel», which is focused on investigative interpretation of novel-mystery «The Master and Margarita» by M.A. Bulgakov, as well as on Russia's destiny — apprehension of its possibilities and losses.

Keywords: metaphysics, novel, M. Bulgakov, transcendence.

В конце мая 2009 г., прогуливаясь узкими улочками Львова, весьма известный писатель, имя которого многие без труда распознают за псевдонимом Юр. Михайлов, как бы невзначай обронил, что сегодня ночью закончил очень важную для него рукопись. Нарочитая небрежность этого замечания подсказала, что речь идет о событии настолько значимом, что лучше удержаться от преждевременных расспросов. Прочитать этот труд удалось лишь через год, когда рукопись стала книгой, «романом о романе, или романом с романом». Хотя текст от первой до последней страницы насыщен личностью М. Булгакова и его романом «Мастер и Маргарита», оказалось, что вовсе не герменевтическое исследование булгаковского видения вечных проблем бытия, а собственная грандиозная картина мироздания развернута автором на шестистах страницах метафизической прозы. И в центре этой картины — судьба России, вписанная в трагический поток мировой истории.

* Юр. Михайлов. Реквием. Роман о романе, или роман с романом. Метафизическая проза. — М.: ТЕИС, 2010. — 592 с.

Силовое поле романа создает противостояние двух полюсов, двух персонажей, которые, в соответствии с метафизикой романа, определяют своим незримым присутствием предельные основания той картины мира, которую творит Юр. Михайлов. С одной стороны, это «Писатель» — Михаил Булгаков, человек-роман, не москвич по происхождению и не русский вовсе, а как бы сторонний наблюдатель, родившийся и выросший в Киеве и уже в Москве превратившийся в писателя-роман. С другой — «Вождь» — Иосиф Сталин, недавний революционер и актуальный контрреволюционер, мститель, гонитель и инквизитор, палач, но и дерзкий создатель, непреклонный строитель, который на месте России «создавал, ломая и хрустя, ошибаясь и теряя, презирая и жертвуя, какой-то новый мир». Сталин не мог быть узнаваемым героем романа, но он проявлен в Иешуа, Пилате, Афрании, Воланде, даже Мастере (с. 375).

Роман как бы разрастается, простирается в глубины мироздания из точки этого удивительного противостояния Писателя и Вождя, в котором они, пребывая в нескончаемом духовном противоборстве, оказываются все же необходимы друг другу. Юр. Михайлов видит внечеловеческую правоту Вождя в едином: Сталин стал вождем — инквизитором, проектантом и спасителем — в разгар *мирового апокалиптического кризиса*, охватившего весь тогдашний мир (с. 352). В этих условиях не было одной удовлетворявшей всех формулы, потому не оставалось ничего иного, как запустить приемлемый в крайней эсхатологической ситуации созидательный проект, подавив всякое ему сопротивление. Этим проектом и стал сталинский (с. 353), что и заставляет Писателя, возможно, и вопреки его воле, признать грозное и сакральное право Вождя на насилие и скорый суд.

Конечно, «Роман о романе» Юр. Михайлова — далеко не первая попытка исследовательского прочтения «романа-загадки», который увидел свет через четверть века после создания, был с огромным воодушевлением принят, стал страшно актуален в 1960-е, в разгар борьбы с построенным диктатором режимом, но понят, по мнению Юр. Михайлова, весьма поверхностно и вообще превратно (с. 222). «Нравился диссидентам роман, точнее, извлекаемая из него диссидентская навь», поскольку узрели в нем воскресшую в образе СССР римскую Иудею, гнетущую реальность, ее бессовестных защитников, а также диссидентов, иностранца-консультанта — их защитника (с. 223). И никто не задумался, почему это в одном из ключевых эпизодов романа голова слетела у Берлиоза, интеллигента и эрудита, никто не обратил внимания, что Иешуа вовсе не был революционером, никто не понял тогда, что в самом деле роман не

был посвящен диссидентам, революционерам и борцам за человечность: автор создавал его по другому поводу (с. 224).

Если попробовать предельно сжато передать *настоящую* проблему, которой, по мнению Юр. Михайлова, посвящен роман Булгакова и которая пребывает в центре «Романа о романе», — это Сталин и сталинский проект, его смысл и историческая судьба. Роман Булгакова невероятно противоречив и не поддается однозначной интерпретации именно потому, что крайне противоречивыми были сама личность Сталина, его историческая миссия и траектория его теперь уже над-исторического бытия.

Сталин взял на себя тяжкий грех перестройки и переделки людей ради своего проекта. И оправдание этого невероятно тяжелого греха Юр. Михайлов видит в том, что это проект для России *возрожденческий и скрыто имперский и, несмотря на все возможные оговорки, отечественно-российский*. Именно из-за такого сокровенного смысла этого проекта граждане стали не просто исполнителями, а его сынами и дочерями, а Сталин стал прямым заместителем Бога на земле (с. 355). Сталинизм, утверждает Юр. Михайлов, был роковой неизбежностью, потому что, «без сдачи России сбесившейся за границе», не было иного выбора, кроме сталинизма. Он был жестокой домостроительной вспышкой на рубеже *совсем уже последних времен*. «Не Македонский, не Цезарь, не Чингиз, не Бонапарт, не Петр I, а Сталин — вершитель, победитель и покоритель. Не Христос, но устроивший же царство трудящихся здесь, на Земле!» И антихрист — но конструктивный, результативный (с. 357).

Значимость булгаковского романа именно в том, что писатель в невероятно далекой временной перспективе сумел разглядеть катастрофическое окончание сталинской эпопеи. Но не укорил, а пожалел Сталина, поэтому роман «Мастер и Маргарита» — суд над Сталиным; суд — понимание и оправдание (с. 377). Романист пророчески отвел сталинскому варианту российского бытия полстолетия: четверть века разгона и процветания, четверть — застоя. И предусмотрел способ гибели: явление в ничего не подозревавшей системе темной и наглой *антисистемы*, способной осуществить разрушительный переворот. Символом этого разрушения в романе стал образ Москвы, погружающейся во мглу (с. 269). Бесперспективность сталинского чудо-царства принимает и Юр. Михайлов: немало возможностей было у него, но *не было в нем Благодати Божьей* (с. 496).

Долгое время после того Сталин оставался не более чем историей — загаженной и искаженной. Однако все резко изменилось, когда

созданный Сталиным строй рухнул и наступила антисталинская эпоха. Вот тогда Сталин и явился в наше настоящее: сначала контурно, а потом все более содержательно, насыщенно, полноценно — этот «метафизический феномен, демон-навигатор, демиург, Демон-бог!» (с. 342). И если Мастер обрел посмертный покой, то Сталин обретал после смерти что-то совсем иное — «какое-то беспокойное прямо на презиравшемся им миру непрестанное призраковое присутствие» (с. 245). Не было тут никакого иного решения, считает Юр. Михайлов, кроме обращения к товарищу Сталину. Его тень в наше время — знак апокалиптический и оправданный (с. 499).

Вот тут и начинает проявляться истинный смысл пророчества, которое увидел Юр. Михайлов в романе М. Булгакова, «романе-разгадке».

Ни Сталину, ни сталинцам уже не было места в текущей истории, а потому он таинственно ушел. Завершился исторический эксперимент: сталинскую соцпостройку переделать по-крупному так и не удалось, а вот подточить ее помаленьку — это и проделала реальная история (с. 243). Проделала — и повторилась, точь в точь воплотив сценарий, который Юр. Михайлов прочитывает в романе М. Булгакова: «неожиданное явление в Москве какой-то темной и не брезгующей никакими средствами силы, представленной группой необычных, будто бы с Луны свалившихся персон, причем силы возмущающей, баламучающей, крикливой, выливающей на встревоженных москвичей потоки невероятной и поразительной правды, доводящей обывателя до нигилистического иступления, жажды немедленной расправы с наличествующим бытием и его радикальнейшей переделки» (с. 268). Автор «Реквиема» не оставляет сомнений насчет конкретно-фактологической сущности сбывшегося пророчества: «Меченый! И лукавство и все такое. Да, мудер был киевлянин...» (с. 241).

Сталинский проект лишь на полвека отсрочил неизбежный приход «иуд, пигмеев и пираний» (с. 497). В реалиях 1980—1990-х гг., в деятельности команды переустроителей автор «Реквиема» прослеживает почти дословное повторение булгаковского сценария: хорошо организованная кем-то смута, уличные беспорядки, ложь, восстание пошлости — «все тот же дьявол, сатана, шайтан — обернулось житейской жутью» (с. 270—271). Результатом антисталинской революции было то, что «сталинское наследство, поделенное коварно между «независимыми государствами», попало на удовлетворение к сонмам разного рода оборотней и бесов: от бывших «меченосцев» до выпущенных из тюрем воровских авторитетов.

По мнению автора «Реквиема», сталинское чудо-царство было обречено не только из-за себя самого, а по причине самой природы человеческой — *свободолюбивой и пороколюбивой*.

Именно человеческая природа обусловила гигантский зигзаг истории, который в романе Юр. Михайлова составляет исторический фон для осмысления судьбы России: он прочерчен в хронологических рамках, охватывающих период от эпохи Возрождения до наших дней. В эпоху Возрождения «чуть ли не сам Христос был представлен... антихристом!». На смену христианской цивилизации пришла вовсе не возрожденная древнегреческая, а совсем новая — как раз антихристианская, в которой Европа с Америкой и с кое-кем еще, включая Россию, ныне и пребывают (с. 150). И поэтому не зря «болтают про какую-то теорию заговора... ведь и теория есть, и заговор есть, и управление всем и вся тоже» (с. 340).

Все мы, люди Модерна и Постмодерна, сыны антихристианской и антиприродной эпохи: образованцы, просвещенцы, администраторы и менеджеры, инженеры и ученые — кто по собственной воле, а кто и поневоле — оказались вовлечены в гибельный поток антихристианской истории. Разложение обезбоженного мира идет полным ходом, и ситуация в мире уже весьма напоминает ту, что была в позднеантичном мире к моменту явления Христа (с. 535). Автор «Реквиема» стремится распознать признаки приближающегося Апокалипсиса. Так, 11 сентября — знак возмездия США, «ненавидимых во всем мире за дьявольскую гордыню»: «прилетели откуда-то в Америку отважные и безумные бандиты, ударили самоотверженно и жертвенно по небоскрегам» (с. 363).

Вселенская катастрофа, по его мнению, неизбежна, но ее сценарий и последствия могут быть различными: это либо поэтапная погибель человечества, либо рискованный «перепрыг» какой-то его части в постчеловечество. Непонятно лишь, почему Юр. Михайлов, подчеркнув, что все дело в том, *какая именно катастрофа и с какими последствиями*, тут же ставит между этими двумя вариантами знак равенства. Вероятно, сценарии равносильны потому, что ничего не могут изменить в общей схеме исторического процесса: «В начале Христос со своим словом, потом антихрист со своим делом, а в будущем, возможно скором, Христос со своим Вторым Пришествием и Страшным Судом» (с. 486). И тогда весь христианский период — всего лишь эпизод в экспликации исторической матрицы: богоотступничество, уже текущий суд, уже идущая катастрофа, какое-то неумолимо надвигающееся превращение, но пока в антихристовом варианте, который есть необходимый эпизод иного — уже Христова — варианта (с. 487).

Этот иной, новый Христов этап истории человечества в «Реквиеме» намечен едва уловимым контуром: Юр. Михайлов говорит о новом Средневековье, хотя видит в нем скорее пародию — «истинного Средневековья уже не вернуть, да и не надо. Надо что-то похожее, пусть и имитационное...» (с. 324). И хотя намек на возвращение к Средневековью остается весьма неопределенным, он не может не породить вопросов. Может ли откат в далекое прошлое разрешить сложнейшие проблемы современного бытия? Тем более, если это прошлое — вообще не реальность, а имитация: не стало ли бы это квазисредневековье лишь еще одним симулякром в бесконечном многообразии симулированной псевдореальности Постмодерна?

Для автора «Реквиема», однако, «новое средневековье» представляет собой, не имитацию давно минувшей исторической атрибутики (хотя «надо будет — и институт царя восстановят» (с. 324), а возвращение к предвечной мировоззренческой проблеме: взаимосвязи Бога, мира и человека — которая, безусловно, была сформулирована и осмыслена именно в средневековой системе мировоззрения. Понятно и стремление вписать эту категориальную структуру в матрицу современных представлений о мироздании: «Мы, люди, лишь элементы некоего неведомого нам энерго-информационного поля, обычно называемого мировым духом» (с. 230). «Жизнь протекает под управлением этого трансцендентного поля. Бог и Дьявол — особые полевые образования, на себя замкнутые, очень сильные, способные контролировать либо все поле целиком — Бог, либо частично — Сатана... Бог может что-то упорядочить, но не может все это прикрыть, он этого и не хочет, допуская наличие всякого произвола и безобразия» (с. 233). Мистика же состоит не столько в том, что существует высшая сила, которая владеет человеческой судьбой, а в том, что человек при этом все-таки оказывается способным быть творцом своей судьбы.

Россия уже много столетий находится в зоне темных сгущений трансцендентного поля (с. 234). Поэтому и предназначение ее — «для всего, чего угодно, только не для счастья!». С этим ничего нельзя поделаться: Россия сама для себя ад, черная дыра (с. 235). Она напрямую соприкасается и с Богом, и с дьяволом; Юр. Михайлов видит в ней канал связи с какими-то иными мирами и одновременно поле какой-то нескончаемой трансцендентной битвы. В этом, считает автор «Реквиема», и состоит сила России: в ее несостоятельности, позволяющей быть все время как бы в проекте, нести в себе радость вечного становления, бытия, все время стремящегося к чему-то иному. Поэтому и «русским быть трудно, почти невозможно, но зато как почетно!» (с. 237).

Главный нерв романа «Мастер и Маргарита» прощупывается в этом столкновении противоположностей: иррациональной сущности российского бытия, этого хаотического потока вечного самосотворения — и возвращенного Западом инструментального калькулирующего разума. «В романном дьяволе — умнейшем и проницательнейшем Воланде — был воплощен и олицетворен... разум. ...Вот и в Москву явился разум, да не простой, а самый что ни на есть главный» (с. 133). Разум предстал в обличье проницательного, весьма разочарованного в человеке и человечестве, ни на что достойное и лучшее особенно не надевавшегося, слегка скучающего, впрочем, чуть ли не справедливого эдакого верховного судьи, вершившего вроде бы строгий, но окрашенный каким-то нарочитым комизмом, суд, творившийся как бы заместо Христова Страшного суда — пустяковый, побрякушечный, смешной (с. 130—131).

А почему же это явление разума обернулось шутовством, балаганом? Потому что несостоятельной оказалась сама провозглашенная в Москве великая претензия на новый разумный мир, на нового разумного человека, на новую разумную веру (с. 134).

Издавательство над идеей нового мира, как это видится читающему «Реквием», не было обращено Булгаковым против Сталина, вопреки ставшему традиционным прочтению романа шестидесятниками. Сталин по сути своей не был строителем нового мира — он-то как раз важен был тем, что *восстанавливал Великую Империю*. Похоже, что именно поэтому для Юр. Михайлова Сталин абсолютен — идея, символ, знамя, текст; тот, от которого в мир могли идти только добро, истина, все, что не вызывало сомнения и оправдывало репрессии и жертвы. Абсолютный исторический субъект; мощный проективный заряд; монумент, хоть и созидательно действенный (с. 272—273).

По сравнению со Сталиным Воланд всего лишь актер, он явился в Москву как непрощенный гость, а Сталин в ней всегда присутствовал «вполне по-хозяйски». Поэтому при правлении Сталина Воланду в Москве всерьез нечего было делать, оставалось лишь шутовство (с. 274). За этим шутовством скрывается драма: Воланд знал, что сталинская постройка обречена. Тем не менее «гигантское предприятие должно было непременно осуществиться, ибо впереди маячила небывалая война» (с. 275).

Юр. Михайлов видит ошибку диссидентского прочтения «Мастера и Маргариты» именно в интерпретации романного образа Воланда: это вовсе не Сталин! Воланд в Москве — пророчество прихода Хрущева: случилось именно так, как грезилось товарищу Сталину: глупость, предательство, коварство, «куча дерьма» на его могилу, наклканый на него позор! Воланд и не анти-Сталин, а «вполне достойный бес

1930-х, прикинувшийся перед Сталиным бесом второстепенным и лояльным» (с. 212).

Так предстает в «Реквиеме» спираль исторического движения России в XX в.: 1930-е гг., и как их отрицание — 1960-е, а потом 1980—1990-е — разрушение Великой Сталинской Империи, «романом предвиденное, если не освященное» (с. 276). Теперь уже не Воланд объявился в Москве, а пародия на Воланда. «*Эпоха великих измен...* Никогда еще Россия не была так предательски настроена, так глупа, так ловко и коварно обманута» (с. 277), ибо инициативу захватил Иуда, прикинувшийся новым Воландом. Иуда — это Воланд во времена перестройки. Романый Воланд лишь насмеялся над человеком-москвичом, уважая хотя бы москвича сильного, а Воланд-Иуда уже в открытую надругался над человеком вообще (с. 278). Он строит мир без Бога, без сакральной власти. Люди тогда перегрызут друг друга, но его это не волнует (с. 292).

Автор «Реквиема» утверждает: устройтелем небывалой реформы стал вовсе не человек, а зверь человеческий, сама же реформа оказалась «выворотом», который позволил антимиру заполнить собой человеческий мир (с. 301). Вот тогда-то, при неожиданной свободе и предстал человек в своей истинной сущности — как главный источник страдания и зла! Юр. Михайлов считает это важнейшим выводом из романа «Мастер и Маргарита» (с. 322): человек в соприкосновении с высшим миром — Иешуа, с низшим — Воланд, а то и Иуда.

Соприкосновение человека с «низшим миром» — состояние, пронизывающее собой «2000-е годы, которые каким-то чудом предвидел автор («Мастера и Маргариты». — 3.С.): эфир, делаемый человеком, наполняется нечеловеческим, плебейским, мелкобесовским. Либерализация, которую Юр. Михайлов сравнивает по масштабам с Возрожденческой революцией, знаменовала освобождение в человеке чертовско-бесовского (с. 436). Дехристианизированный человек, покончивший с зависимостью от природы и отвергнувший опеку со стороны Бога, попал в апокалиптический тупик (с. 484). Он решил занять место Творца, воспользовавшись христианской свободой выбора: свобода, которую христианское вероучение признает неотъемлемой прерогативой личности, создает брешь в мироустройстве, через которую человек «выскочил на пересотворенческий простор» (с. 537). Коммунистическая идея — «мы наш, мы новый мир построим» — оказалась одной из многих вариаций *пересотворения мира* — уже не Богом, а человеком, которому иного мира захотелось не для возвышения души, а ради своего тела и стяжания физического удовлетворения. Выход из этого онтологического тупика — в

постчеловеческий мир (с. 484). «Тут и антихрист появляется, возможно, он уже и на престоле» (с. 538).

Видит ли автор «Реквиема» возможность иного выхода? Он весьма осторожен в своих прогнозах: «Оптимистов среди философов нет» (с. 468). Человек как сакрально-природное существо превращается в постчеловека — мы являемся свидетелями «человеческой катастрофы», «исчезновения человека в человеке». Глобальная катастрофа сегодня слишком вероятна — всеобщая схватка будущих человекообразных за жизнь в войне всех против всех. Впереди одна трансцендентная неопределенность (с. 485).

Однако борьба не закончена, и исход ее не предрешен, она происходит в самом человеке. По сути, эта борьба — продолжение перманентного сотворения мира Богом: «Творение еще идет, а чем закончится — Он и сам вряд ли знает» (с. 556). Человек наделен знанием, и благодаря знанию, сознанию, способности и возможности выбирать по своей воле, он партнер Богу и сатане. Он активный участник космогонической игры, невероятно сложной игры — потому он и делает ошибки и так запутывается, «что и самому Господу от этого бывает страшно».

В качестве решающего пункта, в котором нарушилась связь Бога и человека, Юр. Михайлов интерпретирует историю распятия Христа: «Казнь Сына Божиего была... делом людским... А Бог был вынужден просто смириться с этим, надеясь, что человек, ужаснувшись... преобразится». Однако Бог «не был человеком понят... — Он огорчен? — Вполне!.. Теперь кульминация! Человеку самому решать... А порча его велика!.. Господь все еще надеется на человека, на ту же Россию» (с. 557).

Господь надеется на Россию. В беседе романых Ученого и Президента масштабы ее, России, исторической задачи очерчены со всей полнотой: речь идет не просто об оздоровлении обстановки, а о создании в России *новой цивилизации, новой нации*. Автор «Реквиема» видит Россию единственным, уникальным базисом для антикатастрофной коррекции в планетарном измерении.

В обстановке скрытой мировой войны ей предопределена роль главной жертвы. Для Запада самая лучшая Россия — это кризисная Россия (с. 523), поскольку Россия — альтернатива Западу (с. 37). Сама же она от самых начал своей истории «упорно гналась за Европой, правда, более в византийском исполнении». Тем не менее «русские люди не стали добрыми христианами» (с. 151). Сущим антихристом выступает в «Реквиеме» царь Петр, «грубо покоривший Русскую церковь» (с. 152). Впоследствии победа над наполеоновской Францией лишь усилила дехристианизацию России, поскольку заразила ее антихристовым духом французского вольнодумия. Россия тех времен

еще была альтернативой Западной Европе, только уже по-европейски. И тогда наряду с европейской реформацией стране была явлена и *европейская революция* с ее уже последовательно антибожеской закваской, а дальше — «восторжествовала долго и упорно созревшая революция, сначала в желтом образе, вроде бы европейско-протестантском, а затем и в красном — скорее уже по-европейски обезбоженном» (с. 153). Дело было не в красных и не в белых, а «в самой России, шизофренически раздвоившейся, ставшей вдруг красной и белой, нашей и не нашей, своей и чужой, превратившейся в какой-то неполноценный исторический мираж, но не переставшей при этом оставаться... Россией!» (с. 78—79).

Воздвигнутый Сталиным на руинах прежней России СССР с его надуманной идеологией и тягостной повседневной практикой никакой просторной исторической перспективы не имел. Сталина его последователи не поняли и сделали все не так (с. 523). Окончательно пала Россия вместе с Москвой — «третьим Иерусалимом» — в 1991-м — накрывшись тьмой иудства, алчности, трусости и позора — она перестала быть столицей величайшей в мире державы, символом победности (с. 346). Поколение созидателей и победителей ушло, пришло же поколение нахлебников и пораженцев во главе с последним генсеком КПСС — типичным, по мнению автора, историческим пораженцем (с. 316). Это и было завершением гигантского исторического эксперимента, за который долго еще придется расплачиваться: «За все приходится платить! Да хранит вас Провидение!» (с. 262).

И все же в этих испытаниях страна не развалилась (с. 343). Самый опасный момент, низшую точку падения она уже прошла, и теперь, в диалоге двух москвичей, датируемом 2000 г., автор «Реквиема» обозначает траекторию ее дальнейшего движения — вверх! (с. 344). С 2005 г. он начинает отсчет стабилизации. «Но чего? Именно этого поганого строя. Жить было снова можно, но лишь в рамках этого строя и только для него» (с. 395—396). Жизнь продолжается... но в условиях антижизни.

И это снова приводит автора «Романа о романе» к сакраментальному российскому вопросу: «Делать-то что?» (с. 558).

Ответ предопределен самой исторической ситуацией: нынешняя Россия, хоть еще и не монолит, но куда цельнее ушедшего в небытие СССР, она готовится к какому-то рывку в будущее (с. 523). Она нуждается в крутых и созидательных очистительных мерах. Она, «конечно, никуда не денется. Она выживет, но... через кровь... через кровь!» (с. 319). В уста двух идиллически беседующих профессоров Юр. Михайлов вкладывает далеко не идиллический призыв: «Новая опричнина? — Это бесспорно!» (с. 454). Россия переживает сегодня

«славный и горький апокалиптизм». Но, предрекает автор «Реквиема», он от России отстанет прямо посреди трансцендентного *никогда*, внезапно, без предупреждения. Ведь Россия — не обычная страна, ищущая лишь земного благополучия, она не от мира сего (с. 488).

Главное, согласно тезисам Юр. Михайлова, условие самоутверждения обновленной России — консолидация нации и даже строительство новой нации: «Без нации ничего не получится» (с. 368). Самое важное — национальная идеология, ее спасение — *традиция*, которая одна лишь способна удержать человека в человеке (с. 471). Сегодня, когда человечество оказалось в зоне глобального риска, шанс России — не упускать исторической инициативы, быть самой по себе и для себя, причем *имперски* (470).

В этом автор и видит самую важную, смыслообразующую российскую традицию — традицию *имперской, величайшей в мире державы*.

«Роман о романе», автор которого, несомненно, является одним из выдающихся современных глашатаев национального русского духа — это и реквием утраченной «величайшей в мире державе», и воззвание о ее возрождении, и попытка осмыслить реальные возможности и условия такого возрождения.

После того, как прочитана последняя строка: «И свет в конце туннеля!», остается впечатление, что вот эти-то реальные возможности и условия ныне пребывают в поле Великого Неизвестного, которое и является главным героем как романа Булгакова (с. 588), как романа в романе Булгакова, так и «Романа о романе».

И потому за многими эксплицированными в романе ответами на смыслообразующие проблемы, неминуемо встают новые вопросы.

- Должна ли Россия посвятить свои духовные, человеческие, интеллектуальные, политические, экономические, военные ресурсы тому, чтобы оставаться и в дальнейшем имперской державой, альтернативной западному миру?

- Если должна, то какую именно альтернативу, какую «*новую цивилизацию*», соответствующую — *именно со-ответствующую* — реалиям XXI в. предлагает она человечеству?

- А в особенности: какую альтернативу, кроме возвращения в статус «сталинского наследия», она может предоставить своим ближайшим соседям?

- Каким образом это может предотвратить «поэтапную гибель человечества»?

- Или «рискованный перепрыг в постчеловечество» на фоне апокалипсиса для всех, кто ищет «земного благополучия», — это уникальный исторический удел именно и только России?

В.Я. КУРБАТОВ

Под взглядом обеспокоенного Бога*

Это не первая мистификация в нашей литературе. «Рукописи», найденные на чердаке (в Сарагосе, в Тропареве), переданные в редакцию анонимным доброжелателем, вынесенные морем, просто забытые на садовых скамейках, являются с периодичностью приливов. В этой периодичности легко обнаружить, что являются они в часы, когда история теряет границы или попадает в воронку бессмысленного кружения. История при этом может обманывать себя внешней молодостью и выглядеть энергичной и уверенной, но не может обмануть «безымянных» авторов, забывающих свои рукописи в вагонах метро или в пожелтевших бумагах.

«Рукопись» Юр. Михайлова и вовсе «была найдена» пенсионеркой среди выброшенных кем-то вещей. Что значит — поколение образованных пенсионеров сталинской выделки — не могут пройти мимо папки с завязками в мусорной куче, чтобы не поинтересоваться содержанием!

Ну, Бог с ними, с мистификациями. Заглянем вместе с «публикатором», что же спасла добрая пенсионерка из сваленной во дворе чужой жизни.

«Requiem». Роман о романе, или роман с романом. Метафизическая проза.

Немного громоздко, но заманчиво. Уже по прологу мы догадаемся, что речь пойдет о Михаиле Булгакове и его «Мастере», хотя автор никак не хочет назвать ни Книги, ни Писателя прямо. А отчего прямо не скажет — поймешь, когда бедному Писателю в болезни на пороге смерти явится главный персонаж, который уже не оставит его до последнего часа. Явится, как и положено такой публике, в больном бреду, и на вопрос: кто ты? — опять же, как у них принято, загородится цитатой: «Я тот, кто приносит только добро». Подмигнет красноватым глазом в сторону «Фауста» и прямо потребует за оставляемую Писателю жизнь служения себе. У них с такими «договорами» скоро. И тут сразу окажется, что все, что писалось до этого, — «Белая гвардия» и «Бег», «Кабала святош» и «Собачье сердце», все умное, ироническое, печальное, дерзкое, — было только нащупыванием, приуготовлением души и дара к рождению единственного, главного, обещанного «тому, кто приносит только

* Отклик на: *Михайлов Юр. Requiem. Роман о романе, или роман с романом. Метафизическая проза.* — М.: Теис, 2010. — 597.

добро», романа, который, как становится ясно и самому автору, не просто очередной роман, а книга-судьба, книга-пророчество, книга-откровение, записанная «под строгим взглядом обеспокоенного Господа Бога и под вполне инспекционным присмотром господина хорошего дьявола».

И как только явится этот герой с острым «и» (дьявол), сразу станет ясно и почему кружилась мысль Юр. Михайлова вокруг прежних, насквозь известных читателю книг, в которых для него тоже все как будто двоилось и как-то исподволь накалялось и все вертелось на языке невнятное везде курсивное слово «*иное*», и все отчетливее тянуло по ногам мистическим холодом. И почему кружилась мысль самого Писателя. И кружились вокруг него в романе «мастера» неназванных лож. И почему и всесильный кремлевец держал его на коротком поводке, но словно не решался затянуть этот поводок. И почему даже и жены сменяли одна другую, пока не пришла та третья, ставшая Музой, Маргаритой, уже как бы и немного нереальной, словно и ее привел «господин хороший дьявол». И уж даже и не женой только, а «соучастницей», соисполнительницей темной воли.

И роман «вцепился» в Писателя, сделал его невольником, «спичрайтером и адвокатом» того, «кто делает только добро». А настойчивое «*иное*», пожалуй, подсказало и автора, скрывшегося за «Юр. Михайловым». «Уличный-то» читатель мог не догадаться, а московские философы, кто хорошо видел современную мысль, не могли не вспомнить совсем недавно вышедшую книгу московского университетского профессора, академика Ю.М. Осипова, которая так и звалась «*Иное*» и была пронизана беспокойством о человеческой слепоте, не видевшей необходимости этого «*инога*», без которого жизнь не может быть ни полна, ни внятно объяснима.

Но это так — в сторону. Для сути «*Requiem*» знание настоящего имени автора, может быть, сокращает читательские пути, но не имеет существенного значения. В псевдонимности книга только грознее, как взгляд всякого честного человека хорошего ума и сердца, которого жизнь интернировала в чужую, враждебную человеку среду и историю. И вот он глядит, как герои умерли, а роман «затаился», чтобы ворваться в 60-е гг., сначала просто примериваясь, «присматриваясь» к жизни, а в 80-е, 90-е уже просто подсказывая жизни ходы, делая саму жизнь романом. «Смотрите сами, — торопит наш взгляд Юр. Михайлов, — откуда-то взявшаяся в Москве компания непонятных переустроителей, а лучше сказать потрошителей; так же хорошо организованная кем-то смута, уличные беспорядки, да и много чего вообще невообразимого; та же ложь, потекшая отовсюду, из всех щелей; те же всеобщие помрачение и непонимание происходящего, то

же отречение от всяких моральных устоев, та же порочность и разнузданность; те же inferнальные слеты, сходки и вертепы; те же исчезающие вокруг деньги, как и тающие в воздухе ценные бумаги... та же вокруг неутомимая нечистая сила, то же тотальное безумие...»

И скоро ты уже думаешь не о Булгакове, не о Сталине, не о судьбе романа, а темнеешь сердцем и страдаешь вместе с автором, видя, как сбилась жизнь, как отнимается у нее смысл, как мается и не находит себе места русская мысль, как человек жадно и бесстыдно освобождается от человеческого. Словно и мы все стали героями этого романа — панихиды, романа-апокалипсиса. Автор, кажется, даже не очень заботится о строе своего романа о романе, вскипая параллельными историями, срывами живой мысли, прямым гневом на общество «фундаментальной внеморальности, вольного произвола и вездесущей коррупции, разогретого бесовства и вольноопределяющегося бешенства», общество «мобильной, имитационной и галлюциногенной оформленности». Разогни на любой странице и читай вперед или назад и всякую минуту будешь в середине потерявшей себя жизни с ее отравленным воздухом карьеризма, подлости, общего предательства, издевательства над традицией и духом.

Это очень лично прочитанная современная история, — как только и может прочитать ее старый философ, давно принявший историю как свою жизнь, свой дом и семью. И потому так остро чувствующий ее падение. Реальность все чаще кажется подделкой, скверной имитацией, сочинением «господина хорошего дьявола», и старый философ зовет в собеседники Сталина, Понтия Пилата, Воланда, Иешуа, Ангела и Демона, церковных владык и коллег философов, проверяя для себя: верен ли вообще был замысел человека, не победил ли в «проекте» антихрист, умело воспользовавшийся данной Богом свободой, которую человек разжаловал в либерализм. И ищет, ищет «нового слова, похожего на предсмертный крик», которым только еще и можно разбудить в литературе «все еще человека», который, однако, вот-вот станет псевдочеловеком. Ибо ведь «не человек вовсе, а всего лишь зверь человеческий стал устройтелем небывалой реформы, да что устройтелем — и участником тоже — тот самый зверь, которого так хорошо видел в его человекоподобии жестокий ершалаимский прокуратор», ведь «не реформа то была вовсе, а выворот какой-то позволивший антимиру заполнить собою мир человеческий — великое тут случилось торжество князя земного».

И все чаще без зова в хороводе реальных и романских героев будет являться Иуда, и Воланд будет только успевать поздравлять его с очередной победой, — как при расстреле Белого дома, когда князь

тьмы прямо восхищается умелым дирижером истории: «Поздравляю тебя, Иуда! Хорошо сделано. Ты — *мастер*».

Впрочем, я не буду больше выписывать цитаты. Они так горячи и устыжающи и так яростно рисуют террор цивилизации и цивилизацию духовного террора, эпоху «захватывающего интеллектуализма, глобального информатизма, всепроникающих коммуникативных сетей и вездесущих вольноопределяющихся текстов», что inferнальность того Романа перед inferнальностью сегодняшнего «романного времени» — только высокая литература перед злой пародией.

Автор еще надеется (русский же человек!) на то, что «новое средневековье» и Страшный суд не окончательны. Последние слова его «романа о романе» «И тьма над бездной. И свет в конце тоннеля». Тьму мы увидели во всех изводах, а свет в романе скорее пока только пожелание — этот наш вечный тоннель никак не кончается. И если свет этот все-таки брезжит, то потому, что русская мысль все не знает покоя и никакой тихий садик с Маргаритой русского Мастера не утолит.

«Requiem» — трагическая книга и мы, пожалуй, перемолчим ее. Усталый читатель спрячется, чтобы не бередить сердца, а коллеги-писатели заняты каждый своим «Мастером», и им не до чтения товарищей. Да и молчание заложено в самом тексте. Ни сам автор, ни читатели не могут выйти из книги, для стороннего суда над ней, потому что стали ее героями. Эту книгу можно прожить — с сочувствием, гневом, любовью, сопротивлением, смущением, раздражением, — именно прожить, а не прочитать. Она каждой страницей открыта, ее текст не замкнут. Этот переплет иллюзорен и последней страницы нет — читатель уходит по лунной дорожке, беседуя с Юр. Михайловым о следующей странице.

Все летит над Москвой крылатое войско антихриста, не страшась оцарапаться о лес крестов, потому что лес этот еще не достигает неба, слишком отягченный землей. И может показаться, что «проект человека» действительно не удался и человек все норовит устроиться на земле, стать желанным государству «средним классом». Средним в самом всеобщем смысле — без настоящих земли и неба, с ненавистной Константину Николаевичу Леонтьеву пошлостью. Но пока такие книги пишутся, князь тьмы может подождать с окончательным торжеством. И бесконечные тоннели все-таки имеют выход и жизнь, руководимая духом все не становится окончательным анахронизмом, и свет, как ни сомневается в этом наше усталое сердце, во тьме светит и тьма не обнимет его.

В.К. КОРОЛЕВ

**«Реквием» по экономисту России?
(От С.Н. — к М.А.)***

...Экономический разлад есть
только одно из проявлений
гораздо более обширного
культурного процесса.

Й. Хейзинга

Имея достаточно большой опыт рецензирования научных монографий, статей, учебных пособий, написания отзывов на диссертации и т. п., как-то сразу, начав читать «Реквием», чувствуешь не просто несостоятельность этого опыта в данном случае, но даже его какую-то вредность. Роман, как мне кажется, нельзя характеризовать привычной парадигмой: «актуальность — достоинства — недостатки — малиновый звон». Источник вдохновения автора не предполагает этого, да и сам он, ох, как не прост в своих изысках!

Сам характер творчества М.А. в своей эволюции в «метафизику», тем более в его адекватной трактовке Юр. Михайловым, делает бессмысленным конкретный дискурс мыслей и чувств обоих авторов в связи с содержанием обозреваемых в «Реквиеме» произведений М.А., ибо метафизику в принципе не дано просветить мыслью однозначно. Что же, попытаюсь преодолеть рационалистическую «зашоренность» и высказать свое *впечатление* от романа Ю.М. К нему, на мой взгляд, надо относиться именно «метафизически», принимать или не принимать, воспринимать или нет. Роман или *открывается* читателю, или последний может закрыть книгу после прочтения первой его части с раздраженной оценкой «бредятина о бредятине» (да простит меня Ю.М.!). Но главное в «Реквиеме» для вдумчивого и терпеливого читателя, на мой взгляд, — его гуманистическая «сверхзадача» по актуализации вечных, философско-богословских антропологических проблем в современных условиях *российского бытия*.

Какие мысли, слова, оценки и т. п. человек обычно считает правильными? Очевидно, те, которые созвучны его собственным, если, конечно же, он озабочен данной проблематикой. Но главное, как в нашем случае, — переходящие, переводимые в сферу сознательного,

* Размышления по поводу: Юр. Михайлов. Реквием. Роман о романе, или роман с романом. Метафизическая проза. — М.: ТЕИС, 2010. — 592 с.

проявляющиеся под влиянием чужих мыслей и чувств. Именно такая рефлексия происходит при чтении «Романа о романе» Ю.М.: «хорошо сказано... точно подмечено... именно это я чувствовал, но не мог так интересно сформулировать...» и т. п. Эти слова сами по себе приходят в голову уже с первых страниц «Реквиема». Тем самым, мое восприятие творчества М.А. Булгакова, сформированное много лет назад при первом чтении его романов, очевидно, резонирует с «михайловским», но не просто совпадает в основных моментах и оценках, но и в определенной мере обогащается путем потребности нового осмысления коренных онтологических и метафизических проблем, поднятых М.А. и актуализированных Ю.М. Авторская трактовка творчества М.А. Булгакова дает читателю интересный и серьезный повод для размышлений по поводу Человека, смысла его жизни, Бога и Антихриста, христианства, Добра и Зла, судьбы России...

Своей метафизической прозой Ю.М. выводит читателя (по крайней мере — меня) на новую постановку главной проблемы — природы Человека, его греховности, возможности ее «преодоления», по-своему ставит вопрос о воспитании нового Человека, в том числе и нового субъекта экономической деятельности.

Полагаю, «роман с романом» Ю.М. вполне удался, ибо его «повествование-размышление метафизического толка по поводу феномена человека в условиях экстраординарного бытия России за последнюю сотню лет» выводят, по моему мнению, на воистину страшную для понимания, гонимую бессонными ночами идею нарастания в стране *антропологической катастрофы*: вывести новую породу людей — «советский народ» — коммунистам не удалось (возможно, подвело «собачье сердце» исходного материала?), а в постсоветский период не получился и описанный С.Н. Булгаковым экономическо-капиталистический человек — «счетная линейка». (Это давно и тонко учуял Ф. Тютчев, который в стихе «Наш век» писал: «Не плоть, а дух растлился в наши дни. И человек отчаянно тоскует... Безверием палим и иссушен, невыносимое он днесь выносит... И сознает свою погибель он, и жаждет веры — но о ней не просит...».) Более того, от проектной гуманизаторской (не путать с гуманистической), воспитательной деятельности сейчас принципиально отказались в пользу некой рыночной «естественности». Именно захватывающая страну антропологическая катастрофа, когда современный Воланд воистину «правит бал», является, на мой взгляд, главной причиной и наших фундаментальных экономических проблем, актуализируемых журналом «Философия хозяйства».

Конечно же, вольно или невольно, автор подражает М.А., но в нашем случае это все-таки неизбежно: «взять» его творчество можно именно метафизически (подобное открывается подобным). И этот несомненный резонанс двух писателей высвечивает не только новую грань таланта Ю.М., но и некоторую тревогу за его собственное экономическое будущее, тем более что есть знаменитый исторический прецедент: С.Н. Булгаков начинал как чистый экономист, а затем постепенно ушел в философскую метафизику и богословие. Теряем мы или приобретаем? Время покажет... Быть может, Юр. Михайлову удастся сделать то, что не удалось С.Н. — сохраниться как экономисту и состояться в качестве талантливого философствующего писателя? Ждем следующего романа...

С.О. ХОХЛОВ

Конец литературы

Аннотация. Нужна ли в наше время литература? Количество книг и количество пишущих людей выросло, но не произошло ли это ценой потери качества? Как качества писательского труда, которое потеряло смысловую нагруженность, так и качества читательского восприятия, которое в настоящее время не нацелено на восприятие серьезных смыслов?.. Не означает ли современная ситуация Конца литературы?

Ключевые слова: литература, книжность, читатель, писатель, произведение искусства.

Abstract. Do nowadays literature? Number of books and writing the number of people increased, but not whether it was the price of losing quality? As the quality of literary work, which has lost meaning loading and quality of reader's perception, which is currently focused on the perception of significant meanings?.. Does that mean the present situation of the End of Literature?

Keywords: literature, bookishness, reader, writer, work of art.

Нужна ли в наше время литература?

Что за странный вопрос? — спросят меня. — Как можно его не то что задавать, но как вообще такой вопрос мог прийти в голову? В наше то время расцвета книжности?

И тем не менее, не превратилась ли в настоящее время литература в нечто вроде еще одной священной коровы, стада которых оккупировали нашу жизнь?

Вот взять хотя бы литературное творчество в Интернете. Налицо огромное количество литературной продукции, которую заведомо никто не прочитает. Пишущих в наше время стало больше, чем читающих. В чем смысл этого писательского бума? Если он вообще есть, конечно.

Начнем с того, что литература вовсе не некое вневременное явление, которое якобы было всегда и пребудет вовеки веков. Были времена (и культуры), когда (и где) литературы в ее привычном понимании не было. Да, конечно, нечто подобное ей было всегда, были мифы, сказки, былины и всякое такое прочее, т. е. всегда и везде было и будет какое-то творчество, но полагать, что почему-то именно литература вдруг навсегда сохранится в своей отлившейся в последние столетия форме, в высшей степени наивно. Особенно учитывая, что даже в рамках нашей культуры можно отследить весьма видимые изменения, к примеру, то, как появлялись и исчезали жанры, как менялись подходы и приемы. Почему же, зная это, мы подсознательно веруем, что то, что есть — навсегда?

Что там жанровые изменения, если кардинальные, качественные мутации происходили с такими культурными монстрами, как религия, как наука, как медицина, как образование, да, в общем-то, — вообще со всем и вся. А раз все и вся столь сильно менялось, менялось в достаточно краткие, в общем-то, по историческим меркам сроки, то почему именно от литературы мы вдруг ожидаем неизменности?

Проставив акценты таким образом, мы с необходимостью приходим к выводу, что литература может быть изменчива, как все остальное. А раз так, то не пропустили ли мы уже это изменение, не ждем ли от литературы того, чего она нам, в ее современном состоянии, дать уже не способна?

В связи с такой постановкой вопроса стоит спросить для начала, что же давала литература раньше? Не потеряли ли мы это что-то? Не утонуло ли это что-то в потоке страниц, книг, авторов?

Толстой и Достоевский, и прочие древние писатели, несли в темные массы свет и смысл. Теперешние массы изменились, они сами готовы светить, пусть и отраженным светом. И они уж точно не нуждаются в том свете и смысле, который исходит от Толстого и Достоевского. Натужный свет, который испускают современные писатели, не связан со смыслом. Это нечто вроде болтовни ребенка, научившегося говорить.

Древние писатели научили народ говорить, но они не в состоянии были дать ему свой ум. Ребенок умеет говорить и говорит без умолку, несмотря на то, что сказать миру ему нечего.

Беда современной литературы — недостаточность, да и более того — неприятие смысла.

Современный писатель не способен к попыткам решения жизненных проблем. Он занял позицию провозвестника общепринятого среднего и нормального, и потому не сталкивает мировоззрения в целях выработки чего-то нового, не ищет в них изъяны, он озвучивает доксу.

Впрочем, дело не только в писателе, он получил встречное движение читателя. Современный писатель и современный читатель достойны друг друга.

Полки магазинов ломаются от разноцветных томов, но даже если бы все эти книги были бы через край переполнены смыслом (во всяком случае, в книгах старых авторов он точно есть), то этот смысл все равно некому воспринять, словно бы книги эти написаны на другом, забытом языке. Язык смысла забыт, утерян.

Утерян — потому что изменился получатель книжных посланий. Читатель недавней древности жадно ловил идеи властителей дум, нуждаясь в соучастии в общей работе мысли. Теперь же нет ни властителей дум, ни собственно дум.

Современный читатель — ребенок, вечный великовозрастный ребенок, не желающий решать загадки жизни вместе со старинными авторами, он настроен на то, чтобы до старости поглощать интеллектуальный прикорм. Теперешняя литература — это колыбельные для не желающих взрослеть детей. Культура не преодолела главную опасность — усталость.

То, что из литературы ушел смысл, конечно, не значит, что литература от этого исчезнет. «Отряд не заметит потери бойца». Даже всех «бойцов».

Вот потеряли мы «бойца» — Бога, но храмы стоят, их реставрируют, строят новые, словно все так, как прежде. И стоят эти дома Бога без Бога, словно жилища, только что брошенные хозяевами. Вот-вот, казалось бы, Он был здесь, да куда-то ушел, но раз уж зашли, да Хозяина не застали, то не теряйте времени зря, — купите свечечку, иконку или какой старинный ритуал, мало ли, вдруг вернется...

Вот и современная литература, словно современная религия — полки полны книг, но главное покинуло их.

Возвращаясь к вопросу количества книг, вопросу увеличения книжного потока, отмечу, что это увеличение количества вовсе не безобидно — оно произошло за счет падения качества. Писать стали больше, потому что снизились требования к писательскому труду. Писательство не воспринимается как серьезный труд, и уж тем более

как труд на чье-то (кроме себя) благо, глаголы «думать» и «писать» у современных литераторов больше не сопутствуют друг другу.

В наше время, когда объявляются один за другим то Смерть Бога, то Конец Истории, то Смерть Автора, то Закат Метанарраций, то и вовсе Смерть Субъекта, констатация очередного конца очередного какого-то явления на фоне этого ряда может показаться событием не особо значимым. Между тем Конец Литературы имеет, возможно, более значимые последствия, чем все прочие концы и окончания.

Вот, к примеру, Мамардашвили возводит произведения искусства в степень органа воспроизводства человеческой жизни: «...В действительности произведение живописи воспроизводит нашу жизнь или производит ее как вообще видящую что-нибудь. наших органов зрения, тех способностей, какими они обладают, не было бы без того, что возникали бы предметы, не разрушаемые временем, которые в себе содержали бы горизонт вообще того, что мы можем видеть и переживать».

Нарисованный цветок тем отличается от нашей реакции на цветок в поле, что наша эмоция от видения цветка (в той мере, в какой она зависит от нашей способности раздражаться, от нашей чувствительности, от нашей способности приходить в восторг достаточно долго время) не может быть удержана и смысл не может быть извлечен, потому что наши чувства, наши ощущения, как я неоднократно говорил, — песок сыпучий, на котором ничего не может быть основано. А через пребывающий предмет, и именно не изображающий цветок, воспроизводится извлечение смыслов и наша способность видеть. Живопись не изображает ничего, и в XX в. наконец поняли, что живопись не состоит в том, чтобы создавать на полотне иллюзию реальности предметов мира, а живопись конституирует наш взгляд, видящий предмет, так чтобы из этого видения могли бы быть извлечены смысл и понимание и чтобы это видение, или извлечение смысла и понимания, воспроизводилось в сменяющихся человеческих существах, потому что, скажем, вокруг произведений греческой скульптуры сменились миллионы людей (они жили и умерли), а через них (через эти произведения) в сегодняшних и будущих людях воспроизводятся извлечение смыслов и наша способность видения. Следовательно, нашей человеческой жизни не было бы без этих приставок к нам, без этих расширений нашего зрения. В этих расширениях наше зрение не зависит от нашей психологии, от случайностей нашей чувствительности, от нашей способности удерживать себя в том или ином желаемом состоянии.

Я как-то говорил, что есть некоторые бытийные, или высшие, состояния человека, которые нами не могут быть созданы по нашей

рассудочной воле или по нашей психологии. Например, вы знаете, что нельзя велеть “люби это”, потому что — полюбится или не полюбится. Высокий акт любви есть характеристика человека: способность переживать что-то отличает одного человека от другого; есть люди, не способные что-то переживать, или, скажем так, неразвитые люди, у которых нет вкуса и прочее. Но я хочу сказать, что все это — бытийные явления, а будучи в нас бытийными явлениями, они в нас создаются вещами изобретенными, а именно произведениями искусства, произведениями науки, произведенными, или изобретенными, нравственными нормами или, вернее, основаниями нравственных норм. Все это — бытие. Так я ведь рассуждаю о нем. И следовательно, этого бытия не было бы, если бы не устанавливалось понимающее отношение к бытию, о котором я только что говорил; это бытие проявится в том, кто установил это понимающее отношение» [1, 231].

Мамардашвили категоричен: «нашей человеческой жизни не было бы без этих приставок к нам, без этих расширений нашего зрения».

То, что он показывает на примере произведения живописи, производится и посредством литературного произведения, и последнее для нашей жизни более значимо, поскольку извлечение смыслов и конституирование этой способности к извлечению смыслов производятся в гораздо большей степени через литературу, чем через приобщение к каким-либо другим видам искусств. Люди нечасто посещают картинные галереи, театры и филармонии, книги же — постоянные их спутники.

Но тогда, если «приставки к нам, эти расширения нашего зрения» перестают выполнять свою функцию, то возникает угроза «нашей человеческой жизни», самому человеческому существованию, как существованию Человека. То есть нечто, конечно, будет существовать на месте человека, но лишенное дополнительных измерений, которые давали ему эти искусственные «расширения».

Литература

1. *Мамардашвили М.К.* Очерк современной европейской философии. М., 2010.

И.И. РУДЯК

Книга Ю.М. Осипова «Постижение России»: идеология как оглушение масс и пожар как карнавал экономики*

Аннотация. Данная статья представляет собой междисциплинарный анализ идеологического оглушения масс, превратившего хозяйство в пожар.

Ключевые слова: оглушение масс, карнавал революции, карнавал идеологии, карнавал экономики.

Abstract. This article is interdisciplinary analysis of ideological making a fool of people mass and turning economics to fire around.

Keywords: making a fool of people mass, carnival of revolution, carnival of ideology, carnival of economics.

1. Обратный взгляд: книга в книге как исторический микроскоп. Идеология текущей современности чрезвычайно своеобразна и вызывает удивительные хозяйственные перемены. Чтобы в этом разобраться, мало прочесть книги как таковые: нужно прочесть «книгу в книге»: Достоевский «Преступление и наказание», Волошин «Лики творчества», Осипов «Постижение России». Вставив «книгу в книгу», Осипов создал матрешку исторического познания: интеллектуальный «исторический микроскоп» (где каждая книга — линза), что и позволило увидеть современную ситуацию (как «глубокий кадр» Эйзенштейна с его внутрикадровой монтажной склейкой) в исторической перспективе. «Открываю случайно “Лики творчества” М. Волошина и читаю: “Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем одном заключается истина... Начались пожары, начался голод. Все и все погибло”. Что это? Чьи это слова и о чем? Оказывается, описание... бреда Раскольникова в Сибири» [1, 54]. Теперь мы можем вообразить, что с обратной стороны исторического микроскопа Достоевский также смотрит на нас («карнавал истории»). А видит Достоевский «обратным взглядом» — действительность Постмодерна: карнавал разума, карнавал экономики и все прочие карнавалы — когда все вокруг нас вывернуто наизнанку.

2. Пищеварение паука: карнавал как оглушение революцией. Блок описал революцию в поэме «Двенадцать» как карнавал. Карнавал —

* Ю.М. Осипов. Постижение России.. — М.: Экономистъ, 2005. — 496 с.

это массовый «психоанализ культуры»: как демократическое «освобождение низа» (в качестве «психологического агафизма» — возврата к признакам предков) и отказ от культуры (которая, как известно, начинается с культурных запретов), т. е. возврат в животное состояние (что и произошло с Шариковым у Булгакова), ведущее, конечно, к оглушению масс. «Речь шла о борьбе за души людей... противоположной тенденциям потребительской “массовой культуры”, как и тенденциям тоталитарного оглушения публики» [3, 124]. «Антропологическое влияние революции» может оказаться весьма неожиданным (даже биологическим!), что и отразил Булгаков в «Собачем сердце» и «Роковых яйцах». «Революция — это одновременно и всеобщая примитивизация, незатейливое упрощенчество, высвобождение преодоленной или подавленной “человеческой” природы... что человечество привыкло называть варварством. Революция — это непременно скачок в антикультуру...» [2, 58]. Если слова «анти», «высвобождение», «примитивизация» говорят о присутствии в революции карнавального элемента, то слова «примитивизация» («слово-мост»), «упрощенчество» говорят о присутствии в революции элемента идеологии. «Пытаясь отделить идеологию от смежных явлений (религия, философия, наука), я склонен подчеркнуть один процесс, одну формулу перехода к ним: упрощение. Есть такой термин — редукционизм» [3, 52].

«Карнавал революции» («Кто был ничем — тот станет всем!») ведет и к «карнавалу идеологии». Создавая идеи и «научную идеологию» как систему идей, занимаются наукой ученые (раздумья и диалектическая сборка нового качества) — а после этого идеология (в виде готовых формул) спускается в массы («маргинализация»): так возникает «маргинальная идеология» цивилизации (вместо «культурной мифологии»), дающая массам готовые интеллектуальные образцы. «Идеология — популярная (освобожденная от сомнений и открытых вопросов) система полунаучных взглядов, дающих ориентацию в потоке перемен. Например, Маркс не знал, куда, к какой формации отнести азиатские способы производства... Ленин, не решая проблему, просто-напросто ее выбросил и создал стройную модель прогресса, ведущего к коммунизму... Исследователи Азии были в отчаянии: Индия... не вписывалась в схему... Философский и научный материал приобретает в идеологии форму катехизиса: на каждый вопрос — твердый ответ» [3, 50]. Такая государственная ложь является субстратом массового психоза. «Идеологизированная психиатрическая наука является инструментом авторитетной лжи» [4, 42]. При этом процесс маргинализации (опускание до понимания массами) связан не

только с ложью и упрощением, но и с «карнавальным выворачиванием» наизнанку: примерно так же происходит и наружное пищеварение паука.

3. *Застревание в карнавале.* Карнавал — это временное массовое «игровое оглушение». В норме карнавал, как и революция, должны быть ограничены свойственными им временными рамками. Задача революции — раздробить устоявшийся макромир на фрагменты: ради диалектического монтажа из этих фрагментов принципиально нового мира. Однако если по какой-то причине происходит срыв «диалектического стоп-крана», который должен обеспечивать «диалектический разворот» к монтажу, то карнавал не завершается в установленное для этого время, а процесс дробления проваливается в следующий слой — диффузный слой микромира. Так происходит «застревание в карнавале» («перманентная революция»).

«Энергетическое застревание» в карнавале («интеллектуальная энтропия») в рамках формы выражается Постмодерном: отсюда и вопиющее бескультурье («стёб»). Перманентное революционно-карнавальное оглушение есть энергетическое интеллектуально-волевое вырождение масс. Мышление как производящая сила требует больших энергетических усилий (в прямом, физическом, смысле слова!) и напряжения: мыслить — значит строить интеллектуальные пирамиды. Профессор университета Нью-Мексико доктор Кристофер Эпигг подсчитал, что у новорожденного ребенка гармоничный рост и питание мозга требует 87% энергии всего тела, а у ребенка до 5 лет — 44%. «Но будит меня лишь энергия слова / И жить оставляет на этой земле» (Инна Лиснянская). Поэтому-то интеллектуально сильные люди совершают (Чаадаев, Толстой, Рескин) диалектический «возврат к правому полушарию» (при этом создавая и используя, помимо речи, также и научные «языки»: математический, компьютерный, философский), а интеллектуально слабые люди — антропологическую редукцию: «откат к правому полушарию» (отказываясь при этом, подобно Эллочке-людоедке, даже от нормальной человеческой речи левого полушария — в пользу энергетически легкой, логически нерасчлененной, экспрессивной, как междометие, матерной лексики, способной выражать лишь инстинктивные чувства, но не высокие эмоции и не интеллектуальные логические понятия). Такие люди очень любят намеки, жесты, невербальное общение, которое на самом деле является всего лишь обменом ложными представлениями, а не информацией. Кстати, обезьяны умеют общаться взглядами, мимикой, жестами, и даже умеют лгать. В университете Эмори (США, г.

Атланта) экспериментально доказали, что шимпанзе и бонобо используют при общении те же жесты, которые используют люди.

Еще Фрейд писал об энергетических процессах мозга и об энтропийной угрозе слишком сложной (и поэтому хрупкой) мыслительной системе. «Отказ от левого полушария», вызванный энергетической слабостью мозга, похож на «падение с пирамиды». Так сегодня происходит деление на «виртуальные виды» (что связано не только с интеллектом как таковым, но также и с «энергетической силой мозга»). Энергетическое ослабление населения (связанное, возможно, с ухудшением экологической ситуации) делает людей более инфантильными: как в брачном, так и в производственном смысле. Отсюда — и демографические проблемы, и образовательная реформа, и отказ от репертуарных театров. Энергетическая деградация от левого к правому полушарию ведет к энергетически менее затратному восприятию мира в виде готовых идеологических или мифических образов макромира (Фромм об оценке Рембрандта обывателями). А вот силенок на самостоятельный монтаж выводов как вторую стадию диалектики у большей части населения не хватает: отсюда — застревание в карнавале и падение в диффузный слой пугающего (по мнению Шулевского) микромира. Отсюда любовь дурака (как человека, потерявшего мыслительную энергию) к пожару (как к процессу высвобождения энергии из материи).

4. *Компас идеологии и влечение к дураку.* Одной из причин возникновения революции является карнавальное «влечение к дураку» (Пушкин: русский бунт — «бессмысленный и беспощадный»). Революция же только оформляет это психологическое облачение в «тогу идеологии». Интеллектуалу, имеющему самостоятельное мышление, идеология, разумеется, не нужна: он и сам умеет конструировать смыслы. Однако революция, которая производит «карнавальное оглушение», тем самым готовит массы (под маркой демократии!) к перманентной маргинальной идеологии как прибежищу интеллектуальных обломовых. «Идеология — популярная (освобожденная от сомнений и открытых вопросов) система полунаучных взглядов, дающая ориентацию в потоке перемен» [3, 52]. Действительно, в момент революции (момент «диалектического разрыва»), когда старая система уже распалась, а новая еще не созрела, люди без самостоятельного мышления теряют ориентиры — они глупеют: и нуждаются в «компасе идеологии».

Однако через некоторое время идеология становится агрессивной — и подминает под себя «со всеми потрохами» науку (сталинские гонения на генетику, кибернетику, физику, геологию, медицину,

искусствоведение, музыку, философию). «Наука, превращаясь в идеологию, становится полунаукой (термин Достоевского)» [3, 53]. Агрессивная идеология делает науку схоластикой, создавая при этом «новое мифическое мышление». «...Это сделано, естественно, в рамках схоластической мифологии... Идеология плохо согласуется с наукой, а раз так, то наука должна была превратиться в схоластику, взяв на вооружение средневековые методы схоластики. Если в средние века теологи могли сколько угодно спорить о количестве чертей, умещающихся на кончике иглы, то после возникновения политэкономии социализма появилась возможность... для законотворчества... Система, появившись на свет, сама по себе порождает необходимые для ее существования мифы» [5, 35—36]. Захват науки маргинальной идеологией есть психическое заболевание общества. «Идеологизированность советской науки превращает в абсурд ее самою» [4, 42]. Ленин считал, что «вся Россия — палата № 6».

И вот государство с идеологически-мифическим мышлением населения активно штурмует космос. При этом идеологизированная наука превращается в карательную науку: имеет место «использование психиатрической науки — как идеологического прикрытия противоправных действий властей...» [4, 38]. Карательная психиатрия — это идеология (волк) в шкуре (овечьей) науки: «Советская психиатрия перестала быть наукой, она представляет собой набор авторитетных высказываний по всем значимым вопросам...» [4, 41]. Вскоре страна еще раз срывается — в карнавал Перестройки (как «карнавал от карнавала» революции — «мебиус карнавала»): и наступает «эпоха всеобщего сумасшествия» — эпоха стеба Постмодерна (на экранах телевизоров по-шамански камлают психиатры-мифотворцы). Теперь уже не страну загнали в психушку, как гоголевского Поприщина (который, как профессор Преображенский, превратил собачек в людей), а распахнули саму психушку — карнавально ее вывернув на страну. Так в фильме «Полосатый рейс» тигры бегают на свободе, а люди — забрались в клетку. Это — эпоха бреда Раскольникова в Сибири: «Открываю случайно “Лики творчества” М. Волошина и читаю: “Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали...”. Что это? Чьи это слова и о чем?» [1, 54]. Спасением является только идея Ивана Грозного, который, чтобы обуздать боярскую вольницу, символически «убил дурака».

5. *Отчуждение от ума.* Не только политическая, но также и научная революция способна ввергнуть человечество в

неструктурированный диффузный слой микромира. «Человек открыл миры, которые недоступны чувствам; в этих мирах он работает, но жить в них нельзя. Объекты микромира, мегамира, виртуальность никто не видел, но деятельность человека смещается именно в них. Человеку стали доступны глубины морские и земные, несоразмерные его чувству и разуму... Но суть нового мира коренится в том, что мир этот принципиально отвергает понятийное мышление» [6, 30]. Эпоха научных революций породила, как это ни странно, «отчуждение от ума». «Реалии нового мира превосходят способности сознания, психики и ума к переживаниям и пониманию, которые становятся страхом, саморазрушением сознания и ума... Хайдеггер увидел причину кризиса в феномене “бегства от мышления!”... Есть у нового мира свои пороки, слуги, реализующие его непонимаемость, его вражду к понятиям и любовь к патологии, уродствам непонимания» [6, 33]. «Падение в микромир» порождает «отрыв от смыслов». Современный «выход мышления в микромир» (обыватель боится даже логического мышления из фрагментов!) у массового человека как человека макромира (мира цельных объектов) вызывает законный страх (при этом элитарный человек как человек микромира, символом которого является «Черный квадрат» Малевича — этот обобщенный образ фрагмента — новых знаний и мышления не боится). «Незнание, невежество, непонимание становятся спасением людей от своего губительного знания» [9, 33].

Идеология для цивилизации тот же «компас для масс», что и мифология для культуры. Сегодня люди с преобладанием правого полушария не выдержали того отрыва от смыслов, который произошел с «погружением цивилизации» в микромир — и они скатились (как Шариков) в первобытное состояние, отказавшись от идеологии в пользу маргинальной мифологии («новая мифология» Гитлера; «новая хронология»). Вначале для масс идеология являлась «общественной рационализацией» (в понимании Фрейда). Однако затем (по описанию Фрейда) массы превратились в толпу (когда скатились до бессознательности), выровнявшись при этом в маргинальную плоскость (сетевую структуру) и спроецировав себя на вождя (как патриарха первобытной орды) — так народ превратился в живую клетку: с ее ядром (вождем или топ-менеджером) и протоплазмой (толпой или офисным планктоном). Отсюда — и «мычащий язык» (Швыдкой), и музыкальная группа «Звуки му», отсюда — и «жвачка» для ушей и для глаз (чтобы понять искусство, следует предпринять усилие, затратить душевные силы, приподнять себя до уровня произведения — и самому измениться). Антропологическая

катастрофа (выраженная в материальном мире пожаром) — это откат к правому полушарию, к первобытному состоянию, к образованию нового виртуального вида под названием «варвар цивилизации» тому, что описал Булгаков в «Собачьем сердце».

«Отчуждение от ума» — это самый страшный вид отчуждения, который не снился даже самому Карлу Марксу! «Дело в самом понятии отчуждения. Крайне неопределенный его смысл... не позволяет с должной четкостью спроецировать это понятие на экономический статус» [7, 6]. Однако на самом деле после революции «сон разума порождает чудовищ» — «карнавальную экономику»: то, что раньше было можно (частная собственность и частное производство), теперь нельзя. Отсюда — сталинская «карнавальная наука»: Незнайка (Лысенко) Носова, который должен играть роль Знайки (Вавилова). «...Мышление и знание в формах непонимания — уникальные феномены, не имеющие аналогов в истории мысли» [6, 33].

б. История русской литературы: между дураком и пожаром. Человеческая свобода любит — за счет «экономии мышления»! — устремляться к энергетической экономии («интеллектуальный Обломов»). В подобном смысле русская литература развивалась между дураком и пожаром. Указ о вольности дворянства породил в русской литературе тип недоросля-дурака (который потом развился в Онегина как «лишнего человека», а затем и в Обломова как «диванную собачку»). Митрофанушка и матушка его полагали, что «география — наука не дворянская... извозчик доведет!». Метель-извозчик завезла Петрушу Гринева (который склеил из географической карты воздушного змея, символически запустив тем самым полет метели) прямо в лапы его классового врага. Когда же революция Красного Октября освободила также трудящихся, то «карнавал интеллекта» привел к появлению типа сумасшедшего пиромана (их замечательно описывал Горький). Начитавшись Чехова, Ленин («Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем!») выскочил из дома — и в волнении начал носиться по улице, бормоча: «Вся Россия — палата № 6».

Появившись вначале как дурашливая игра, карнавальная деградация превратилась в «обратную эволюцию»: поэтапно, как описано в русской литературе. Вначале Шариков становится Шариком (а Обломов — болонкой), затем — как в стихотворении Мандельштама: «Мы прошли разряды насекомых...» (нанотехнологии). В процессе революции наука (профессор Преображенский) превращается в «полунауку»: в идеологию (Швондер). «Идеология рождается в споре. Она построена на какой-то

(пусть очень сомнительной) логике, она делает вид, что доказывает свои тезисы...» (раз есть логика, значит есть и фрагменты) [3, 49]. А далее человечество скатывается в «маргинальную мифологию». «...Идеология постепенно превращается из полунауки в систему мифов... идеологические мифы... обыкновенная ложь... для масс...» (раз есть ложь как «неструктурное состояние», значит есть и диффузность) [3, 54]. «Идеология необходима в обществе, где жизнь пронизана лицемерием и ложью» [4, 41]. Ленин писал, что «декабристы разбудили Герцена — Герцен развернул революционную агитацию»... а дальше Герцен ударил в «Колокол»: видимо, догадался о деградации. «Вспоминается Герцен. “XIX век только сверху, чуть пониже XIV, а дальше вглубь — готтентоты и кафры различных оттенков кожи”. У которых идеологии не было» [3, 50]. Сама диффузность похожа на пепелище: когда все сгорело — в ноль!

7. *Империя пироманов: пожар как карнавал экономики.* Здоровое общество способно не только жечь и дробить, но и восстанавливать. «Да, были люди в наше время — не то, что нынешнее племя, богатыри — не вы...» (Лермонтов). Изгнав Наполеона, Москва особенно расцвела. «По моему суждению пожар способствовал ей много к украшению» (Грибоедов). Однако психически больное общество Постмодерна — вместо «разворота вектора диалектики» к монтажу — все больше погружается в слой диффузности (в протоплазму). Так горящий Рим — для Нерона только повод полюбоваться. Пожар — это «карнавал экономики» (изнанка производства есть разрушение), который проистекает от карнавального оглушения революции («Мы на горе всем буржуям Мировой пожар раздуем!»): оно завершилось «вторичным оглушением Перестройки» (пожар в Манеже) как «карнавалом карнавала Октябрьской революции» (крестьяне поджигали усадьбы, а писатель Горький просто любил разжигать костры). «Первая причина, следствием которой являются лесные пожары, — это антропологическая деградация... Поэтому отравленное лето 2010 г. нам нужно принимать в качестве того, что достойно нашей разнузданности. Не раз уже было замечено, что сам по себе, без формы, без царя в голове русский человек — дрянь» [8, 28]. Булгаков не был первым автором, увязавшим «разруху в головах» (карнавал идеологии) с разрухой экономической (экономика отчуждения: от отсутствия частной собственности — до погружения сферы производства в непонятный обывателю микромир). «Открываю случайно “Лики творчества” М. Волошина и читаю: “Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали... Начались пожары, начался голод. Все и все погибло”. Что это? Чьи это слова и о

чем?» [1, 54] (Юнг о коллективных психозах). Сегодня человечество, как безумная женщина в романе Шарлотты Бронте «Джен Эйр», поджигает Землю, как свой собственный дом. А для дурака пожар — только фейерверк карнавала.

Оглуление человека разлагает экономику потому, что деньги на самом деле находятся в головах. «Деньги вовсе не в карманах и не в банковских хранилищах, а прямо в головах людских, и являются они вовсе не осязаемыми вещами, а всего лишь виртуальными цифрами, оформленными в числа и только в числа, т. е. не в количества осязаемых вещей... а лишь в количества или суммы цифр... Любые осязаемые вещи... являются лишь... носителями денежных цифр, которые вовсе не от этих осязаемых вещей, а прямо от сознания, от человеческих голов, где они рождаются, бытуют... Деньги и цены — совсем не то внешнее, что надо непременно человеку познать, а то внутреннее, что как раз уже составляет знание человека... не только продукт, но и орудие сознания...» [9, 12—13]. «Деньги в головах» есть одна из составляющих антропного принципа, который, в свою очередь, связан с «информационной метафизикой». Платон считал, что мир чисел есть мир реально существующих объектов: при этом числа и математические истины, как эфир, скрепляют все мироздание. Гедель («реалист» в математике) считал, что математические объекты действительно существуют. Действительно, если материя возникла после Большого Взрыва, то и информационная составляющая нашей Вселенной была тем или иным образом в нашу Вселенную введена (антропный принцип). Фактически Платон описывал нечто вроде компьютерной программы Вселенной. А любая компьютерная программа есть реально существующий как самостоятельное явление метафизический мир.

8. *Рюрик как выход из оглуления.* Гегель считал, что история имеет диалектическую природу — следовательно, она не может развиваться без дробящих все революций («локомотивов истории»), потому что диалектика предполагает «ограниченное дробление» для монтажного создания нового качества. Однако «водопад дробления» (превращающий все вокруг в диффузную протоплазму) без «диалектического стоп-крана», способного развернуть «вектор дробления» к «вектору монтажа», к диалектическому дроблению никакого отношения не имеет. «...Перестройка... перестала быть перестройкой... преобразование, предполагающее, конечно же, и разрушительные мотивы, вылилось в отрицание... Разрушительный процесс захватил государство... И конца всеобщему распаду пока не видно» [1, 55—56]. Отсюда — и пожар как «карнавал экономики»: «с

точностью до наоборот» — вместо сотворения хозяйства — его уничтожение «подчистую».

Если процесс «безудержного дробления» в диффузность превратится в глобальный, то апокалипсиса (мирового пожара) — не избежать. Необходима принудительная «интеллектуальная повинность», чтобы было кому выстраивать новую диалектическую структуру. «За время тушения пожаров... у нас не появилось главного: структурированного общества, мы, как были, так и остались протоплазмой» [8, 30]. Остановить поток дробления, сметающий хозяйство, словно пожар, способен только «Рюрик», который может к нам явиться — без зова: чужое тоталитарное (т. е. структурированное!) общество. Сегодня центральным цивилизованным миром правит лишенная обратной связи «односторонняя демократия», провоцирующая террор тоталитарных миров окраин (структурированных не по нашим лекалам) на своей демократической территории — вплоть до установления чужих культурных запретов, которые остановят обвальное разрушение. «Духовная цель всегда в неподвижном центре исторической спирали. А на движущейся периферии возникает новое, и надо ориентироваться в этом новом» [3, 51]. Новое от периферии движется к центру, возвращая центр из «протоплазматического хаоса» Постмодерна к идеологии как к системе идей... правда, это уже будет не наша идеология.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Постигание России. М., 2005.
2. *Козлов Л.К.* Воздействие искусства и искусство воздействия // Кино: методология исследования. М., 1984.
3. *Померанц Г.* Религия и идеология // Горизонт. 1991. № 10.
4. *Теодорович Л.* Карательная наука // Горизонт. 1991. № 10.
5. *Бондарев В.* Последняя страсть вождя // Горизонт. 1991. № 10.
6. *Шулевский Н.Б.* «Общество знания» или «общество непонимания»? // Философия хозяйства. 2010. № 6.
7. *Свинцов В.* Проблема отчуждения, или Волкобрезнизм по-советски // Горизонт. 1991. № 10.
8. *Гиренок Ф.И.* Политический аутизм // Философия хозяйства. 2010. № 5.
9. *Осипов Ю.М.* Знание об экономике под присмотром естествознания и опекой философии // Философия хозяйства. 2010. № 6.

К.Р. БАЯНОВ

Язык как фактор моделирования социоприродной динамики

Аннотация. В статье исследуются языковые коды и параметры прогнозных моделей социоприродной динамики. Анализируется методологическая роль феномена Симии в построении прогнозных моделей. Дается системный синтез фактов сознания и языка в соотношении с реальными фактами, чтобы выявить границы экстраполяции современной прогнозной модели социоприродной динамики.

Ключевые слова: прогнозирование, социоприродная динамика, симия, язык.

Abstract. In article are considered linguistic codes and parameters of forecast models of socio-natural dynamic. Author analyses methodological role of the phenomenon of Simia in building forecast models. Article provides systematic synthesis of facts of consciousness and language in proportion with real facts to highlight the borders of extrapolation of modern forecast model of socio-natural dynamic.

Keywords: forecasting, socio-natural dynamic, simia, language.

Глобальный экологический кризис потрясает основания современной эпохи. Технологическая цивилизация достигла уровня развития, при котором оказалась нарушенной устойчивость жизни на Земле. Однако глобальные экологические проблемы представляют лишь часть многомерного и многослойного планетарного кризиса социоприродной динамики. Помимо экологических, наиболее важными аспектами этого кризиса являются демографические проблемы, растущий разрыв между богатством немногих и нищетой большинства, потребительская и природоборческая ориентация западной цивилизации, идеология прогрессистского субъективизма, уходящая корнями в ветхозаветную традицию.

Современный глобальный эволюционный кризис социоприродной реальности является самым глубоким и опасным за всю историю человечества. Отсюда следует, что поиск путей преодоления этого кризиса и перехода к устойчивому бытию является важнейшей задачей современной науки. К сожалению, эта задача пока еще далека от решения. В этом контексте целесообразно произвести инвентаризацию и каталогизацию языковых инструментов, посредством которых описывается социоприродная динамика. Это необходимо для

достижения максимальной смысловой точности в описаниях изучаемых феноменов.

Постановка и решение данной задачи позволяют расширить горизонты бифуркационного пространства прогнозов. Это непростая задача, так как бифуркация — вещь коварная; она может бифурцировать самих бифуркантов, не сознающих сути бифуркации и применяющих для ее анализа неадекватные термины и языки. Междисциплинарный характер исследования принуждает ученого странствовать по обширному полю мысли, что грозит для него опасностью попасть в жернова незамеченных бифуркаций.

Языковой подход позволяет выявить смысловые причины мирового кризиса и вывести все человечество на плато жизнестойкого развития («прямого пути» к Творцу). Данный подход выявляет сложные зависимости кризисов *не только* от социально-материальных условий жизни людей (фактов реальных), *не только* от их идейно-духовного уровня (фактов сознания), *но и от языка*. Языковой подход может стать знаковым явлением современной науки. Методологическая рациональность и научность исследования возможны лишь при использовании всех смысловых ресурсов языка, включая и его скрытые значения.

Симия¹ — это раздел лингвистики, в котором изучаются скрытые значения слов, незримо управляющих физической реальностью. Она изучает причинные связи между знаками и вещным миром. Эту науку можно было бы назвать смысловой логикой, поскольку логика — это наука о мышлении; и поскольку все науки ищут причины изучаемых предметов, то и логика изучает смысловые причины бытия. Кроме проявленных значений имеются скрытые значения — этимоны (кванты смысла). Скрытые этимоны языка и составляет семантику, которая изучает качественные параметры и функции социоприродной динамики.

Все имеющиеся сведения о языке позволяют говорить, что человечество всегда с благоговением вглядывалось в язык, считая его самим Богом («В начале было Слово, и Слово было у Бога и Слово было Бог» (1 Иоан. 1.1) или — даром Божьим. Не будет преувеличением сказать, что начала логики, теологии, философии во многом были выработаны из наблюдений над языком. Например,

¹ Симия — новый раздел лингвистической науки, изучающий скрытые, непроявленные смыслы и значения слов. Поскольку современная культура становится все более насыщенной различными языками, то вопрос о скрытых смыслах приобретает особую важность в адекватном исследовании и понимании действительности.

аристотелевская логика отражает не только законы бытия и мысли, но и грамматику греческого языка. Если говорить об арабском языкознании, то оно возникло и развивалось как один из разделов мусульманского богословия.

Первые осознанные суждения о природе языка появились в древнегреческой философии. Более всего древних эллинов волновал вопрос о том, являются ли слова условными знаками, метками или они соответствуют природе называемых вещей. Наиболее полно этот спор отразился в диалоге Платона «Кратил», в котором Гермоген, споря с Кратилом, приводит аргументы в пользу того, что слова существуют по договоренности между людьми, тогда как Кратил пытается доказать обратное, что слова существуют по природе, как и обозначаемые вещи. Спор этот не прекратился до сих пор, хотя в последние сто лет большинство ученых и обывателей склонялись к тому, что слова во многом условны. Хотя магия, колдовство, заговоры, клятвы, два имени у древних людей говорят о том, что сакральное понимание языка все же полностью не исчезало.

Наблюдения за словом еще в Древней Греции привели к рождению науки этимологии (от греческого *этимон* «истинное значение»). Греческая этимологическая традиция была продолжена в Риме. Древняя наука «этимология» получила второе дыхание в индоевропейском варианте. Ученые не пошли вслед за древнегреческими философами, которые искали в слове «этимон», его истинное значение. Они облегчили себе задачу. Цель новой этимологии состояла в сведении всех слов к общим индоевропейским корням. Как ни странно, вопрос о мотивированности слов даже не ставился. Слово относилось к тому или иному языку не потому, что легко в нем объяснялось, а по древности письменной фиксации. Для многих здравомыслящих ученых еще в начале XX в. стало очевидным, что задача реконструкции праязыка — идея ложная (см.: [1]). Хотя немало было и не совсем здравомыслящих ученых, которые продолжали — и небезуспешно — искать праязыки; в результате было проведено различие между профанными и священными языками (иврит, санскрит, древнегреческий, латынь, арабский, древнерусский язык).

Принимая методологическую установку Кратила в рассуждениях о природе языка, можно с некоторой осторожностью утверждать, что в определенной мере текущий кризис науки, социоприродного развития во многом обусловлен непониманием языковых денотатов (обозначений), которыми мы пользуемся. Во многом непонимание слов привело и к экологическому кризису. Люди стали повторять как заклинание: экология, экология. А что такое экология, вопрос простой,

она означает «защита», по-арабски. Именно поэтому говорят и об экологии человека, и об экологии сознания, и об экологии слова. Или возьмем религиозное учение о конечных судьбах мира и человека под названием «эсхатология». Это слово происходит от *эсхатос* — «конечный, последний». Однако данное греческое слово проснулось в арабской культуре и в нем проснулось *арабское эсха-* «проснись», *т. е. пробудись!*

Как утверждает Н.Н. Вашкевич, библейские шифровки бывают двоякого рода: функциональные и прогностические. Функциональные шифровки относятся к настоящему и прошлому, а больше, по-видимому, к прошлому, чем к настоящему. С помощью корней арабского языка они расшифровываются относительно легко. Иногда бывает достаточно внимательно прочитать легенду, сюжет — и имя героя становится понятным. Оно функционально, оно дано ему в соответствии с выполняемой ролью в сюжете. Таково большинство имен героев библейских легенд. Функциональные шифровки относятся не только к именам героев. Например, вавилонское столпотворение и число Зверя — типичная функциональная шифровка, так как за ней стоит описание формирования новых языков и устройства языка, механизма его структурирования (см.: [2]).

Прогностические шифровки раскрываются значительно сложнее. Поскольку то, что за ними стоит, возможно, еще не свершилось, существует только в еще не реализованной возможности. В то же время, если речь идет об именах героев, они не могут быть расшифрованы путем изучения деталей сюжета. Типичный пример: триада сыновей Ноя (Нуха). Они были поняты функционально как прародители народов; между тем это типичная прогностическая шифровка — она показывала путь развития познавательной деятельности человека.

Другое заблуждение, проистекающее из неправильного осмысления функциональной шифровки, — сатанинское число. Оно было понято прогностически, что привело к неоднократному лжепророчеству.

Нейрофизиологи утверждают, что 95% мозговых клеток, или даже больше, не действуют, а вслед за ними и генетики заявляют, что и в генетическом аппарате человека примерно в таком же соотношении: 95% — спит. Может быть, такое состояние человечества временное. Рано или поздно наступит пробуждение. Этой идеей пронизаны все религии мира.

В этом контексте Библейская версия *потопа* и китайская, несмотря на кажущуюся разницу в содержании, описывают один и тот же предмет. Потоп в том и другом случае осмыслен неверно и является не

покрытием водой пространства, а затемнением рассудка, что мешает движению к знаниям или к горе Арарат (читай *ѡарафат* — «знания» в случае библейского варианта). Учитывая, что и Нух (Ной) в переводе с арабского «мозги», начинаем понимать, что знания могут припарковаться к мозгам, как Ковчег спасения Нуха (Ноя) к *ѡарафату*.

При сопоставительном анализе самых разных религиозных текстов возникает впечатление, что везде речь идет об одном и том же. Корень «топ» надо осмысливать в русской языковой среде и в новом контексте. Тогда становится ясным, что с его помощью выражается понятие *тупости* интеллектуальной. В обоих случаях речь идет о некоем затемненном, сумеречном состоянии человечества, которое должно закончиться пробуждением.

Характерным признаком сомнамбулического состояния является пониженная различительная способность интеллекта. Например, некоторые ученые не различают факта и мнения, отчего в нашей отечественной науке появился культ авторитетов, определяемых взаимным цитированием. Выигравшим считается тот, кто более других процитирован. Особенно пагубно неразличение омонимии, в результате чего человек находится в неуправляемой зависимости от слова.

Встает вопрос, что нужно делать для расширения горизонта прогноза или выведения совокупного человечества из сомнамбулического состояния в коридор жизнестойкого развития, т. е. содействовать быстрейшему пробуждению? Начинать надо со слова. Ведь, если мы не понимаем смысла слов, как можем понимать смысл Бытия, смысл собственной жизни? Нужно в школьном образовании изучать этимологию. Не обязательно как отдельный предмет. Ведь дети от рождения способны понимать и не только понимать, но и задавать вопрос почему? Ребенок не рождается спящим. Он знает от рождения лучше взрослого основные вопросы бытия, первопричины, Бога.

Все дело в том, какую информацию ребенок получает. А получает он плохую информацию, замороженную. Существующая система образования не предполагает того, чтобы ребенок задавал свои вопросы. Когда ребенок попадает в школу, ему говорят: «Брось ты свои “почему”, лучше выучи междометия и наречия». Учителя не знают, почему эти части речи называются так, как называются. Ни эти термины, ни другие они не в состоянии растолковать и постепенно у детей формируется ложная доминанта сознания. Они привыкают к тому, что живут в мире бессмысленных слов и начинают считать такое состояние нормальным

Некоторые дети, несмотря на все старания педагогов, остаются непосредственными и любознательными и продолжают задавать вопросы.

Беда в том, что одних вопросов недостаточно. Надо ведь знать, где начало. Понять это без подсказки — трудно. Те из людей, кого не сломали ни школа, ни рыночная экономика, продолжают жить, задавая вопросы «почему». Но таких мало. Зато они в состоянии понимать простые вещи. Некоторые из оставшихся тоже готовы вернуться к простой человеческой логике.

Но у большинства рассудок закрыт мраком. Надо менять систему образования. Никаких революционных реформ. Единственное, что надо сделать — объяснить учащимся непонятную терминологию. Когда разумных людей в обществе станет больше чем замороженных, начнут открываться иные циклы, войдут в действие другие генетические программы.

У арабов есть такая притча: «Люди бывают четырех типов: те, кто знают и знают, что они знают, это ученые — следуйте им; те, кто знают и не знают, что они знают, это спящие — разбудите их; те, кто не знают и знают, что они не знают, это спрашивающие — ответьте им; те, кто не знают и не знают, что они не знают, это невежды — гоните их».

Пробуждение зависит, главным образом, от того, как скоро учителя поймут пагубность бессмыслицы. Похоже, мы еще далеки от этого момента. Но момент этот неизбежен — рано или поздно он наступит. И чем раньше, тем меньше будет жертв, тем меньше будет искалеченных людей.

Методика организации содержания образования на основе новой этимологии открывает прямой путь как в мир причин, так и в мир пробуждения. Об этом прямом пути люди знали давно, но называли его по-разному: древние греки — метафизикой (то, что за физикой); арабы — областью заочного; в христианстве — царством небесным; современная наука использует термин «параллельные миры» с иным потоком времени, состоянием вещества, поля, информации, где энтропийные импульсы будут гаситься, а преобладать — неэнтропийные процессы.

Для вхождения в этот мир пробужденных человечество, сколько себя помнит, использовало различные психотехники. Часто они бывают весьма эффективны, но малоэффективны. Например, получившие в последнее время распространение идея поиска материальных носителей для продления жизни и достижения физического бессмертия является заблуждением человеческого рассудка. Не потому что сие невозможно, а по причине того, что оно

имеет, с одной стороны, исключительно информационно-языковую природу; с другой — для этого пути нужно когерентное (согласованное) становление всего человечества. Имеет место сходное и родственное с проявлением когерентного излучения, при котором мы получаем интерференционную картину, где усиление света достигается на выходе несколько порядков. В этом контексте и совокупное человечество усилится пробуждением. Иного не дано, на это указывает языковой анализ истории человечества.

Но чтобы добиться этого, надо не просто много знать, надо знать причины происходящего. Учителя и ученые жалуются на все возрастающий поток информации, который усвоить никому не под силу. Наступило время узких специалистов. Времена универсальных знаний как бы ушли безвозвратно. Почему сложилась такая ситуация? Дело не в количестве информации, а в ее неорганизованности, в отсутствии смысла у слов. Львиная доля учебного времени тратится на усвоение непонятной терминологии. Учащиеся часами зубрят непонятные термины, чтобы донести их до экзаменов, а затем благополучно забыть. Попытки объяснить их приводят к еще большему абсурдизму. Например, *компас* в учебной литературе объясняют как производное от итальянского «мерить шагами» (?). На самом деле это слово родственно слову *лакмус*, а также арабскому *камус* («словарь») и означает «определитель». Каждое непонятное слово является психотронным генератором абсурдизма, служит закрытию и без того замороженного рассудка. С раскрытием смысла слов появляется возможность вновь вернуться к универсальному знанию, но уже на новом витке. Слова сами по себе уже содержат определения понятий, достаточно научиться их понимать. И тогда станет ясным принцип управления жизнью. Все живые объекты управляются по одному принципу, все равно, идет ли речь о микробиологе, изучающем органеллы, или о самих органеллах.

Думается, кое-кто из числа скептически настроенных читателей найдет в этих построениях следы утопического подхода. Можно с ними согласиться, но с существенной оговоркой: утопию не только можно, но и нужно использовать в качестве полезного инструмента исторического прогнозирования. Это ни в малой степени не означает, что, построив такой прогноз, надо, ни о чем более не думая, немедленно переходить к действиям. Опыт истории учит, что подобных ошибок следует избегать.

Кроме того, утопическое мышление обладает свойством системности и, следовательно, способно к развитию. Пространство современного утопического проекта стало многомерным, утопические модели утратили категорическую определенность и поэтому гораздо

свободнее открывают перспективы грядущего. Современное утопическое мышление приобретает новый взгляд на самое себя — взгляд множественный, полифоничный и плюралистический, способный очистить территорию знака от устаревших общепризнанных значений. А потому с должными предосторожностями смелое утопическое проектирование целесообразно включить в арсенал стратегического программирования и планирования. И в этой связи, признавая целесообразность и несомненную пользу диалога естественных, социальных и наук о языке, необходимо подчеркнуть, что приглашение к диалогу не следует понимать, как призыв каким-то образом обозначить допустимые границы указанных направлений или в чем-то отойти от научного метода искания.

Литература

1. *Вандриес Ж.* Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937.
2. *Вашкевич Н.Н.* Системные языки мозга. М., 2002 г.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Социальная философия XXI в.: ренессанс марксизма?

Аннотация. В статье представлено сложившееся в России новое интеллектуальное течение последователей идей Маркса, которое делает акцент на понимании современной реальности как эпохи глобальных изменений в основах общественной жизни. Это создает предпосылки для генезиса нового социального времени и пространства позитивной свободы, где преодолеваются характерные для периода глобальной гегемонии капитала превратные формы эволюции «общества знаний» и снимаются не только капиталистические отношения, но и другие формы социального отчуждения и обеспечивается приоритетное развитие человека творческого, пространства культуры.

Ключевые слова: марксизм, постсоветский марксизм, отчуждение, глобальная гегемония, капитал, «общество знаний», позитивная свобода, культура.

Abstract. There is a new intellectual movement of followers of ideas of Marx in Russia. It places emphasis on understanding of a modern reality as epoch of global changes in bases of social life. It creates preconditions for genesis of new social time and space of positive freedom, where typical for the period of global hegemony of capital forms of 'knowledge society' are overcoming and not only capitalist relations, but also other forms of social alienation are dialectically negating and space for priority development of homo creator, space of culture is developing.

Keywords: marxism, post-soviet marxism, alienation, capital, global hegemony, «knowledge society», positive freedom, culture, homo creator.

Прошедшие десятилетия ознаменовались крайне противоречивым контрапунктом в отношении философов к марксизму. Начало 1990-х гг. было периодом радикальной, в ряде случаев переходящих границы научных дискуссий критики, затем появились серьезные исследования, в которых был проведен анализ разных трактовок наследия Маркса, различных течений в рамках парадигмы, именовавшей себя «марксизмом», многочисленных школ, лежащих в пересекающихся с марксизмом пространствах (Сартр и его последователи, франкфуртская школа и многие другие).

В целом, однако, марксизм был отодвинут на периферию философской мысли, и лишь редкие ученые обращались к его наследию. В методологии господствующее положение прочно заняли современные транскрипции позитивизма и постмодернизма, а диалектическая логика оказалась предана забвению. В философии истории едва ли не абсолютно доминирующим оказался цивилизационный подход, а маркси-

стская философия истории, все чаще сводимая к сталинской «пяти-членке», оказалась едва ли не исключительно объектом для критики.

Однако 2000-е гг. ознаменовались существенным изменением ситуации, чему в последнее время не мало способствовал мировой социально-экономический кризис, вызвавший ренессанс марксизма в Европе и в США, где «Капитал» стал едва ли не самой популярной теоретической работой последних двух лет.

В нашей стране также стал заметным новый поток марксистских работ. В частности, в 2009—2010 гг. при поддержке Фонда Розы Люксембург и Фонда «Альтернативы» вышла целая серия работ, многие авторы которых относят себя к течению, само название которого звучит так: «*Постсоветская школа критического марксизма*». К этим работам относятся, в частности, такие книги, как «Социализм—21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма» (М.: Культурная революция, 2009), «Марксизм: альтернативы XXI века (Дебаты постсоветской школы критического марксизма)» (М.: ЛЕНЛАНД, 2009), «Кто сегодня творит историю. Альтерглобализм и Россия» (М.: Культурная революция, 2010), «Кризис: альтернативы будущего» (М.: Культурная революция, 2010) и др. К этой серии работ примыкают и авторские монографии А.В. Бузгалина и А.И. Колганова «Глобальный капитал» (М.: УРСС, 2004 и 2007) и «Пределы капитала» (М.: Культурная революция, 2009), Л.А. Булавки «Феномен советской культуры» (М., Культурная революция, 2008) и «Социалистический реализм. Превратности метода» (М., Культурная революция, 2008), Г.Г. Водолазова «Идеалы и идолы» (М.: Культурная революция, 2006) и «Уроки творчества, нравственности и свободы» (М.: РГГУ, 2010), М.И. Воейкова «Предопределенность социально-экономической стратегии. Дилемма Ленина» (М., ЛИБРОКОМ, 2009), С.С. Дзарасова «Капитал и экономический рост» (М., 2005), В.М. Межуева «Маркс против марксизма» (М.: Культурная революция, 2007), Б.Ф.Славина «О социальном идеале Маркса» (М., УРСС, 2003) и «Конец идеологии» (М., 2009) и др.

В целом к этой серии относятся тексты более 20 известных отечественных философов, представляющих Институт философии РАН, МГУ и многие другие научные центры. Ряд авторов этих книг, а также их оппоненты встретились для обсуждения названных книг и формирующейся школы на названном выше круглом столе.

Представление (естественно, достаточно субъективное) основных идей современного постсоветского критического марксизма взял на себя главный редактор многих из названных выше книг и представляющего названную школу журнала «Альтернативы» А.В. Бузгалин

Постсоветская школа критического марксизма: штрихи к портрету

В своем вступительном слове д.э.н., профессор А.В. Бузгалин (МГУ) подчеркнул, что новый век, принесший глобальный экономический и социальный кризис, — это эпоха заката не классики, а господствовавших в прошлом столетии позитивизма и постмодернизма — в методологии; цивилизационного подхода — в социальной философии; неоклассической школы — в экономической теории. Он настаивал на том, что новый век несет с собой реактуализацию диалектики — и авторы делают новые шаги в развитии этого метода, позволяющие адекватно исследовать нелинейные трансформационные процессы, столь типичные для современного периода глобальных катаклизмов и кризисов, что нынешняя эпоха требует вновь обратиться к классическим проблемам преодоления отчуждения и активизации социально-творческого начала Человека — и авторы предлагают оригинальные конструктивные ответы на эти вызовы.

Авторы, близкие к постсоветской школе критического марксизма, стремятся показать позитивные альтернативы деконструкции методологии как науки. А эту науку убивает даже не столько намеренная постмодернистская травля «больших нарративов», сколько общераспространенное позитивистское безразличие к этому полю проблем. Системно-исторический, диалектико-материалистический метод в социальных науках необходимо вновь сделать актуальным, т. е. реактуализировать.

И для этого есть предпосылки, отметил выступающий. Однако за двадцать лет многое изменилось и в «общественном бытии», и в «общественном сознании». Обещанный «конец истории» и торжество позитивной скуки (прогноз Фукуямы образца 1990 г.) не состоялись. Мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 г. как раз в тот момент, когда мы завершали работу над книгой «Социализм—21...», стал еще одним мощнейшим практическим аргументом в пользу наших идей (О нем в упомянутой выше монографии «Кризис: альтернативы будущего»).

В области общественной мысли на протяжении двух последних десятилетий также все больше назревало недовольство монопольным положением идей и парадигм философского мейнстрима. Не прошло и пары лет после краха СССР, как гуру постмодернизма Жак Деррида прочел ставшую сенсацией лекцию о не-исчезновении-актуальности-присутствии призрака Маркса как... реальности. Это была первая ласточка. Постепенно разочарование узкопрагматичными позитивными исследованиями и все деконструирующим все и вся постмодернизмом

стало нарастать в среде ученых и просто мыслящих людей. И не случайно вышедшая через 15 лет после распада СССР книга «Ленин. Перегрузка», включавшая таких мировых звезд, как А. Негри и С. Жижек, оказалась посвящена уже даже не Марксу, но Ленину — мысли-тельно и практику, о котором еще десять лет назад было неприлично вообще упоминать. Но в 2007—2009 гг. общественное сознание изменилось, и книга о Ленине превратилась в бестселлер, изданный на многих языках.

Предпосылки для поиска альтернатив складываются все более отчетливо.

Кризис—2008 обнажил и теоретическую востребованность альтернатив: книги Маркса стали самыми продаваемыми. Даже рынок признал: другая (принципиально отличная от экономического, социологического, политологического и т. п. *mainstream*'а) теория не только возможна, но и необходима. А значит, необходима и другая — отличная от позитивизма и постмодернизма — методология.

Эту *методологию* и ищет постсоветская школа критического марксизма.

Прежде всего, это ставшее ныне едва ли не общепринятым понимание крайней ограниченности сталинской версии формационного подхода. «Пятичленка», однозначный акцент на том, что развитие производительных сил приводит к смене общественно-экономических формаций, а базис определяет надстройку, грубый классовый подход к анализу любых общественных событий и т. п., оказываются сугубо недостаточны для исследования современной социальной динамики. Впрочем, они никогда не были характерны для марксизма (за исключением ряда догматических учебников сталинской поры и работ наиболее примитивных антимарксистов). Между тем, начиная с середины прошлого века, и в России, и за рубежом в гуманистической философии истории марксизм сделал ряд важных новых акцентов, развиваемых (с существенными внутренними дебатами) в рамках нашей школы В.Ж. Келле, В.М. Межуевым, А.В. Бузгалиным и другими учеными (подробнее об этом в книге «Марксизм: альтернативы XXI века...»).

Для нашего течения характерно *переосмысление ортодоксальных представлений о структуре общества* (производительные силы, определяющие производственные отношения, и базис, определяющий надстройку). Мы в полной мере унаследовали от творческого марксизма XX в. признание активной роли национальных, политических, социокультурных факторов, в основе своей определяемых «базисом», но оказывающих в те или иные периоды времени решающее воздействие на общественное развитие. Это, прежде всего, периоды радикальных трансформаций, когда базисная детерминация ослаблена — старая

система производственных отношений уже разрушена, а новая еще не сложилась. Постсоветская школа критического марксизма добавила к этому анализ причин и последствий возрастания роли этих факторов в период «заката» экономической общественной формации. Последнее, кстати, косвенно отражается в неслучайно возросшей ныне популярности цивилизационного подхода: выход на первый план небазисных различий и конфликтов типичен для периода перехода «по ту сторону» материального производства, происходящего, однако, в превращенных формах глобальной гегемонии капитала.

Именно этот процесс, по мнению А.В. Бузгалина, создает *видимость «столкновения цивилизаций»*. За ней, однако, скрывается иное содержание, а именно — противоречия субъектов и объектов гегемонии глобального капитала, где первые монополизировали высокие технологии, институты экономического (ТНК, МВФ, ВТО...) и политического (НАТО и т. п.) господства, информационно-образовательные и масс-культурные каналы манипулирования, обрекая вторых (прежде всего — беднейшие и относительно самостоятельные страны «второго» и «третьего» миров — от Югославии до Ирака, Ирана и т. п., включая в будущем, возможно, Россию) на поиск альтернатив — единственно не монополизированных глобальным капиталом форм общественной жизни — в реакционно-добуржуазных формах религии и традиций. Поскольку же господство первых имеет видимость доминирования западной цивилизации, а обособление вторых — борьбы за сохранение «традиционных ценностей» восточной, постольку названные противоречия и получают видимость окраски столкновения цивилизаций, за что и хватаются стремящиеся не различать содержание и формы исследователи-позитивисты (об этом подробнее в книгах «Марксизм: альтернативы XXI века...» и «Кто сегодня творит историю...»).

Соответственно наш подход предполагает критическое восстановление классического положения о *диалектическом взаимодействии производительных сил и производственных отношений*. Последнее означает, что не только производительные силы, развиваясь, требуют рождения новых производственных отношений, но и то, что развитие производительных сил в рамках одной и той же формации происходит вследствие противоречий господствующих производственных отношений. Существенно при этом, что *каждая исторически конкретная система производственных отношений не только (1) способствуют большему или меньшему (в этом, в частности, мера их прогрессивности) стимулированию прогресса производительности труда, но и (2) создает свои особые формы эволюции производительных сил*. Так, например, капитализм стимулирует, прежде всего, рост вещного бо-

гатства и утилитарного потребления. Эта же исторически конкретная система производственных отношений (3) задает границы и пределы характерного для данного способа производства прогресса производительных сил. Но это все лишь подзабытый классический марксизм.

Ключевым же вопросом современного марксизма в этом поле становится проблема *форм, потенциала и границ прогресса постиндустриальных процессов в условиях глобального капитализма*. И здесь мы доказываем, что этот новый тип производительных сил (и глобальные проблемы, с ним связанные) исчерпывает потенциал прогресса в рамках не только капитализма, но и всей экономической общественной формации («царства необходимости», предыстории), создавая возможность и необходимость перехода к новому типу общественного развития («царству свободы»).

Базируясь на обновленных представлениях о структуре социума, мы постарались развить известное и ранее положение о *принципиально более сложной, нежели сталинская «пятичленка», периодизации общественного развития*. Здесь авторы предложили мультипространственную модель выделения и сравнения социально-экономических систем (об этом в книге «Пределы капитала...»). Эта модель предполагает выделение сложной системы взаимосвязанных параметров, определяющих особенности генезиса, развития и заката этих систем, а так же их трансформаций. Еще более важен для нас акцент на процессе перехода от эпохи господства материального производства и отчужденных экономических отношений («царства необходимости») к новому обществу, лежащему «по ту сторону» (К. Маркс) этих отношений («царству свободы»). Этот переход, внешние формы которого фиксируются теориями постиндустриального (информационного и т. п.) общества, является ключевым пунктом исследования всех современных процессов, так что мы можем сказать: если классический марксизм вырос на базе исследования противоречий, пределов и объективно возможных путей снятия капитализма, то постсоветская школа критического марксизма вырастает на базе исследования противоречий, пределов и объективно возможных путей снятия мира отчуждения в целом («царства необходимости»).

Данный подход позволяет раскрыть характерное для «царства необходимости» фундаментальное противоречие исторического процесса. Одна сторона этой противоположности — господство в условиях «царства необходимости» системы отношений отчуждения, превращающих человека в марионетку объективных сил — разделения труда, личной зависимости, рынка, капитала и государства... Другая — творчество как родовое свойство человека. Именно творческая деятельность Общественного Человека в материальном производстве, культу-

ре, общественной жизни изменяет этот мир по законам Истины, Добра и Красоты, обеспечивая технический, научный и культурный прогресс, осуществление социальных революций и реформ, позволяющих преодолеть рабство и крепостничество, колониализм и ужасы дикого капитализма, а в дальнейшем и саму капиталистическую систему...

В отличие от постмодернистской апологии пассивности, постсоветская школа критического марксизма, развивая классические положения марксистской философии истории, подчеркивает *активно-созидательную роль Человека* как творца общественных отношений, способного на развертывание своих социально-творческих сил в период прогрессивных социальных реформ и революций (будь то Война за независимость в США или хрущевская оттепель в СССР). Однако современный марксизм, в отличие не только от догматических своих ответвлений, но даже и от классики, на первый план выносит проблему границ активизма созидательно-творческой деятельности Человека, и ответственности пассивно-недеятельностного конформиста, способствующего застою и регрессу.

Опыт XX в., практические результаты научно-технического прогресса, равно как и стремлений социальных творцов осчастливить человечество, показали всю *противоречивость* такого «активизма». Но именно противоречивость, а не однозначную неприемлемость. Ныне принято указывать на жертвы технического и социального прогресса, и это вполне справедливо, но не будем забывать о второй стороне медали. И дело здесь не только в том, что без НТП мы не могли бы пользоваться массой ныне абсолютно необходимых благ, радикально сократив детскую смертность и увеличив в полтора раза продолжительность жизни. И даже не только в том, что именно благодаря социально-творческим интенциям профсоюзных активистов, экологов и деятелей левых партий хотя бы часть человечества сегодня знает, что такое 8-часовой рабочий день, бесплатное среднее образование и минимальная социальная защищенность. Дело, прежде всего, в том, что при ослаблении активности позитивного (а объективно-обусловленный критерий прогресса уже был показан) социально-творческого начала силы отчуждения вызывают еще большие жертвы и преступления. Искусственно заторможенные реформы и революции оборачиваются кровью жертв реакции, а культурно-творческие потери периодов «застоя» с их немзыкальной (А. Блок) жизнью сотен миллионов вообще трудно измерить.

Еще более важно помнить о том, что в социальной жизни всегда присутствует «активизм» не только слишком увлекающихся «прогрессоров», но и сил реакции. Еще двадцать лет назад эти слова выглядели бы как пропагандистское клише, но в начале нынешнего века, с его

неоколониализмом и асимметричными войнами, активизм сил реакции становится вполне конкретным понятием, за которым стоит экономика-политическая и идеолого-культурная гегемония глобального капитала и его Alter Ego — фундаментализм и терроризм.

Более того, современный марксизм, особенно отечественный, показал, что в развитии общественных систем наиболее продолжительными и значимыми, а вместе с тем и наиболее сложными для исследования, являются не столько зрелые, развитые состояния, сколько *дли-тельные периоды возникновения и отмирания исторически-конкретных систем*, связанные с образованием широкого круга переходных отношений, противоречиями революционных и контрреволюционных, реформаторских и контр-реформаторских процессов. При этом данные переходы подчиняются некоторым специфическим закономерностям (нелинейное течение социального времени, мозаичность, расколотовость социального пространства, более высокая, чем в стабильных системах, роль неэкономических детерминант перехода, господство неформальных институтов и многие другие).

Возвращаясь к внутренним проблемам развития анализируемого течения, А.В. Бузгалин отметил и определенные дебаты внутри постсоветской школы критического марксизма, ее изрядную неоднородность. Более того, он подчеркнул, что не всех авторов обсуждаемых книг (и, прежде всего, монографии «Социализм—21...») можно отнести к постсоветской школе критического марксизма. Некоторые из нас (прежде всего, профессора В.Г. Арсланов, Г.Г. Водолазов, В.М. Межуев и др.) акцентируют своеобычность позиции, предпочитают не использовать самоназваний, не причислять себя к какому-то особому направлению, течению, школе. Однако и они близки к нашей школе, ибо в их работах с большей или меньшей долей приближения сохраняются те границы теоретического поля, которые в принципе характерны для всех нас.

Мы все базируемся на определенном наследии, которое и сделало нас теми, кто мы есть. И для нас в этом наследии, прежде всего, важен К. Маркс, на работах которого мы все выросли.

Гораздо сложнее отношение авторов к различным последователям К. Маркса. Одни из нас будут тяготеть к теоретическим работам К. Каутского, другие — В. Ульянова; для одних ближе Н. Бухарин, для других — Л. Троцкий. Но ни один из нас не берет на веру в качестве догмы работы того или иного представителя из плеяды «постмарксовых» марксистов.

Есть, однако, круг ученых XX в., чьи труды стали едва ли не наиболее значимыми для нас. Это такие ученые, как Дьердь Лукач, Михаил Лифшиц, Эвальд Ильенков, Жан-Поль Сартр, Эрих Фромм и мно-

гие другие представители творческого гуманистического марксизма (и не вполне марксизма) прошлого века.

Наша школа в большинстве своем далека не только от неолиберальных и консервативно-державных философов и экономистов, но и от их левоцентристских собратьев. Наши идеи более «социалистичны», если так можно выразиться, более артикулированы в критике современной системы отчуждения (и, прежде всего, глобального капитализма) и предложении социалистической альтернативы, чем рассуждающие о необходимости «опоры на две ноги» (либерализм и социализм) представители горбачевской традиции (здесь некоторое исключение составляют Г. Водолазов и В. Межуев), или же о наследовании державных достижений СССР теоретики-«патриоты» (здесь мы все равно критичны). Во втором случае важной лакмусовой бумажкой нашего направления является последовательный интернационализм, акцент на противоречивом единстве современного мирового развития, неприятие национализма и категорическое отторжение великодержавного шовинизма. Наконец, мы все далеки от сталинской догматической версии «марксизма-ленинизма» с его обязательной «пятичленкой» и т. п. методолого-теоретическими штампами, и уж подавно от возрождаемого культа сталинизма.

Что же касается *позитивных differentia specifica* нашей школы, то они определяются несколько более аморфно, что неслучайно: мы ищем новые решения. Ищем по-разному, исходя из традиций и наследия разных наук и течений, еще не обретая окончательных общепринятых формул. Однако и здесь есть некоторые достаточно значимые инварианты, характеризующие наше направление.

Во-первых, мы в подавляющем большинстве последовательно исходим из того, что *капиталистическая система вообще и современный глобальный капитал, в частности, — это исторически-ограниченная система*. Она принесла человечеству и многие достижения, и многие преступления, но чем далее, тем более она развивается по все более опасной и в конечном итоге тупиковой траектории, в общем и целом уже выполнив свою прогрессивную историческую миссию. В то же время мы не идеализируем, подобно нынешним ортодоксам от марксизма, «реальный социализм». В конкретной оценке этого общества мы расходимся, оставаясь, однако, едины в том, что эта система была первой столь масштабной попыткой продвижения к некапиталистическому обществу. С ее развитием связаны многие достижения человечества (а не только нашей страны) в социальной и культурной областях. Но этот опыт и глубоко трагичен. Во многих своих проявлениях и основах «реальный социализм» был далек от тех принципов даже начальной стадии «царства свободы», которые были не только

предсказаны, но и обоснованы в социалистической теории (прежде всего, речь идет о социализме как системе социально более эффективной, демократичной и гуманной, нежели капиталистическая).

Во-вторых, мы считаем возможным и закономерным развитие Человечества и, в частности, России, по социалистической траектории, предполагающей качественный скачок на пути эмансипации человека от власти отчужденных общественных сил, и экономического, и внеэкономического принуждения, освобождения от власти и капитала, и неподконтрольной человеку политической власти. Социалистическая траектория развития (для автора этого текста — более определенно: генезис коммунистического общества, для других авторов — менее жестко: прогресс реального гуманизма, социализма как мира культуры) в рамках нашего течения определяется как снятие и капитализма, и «царства необходимости» в целом.

Здесь важны два акцента.

Первый: мы говорим не об уничтожении, а о снятии прежних систем, т. е. об отрицании и одновременном наследовании их достижений, развитии прогрессивных тенденций (прежде всего, культуры в самом широком смысле этого слова — от технологий до воспитания; принципов «негативной свободы», свободы «от» личной зависимости, политического диктата и др.).

Второй акцент: мы говорим о снятии не только капитализма, но всех предшествующих отношений, основанных на отчуждении, а ведь в нынешнем мире сохраняются и, более того, вновь развиваются отношения рабства, имперские тенденции, религиозный фундаментализм и мн. др. феномены, казалось бы, канувшие в лету в прошлом столетии.

В-третьих, для нас достаточно очевидно, что мир нового социализма будет базироваться на преимуществе творческой деятельности, развиваясь, прежде всего, в пространстве креатосферы, сферы сотворчества. Один из авторов нашей книги, В. Межуев, будучи по генезису представителем марксистов-шестидесятников, прямо пишет, что социализм — это пространство культуры. Л. Булавка в данном случае говорит, развивая идеи К. Либкнехта («коммунизм=культура»), о новом коммунистическом обществе. Для М. Воейкова, Б. Славина, О. Смолина и др. речь идет о социализме как новом социальном строе. Для автора этих строк и А. Колганова ближе Марксово понятие «царство свободы» (являющееся для нас синонимом коммунизма). В любом случае мы говорим о мире, преодолевающем узкие горизонты индустриальной системы, о «постиндустриальном социализме», если угодно.

При этом, однако, мы далеки от активно и справедливо критикуемой последние десятилетия на Западе идеи отождествления современной модели развития постиндустриальных тенденций в странах «золотого миллиарда» и социализма будущего. Первые идут в тупиковом направлении «общества пресыщения» и новой глобальной протоимперии; сверхзадача второго — качественно изменить траекторию развития новых технологий, отношений, институтов.

Соответственно для нас *социалистическая траектория есть не только процесс снятия различных форм социально-экономического отчуждения* (прежде всего — но не только — эксплуатации) *и развития личностных качеств, но и формирование таких необходимых для этого предпосылок, как основанная на приоритетных полномочиях гражданского общества демократия* (с переходом к базисной, низовой демократии, демократии участия), безусловное соблюдение социальных и гражданских прав человека и т. п. И все это — лишь начало движения к новому, пока еще не ясному в деталях всестороннему самоуправлению открытых добровольных ассоциаций. Мы понимаем, что «строительство» социализма «сверху», при опоре на насилие — это путь в тупик. Многие десятки лет назад еще В. Ульянов подчеркнул, что социализм есть не только результат, но и процесс творчества самих людей.

В-четвертых, опыт XX в. показал нам всем, и авторам этой книги, в частности, что *движение по социалистической траектории есть долгий и нелинейный процесс* — процесс побед и поражений, успехов и отступлений, причем процесс всемирный, тесно взаимосвязанный во всех своих звеньях. Поэтому удел ближайшего времени — инициирование и поддержка первых ростков этого нового мира внутри прежней системы, развитие переходных к социализму форм в тех анклавах мирового сообщества (странах, регионах, сетях, мире культуры), где сознательно ставятся задачи социалистического развития, борьба за иную — социально-, гуманистически-экологически-ориентированную, а перспективе — социалистическую — глобализацию.

При всех этих общих посылках мы существенно расходимся во многих вопросах.

Если начать с методологии, то одни из нас (в частности, автор этого текста) отчетливо делают акцент на диалектике, другие не забывают и о некотором позитивном вкладе постмодернизма, третьи не акцентируют своих методологических пристрастий.

Мы различаемся и по степени радикальности нашей критики существующей системы. Кто-то вообще предпочитает говорить только о «реальном гуманизме» (Г. Водолазов). Для других социализм — это развитие «пространства культуры» вплоть до превращения его в доми-

нирующую сферу общественной жизни при некотором реформировании существующего типа экономической и политической систем, сохранении основ рынка и парламентской демократии (В. Межуев). Для третьих (в частности, автора) — качественно новый мир, путь к которому лежит через социальную революцию.

Таких различий много. Тем не менее для нас важно то пространство, которое нас объединяет и границы которого были намечены выше. Думается, что другие авторы этой книги его бы определили несколько иначе и в несколько иных терминах, но мы предупредили — это авторское видение нашего проекта.

Что же остается объективным — это то, что наша школа, не имея четкого оформления, уже стала деятельностной реальностью. Она работает. Нам интересно вести диалоги и споры внутри нашего относительно узкого сообщества (вот уже более пяти лет работает постоянно действующий семинар, на котором мы представляем и обсуждаем наши основные идеи). Мы выходим на широкую аудиторию на многочисленных конференциях и в своих публикациях, обретая значительный круг сторонников в регионах России, среди молодежи. Мы ведем активный диалог с нашими зарубежными коллегами как в Интернете (он отображен на страничке международного Интернет-института «Социализм—21» на сайте www.alternativy.ru), так и непосредственно (только в конце 2000-х гг. в Москве прошли наши дебаты с М. Хардтом и А. Негри, С. Амином, С.-М. Михаилом и другими известными учеными).

Суммируя, А.В. Бузгалин сделал краткий вывод: в России сложилось интеллектуальное течение, которое делает акцент на понимании современной (в широком смысле слова, начиная с XX века) реальности как эпохи глобальных, качественных изменений в самих основах общественной жизни, создающих предпосылки для генезиса не только пост-капиталистического, но и постиндустриального, постэкономического общества («царства свободы»); в этом смысле мы можем назвать наше течение «марксизмом постиндустриальной эпохи».

Такой подход позволяет нам рассмотреть современную социально-экономическую жизнь целостно, системно-диалектически, в контексте ее исторического развития. И важнейшей основой для такой работы служит классический марксизм.

Маркс и марксизм: теория и практика

Одним из наиболее острых выступлений на эту тему стала презентация основных идей **д.ф.н., профессором В.М. Межуевым (Институт философии РАН)**. Он специально подчеркнул, что здесь принципиально важно понимать *различие идей самого Маркса и того, что в*

дальнейшем получило имя «марксизм». Профессор Межуев не случайно одну из своих последних работ назвал «Маркс против марксизма...».

В этой связи будет уместным критически отнестись к тому, что называется сегодня марксизмом. В настоящее время сложился очень широкий круг как интерпретаций самого Маркса, так и тех, кто в той или иной мере называет себя марксистом. Что касается первого, то разнообразие интерпретаций — удел любого великого мыслителя. у каждого из нас «свой» Маркс, как «свой» Кант, Гегель, Ницше и любой другой великий мыслитель. Что касается второго аспекта, то здесь картина особенно богата в мире, но и в России палитра достаточна широка (достаточно вспомнить полемику вокруг книги Т.И. Ойзермана «Оправдание ревизионизма» (М., 2004), развернувшуюся в журнале «Вопросы философии» несколько лет назад).

По мнению В.М. Межуева, Маркс, в отличие от того, как его интерпретировали в советские времена, был прежде всего философом и историком, *критиком политической экономии*, а не экономистом. История для Маркса — вечное движение, она олицетворяет собой бесконечный процесс развития людей как свободных индивидуальностей, создающих культуру. Что касается общества с его социальной структурой, то оно является постоянным препятствием на этом пути, «плотиной», мешающей развиваться действительному историческому процессу. Для Маркса все прежние общества — это своеобразные «пожиратели времени», стремящиеся остановить, задержать историю. Нужны огромные усилия, вплоть до революционных, чтобы прорваться из одного общества в другое. Именно поэтому в его работах едва ли не основной стала тема *свободы, свободного времени* как того мира, в котором и осуществляется развитие человека, снимается и товарный, и идеологический фетишизм.

В обществе, базирующемся на частной собственности, свобода является привилегией тех, кто владеет этой собственностью. Получается, что источник несвободы заключен исключительно в государстве, тогда как рынок, на котором создается частная собственность, и есть «царство свободы». Уже во времена Маркса подобное представление вызывало резкое несогласие. Даже если частная собственность и делает кого-то относительно свободным от государства, насколько она делает его свободным от тех, кто находится с ним в острой конкурентной борьбе за ту же собственность? Может ли экономическая конкуренция, являющаяся по существу экономической войной, быть состоянием свободы? Тогда и просто войну следует считать свободой — кто в ней победил, тот и свободен. Такая свобода мало отличается от состояния

«войны всех против всех», которую философы называли «естественным состоянием», предшествующим цивилизации, т. е. варварством.

Есть и более серьезное возражение. Существование частных собственников в капиталистическом обществе предполагает наличие людей, свободных от всякой собственности, кроме своей рабочей силы, и потому вынужденных работать на тех, кто этой собственностью обладает. Считать их тоже свободными? Свобода торговать своей рабочей силой — тоже, конечно, свобода, но не от тех, кто ее покупает. Работа по найму есть все что угодно, но только не экономическая свобода. Рабочие, конечно, уже не рабы, на труде которых греки основывали свою свободу, но еще и не полностью свободные люди. Идущее от греков деление людей на свободных и несвободных сохраняется здесь в полной мере.

В обществе, где делание денег стало для человека его главным «призванием» и «назначением», все «трансцендентные профессии», имеющие отношение к вечности, утратили свой былой престиж, предельно обесценились. В глазах людей, превращающих время в деньги, вечность ничего не стоит, а деятельность людей свободных профессий, ранее пользовавшаяся почетом и уважением, является пустой тратой времени. Труд, не приносящий прибыли, экономически непроизводителен, а тот, кто занимается им, если не вовсе бездельник, то в лучшем случае слуга (подобно лакею и официанту) на службе у того, кто способен его содержать за свой собственный счет. Время, ставшее деньгами («время — деньги»), одержало победу над вечностью, возвестив о рождении нового мира, в котором нет ничего вечного и абсолютного.

Такова цена экономической свободы, источником и целью которой является частная собственность. В обществе, базирующемся на рабочем времени, измеряющим им свое богатство, индивид чувствует себя свободным только за пределами своего рабочего времени, не на работе, а в кругу своих друзей, знакомых и близких. Поэтому общество, в котором рабочее время является главной мерой общественного богатства, нельзя считать полностью свободным. Отсюда резко критическое отношение Маркса к рабочему времени. Общественный прогресс для него состоит не в расширении, а наоборот, в сокращении рабочего времени до минимума, что означает освобождение человека не вообще от труда, а от труда в рабочее время, от абстрактного труда, в котором стирается личность рабочего. Главным средством сокращения рабочего времени является наука («всеобщий труд»), заменяющая рабочего в качестве основной производительной силы.

В наиболее развитых странах свободное время давно уже является общедоступным благом. Но может ли оно стать основным временем общественной жизни, базисом общества, заменив в этой функции ра-

бочее время? Единственным способом вырваться за названные пределы является присвоение прибавочного труда самими рабочими, что равносильно превращению свободного времени в главную меру общественного богатства (в том смысле, что чем его больше в обществе, тем общество богаче), или другими словами, в базис общества. Но это означает, что таким богатством является уже не овеществленный капитал, а сам человек во всей целостности своего общественного бытия.

Соответственно и свобода становится для человека ценностью в той мере, в какой он осознает свою индивидуальность, видит в ней смысл и цель собственного существования и деятельности.

Наряду с этим глубоко философским содержанием для марксизма, претендовавшего при своем зарождении на преодоление всяческой идеологии, характерно и нечто иное. По странной логике он превратился в идеологию по преимуществу, причем ни без старания соратников и прямых учеников Маркса. Что же предопределило неудачу этой главной претензии марксизма — быть не идеологией, а наукой?

Причину, несомненно, следует искать в самом марксизме, попытавшемся сочетать несочетаемое — науку и политику, объективность и классовость, истину и интерес, пусть и пролетарский. Создавая свое учение, Маркс претендовал как бы на двойной синтез — на его соединение с рабочим движением и на его соединение с наукой, т. е. на создание чего-то подобного «пролетарской науке». В подобной двойственности и заключалось внутреннее противоречие его учения. В качестве критики существующего общества оно, несомненно, содержало в себе элемент научности, но в качестве «пролетарского мировоззрения» так и осталось идеологией. Видимо, во времена Маркса мечтать о полном преодолении идеологии было все же несколько преждевременно.

Как пролетариат не стал «могильщиком капитализма», так и наука, созданная Марксом, не стала «могильщиком идеологии», не заменила ее собой, а сама превратилась в идеологию.

В своем выступлении **д.ф.н., профессор Б.Ф. Славин (МПГУ)** сделал акцент на полемике с В.М. Межуевым.

Чем дальше от нас время жизни К. Маркса, тем острее идет дискуссия по поводу его духовного наследия. И это связано с тем, что современность более рельефно проявила те противоречия и тенденции общественной жизни, которые в свое время открыл автор «Капитала».

Однако, чем больше история подтверждает основные идеи Маркса, тем агрессивнее ведут себя его идейные противники. На этом фоне немногочисленные попытки серьезного прочтения и переосмысления марксизма вызывают естественное желание понять их новизну. Одной из таких попыток стали идеи Вадима Межуева представленные выше и

в его книге «Маркс против марксизма». Отметим сразу, у Межуева весьма своеобразное отношение к Марксу. Он убежден, что у каждого из нас «свой Маркс», как «свой» Кант, Гегель, Ницше и любой другой великий мыслитель». Понятно, что с подобной трактовкой учения Маркса, охватившего своим влиянием многие страны и народы, трудно согласиться. Если ее принять, то сразу возникает вопрос: зачем вообще публично обсуждать роль Маркса и его учения в истории, тем более посвящать этому книги?

Маркс, по мнению Межуева, не экономист, не социолог, не идеолог, а историк в широком смысле слова, то есть создатель «исторической теории», актуальность которой многими до сих пор не осознана. Данная мысль, высказанная в устной форме, как я наблюдал, часто эпатирует представителей отдельных научных дисциплин, тех же экономистов, социологов, идеологов и т. д. Вместе с тем в ней нет ничего особенного. Просто Межуев выступает против сведения марксизма к одной узкой специальности и подчеркивает первостепенное значение исторического принципа для понимания общественных явлений и, прежде всего, буржуазной политэкономии.

И здесь Межуев во многом прав. Дело в том, что Маркс — создатель целостного мировоззрения, которое не сводится к какой-то одной научной дисциплине, в том числе к истории или культурологии. Он является одновременно и философом, и экономистом, и историком, и теоретиком культуры. Об этом свидетельствуют его многочисленные труды, посвященные анализу капитала, истории, политике, социологии, философии и культуре. Всех их роднит единый диалектический, или историко-материалистический метод, без которого нет и самого мировоззрения под названием «марксизм».

Следует заметить, что положительное отношение Межуева к Марксу не мешает ему быть резким критиком «советского марксизма», под которым он подразумевает не только его сталинскую интерпретацию в «Кратком курсе истории ВКПб», но и всю «ленинско-большевистскую» трактовку марксизма. Межуев, прежде всего, соглашается с тем, что «под знаком марксизма в России прошла по существу целая историческая эпоха». В то же время он считает, что аутентичный марксизм остался для России за семью печатями, ибо явился плодом другой, западной цивилизации, высшим пунктом развития которой является современный капитализм.

Более того, Межуев выносит свой приговор большевизму, связывая его возникновение с «недемократичностью страны». И здесь он не оригинален. Его оценки русского большевизма целиком совпадают с оценками таких принципиальных антимарксистов, как Н. Бердяев, американский советолог Р. Пайпс и право-либеральный политолог А.

Кара-Мурза, считающих большевизм и Советскую власть естественным проявлением авторитарной природы российской государственности. Но, во-первых, *большевизм, по сути своей, не только русское явление, он во многом явление интернациональное*. Без него не было бы Коминтерна, других объединений русских и зарубежных революционеров. Во-вторых, наделение всех видов большевизма атрибутом антидемократизма отдает устаревшей советологической догматикой. *Есть большевизм и большевизм*. Одно дело большевизм ленинской школы, другое — сталинской, одно дело большевизм просвещенного разума и реальной демократии, другое большевизм политического произвола и тирании.

Отождествление Межуевым разных течений в русском большевизме не случайно. Оно подкрепляет его чисто идеологическую схему, по которой русский марксизм, как идейное выражение большевизма, не имеет «прямого отношения» к учению Маркса. Подлинный марксизм, по Межуеву, есть слепок с западного буржуазного общества и соответствующей практики западной социал-демократии, а русский марксизм есть выражение и слепок фактически с добуржуазной России, нуждавшейся в модернизации. Держась за эту схему, Межуев, правда, готов признать за большевизмом определенные заслуги в истории страны, но только при одном условии: ценой его разведения с подлинным марксизмом и демократией.

На самом деле, подлинный марксизм не был чужд России не в XIX, ни в XX в., не чужд он ей и сегодня. В России, не смотря на тяжелые годы сталинизма и официоз вульгарной советской пропаганды, всегда сохранялась высокая марксистская культура. И она проявлялась не только в собирании, хранении, изучении и публикации текстов Маркса и Энгельса, как полагает Межуев, хотя и это очень важно. На протяжении истории России XX в. проявили себя такие выдающиеся и своеобразные марксисты, как Плеханов, Ленин, Мартов, Троцкий, Бухарин, Рязанов, Воронский, Деборин, Лукач, Лифшиц, Ильенков и многие другие теоретики и практики советского государства, чьи оригинальные работы, далеко выходят за рамки идеологически дозволенных клише и стереотипов.

И в заключение несколько слов о едва ли не наиболее большом вопросе: *как соединить революционное мировоззрение основателей марксизма с неревolutionной позицией многих современных академических марксистов*, в том числе профессора Межуева? Многие считают, что у Маркса и Энгельса в этом вопросе были противоречия и «непоследовательности».

Но так ли было на деле с Марксом и Энгельсом? На мой взгляд, совершенно не так. Во-первых, Маркс и Энгельс являлись последова-

тельными сторонниками диалектического взгляда на историю, а это значит, что они никогда не сводили историю к плоскому эволюционизму и связанному с ним реформизму. Они всегда считали революцию исторически необходимым способом завоевания политической власти, своеобразным «локомотивом истории». Кстати, в этой связи, Сталин был не прав, когда критиковал Энгельса за идею «врастания» капитализма в социализм. Энгельс о таком «врастании» никогда не говорил. Конечно, и Маркс, и Энгельс допускали абстрактную возможность перехода власти в руки пролетариата путем демократических выборов, но они исходили из того, что это может произойти только тогда, когда буржуазия поймет бесполезность сопротивления революционному классу. Однако, пока буржуазия владеет властью, она, по их мнению, будет делать все от нее зависящее, чтобы ограничить с помощью законодательства и других мер политические интересы своих классовых противников. Сегодня в России мы это видим особенно хорошо.

Во-вторых, *Маркс и Энгельс никогда не отождествляли способ изменения политической власти с сутью революции*. Мирный или немирный характер революции — это область ее формы, а не ее сути. Существо революции состоит в смене классов у власти. Она может быть мирной и демократической, а может быть насильственной и авторитарной. Все зависит от реального соотношения политических сил и конкретных исторических условий. «Мирным», — писал Маркс, размышляя над законом против социалистов, — историческое развитие может оставаться лишь до тех пор, пока те, кто в данном обществе обладает властью, не станут путем насилия препятствовать этому развитию».

И еще одна ремарка: как известно, аутентичная марксистская трактовка прошлой истории связана с борьбой различных политических сил, классов и интересов. Многие из умеренных марксистов не забывают говорить о том, что история есть результат деятельности людей, но обходят вопрос о том, что люди не существуют отдельно друг от друга: они всегда объединены в большие или малые социальные группы, борьба которых и движет историю. Эта борьба на стадии «предыстории» выступает как борьба классов, как экономическая, политическая и идеологическая борьба. Позднее, с ликвидацией классов и социальных антагонизмов, на стадии становления «подлинной истории», эта борьба сбрасывает свою политическую и идеологическую форму и преобразуется в конкуренцию человеческих способностей, талантов, научных проектов и идей. И именно социальная революция, которую иные марксисты на дух не переносят, здесь выступает необходимой предпосылкой такого преобразования.

Критические акценты Б.Ф. Славина поддержал **д.ф.н., профессор И.К. Пантин (Институт философии РАН)**. Он подчеркнул, что в отличие от В.М. Межуева, усматривающего решающее значение Маркса в его философской концепции и критике политической экономии, он хотел бы подчеркнуть другой момент (вернее, не момент, а сущность постсоветской школы критического марксизма Марксова учения) — то, что Энгельс называл *«руководством к действию»*, а Грамши — *«философией практики»*. Анализируя противоречия буржуазного общества, Маркс ищет выход из них не только на пути изменения сферы познания, но и за ее пределами — в политической и социальной борьбе пролетариата, обновляющей, по его убеждению, весь мир. И не случайно он связывал коренное отличие своего учения от других с тем, что «философы лишь различным образом объясняли мир, а дело заключается в том, чтобы изменить его». Отсюда появление «научного социализма» — теории, обосновывавшей стратегию борьбы рабочего класса за новое общество. С точки зрения Маркса и Энгельса, связь «научного социализма» с их материалистическим пониманием истории была настолько естественной, нерасторжимой, что Энгельс однажды употребил (в черновиках) выражение «социалистический материализм». И прав был отчасти Ан. Лабриола, когда утверждал: если исторический материализм является теоретическим отрицанием капитализма, то «научный социализм» — его практическим отрицанием. Даже трактуя эту связь не столь прямолинейно, как Лабриола, все равно приходится признать, что «научный социализм» во многом определил проблемное поле и смысловой ряд философско-теоретических воззрений основоположников марксизма. С этим обстоятельством связана, пожалуй, главная трудность понимания исторических судеб марксова учения (см. его статью «Марксизм: историческое самопознание» в журнале «Вопросы философии». 2009. №7.).

Будучи родоначальником «научного социализма» и материалистического истолкования истории, Маркс намечает основные вехи нового воззрения на социализм и буржуазное общество, определяет наиболее общие моменты, ориентирующие пролетарское движение в целом. Предвидение новой эпохи основано у него на выделении в движении буржуазного общества неразрешимых на его почве противоречий, выведенных им из скрупулезного анализа логики развития капитала. В рамках его теории действия рабочего класса выступают как реализация исторической необходимости, заключенной в капиталистическом экономическом движении. Разумеется, Маркс не сбрасывал со счетов классовую борьбу, инициативу масс, способных «учить историю», прокладывая ей новые пути. Однако эпоха Маркса была не слишком богата исторической самостоятельностью рабочего класса (восстание

парижских рабочих в июне 1848 г., Парижская Коммуна), а пути, вызывающие эту самостоятельность, оставались слишком неясными, чтобы теория действия могла бы принять у него сколько-нибудь разработанную и систематизированную форму. Отсюда сугубо теоретический, «алгебраический» как сказал бы Г. Плеханов, подход к «научному социализму», достаточно редкие, если не считать эпоху 1848—1849 гг., выходы в политическую практику.

Надо ли доказывать, что превращение марксизма в идеологию социалистических партий обнаружило внутренние противоречия учения. Шаг за шагом экономические сдвиги, политическая практика разрушали первоначальную цельность «научного социализма», где, как выяснилось, общее, анализ законов капитализма, покрывало недифференцированное многообразие «частных случаев» (а фактически несовпадение теории с исторической практикой). Думается, что в отношении исторических судеб теории марксизма вполне уместна аналогия с развитием геометрии. Геометрия Евклида описывала только простые абстрактно-совершенные фигуры: треугольник, квадрат, круг и т. п. Более сложные, менее правильные формы были для нее недоступны. Возможности геометрии расширились с появлением высшей математики, позволившей охватить большее разнообразие явлений и изучить их с меньшей степенью схематизации. Как всякая аналогия, приведенная, разумеется, тоже «хромает», не точна. Но она, думается, фиксирует бесспорный факт, относящийся к развитию знания: любая научная точка зрения, казавшаяся обязательной, а иногда и единственно верной, возможной в силу своей всеобщности, в итоге сталкивается с ситуацией (в нашем случае с ситуацией в рабочем движении), которая не предусмотрена ее логикой и представлениями.

Так дело обстояло и с марксизмом, особенно когда он вышел за пределы западноевропейского региона. С одной стороны, набравший силу тред-юнионизм стал непреодолимым препятствием для трансляции марксизма в практику борьбы рабочего класса — феномен тред-юнионизма требовал для понимания иных, в классическом марксизме мыслительных средств. Э. Бернштейн лишь отчасти выразил эту потребность. С другой — Русская революция показала недостаточность понимания исторического события как частного случая общей теории. Как особая форма исторической действительности оно нуждалось в особой форме анализа, где для однозначного толкования некоторых общих истин марксизма требовались предпосылки, о которых раньше не подозревали. Другими словами, история марксизма наглядно показала, что расширение предмета исследования, *превращение марксизма в «руководство к действию», в «философию практики» социал-демократических партий обнаруживает неожиданные рассогласова-*

ния и ограничения, проблематизирует, казалось бы, уже установленные понятия.

Возвращаясь к общей оценке развития марксизма, **д.э.н., профессор М.И. Воейков (Институт экономики РАН)** подчеркнул, что нынешнее положение с марксизмом в России сложное. Это естественно. После десятилетий господства искусственной, но крепко сколоченной конструкции «марксизма-ленинизма», которая к действительному марксизму имела косвенное отношение, надо разобраться в том, что есть, что осталось, что возможно. Надо оглянуться на весь путь пройденный марксизмом в России и представить его современную интерпретацию. Все было и есть здесь не просто и не однозначно. Но для начала разьясим — что же следует понимать под марксизмом. Ведь и по этому вопросу, пожалуй, нет общего четкого представления.

Марксизм как сложное учение состоит из ряда положений, некоторые из которых являются основными, так сказать, конституирующими марксизм, и другого ряда положений, которыми в общем случае можно пренебречь. Вообще-то будет чрезвычайно глупо каждое высказывание или действие К. Маркса или Ф. Энгельса принимать за божественную истину и биться за нее «до последнего». Если, конечно, не превращать марксизм в религию.

Обычно считается, что наибольшее значение в теории Маркса имеют два положения: учение о прибавочной стоимости и материалистическое понимание истории (экономический детерминизм). На эти два положения совершенно определенно указывал еще Энгельс. И нет оснований ему не верить.

Наряду с научным пониманием марксизма существует и очень широко распространено толкование его как социальной категории очень широкого охвата. Например, когда говорят о марксистском мировоззрении, то имеют в виду не только сугубо научную теорию, а возникший на ее основе комплекс представлений об основных или даже всех сторонах жизни. В данном случае марксизм из строгой научной теории превращается в специфическое общественное явление, наподобие христианства или конфуцианства. И многие люди после Русской революции 1917 г. марксизм воспринимали именно как универсальное учение, способное ответить почти на все вопросы общественной и личной жизни. В советский период на основе такого широкого восприятия марксизм превратили в специфическую светскую религию («марксизм-ленинизм») со своими догматами веры, писаниями, проповедниками, процедурами и наказаниями за ересь. Поэтому примем, что можно говорить о марксизме в узком смысле слова (как научной теории) и в широком (как общечеловеческом мировоззрении).

Советские обществоведы под влиянием сталинизма пошли на преуменьшение значения научной стороны марксизма, на выхолащивание экономического детерминизма. Они доказывали возможность построения социализма в одной стране, причем экономически отсталой, что находилось в явном противоречии с классическим марксизмом. Ведь этот вопрос является ключевым для понимания марксизма вообще и его российской интерпретации в частности. Та или иная позиция в этом вопросе и характеризует отношение к марксизму.

После развала СССР в 1991 г., оказалось, что точка зрения советских обществоведов была или неправильной, или немарксистской. Скорее и то и другое. Ведь не может общественный строй (социализм) сам собой развалиться в несколько дней без явных внешних факторов (война, оккупация, природные катастрофы и т. п.). Значит, в СССР было не социалистическое общество в точном марксистском смысле слова, а некоторое иное общественное образование. Тем самым, XX в. блестяще подтвердил правоту марксистской теории общественного развития, правоту материалистического объяснения истории. Социалистическое общество может сформироваться только как общемировой процесс на базе передовых в экономическом и культурном отношении стран. Это главный вывод из уроков XX в., который убедительно показал правоту классического марксизма.

Нынешний век в первых своих десятилетиях будет продолжать подтверждать материалистическую правоту марксизма. Сегодняшний мировой финансово-экономический кризис блестяще тому подтверждение. Экономика пока еще диктует особенности всякого, в том числе и политического устройства общества. Но уже сегодня, с развитием постиндустриальных тенденций становится ясно, что будущее общество может преодолеть экономическую детерминированность общественного развития. Будущее общество можно будет сознательно формировать так, как это будет считаться разумным большинством людей, исходя из научно выработанных представлений. Другими словами, идеи о лучшем устройстве станут формирующим общество фактором. Произойдет переход от материалистического понимания истории в идеалистическое ее формирование.

Но будет ли это означать отказ от марксизма? Отказа в любом случае не будет. Просто узкое понимание марксизма как научной теории в постиндустриальном обществе постепенно угаснет. Но значительно актуальней и реальней будет мировоззренческое понимание марксизма. Более того, само это мировоззренческое понимание будет намного богаче и сложнее, чем это можно себе представить сегодня.

Таким образом, второй вывод, который можно сделать из уроков конца того же XX в. состоит в том, что *сам марксизм в новом веке*

претерпит определенные, а возможно, и существенные изменения. В конце концов можно представить и такое положение, что марксизм к концу XXI в. перерастет в более общую и универсальную социальную теорию. Однако это очень далекая перспектива, и не она сегодня определяет тонус научного понимания социальных проблем.

К.и.н., доцент П.М. Кудюкин (Государственный университет — Высшая школа экономики) начал с весьма уместной ремарки: не вызывает сомнения, что постсоветские марксисты существуют. Иначе кто же сидел бы за этим круглым столом? Но вопрос о постсоветском марксизме много сложнее, и для ответа на него прежде всего стоит обсудить вопрос о границах марксизма вообще. Может быть, правильнее даже говорить о марксизмах во множественном числе.

Марксизм плюралистичен и разнороден уже в своем истоке — в мысли К. Маркса. За 40 лет творчества его мысль не стояла на месте, к тому же включала как научные, так и идеологические (или лучше сказать — с учетом концепции К. Маннгейма — утопические) компоненты. Маркс оставил нам гораздо больше вопросов, гипотез и догадок, чем ответов и завершенных концепций. Поэтому в дальнейшем развитии от абстрактного к конкретному (или в другом измерении того же процесса — от теории к практике) неизбежно актуализировались разные стороны Марксова наследия. Как в ответах на сакраментальный вопрос «*was Marx wirklich sagte?*», так тем более в движении вперед с рубежей, на которых остановился классик, марксизм ветвился. Добавим, что эти ветви разнообразно взаимодействовали с иными научными и идеологическими течениями и школами.

В таких условиях важно избежать нескольких опасностей. Первая — растворение марксизма в розоватеньком общегуманистическом и общедемократическом море с утратой всякой специфики, а главное — связи с реальной борьбой за преодоление капитализма. Сюда же относится и феномен «прокапиталистического марксизма», марксизма как апологетики капиталистического развития. Ничуть не меньше и противоположная опасность — превращения марксизма в квазицерковь с ортодоксией и еретиками, расколами, взаимными отлучениями, папами и антипапами... И опять же с сектантским отрывом от практики как итогом.

Вообще связь с практикой освободительных движений — важная сущностная характеристика марксизма. Это не значит, что каждый, занимающийся теоретическими вопросами в марксистской парадигме, обязан быть участником практической деятельности (в конце концов, темпераменты у людей разные), но то, что теоретический поиск должен быть связан с вопросами жизни, с моей точки зрения, обязательно. А. Грамши ведь называл марксизм «философией практики» не столько

по цензурным соображениям (маскировка-то более чем прозрачная, особенно с учетом итальянской интеллектуальной традиции от А. Лабриолы до Р. Мондольфо), сколько именно так его понимая.

И именно здесь самая слабая сторона того, что можно называть постсоветским марксизмом. В силу целого ряда и глубинных, и конъюнктурных обстоятельств мы скорее обитатели некоего академического гетто (и здесь ситуация очень похожа на американскую), чем органическая составная часть реального массового движения. И именно в преодолении такой ситуации и коренится вопрос о будущем марксистской традиции в нашей стране.

Марксизм: социалистический идеал и «реальный социализм»

Эта тема — тема социалистического идеала и его реализации в XX в. в ряде стран, называвших себя социалистическими, так же не могла не вызвать повышенного интереса. Известный тезис о социализме (точнее, даже коммунизме) как пространстве культуры представил **В.М. Межуев**. Он подчеркнул, что в данном выше определении ему принадлежат только слова, а саму идею он, конечно, вычитал у Маркса. Далее он продолжил: но и Маркс, как я понимаю, не является первым автором этой идеи. Задолго до него гуманисты эпохи Возрождения вслед за античными философами усмотрели единственно достойную для существования человека земную нишу в царстве свободы и разума, которое неминуемо придет на смену всем иным формам общественного бытия. Данная мысль стала сквозной для всей классической философии Нового времени. В эпоху Просвещения границы человеческой свободы будут осознаны как границы культуры, а история культуры предстанет как история «образования» индивида в качестве свободного и разумного существа. «История есть прогресс по пути свободы», скажет Гегель. В своем понимании коммунизма Маркс лишь придаст этой идее характер историко-материалистического учения, попытается обосновать ее посредством анализа логики развития капиталистического производства.

Необходимость свободного труда, приходящего на смену наемному труду, несомненно, рождена всем предшествующим экономическим развитием, но можно ли считать эту необходимость экономической — вот в чем вопрос. Почему-то Маркс считал такой труд не свободной экономикой, а свободой от экономики, от экономической необходимости.

Свободное время — это тоже время производства богатства, но такого, которое не отчуждено от человека, предстает как богатство самого человека, как человеческое богатство, т. е. в форме не капитала, принадлежащего частному лицу, а культуры. *Культура по самой своей*

природе есть то, что принадлежит каждому. А то, что принадлежит мне, как и любому другому лицу, создается и присваивается не в рабочее, а в свободное время. Коммунизм и есть общество, в котором культура предстает в адекватной себе форме — в форме богатства, принадлежащего каждому и потому всем. В этой форме она и становится объектом общественной собственности. То, что принадлежит каждому, принадлежит всем. Собственность каждого, индивидуальная собственность — это собственность человека на всю культуру, и приобретает она не в рабочее, а в свободное время. Труд, создающий эту собственность, носит характер не экономической, а культуросозидающей деятельности. Вот почему я всегда считал теорию коммунизма не экономической, а культурологической теорией.

Короче, для изучения труда за пределами рабочего времени требуется совсем другая наука. Материя, таким образом, не исчезает в условиях свободы, но становится формой ее проявления, т. е. тем, что Э.В. Ильенков называл «идеальным» и что можно также назвать культурой. В этом качестве она изучается науками не о природе (по методу своего исследования), а о культуре. Культура — человеческая форма существования материи, или материальная форма существования свободного человека.

Традиционно оппонентом В.М. Межуева стал **Б.Ф. Славин**. Он подчеркнул, что историческая практика свидетельствует: не решив проблемы частной собственности, нельзя сразу перейти ко всеобщей собственности. Знания и идеи не имеют практического значения, пока они не материализованы в технологиях или не овладели массами. Научные идеи, открытия, изобретения, результаты художественного творчества по своей всеобщей природе, конечно, противоречат частной собственности, но они, сами по себе, ликвидировать ее не могут: историю делают, как любит повторять сам Межуев, не вещи, не идеи, а люди. И пока они не решат практически проблему частной собственности, социализма и тем более коммунизма, никогда не будет. Межуев не хочет революций и потрясений, но хочет найти некую «общественную форму», в которой человек, освободившись «от власти экономических и политических институтов», получит «наконец возможность и условия для свободного развития своих способностей и талантов». Думаю, его поиск в этом случае, обречен на неудачу.

В то же время, на мой взгляд, ленинская концепция социализма, в частности, его теория нэпа, как раз дают ответ на то, как следует на практике решать проблему частной собственности. Пренебрегать ими, значит не только игнорировать подлинный марксизм, но и, вообще, бежать от реальной действительности с ее сложными экономическими и политическими проблемами.

Соединяя размышления о социальном идеале с реалиями попыток их реализации д.ф.н., профессор Г.Г.Водолазов (РГГУ), размышляя о месте и значении книги «Социализм—21» в контексте современной политической и идейной жизни современной России, сделал акцент и на контексте, и на *природе «реального социализма»*.

Суть этого «контекста»: всеобщий, масштабный, расширяющийся кризис российского общества. Среди прочих его аспектов — кризис общественного сознания, потеря исторических ориентиров и перспектив. Разлитие пессимизма. Идейная депрессия.

Ни идеалы «реального социализма» (в его сталинско-брежневской версии), ни идеология современного «реального капитализма» не способны указать пути выхода из нынешнего исторического тупика.

Система идей книги «Социализм—21» дает ключи к пониманию того, как нынешняя ситуация возникла, намечает ясные и реалистические пути выхода из не, пути преодоления депрессии. Она дает надежду.

В чем новизна ее подходов?

Оценка прошлого: то, что сложилось к середине 1930-х гг. и существовало до начала 1990-х, не было социализмом. Ибо это не было обществом общественной собственности, социального равенства и власти трудящихся. Вся полнота власти и распоряжение собственностью были в руках бюрократии. Но не будучи социалистическим, это общество не было и капиталистическим. Оно, по мнению ряда авторов книги, было государственно-бюрократической формацией (социальное образование, возникновение которого не предусматривалось в классических социалистических текстах, но которое возникло в специфических условиях исторического развития России). Так что не «социализм», а эта «государственно-бюрократическая формация» и рухнула в конце 1980-х гг. А дальше — путь к специфическому капитализму, по которому спешила (с 1987 г.) пойти значительная часть господствующего *бюрократического сословия* (мечтавшего о «приватизации» полученных им в советский период привилегий и расширении их через использование командного, государственно-бюрократического ресурса в деле присвоения богатств, которые были тяжким трудом наработаны в предшествующие годы трудящимися страны), *теневая припартийная, приноменклатурная экономика* (вся эта система «Управления делами, пронизовавшая партийно-государственный аппарат сверху донизу), а также проходимцы и жулики всевозможных мастей. В результате всевозможных ухищрений («приватизации до приватизации», жульнических приватизационных аукционов, жульнической ваучеризации, обрушения денежных накоплений граждан, преступного «дефолта» и т. п.) и сложился в 1990-е гг. *криминально-монополистический, но-*

менклатурный капитализм, породивший нынешний системный кризис.

В книге предлагаются пути выхода из него. Сегодня — только о двух идеях разрабатываемой авторами программы. Первая задача: разлитие знаний о происшедшем (в духе идей книги), формирование нового типа политической культуры — то, что составляет содержание эпох Просвещения, готовящих коренные социальные изменения. И вторая: сочетание просвещенческой деятельности с практической, в основе которой споспешествование развитию институтов и структур гражданского общества, низовой демократии — что можно было бы назвать «стратегией горизонтали». И подобно тому, как когда-то, в февральско-октябрьскую эпоху 1917 г., демократы и гуманисты требовали «Вся власть советам!», так сегодня было бы уместно требовать: «Вся власть гражданскому обществу!» — через формирование и деятельность его союзов, объединений, движений, через формирование реальной многопартийности, через обеспечение реальной свободы слова и создание общественных СМИ, не подконтрольных ни бюрократии, ни олигархам, через коренные демократические преобразования в экономической, социальной, культурной сферах. На этом пути и будет постепенно формироваться общество, которое авторы называют «пространством культуры» (Межуев), «царством свободы» (Бузгалин), «реальным гуманизмом» (Водолазов).

Тему «реального социализма» в контексте закономерностей развития социальных процессов специфически поставил **д.ф.н., профессор В.Г. Арсланов**. «Почему так плутает история?» — так он сформулировал центральный вопрос своего выступления. По его мнению, постсоветский марксизм и существует, и не существует. Существует как ряд материальных человеческих тел, но как реальное течение мысли не существует, ибо не дал ответы на вопросы дня. А поскольку познавать можно только в деятельности (что показал Кант), в практике преобразования, то, не участвуя в практике (хотя бы только интеллектуальной), марксизм перестает быть реальным течением мысли. Причина тому — не только субъективные недостатки нас, современных марксистов, а объективная темнота реальности. Причем темной эпохой был, например, серебряный век имперского Рима, который, как показал Т. Моммзен, вступил в стадию своего кризиса — разложения республиканских основ — тогда, когда Рим достиг невиданного ранее материального могущества, расширения своих территорий. Могущество и расцвет, достигнутые Римом на неадекватной античному способу производства почве, привели в конечном итоге к гибели Рима и всей античной цивилизации. Тогда как варварские вторжения, материально разрушившие Рим и его культуру, парадоксальным образом спасли

античность, которая возродилась, будучи и разрушаемой и сохраняемой в темные века Средневековья германской общиной (основой феодализма).

Гегелевская идеалистическая логика, вобравшая в себя логику развития Французской революции, при всех своих достоинствах, все же не способна схватить реальное историческое движение, которое она выпрямляет, превращая в линейный процесс (тезис-антитезис-синтез). Квинтэссенцией истории XX в. (русской революции в первую очередь) явилась материалистическая диалектика, основные черты которой были намечены «течением» Мих. Лифшица — Г. Лукача 1930-х гг. Если для Гегеля есть только одно верное начало, которое появляется в конце развития, то для Лифшица отброшенное подлинным началом, отброшенное как ложное начало, сохраняет свое значение и может прийти на помощь зашедшему в тупик верному типу развития. Ибо все истинное определено, конкретно, а следовательно, и ограничено. Причем за пределы найденной верной ограниченности можно выйти, только получив толчок как бы извне — со стороны, например, справедливо отброшенного «ложного» начала.

Капитализм в XX в. не мог решить свои проблемы, но не перешел в свою собственную противоположность в силу внутреннего развития, как полагал Маркс. Мировая реформа послевоенного времени обязана СССР, как это понимают многие на Западе, даже К. Поппер. Социалистические революции на Востоке были, условно говоря, теми вторжениями варваров в цивилизованный Западный мир, который сам себя спасти не мог. Но при этом надо во всей полноте усвоить историческое чудо: варвары, разрушавшие Рим, усвоили не по принуждению, а по внутренним причинам, квинтэссенцию античной культуры — христианство, которое, в свою очередь, было синтезом античной философии (стоиков) и восточной мифологии. Таким образом, не только российская уравнилительная, пугачевская революция начала XX в. усвоила сливки западной мысли (марксизм), но еще более чудесным образом то же самое произошло с варварами, спасавшими античную культуру посредством ее разрушения — усвоения христианства. Разумеется, между разрушением и сохранением нет в данном случае простого тождества, тождество это не-гегелевского характера, в нем есть цель, в которую и проходит действительное содержание процесса (мысль Лифшица, сформулированная и опубликованная им еще в начале 1930-х гг.).

Возможно, мы вступаем в эпоху серебряного века капитализма, сумевшего реформироваться под влиянием ряда социалистических — обреченных на неудачу — революций, возродивших на новой социальной почве азиатский способ производства. Азиатский способ про-

изводства на новой промышленной основе и с квазимарксистской государственной идеологией — вот то, чего боялся противник большевизма Плеханов. Но ни он, ни Ленин не могли предположить, что этот уродливый государственный социализм явится необходимым звеном мировой истории, что он выведет из тупика западную цивилизацию посредством толчка «извне» — азиатского способа производства, ожившего и приобретшего могучую силу посредством того, что общинная «святая Русь» перестроится, впитав в себя марксизм, западную науку и технику. То, что мы называем в данном случае «извне» — действует как внешняя принудительная сила на Запад именно потому, что она вобрала в себя сливки западного развития. Увы, эти «сливки» в самой России давали среди прочего и такой результат, как возрождение крепостного права в середине XX в. и прочие прелести «державности», необходимо приведшие к краху великое восстание народов.

Наш «темный век», как мне представляется, заключает в себе столько смысла, что этот смысл пока не укладывается в те логические формы, которые были созданы чисто западным типом развития, увенчанном гегелевской идеалистической логикой. Вот почему тезис — социализм=культура — верен с тем дополнением, что культура серебряного века капиталистического способа производства, как и культура позднего императорского Рима, заключает в себе столько пороков, что может привести к самоуничтожению основ культуры. Завершаю, снова вспомнив о Канте, о его идее пороков, заключенных в самой культуре.

Полемизируя с В.Г. Арслановым д.э.н., **заведующий лабораторией А.И. Колганов (МГУ)** по ряду пунктов не согласился ни с параллелью «реального социализма» и варварского нашествия на Рим, ни с тезисом о внешнем воздействии тех или иных «варваров» как пути развития культуры, прогресса.

«Реальный социализм» был несоизмеримо более сложным явлением, нежели «азиатский способ производства» и рожден был закономерными противоречиями мирового капиталистического развития, вступившего в начале XX в. в этап империализма с его мощнейшими социо-пространственными конфликтами. И социально-культурные достижения мировой социалистической системы были не чем иным, как другой стороной «мировой реформы» — социализации Мировой капиталистической системы. И мучительные противоречия советской модели, включая массовое насилие и принудительный труд, были частью общемирового процесса, включавшего ядерные и не-ядерные бомбардировки мирных городов либеральными капиталистическими державами, и фашистскую модель позднего капитализма. Не СССР вывел из тупика «западную цивилизацию», а противоречия позднего капитализма, требовавшие рождения нового мира, но еще не сформирова-

ровавшего для этого достаточные предпосылки, породили и достижения, и пороки «мировой революции» и «мировой реформы». Противоречие рождавшегося «царства свободы» — на одном полюсе, новых форм подчинения труда капиталом и отчуждения — на другом, пронизывало и «реальный социализм», и «реальный капитализм» XX в.

Что же касается природы «реального социализма» в его сравнении с теорией рождения нового общества, то здесь следует искать не столько прямые совпадения или очевидные различия положений Маркса, высказанных во второй половине XIX в., и реалий СССР второй половины XX в., сколько обращаться к проблеме использования методологии Маркса и современного марксизма, для того, чтобы понять, как ту теорию и ту практику осмыслить исходя из задач движения к социализму в нынешнем, XXI столетии. И здесь оказывается, что очень многое из методологии Маркса и марксистов начала XX в. как раз позволяет понять, почему в Российской империи, Германии, Венгрии и т. д. почти сто лет назад совершились именно такие, «странные» по критериям абстрактной схемы «Капитала», революции. Да, это были революции не по «Капиталу» (и здесь Грамши был прав), но это были революции, отразившие все противоречия реальной диалектики исторического и логического в развитии всего мирового капитализма той эпохи.

Теория и особенно метод Маркса и — шире — марксизма — это не только основные положения его политико-экономического труда. Да и в этом труде далеко не все было и остается воспринято критиками Маркса и даже его сторонниками. В частности, за порогом внимания, как правило, остается Марксова теория формального и реального подчинения труда капиталу, в рамках которой он показал, что новый способ производства может возникнуть на неадекватной для него, относительно слабо развитой материально-технической и культурной базе. Именно таким был и так показан Марксом до-мануфактурный и мануфактурный капитализм. Такой новый строй не только может, но и должен развиваться в плену массы пережитков старой системы. Более того, он будет неустойчив и может погибнуть при сколько-нибудь неблагоприятных внешних условиях. Такими и были первые попытки рождения социализма в СССР, где появлялись ростки формального освобождения труда (этот термин мы с А.В. Бузгалиным ввели более 20 лет назад, развивая идеи своих учителей).

Далее, Маркс всегда подчеркивал мировой характер капиталистической системы и ее социо-пространственные противоречия, неравномерность генезиса и развития. Между тем в начале XX в. капитализм как целое (где есть метрополии и колонии, «центр» и «периферия») вступил в эпоху империализма, именно тогда он породил первую (пер-

вую в истории человечества) мировую войну... И именно тогда революция победила там, где противоречия были глубже всего и энергия социального протеста сильнее всего, а предпосылки рождения нового общества недостаточны. Отсюда глубочайшие противоречия советской системы, в которой так и не были решены многие проблемы капитализма XX в. (высокий потребительский стандарт населения, интенсивный тип воспроизводства, политическая демократия и т. п.), но были обеспечены новые, посткапиталистические подходы к решению проблем, которые ныне принято считать типичными для постиндустриального общества (приоритетное развитие общедоступных образования и здравоохранения, культуры и науки).

Иначе, чем А.И. Колганов, эту проблему рассмотрел **д.э.н., профессор С.С. Дзарасов (Институт экономики РАН)**, подчеркнув *достижения советской системы* как крайне противоречивого, но исторически прогрессивного социального образования, существенно продвинувшего общественное развитие в прошлом веке. Профессор Дзарасов, в частности, указал на систему мощной социальной мобильности и «возвышения» социально-униженных в прошлом слоев, наций и народностей. С.С. Дзарасов привел в качестве примера систему образования и воспитания в республиках Северного Кавказа, где даже в тяжелейших условиях накануне и после Великой отечественной войны были сформированы условия для личностного развития молодежи даже в малых городах и деревнях этой прежде глубокой периферии Российской империи. Кроме того, советская модель общественного развития, несмотря на все противоречия политического авторитаризма и широкого использования репрессивных методов, показала возможности развития в широких масштабах новых общественных форм развития (в том числе разнообразные методы планирования и государственного регулирования экономики, отношения солидарности и кооперации, общедоступности и приоритетного развития знаний и др.). Ряд из них уже в последние десятилетия западная наука «открывает» под именем «человеческого» и «социального» капитала.

В определенной мере соглашаясь с С.С. Дзарасовым, **д.ф.н., ведущий научный сотрудник Л.А. Булавка (Российский институт культурологи)** акцентировала другой аспект — она показала, что в рамках мировой социалистической системы и прежде всего СССР все же было создано некоторое реальное воплощение социалистического идеала и этим воплощением стала советская культура. Она была тем идеальным коммунизмом, которое реально присутствовало в жизни каждого человека в условиях «реального социализма». В этой культуре — в пространстве советского кино и музыки, книг и театров — человек (и автор, и художник, и зритель) жил в мире, законом которого

было деятельное разотчуждение. При этом существенно, что этот процесс разотчуждения был не только идеальным феноменом художественной культуры, но и частью социальной жизни каждого человека, который участвовал в культурном процессе, как активный сотворец любого художественного произведения. Герои кино и книг превращались в сотворцов реальных поступков советских людей в самых разных сферах, в том числе крайне далеких от искусства. Социальное творчество — от гайдаровско-тимуровских дворовых «команд» до героических поступков во время Великой Отечественной войны — было пронизано советской культурой, равно как и эта культура пронизывала всю ткань социального творчества. Так советская культура стала важнейшим слагаемым социальной практики разотчуждения.

В то же время нельзя не учитывать, что это всего лишь одна сторона реальной культурного процесса в СССР, то что Л.А. Булавка назвала *освободительной тенденцией*. Бюрократически-отчужденные, заидеологизированные формы как одно из слагаемых социалистического реализма так же были частью нашей действительности того времени.

Существенно, что эту двойственность, внутреннюю противоречивость советской культуры, как и всего советского проекта, нельзя адекватно отразить вне марксистского критического диалектико-материалистического прочтения. Только оно избавляет исследователя от заидеологизированных догм как сталинско-суловского, так и неолиберального толка, от превращения тогдашнего нашего культурного пространства и времени либо в идеальное воплощение идеологем, либо в однозначно тоталитарный феномен.

Как феномен мировой культуры советская культура оказалась обременена глубокими внутренними противоречиями, во многом едиными с противоречиями культуры Ренессанса. Вообще эпохи рождения социализма в СССР и Ренессанса, особенно итальянского, вызывают много исторических и методолого-теоретических параллелей (подробнее о них в книге А.В. Бузгалина «Ренессанс социализма»). И в том и в другом случае рождались новое общество, новый человек, новая культура. Это рождение взорвало прежние устои, породив небывалый взлет культуры и чудовищные политические преступления, волны насилия и жестокости. Наконец, и ренессансный, и советский проекты закончились поражением там и тогда. Но Ренессанс в историческом времени оказался победителем: добуржуазная эпоха личной зависимости и клерикализма ушла в прошлое. Быть может, так же победителем в исторической перспективе окажется освободительная тенденция советской культуры как мирового процесса разотчуждения и рождения идеального коммунизма? — этим вопросом была завершена интродукция Л.А. Булавки.

Социализм после «социализма»: критический марксизм и социал-демократия

Свое выступление, ставшее своеобразным постскриптумом к дискуссии, **д.ф.н., профессор В.Н. Шевченко (РАГС)** начал с нескольких слов о *деятельности журнала «Альтернативы» и возникшей вокруг него научной сети*. Я познакомился с ними, сказал В.Н. Шевченко, — более 15 лет назад, когда клубом были организованы и проведены публичные слушания по поводу расстрела Белого дома в октябре 1993 г. Тогда начался буквально разгул пещерного антикоммунизма. Вот в те годы разворачивается деятельность двух левых организаций, занявшихся осмыслением в новых условиях теории и практики марксизма. Я имею в виду РУСО и «Альтернативы». Некоторые из присутствующих в зале принимали активное участие в деятельности РУСО. Но оно сначала громко и уверенно заявило о себе, а потом как-то потерялось. «Альтернативы» не только выжили. Сложился небольшой, на редкость подлинно творческий коллектив. К концу 1990-х гг. «альтернативщики» стали активно обсуждать и пропагандировать свое теоретическое кредо — критический марксизм как марксизм постиндустриальной эпохи. Это был очень нужный и очень смелый шаг.

Я далек от мысли давать общую оценку проделанной за десятилетие большой теоретической и издательской деятельности. Названия книг, авторы статей и объемы публикаций говорят сами за себя. Но меньше всего, я так думаю, они нуждаются в похвале. Просто они недостаточно замечены нашей, прежде всего, левой общественностью. Причина тому, в общем, довольно простая. Наша общественность в своей массе перестает быть вменяемой, как только речь заходит о социализме и марксизме. Это все, мол, позавчерашний день и многие люди говорят, кажется не вполне искренне, что не понимают, как всерьез можно обсуждать сегодня вопросы марксизма и социализма.

Суть этой позиции от Ю. Лужкова (Капитализм и Россия, М., 2009) до Н. Шмелева, директора Института Европы РАН, такова: спор между капитализмом и социализмом закончился в XX в. И чтобы избежать употребления слова «социализм», теперь говорят о посткапиталистическом обществе, которое на поверку оказывается новым изданием капитализма.

Заслуга «альтернативщиков» и заключается в том, что они возвращают понятия социализма и марксизма в наше научное сообщество, общественную мысль, в научный аппарат, в наше повседневное общение ученых. Можно не разделять этих взглядов, но делать вид, что

всей этой проблематики не существует, такую позицию ученому, философу, на мой взгляд, просто невозможно принять.

Европа явилась родиной *двух универсальных общемировых проектов переустройства общества: либерально-демократического, капиталистического, или более широко, Проекта модерна и Марксова Проекта коммунистического общества* (Красного проекта), как общества реального гуманизма.

Здесь, конечно, нет возможности говорить обо всех сложностях их практической реализации в Европе и России. Я лишь обращаю внимание на одно замечание, высказанное в книге «Социализм 21» во введении. Авторы отмечают, говоря о неизбежных ограничениях границ исследования, что «ограниченным является наш диалог с теоретиками (И я добавил бы с социальными практиками — *В.Ш.*) западной социал-демократии». А это очень важная сторона дела.

Как сегодня оценивать теоретическую позицию и практический опыт европейской социал-демократии, почему даже наша левая общественная мысль с такой неохотой и сомнением принимает социал-демократические идеи? Ответ здесь дается в целом вполне понятный и правильный. Сомнения возникают по той причине, что *революционный марксизм и современная европейская социал-демократия по своим идейным позициям слишком далеко разошлись*. Впрочем, нелишне заметить, что существует весьма влиятельный в мире Социнтерн, что в недавние времена в почти половине европейских стран либо власть принадлежала социал-демократам, либо они находились у власти в коалиции с другими левыми и центристскими партиями. Правда, сегодня европейская социал-демократия переживает острый кризис, не первый, и, по всей видимости, не последний. Но долгосрочная тенденция просматривается: западноевропейское общество идет по пути медленной, постепенной реализации в жизнь социалистических ценностей. Установка — никаких утопий, реалистический взгляд на конкретные проблемы общества, которые должны решаться по мере их возникновения и обострения. Идти эволюционно от настоящего к будущему. Таков перед нами реальный путь, по которому идет значительная и весьма влиятельная часть левых сил Европы. Этот опыт для российских левых имеет двойственный и неоднозначный характер.

Хорошо известна последовательно критическая оценка деятельности социал-демократии со стороны революционного марксизма. Она состоит в том, что социал-демократия перестала быть революционной силой, отрицающей капитализм как общественную систему.

После событий 1991—1993 гг. многие отечественные ученые-марксисты изменили свое отношение к ревизионистской позиции ев-

ропейской социал-демократии. Академик Т.И. Ойзерман написал целую книгу в оправдание ревизионизма. Его вывод известен: «исторические последствия развития капитализма выявляют новые присущие ему возможности, которые благодаря своему превращению в действительность еще более чем в настоящее время будут способствовать благоденствию всего человечества».

Однако сами европейские социал-демократы о себе как о прямых пособниках капитализма не думают. Они считают свою линию принципиальной и правильной, несмотря ни на какие временные трудности и разногласия в практике решения конкретных задач.

В работах многих современных российских марксистов резко критикуются любые формы авторитарного, государственного социализма. Некоторые авторы вообще отказывают советскому (государственному) социализму в праве считать себя таковым, даже, если он будет называть себя ранним социализмом, а тем более социализмом с российской спецификой. Не было мол у нас в советские времена никакого социализма. Но все дело в том, что критерий оценки социализма оказывается у них сугубо европоцентристским.

Эта позиция, на мой взгляд, весьма опасна, если брать и оценивать в целом сложнейшую практику борьбы за реализацию идеалов социализма. Если все усилия советских людей были напрасны, то как сегодня убеждать россиян в том, что нужно еще раз попытаться встать на путь социалистического строительства в нашей стране. Но если раньше был кривой, косой — но социализм, тогда понятно, что прежние усилия все-таки привели к каким-то исторически значимым результатам особенно в сфере того, что мы называем народным, низовым социализмом.

Помимо сложных идеологических аспектов в позиции отрицания советского социализма, когда мы видим, что борьба за правду жизни убивает саму жизнь, здесь есть и серьезная философско-методологическая проблема. Необходимо разделить проблему содержания и перспектив социализма в Европе от проблемы содержания и перспектив социализма в России.

Социал-демократы уверены, что рано или поздно они достигнут того, что можно называть социализмом, но они строят социализм «для себя», для своей европейской цивилизации в соответствии с их представлениями о социализме. Это их выбор. (О критерии европейской социалистичности здесь нужно говорить отдельно). Но и социал-демократы, и правые партии едины в своем стремлении делать все, чтобы их страны оставались самыми развитыми странами в мире, оставались центром глобального мирового хозяйства, и они делают для

этого по большому счету все возможное. Я не очень вижу в социал-демократии Европы того субъекта, с практической деятельностью которого можно связывать достижение справедливого распределения выгод от глобализации мирового хозяйства между всеми странами мира.

Что касается многих стран периферии мировой экономической системы капитализма, в том числе и России, то для них путь эволюционного изменения общества, идущего по пути строительства капитализма, не может быть признан перспективным. Более того, он просто тупиковый путь. Потому что в этих странах всегда складывался и будет в дальнейшем складываться периферийный капитализм, зависимый и отсталый, и как его не улучшай, он не изменит своей сущности. Рано или поздно, как показывает история, периферийный капитализм заходит в исторический тупик, когда капитализм Центра переходит на более высокую стадию экономического развития.

Вот почему, чтобы социалистические ценности могли быть защищены и реализованы, для незападных стран нужна иная социалистическая стратегия, отличная от стратегии европейской социал-демократии. Важно иметь реальные возможности делать все для преодоления, прежде всего, зависимо, а затем уже и отсталого характера развития, нужно решительно ставить задачу смену целей экономического развития, которое должно быть направлено не на получение максимальной прибыли согласно законам рынка, и даже не на создание эффективно действующей социально ориентированной рыночной экономики. Это путь обманчивый. *Экономика должна быть ориентирована изначально не на рынок, а на решение проблем социальной сферы — демография, здоровье, образование, семья, жилье, одним словом, на повышение социального качества жизни.* Это принципиально другое понимание путей и способов движения к социализму.

Подготовила Л.А. Булавка

Обращение к читателям

В последние годы в отечественной экономической науке стал проявляться ряд негативных тенденций, обусловленных, в частности, недооценкой значимости теоретико-экономического знания, умалением его методологической роли, снижением численности студентов и аспирантов по данной специальности, заменой «экономической теории» на некую «экономику», снятием курса «история экономических учений» и т. п. Более того, даже там, где преподается экономическая теория, она представлена в определяющей степени одним — неоклассическим — направлением; лишь в некоторых ведущих вузах студенты знакомятся в достаточной мере с другими научными школами.

Особенно тяжелое положение сложилось в сфере политической экономии. Эта отрасль знания практически оттеснена на «задворки» экономической науки. Классическая политическая экономия и ее современные разновидности, классический институционализм, другие школы, не связанные непосредственно с неоклассикой и не являющиеся ее ответвлениями, преданы забвению и мало знакомы даже специалистам. Более того, выросло целое поколение экономистов-теоретиков, не владеющих методологией, логикой и культурой политико-экономического знания.

Между тем социально-экономическая практика, в том числе резко обострившийся после мирового финансового и экономического кризиса 2008—2010 гг. интерес к политической экономии во многих странах мира, убедительно свидетельствует о том, что наиболее глубокие проблемы и противоречия современной экономики не могут быть исчерпывающим образом раскрыты без обращения к фундаментальной экономической теории, ее методологии, к политико-экономическим исследованиям.

Все это обуславливает необходимость серьезных размышлений над проблемами реактуализации и развития политико-экономической теории как важного слагаемого экономической науки, образования, практики.

С целью обсуждения этих насущных проблем в Москве в середине 2010 г. прошла международная научная конференция, в которой приняли участие известные ученые, много десятилетий плодотворно занимающиеся политико-экономическими исследованиями. Результатом этой конференции стало обращение к редакторам ряда экономических журналов стран СНГ с предложением скоординированной публикации материалов этой конференции, инициирования дальнейших дискуссий по проблеме реактуализации и развития политической экономии, инициирования более тесной координации ученых и преподавателей в этой сфере.

Учитывая, что в настоящее время успешно развиваются национальные и международные ассоциации гетеродоксальной экономиче-

ской теории, что Международная политико-экономическая ассоциация (*World Association of Political Economy*), включающая известных ученых Европы, США, Китая, Японии и др., провела уже пять международных конгрессов и издает в Лондоне свой журнал (*«World Review of Political Economy»*), было целесообразно инициировать процесс создания международной ассоциации политико-экономов стран СНГ, учредительная конференция которой планируется на 20—21 апреля 2011 г. (Москва, МГУ).

Публикуя этот обзор материалов конференции по проблемам политической экономики, редакции журналов *«Социальная экономика»* (Харьков), *«Вопросы новой экономики»* (Киров), *«Terra economicus»* (Ростов-на-Дону), *«Альтернатива»* (Москва) и др., в том числе нашего журнала, предлагают читателям вместе поразмышлять над поставленными выше проблемами и возможными путями их решения.

Политическая экономия: место в системе экономических наук

Аннотация. В Москве 19 апреля 2010 г. прошла Международная конференция на тему: «Политическая экономия: реактуализация классики и новая теория социально-экономического развития», в которой приняли участие ведущие ученые из России, США, Индии, Финляндии, Казахстана, Украины. В докладах и выступлениях участников конференции были раскрыты потенциал политической экономии в решении проблем экономического и социального развития в XXI в., обоснована необходимость реактуализации политической экономии, включения ее в программу обязательных дисциплин для студентов-экономистов, показана важность дополнения экономикса политической экономией для изучения глобальной экономики знаний, кризисов и траекторий посткризисного развития.

Ключевые слова: политическая экономия, экономикс, Маркс, капитал, классики, неоклассики, гетеродоксальный, кризис, отчуждение, экономика знаний, глобализация, посткапитализм, царство свободы.

Abstract. In Moscow, 19 April 2010 the International Conference «Political Economy: re-actualization of classics and a new theory of socio-economic development» took place. The conference brought together leading scholars from Russia, USA, India, Finland, Kazakhstan, and Ukraine. The reports and speeches of participants were disclosed potential of the political economy in addressing economic and social development in the XXI century, the necessity of political economy re-actualization, its inclusion in the program of compulsory subjects for students of economics, shows the importance of the complement of economics in political economy to study the global knowledge economy, crisis and post-crisis development.

Keywords: political economy, economics, Marx, Capital, classics, neo-classics, heterodox, crisis, alienation, the knowledge-based economy, globalization, post-capitalism, the realm of freedom.

19 апреля 2010 г. в Москве в рамках Международного форума «По ту сторону кризиса: модернизационный потенциал образования, науки и культуры» прошла Международная конференция на тему: «Политическая экономия: реактуализация классики и новая теория социально-экономического развития». Организаторами конференции были: МГУ имени М.В. Ломоносова, Фонд «Альтернативы», Фонд Ф. Эберта, Вольное экономическое общество. Хотелось бы специально отметить, что представители последнего — руководитель секции «Политическая экономия» д.э.н., проф., первый заместитель директора Института экономики РАН, член-корреспондент РАН Д.Е. Сорокин и ученый секретарь, заместитель руководителя секции «Политическая экономия», д.э.н., проф. В.В. Каширин при подготовке конференции акцентировали внимание на важности развития политической экономии как научной и учебной дисциплины, создающей важные предпосылки для теоретического обоснования адекватной конкретным общественным системам и их специфике экономической политики, учитывающей, кроме того, глобальный и специфически исторический контекст, позволяющей сопрягать собственно экономические, социальные, политические, цивилизационно-культурные параметры в рамках экономических исследований и в процессе преподавания экономических дисциплин.

В центре внимания участников конференции находился вопрос о месте политической экономии в системе экономических наук.

Потенциал политической экономии и необходимость ее развития

А.В. Бугалин (д.э.н., проф. кафедры политической экономии экономического факультета МГУ): Засилье экономической теории, которая получила обобщенное название «экономикс», породило две волны сопротивления.

1. Пассивную — когда под видом экономической теории вопреки стандарту некая толика преподавателей, особенно в российских регионах, на Украине, в Казахстане читают микро- и макроэкономику, включая в курс компоненты классической политической экономии.

2. Открытую — когда ученые предлагают альтернативные курсы, и до недавнего времени это было уделом факультативов и «полупартизанских» акций.

В последнее время ситуация стала меняться. Экономический кризис, помимо недостатков, имеет и некоторые «плюсы», хотя мы бы

предпочли, чтобы «плюсы» были без кризиса. В результате кризиса возникла новая волна интереса к политической экономии.

Все это позволяет поднять целый ряд вопросов, которые в рамках курсов микро- и макроэкономики с добавлением неоинституционализма рассмотреть и представить невозможно. Здесь мы специально оставляем в стороне классический институционализм, историческую школу и другие направления экономической мысли, близкие к классической политической экономии. Какие это вопросы?

Первый блок. Исследование экономики как совокупности конкретных, исторически ограниченных экономических систем. Если посмотреть на подавляющее большинство учебников микроэкономики, то мы в них не увидим грани между экономикой «вообще» и рыночной экономикой. Во введении иногда выделяются разные типы экономик, а затем даются характеристики рыночной экономики. И даже нет вопроса о начале и конце тех или иных типов экономик — рыночной, натурально-хозяйственной, плановой. Или же отношения личной зависимости и какие-то другие отношения труда и капитала, помимо отношений найма.

Второй блок. Политическая экономия основана на диалоге экономики с другими общественными сферами, но не на основе «экономического империализма», когда принципы рационального поведения, максимизации полезности и оптимизации выбора из сферы рыночной экономики переносятся в сферу политики, духовной жизни и даже в отношения любящих супругов (теория «человеческого капитала» Г. Беккера). Политическая экономия предполагает несколько иное: использование общеполитических, общесоциальных, общегуманитарных методов для исследования экономики в диалоге с социальной, политической, духовной сферами. Это другой подход. Это подход целостных общественных наук, который позволяет работать на стыке разных дисциплин, не подавляя специфику любой другой сферы.

Третий блок. Политическая экономия жестко выходит на проблему экономических субъектов и социальной структуры, ее экономических детерминант. Этот выход позволяет показать, что есть экономически обусловленные социальные слои, классы, производные от классов страты. Это вывод не только К. Маркса. Он был сделан до Маркса и развивается во многих политэкономических работах после Маркса и вне Маркса. Этот вывод позволяет поставить вопрос об экономических интересах, об их противоречиях и об анализе экономических процессов с точки зрения того, чьи интересы скрываются за теми или иными решениями.

Четвертый блок. Политическая экономия включает в себя анализ взаимодействия экономики и технологических основ, общества и при-

роды, экономики и социально-политических процессов. Очень редко в учебниках микро- и макроэкономики можно найти описание экономической системы на основе технологических параметров и тех или иных социально-политических отношений. Между тем, если общество базируется на ручном труде, то поведение человека, мотивация, ценности, социально-экономические отношения будут одни, если индустриальная система — совершенно другие, если креативная деятельность в постиндустриальном обществе — третьи. Проблема обратного влияния — какой тип технологий создает та или иная экономика — практически вообще не рассматривается. Но если мы посмотрим на современную экономику, то увидим специфический тип технологий: за последние 50 лет человечество мало продвинулось в технологиях материального производства и в сфере формирования человеческих качеств. В медицине есть продвижения, но не революционные. Мы летаем на самолетах с той же скоростью (900 км/ч), что и 50 лет назад, на машинах стали ездить не быстрее, а даже медленнее — сейчас средняя скорость движения по Москве — 10—15 км/ч. Мы создали компьютеры и Интернет, но непроизводительно используем 98% их ресурсов.

Все вышеназванные блоки дают основание показать политическую экономию как ту науку, которая: (1) дает возможность стратегического анализа важнейших социально-экономических и экономико-политических процессов, происходящих сегодня; (2) полезна для всех — от социальных движений, профсоюзов и других организаций, которых прежде всего интересует социальная составляющая экономики, до бизнеса, который хочет знать, как лучше всего мотивировать конвейерного рабочего, а как — креативного директора; (3) важна для студентов, которые хотят не просто уметь рисовать кривые по чужим данным, где реальная экономика — частный случай, а хотят прежде всего получить представление о реальных экономических процессах, тенденциях; (4) дает понимание политическим деятелям, которые хотят (пусть даже и из эгоистических интересов) проводить грамотную экономическую политику.

А.И. Колганов (д.э.н., зав. лабораторией по изучению рыночной экономики экономического факультета МГУ): Я хотел бы поддержать тезис о том, что для восстановления позиций классической политической экономии в экономической науке необходимо употреблять полученную нами политико-экономическую культуру знания (Р.М. Нуреев) для того, чтобы находить ей применение во множестве смежных областей. И тем самым доказывать на практике ее значимость.

Поддерживаю также мнение А.В. Сорокина, который говорил о необходимости синтеза и попыток инкорпорировать имеющиеся эконо-

мические доктрины, которые мы считаем предназначенными для изучения поверхностного слоя экономической жизни, в доктрину более фундаментальную, с тем, чтобы одно объясняло другое.

Считаю, что Г.Н. Цаголов прав в том, что пора «выйти из-за спины Маркса».

Но здесь существует серьезная проблема, которая этому мешает: мы с вами являемся носителями вот этой политико-экономической культуры. Но воспроизводится ли она в научном сообществе? Ответ: нет, не воспроизводится. А если и воспроизводится, то в суженном масштабе. Потому что мы не в состоянии при той структуре преподавания экономической теории, которая сейчас сложилась, передать студентам свою культуру системного диалектического изучения категорий, отражающих производственные отношения. У нас нет на это времени и возможностей в рамках тех учебных планов, которые существуют. Мы можем сколько угодно демонстрировать студентам преимуществ политико-экономии в понимании конкретных явлений через различного рода ответвления экономической теории, но вот эту культуру, которую мы впитали с изучением «Капитала», передать им не в состоянии.

И вот о восстановлении этой культуры, безусловно, следует подумать очень и очень серьезно. Потому что без этого все то, что мы делаем, с течением времени уйдет в песок и не будет воспроизводиться. Вот в чем заключается ключевая проблема.

Можно ли как-то продвинуться в решении этой проблемы в рамках существующих возможностей? Я вижу здесь два пути, две ступеньки, которые надо одолеть, чтобы двинуться дальше.

Во-первых, надо не дать нашему опыту пропасть бесследно. Для этого было бы полезно изложить накопленный нами опыт и политико-экономическую культуру в серии публикаций, чтобы хотя бы таким образом сделать эту культуру доступной. Понятно, что это отнюдь не решает проблему преемственности, воспроизводства политико-экономической культуры. Но, во всяком случае, это шаг в нужном направлении. Студенты должны иметь возможность опереться на источники, демонстрирующие им не только классическое наследие, но и подходы к его изучению, и современную интерпретацию классического наследия.

Нам необходимы работы по предмету и методу политической экономии, по диалектике «Капитала», равно как и работы, показывающие приложение политико-экономического категориального аппарата к исследованию современных проблем. Не помешает нам и расчет с нашим собственным политико-экономическим прошлым, честный анализ наших достижений, промахов и заблуждений.

Во-вторых, следует вести работу по постепенному восстановлению престижа политико-экономического знания. Современный экономический кризис дает нам хороший повод для такой работы, и им надо в полной мере воспользоваться. Стандартные неоклассические подходы оказались несостоятельными перед лицом экономического кризиса, а политическая экономия имеет в своем арсенале теоретический аппарат для анализа причин циклических кризисов. Есть, разумеется, и другие аргументы, связанные в первую очередь с тем, что политико-экономический взгляд на хозяйственную реальность затрагивает такие ее пласты, которые вовсе не исследуются неоклассической теорией.

И здесь, кстати сказать, призыв «выйти из-за спины Карла Маркса» должен сыграть очень большую роль. Потому что на простом повторении культуры «Капитала», конечно, мы далеко не уедем. Безусловно, необходимо культурой «Капитала» овладевать. Это шаг, который является абсолютным императивом для того, чтобы воспитать грамотного политэконома. Но одного этого сейчас, разумеется, недостаточно.

Здесь говорили о тех вызовах, которые современная действительность бросает теории стоимости, теории прибавочной стоимости. Сам Маркс предсказывал разложение стоимостных отношений с развитием капитализма. Что мы сейчас и наблюдаем. А у нас есть теоретическое описание этого разложения стоимостных отношений в современном капитализме? Какие-то соображения на эту тему есть, но единичные. Далее. Проведено ли это наше понимание вот только-только начинающего формироваться разложения стоимостных отношений в современном капитализме через всю категориальную систему производственных отношений капитализма? Например, как влияет разложение стоимостных отношений на отношения капиталиста и наемного рабочего? А что, сам капитал как производственное отношение застыл в неизменности? Все это уже давно надо было исследовать, но этого не сделано совершенно, за малыми исключениями. Надо двигаться вперед.

Откликнулась ли наша отечественная политическая экономия на такие тенденции современного капитализма, как глобализация и сдвиги в постиндустриальном направлении? Да, но с запозданием. Мы фактически плетемся в хвосте тех разработок, которые были сделаны за рубежом как западной леворадикальной политической экономией, так и представителями развивающихся стран. Может быть, и нами сказано кое-что заслуживающее внимания, но это уже выглядит как комментарии к работе, проделанной до нас.

Только двигаясь вперед, мы сможем с полным основанием пробивать те стены, которые сейчас воздвигнуты на пути преподавания политико-экономического знания, и должны доказывать не только свои

способности, не только свою практическую полезность, но и свою мощь как исследователей.

Размышления о важности возрождения и продвижения политической экономии, об актуальных задачах политэкономов продолжил **М.И. Воейков (д.э.н., проф., зав. сектором Института экономики РАН)**: Отмена и почти запрещение политической экономии как научной и учебной дисциплины внесли растерянность и даже разброд в рыхлые ряды постсоветских политэкономов и экономтеоретиков, которые в большинстве своем те же самые политэкономы. Многие с кислым выражением принялись осваивать западный экономикс, некоторые исподтишка втискивают в него старые, проверенные жизнью и опытом политэкономические категории, некоторые отчаянно сопротивляются. У большинства же стоит в душе стон: верните нам политическую экономию!

Почему стон? Конечно, этому есть много причин. Назову, может быть, главную. Политическая экономия в российской интеллектуальной традиции (со второй половины позапрошлого века) была не только набором рекомендаций и указаний — что и как надо делать в народном хозяйстве, но, прежде всего, помогала пониманию этого хозяйства и путей развития общества. Со всей очевидностью это проявилось в дискуссии между народниками и марксистами. С тех пор политическая экономия в российской традиции несет мировоззренческую или философскую нагрузку.

Утверждая, что проблемное поле классической политической экономии истончается, тем не менее надо признать, что оно еще есть и требует политэкономического осмысления. Это относится как к старым проблемам, так и к новым. Например, как понимать и трактовать те же самые фидуциарные деньги, процент за кредит, ренту, распределение и т. п.? Или проблема материального производства. Известно, что в сфере материального производства занято все меньше и меньше людей. Как-то Р. Дарендорф представил расчет, по которому выходило, что в типичной стране ОЭСР на работу в материальном производстве тратится лишь 1% всего годового объема времени всего населения страны. Куда исчезает материальное производство? Политическая экономия занимается материальным производством (его вещной формой), но исчезновение последнего она должна объяснить. Сохраняется ли индустриальное ядро (В. Маевский) в современной экономике? Если нет, то, как вообще можно представить себе экономику? Может ли быть «общество знаний» без промышленности?

Возможно, ответ на эти вопросы лежит в проблеме сужения докапиталистической периферии. Капитализация мировой деревни (и «третьего мира» в целом) раздвигает поле политэкономического ис-

следования на периферию капиталистической мир-системы. На место этнографии приходит политическая экономия, которая призвана решить (или объяснить) проблему накопления и перемещения капитала от центра к периферии и возможности реализации прибавочной стоимости (Р. Люксембург).

В политической экономии появляются новые процессы, часть из которых даже получила название «новая политическая экономия». Суть этих процессов сводится к распространению политэкономического (или даже экономического) метода исследования на области, которые ранее не являлись предметом политэкономии. По мнению Дж. Бьюкенена, в новую политическую экономию включаются: 1) теория общественного выбора; 2) экономическая теория прав собственности; 3) экономический анализ права; 4) политическая экономия государственного регулирования; 5) неинституциональная экономическая теория; 6) новая экономическая история. Приведем некоторые названия работ в этой области: политическая экономия пространства, политическая экономия выбора (общественного выбора), политическая экономия терроризма, политическая экономия голода, политическая экономия демократии и т. п. Таких работ много, не все они удачны, но характерная их особенность состоит в том, что авторы стремятся с помощью политэкономического метода исследовать ранее не свойственные ей проблемы.

Еще в начале XX в. Туган-Барановский предусматривал, что в пострыночном обществе политическая экономия частью превратится в теорию экономической политики. Любопытно, что в СССР с конца 1920-х гг. стала развиваться концепция политической экономии «в широком смысле», как бы пригодная для пострыночного общества. Можно также заметить, что данная концепция онтологически весьма близка к «новой политической экономии».

И, пожалуй, самое важное. Сегодня появилось новое поле исследований политической экономии на границе рынка и нерынка. Тут можно выделить две линии. Первая — то, что есть процессы, отношения и блага, которые по природе своей не имеют рыночного характера, но в силу всеобщности денежной экономики получают денежный эквивалент и предстают как результат овеществления, т. е. нерыночное благо начинает функционировать как рыночный товар. Другими словами, потребительная стоимость не через меновую, а непосредственно становится предметом политической экономии (Ж. Бодрийяр), или богатством становятся самопредставляемые вещи (М. Фуко). Другая линия обратная. Многие рыночные продукты (товары) в силу социальных ограничений и других причин перестают быть товарами (В. Ленин) и выпадают из нормального рыночного функционирования. Например,

общественные блага («опекаемые блага» А. Рубинштейн), для которых создается «квазирынок». Все это предмет политической экономии, но иной, нежели классической, которую лучше назвать постклассической.

В заключение меня могут спросить: при чем тут марксизм? На что можно ответить, что марксизм служит как бы переходом от классической политэкономии к постклассической. Марксизм венчает, завершает одну и дает толчок, начинает другую. Марксизм объявил и объяснил конец политической экономии как науки о неорганизованном социальном хозяйстве (Н. Бухарин). Постмарксизм (Д. Лукач, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, М. Фуко и др.) объясняет появление постклассической политической экономии.

И еще. Возвращаясь к российской политэкономической традиции, надо иметь в виду, что, в общем и целом, она была возвращена в лоне марксизма. Как отмечал еще Н. Бердяев, марксизм был процессом европеизации русской интеллигенции. Российскому интеллигенту в начале XX в., чтобы выглядеть современно и умно, надлежало быть марксистом. Конечно, с тех пор много утекло воды. Был Сталин, который вырезал многих марксистских интеллигентов (И. Рубин и др.), теперь американская мысль, которая часто путает марксизм и сталинизм (Ф. Хайек). Но есть Россия, есть российская интеллигенция, пронизанная марксизмом, — дело осталось за политической экономией.

Но речь должна идти не о воссоздании марксистской политической экономии. Такой нет и быть не может. Маркс был критиком классической политической экономии, он создал ее завершение, вершину. Выражение «пролетарская политическая экономия» бессмысленно, ибо цель пролетариата состоит в упразднении классов и, стало быть, самого себя (Д. Лукач). Вот этот процесс уничтожения («снятия») классов и вещного мира и призвана объяснять постклассическая политическая экономия, которая корнями уходит в марксизм.

Р.М. Нурсев (д.э.н., проф., заведующий кафедрой экономического анализа организаций и рынков Государственного университета — Высшей школы экономики): В странах Запада «Капитал» не произвел того впечатления, на которое рассчитывал автор, посвятивший этому труду более 20 лет. Новые принципы систематизации категорий стали интересны лишь последующим поколениям методологов второй половины XX в. Здесь оказалось интересным все: и формальная логика как предпосылка и момент диалектики, и метод восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале», и роль антиномий в процессе познания, а также их отражение в экономической системе, и «Капитал» как открытая система познания.

Историков мысли «Капитал» всегда привлекал как критика политической экономии, как образец бережного отношения к истории эконо-

номической мысли, скрупулезного использования источников, как попытка написания истории политической экономии по образцу и подобию «Истории философии» Гегеля (т. е. как история рыночной экономики, «взятая в необходимости», как история, воспроизводящаяся в развитии предмете).

Социологов привлекли идеи Маркса об основных формах экономических отношений и ступенях развития личности: диалектика взаимодействия природы и общества, единство собственности и труда, а также взаимосвязь индивида и общности, в которой Маркс выделял следующие ступени развития: личная зависимость, личная независимость, основанная на вещной зависимости, свободная индивидуальность — всестороннее развитие каждого как условие развития всех, концепция всестороннего развития личности («по ту сторону материального производства») как предпосылка и элемент современного постиндустриального общества.

Для специалистов по экономической истории и компаративистике представляют несомненный интерес метод единства исторического и логического, взаимосвязь технико-экономического и социально-экономического анализа, диалектика производительных сил и производственных отношений, единство формационного и цивилизационного подходов, история как естественно-исторический процесс и как результат деятельности людей, следовательно, больше политическая экономия в широком, чем в узком смысле слова.

Для институционалистов несомненный интерес представляет новый подход к анализу экономики и права, впервые реализованный в полном объеме в «Капитале». К. Маркс фактически выступает как предшественник институционализма. Он реализует новый подход к анализу экономической природы частной собственности, отличный и от подхода классиков политической экономии, и от леворадикальных критиков этой собственности типа П.-Ж. Прудона. Конечно, марксистская и неинституциональная теории прав собственности существенно отличаются друг от друга. Однако до сих пор представляет интерес проделанный Марксом анализ отчуждения и фетишизма в условиях рыночной экономики, овеществления лиц и персонификации вещей.

Несомненен и вклад Маркса в становление теории межотраслевого баланса. Конечно, Маркс выступает здесь как ученик Ф. Кенэ. Любопытно, что его абстрактная и конкретная теория воспроизводства оказались более универсальными, чем схемы Ленина, которые не выдержали испытания временем, предопределив гипертрофированное развитие первого подразделения в ущерб второму. Непонятая с позиции неоклассической теории равновесия марксистская теория экономиче-

ских кризисов получила своеобразное развитие в теории Шумпетера (1939).

Проявляет ли интерес к К. Марксу академическая наука развивающихся стран? Скорее да, чем нет. В условиях кризиса неоклассики на периферии капиталистического мира постулаты рационального поведения, на которых основаны современные микро- и макроэкономика, практически не работают. Здесь очевиднее плюсы и минусы развития капитализма и отражающей это развитие неоклассики. Здесь очевиднее проблемы бедности и богатства, статический характер современной западной науки. Отсюда нагляднее видны изъяны современного экономико-математического моделирования, опирающегося на теорию рационального выбора.

Маркс интересен везде, где осуществляются поиски альтернативы неоклассике. Неудивительно влияние марксизма на молодую историческую школу (В. Зомбарт) и австрийскую экономику (О. Бем-Баверк), на традиционный (Т. Веблен, К. Поланьи, Г. Мюрдаль) и новый институционализм (право и экономика), новую экономическую историю (Д. Норт, Н. Розенберг) и эволюционную экономику (Шумпетер), посткейнсианство (Дж. Робинсон, П. Сраффа) и леворадикальную экономику (П. Баран, А. Эммануэль, И. Валлерстайн).

Ю.М. Осипов (д.э.н., проф., зав. лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ): Какие объективные проблемы социально-экономического развития мира и России может решать политическая экономия и не решают микро- и макроэкономика? Это все социально-экономические вопросы, восходящие к способам производства и присвоения ресурсов, средств производства, продукции, образа жизни. Другой вопрос: как? Здесь потребно не воспроизведение прошлых решений, а обретение новых. Классика должна стать неоклассикой (не путать с самозванным неоклассическим синтезом). Соответственно выделяются основные разделы политической экономии как науки и учебного курса (в том числе проблемы использования критики классической политической экономии): собственность, присвоение, способ производства (в новых интерпретациях). Поэтому на вопрос: «надо ли, и если “да”, то как, где (не на экономических факультетах) преподавать политическую экономию?» есть только один ответ: «надо!». И в бакалавриате (первичное освоение), и в магистратуре (дискуссионное освоение).

Особенно актуален вопрос: «В каком направлении должна развиваться экономическая теория?». Моя позиция по данному вопросу достаточно обоснована и отточена многолетними традициями философии хозяйства: «в направлении философии хозяйства, но можно и социальной экономии».

У.Ж. Алиев (д.э.н., проф., вице-президент образовательной корпорации «Туран-Астана» (Казахстан)): Любая наука свое содержание выражает через систему социальных функций, выполняемых ею. Это утверждение справедливо и по отношению к такой базовой экономической дисциплине, как теоретическая экономика.

Под функцией теоретической экономики понимается не только один из ключевых элементов ее дисциплинарной структуры, но и служебная роль, назначение и «поведение» ее как науки. Другими словами, функция есть реализация на деле предмета теоретической экономики, т. е. способ существования и обнаружения ее предмета.

Надо сказать, что проблема системы функций теоретической экономики (а в ее рамках — политической экономики и экономикса, а также ныне преподаваемой экономической теории) до сих пор не стала полноценным объектом (и предметом) специальных исследований в виде диссертационных или монографических работ. Этому способствовало распространенное негласное мнение о функциях теоретической экономики как о чем-то малозначащем, не заслуживающем особого внимания. Применительно к различным ее направлениям они рассматривались вскользь в связи с другими проблемами данной науки, причем основной акцент был сделан на практическую ее функцию.

Проблема функций теоретической экономики актуализируется в связи с общей тенденцией повышения социальной роли науки вообще и экономической науки в частности в условиях глобализации макрохозяйственных отношений, а также современного глобального финансово-экономического кризиса и явно недостаточной реализации потенциальных возможностей теоретической экономики в исследовательско-познавательной, хозяйственной и учебно-образовательной практике. В этой связи прежде всего вопрос о функциях теоретической экономики должен занять подобающее место как в собственно научно-исследовательском, так и в учебно-образовательном процессе. При этом следует особо отметить, что главную трудность в данном вопросе составляет неразработанность методологии систематизации функций теоретической экономики, по которой в литературе имеются самые противоречивые суждения.

В методологическом плане систематизация функций теоретической экономики (как и всякой науки) должна, на наш взгляд, опираться на основные виды человеческой деятельности, куда входит и наука как специфическая социально-духовная и интеллектуально-информационная система: познавательная, оценочная, практически-преобразующая. Кроме того, следует также учесть и реальное положение, которое занимает теоретическая экономика в системе наук вообще, в системе гуманитарных наук, в системе собственно экономиче-

ских наук. Эти методологические подходы позволяют выделить следующие три основные функции теоретической экономики: гносеологическую (познавательную), аксиологическую (оценочную) и праксиологическую (прикладную).

Высшим социальным критерием и результатом функционирования теоретической экономики в целом является формирование интеллектуально и духовно развитой личности, свободной индивидуальности как истинного субъекта и богатства все более осознаваемого и предполагаемого социализированно-гуманистического общества.

Т.У. Садыков (д.э.н., проф. Образовательно корпорации «Гуран-Астана» (Казахстан)): Данная дискуссия строится сегодня вокруг трех основных моментов: предмет и метод, потенциал и перспективы политической экономии.

Наше поколение воспитано так, что, говоря о предмете, методе, мы всегда опирались на философский фундамент. И потому мы не должны разделять политическую экономию и философию. Сегодня поднимался целый пласт проблем, которые должна решать политэкономия, причем основываясь на философском фундаменте, — очеловечивание, духовные начала экономики, воспроизводство самого человека и т. д. Во времена СССР политэкономии давали широкую дорогу для преподавания. Мы были «подкованы», писали монографии, статьи и т. д. Но с тех пор политическая экономия подверглась серьезнейшему испытанию. Вплоть до того, что стали закрывать специальность «политическая экономия». Стали ее переименовывать. Но хуже всего то, что в преподавание экономической теории, или «теоретической экономики», нам ввели кредитную технологию. У нее есть свои плюсы, но это не компенсирует ее огромного минуса — сегодня мы сталкиваемся с отсутствием логического мышления у студентов, которое дается обществу с помощью наук. Мы видим, что чрезмерный упор на тестирование приводит к плачевным результатам. Видим это на примере государственных служащих, которые одну программу приняли, другую...

Сегодня также говорили про категориальный аппарат. Сама жизнь преподносит нам новые понятия — аутсорсинг, транзакционные издержки, экономическая синергетика, информационная экономика. Они все еще не имеют достаточного теоретического обоснования, работу в этом направлении можно продолжать. В этом плане «Капитал» К. Маркса не охватывает новые понятия, присущие постиндустриальному обществу. «Капитал» анализирует развитое индустриальное общество. Сегодня много говорили о понятии ценности. Нам, разумеется, на основе преемственности, нужны новые теоретические обоснования и категориальный аппарат для анализа квазиденег, информации как товара. Классические труд и капитал сегодня превращаются в зна-

ния и информацию, и новая политическая экономия должна теоретически осмыслить эти изменения.

Политическая экономия и экономикс

С.С. Дзарасов (д.э.н., проф. Института экономики РАН): Рассмотрим вопрос о соотношении политической экономии и экономикса и то, почему первая заменена вторым. Известно, что это было сделано А. Маршаллом в конце XIX в. Еще незадолго перед этим свой курс экономических знаний Дж. Милль называл «политической экономией». Однако со временем за пределами марксистской традиции почти повсеместно произошел переход от политической экономии к экономиксу. Сам Маршалл мотивировал произведенное им переименование необходимостью приблизить экономическую теорию к реалиям жизни, под которыми понимались нужды бизнеса, и дать предпринимателям путеводитель для осуществления своих деловых операций.

Было ли этой действительной целью Маршалла или за этим скрывались совсем другие, а именно социально-классовые мотивы, теперь едва ли точно можно сказать. Но стало ясно, что в действительности экономикс служит не столько познанию экономических явлений, сколько оправданию и воспеванию системы частного предпринимательства и свободного рынка. Социальная сущность экономических явлений в нем выброшена за борт, и все внимание переключено на изучение их функциональных зависимостей. Но как бы ни были важны последние, их знание без первой не может быть полным.

Маршалл писал учебник для настоящих и будущих бизнесменов, которым классическая теория стоимости и раскрываемые при этом отношения труда и капитала были поперек горла. Бизнес интересовали конкретные формы предпринимательской деятельности, благодаря которым можно получать максимум прибыли, чему и подчинена маршаллианская теория.

Долгое время «Принципы» Маршалла оставались непревзойденной настольной книгой бизнесменов.

Именно этим было положено начало повороту от классической политической экономии к неоклассической теории, а тем самым, от анализа реальности к ее изображению в угоду бизнесу в том виде, в каком явления выступают на поверхности экономической жизни. Классическая же традиция была другой. В ней реальность всегда представляла собой единство двух сторон: сущности и явления, формы и содержания, объективного и субъективного, видимого и невидимого.

В результате же произведенной Маршаллом операции удаления социальной сущности явлений форма оказалась оторванной от содержания. Подобный подход логически требовал того, чтобы им был сделан

и следующий шаг: отказ от названия науки «политическая экономия» и замены ее «экономической теорией», впоследствии названной еще проще — экономикс. Из этого вырос современный мейнстрим, в котором фокус внимания перенесен от социальной к биологической сущности человека как потребителя благ.

Исключение социальной сущности явлений из экономического анализа заключал в себе еще и другое преимущество для апологетики капитализма. Он открывал широкие возможности для математического описания экономических явлений и тем самым придания неоклассической ортодоксии видимости точной науки. Несомненно, что математические методы открывали новые, ранее невиданные возможности. Они позволяли углубить экономический анализ и раскрыть то, что невозможно сделать чисто логическим путем. Поэтому, едва ли кто будет оспаривать, что в известных пределах математизация экономической теории разумна и необходима.

Однако разрыв между теорией и практикой не прошел бесследно. Он вызвал большое недоверие к экономической теории, под которой обычно имеют в виду неоклассическую ортодоксию. Поэтому неслучайно именно она стала основным объектом критики альтернативных школ экономической науки.

Двадцатилетний рыночно-капиталистический эксперимент в странах бывшего СССР явился новой тестовой проверкой постулатов неоклассической ортодоксии. И что же? Проведенный у нас тест еще раз показал их несоответствие экономической реальности, и тем самым, по крайней мере, неполную научную состоятельность.

Если говорить о теоретических истоках провала одних стран и успеха других, то напрашивается вывод о несостоятельности неоклассической теории, из которой маршаллианство удалило социальный компонент. Вне социального контекста она стала годной в основном для оправдания капитализма, но негодной для преобразования общества к чему-то лучшему, т. е. созданию такой экономики, которая бы служила не обогащению одних за счет других, а повышению общей эффективности и благосостояния всего населения. Для таких целей необходима альтернативная экономическая теория, что требует отдельного рассмотрения.

Размышления о соотношении политической экономии и экономикса продолжил **А.В. Сорокин (д.э.н., проф. кафедры политической экономии экономического факультета МГУ)**: Фундаментальная наука перестает быть наукой, если она теряет способность объяснения очевидных явлений и закономерностей, отраженных в экономиксе. Экономикс не более чем описание очевидного. Метод экономикса —

математически-описательный, метод, который применяли Галилей и Ньютон.

Включение экономикса в модель «Капитала» (синтез) — актуальная задача политэкономии. Синтез — проблема, которая в принципе не может быть поставлена экономикса.

У многих коллег-политэкономов заметно пренебрежительное отношение к экономиксу и его методу. Да, экономикс — отражение непосредственно наблюдаемых, поверхностных явлений. Но отбрасывать экономикс нельзя. Маркс в третьем томе «Капитала» писал: «Анализ действительной, внутренней связи капиталистического процесса производства — дело в высшей степени сложное и требующее очень серьезного труда; если задача науки заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению, то само собой разумеется, что в головах агентов капиталистического производства и обращения должны получаться такие представления о законах производства, которые совершенно отклоняются от этих законов и суть лишь выражение в сознании движения, каким оно кажется. Представления купца, биржевого спекулянта, банкира неизбежно оказываются совершенно извращенными». Это относится и к экономиксу.

Мы считаем, экономикс может быть включен в модель «Капитала» в качестве подчиненного момента. Если бы «Капитал» писался сегодня, то, скорее всего, носил бы название «Капитал. Критика политической экономии, микроэкономии и макроэкономии». Понятно, что у политической экономии в широком смысле и экономикса — разные предметы. Предмет экономикса — тот же, что и предмет «Капитала» — совокупность производственных отношений современного, буржуазного общества, экономический базис, «богатство народов», или «богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства».

Богатство народов (ядро производственных отношений) было и остается предметом экономической науки: Смита, Рикардо, Сэя, Милля, Маркса, Вальраса, Кейнса. Только один ученый на букву «М», т. е. Маршалл, формально не отказываясь от анализа богатства, добавил к предмету «человека» с его поведением. И эта ветвь экономической науки, или маршаллианская версия неоклассики, получила название «мейнстрима». Эта версия с ее полезностями, предельными полезностями, кривыми безразличия выходит за рамки экономической науки и не синтезируется. Синтезу подлежит Вальрасова версия неоклассики, построенная математически-описательным методом.

Маркс опередил науку на столетие. В то время как политэкономическая мысль ориентировалась на три великих открытия естествозна-

ния — открытие клетки, учение о превращении энергии и теорию развития, названную по имени Дарвина и сводившую развитие исключительно к эволюционному развитию, Маркс применил генетический метод анализа экономической структуры общества. Генетический метод — это *диалектический метод* исследования, но здесь иная диалектика, отличная от эволюционного развития, диалектика «*современного общества*» как живого, развивающегося организма. Выделение генотипа из *материального*, конкретного организма и построение модели организма, *развивающегося из генотипа*, не что иное как *материалистическая диалектика* (принципиально отличная от идеалистической диалектики Гегеля).

Возвращаясь к проблеме синтеза, отметим, что в «Капитал» не вошли категории, которые еще не имели широкого хождения, либо были неясно выражены: валовой доход, сбережения, инвестиции, основные макротождества (они получают объяснения на уровне накопления первого тома и схем воспроизводства второго). Ключевые категории — спрос и величина спроса, предложение и величина предложения — синтезируются на уровне 1 главы первого тома.

Антагонизмы (демографический, экологический, научный) не могут быть решены внутри экономического базиса. *Их решение требует вмешательства надстройки (общества, государства). В анализе этих глобальных антагонизмов и возможных форм их разрешения и заключается задача политической экономии, предметом которой является базис во взаимодействии с надстройкой.* Генетический метод Маркса позволяет перенести центр тяжести политической экономии с анализа «ростков социализма» и различных переходных форм на выяснение реальных противоречий-антагонизмов, определяемых внутренними (генетическими) законами развития капиталистического способа производства. Проблема тотального износа основных фондов в России гораздо острее, чем проблемы постиндустриальной экономики.

В заключение отметим, что синтез экономикса — актуальнейшая задача политической экономии, и чем скорее она будет решена, тем лучше. Математически описательная микро- и макроэкономика элементарны и синтезируются, т. е. получают объяснение с позиций природы общественного богатства, за исключением маршаллианского осадка.

В качестве выводов отметим, что сегодня необходимы: 1) переосмысление «Капитала» с позиций генетического метода; 2) включение в модель «Капитала» микро- и макроэкономики; 3) радикальная перестройка курсов микро- и макроэкономики на основе модели «Капитала»; 4) переосмысление политэкономии как науки о надстроечной «оболочке» базиса, законы которого изложены в «Капитале», т. е. фак-

тически разработка новой политической экономии, отражающей реальные проблемы России и имеющей непосредственное применение в государственной политике.

М.Ю. Павлов (к.э.н., доцент кафедры политической экономии экономического факультета МГУ): Политическую экономию и различные теории менеджмента искусственно развели, хотя политическая экономия намного ближе к менеджменту, чем экономикс. Реальные управленцы, особенно высшие менеджеры охотно применяют многие выводы политической экономии на практике, а экономикс считают кабинетной наукой, которой почти нет места в реальном бизнесе.

Например, долгое время владельцы акций и потенциальные инвесторы пытались понять, от чего же зависит стоимость, капитализация фирмы. Стоимость фирмы пытались связать со стоимостью ее балансовых активов, с ее оборотом, прибылью, пока в 1957 г. не появилась работа, в которой Ф. Модильяни и М. Миллер, ставшие впоследствии нобелевскими лауреатами, убедительно доказали, что стоимость фирмы зависит только от одного показателя — ее будущих прибылей. Чем больше ожидаемая прибыль, тем выше стоимость акций. И стоимость фирмы не зависит от структуры ее капитала.

Необходимо интегрировать политическую экономию и теорию менеджмента — на стыке получится наука, которую уже давно ждут и теоретики, и практики.

О.Ю. Мамедов (д.э.н., проф. Южного федерального университета): Предлагаем рассмотреть проблему выхода за рамки узкого предмета мейнстрима через призму проблемы идентичности.

Единственной наукой, до последнего времени не обращавшей внимания на проблему идентичности, оставалась отечественная экономическая теория. Однако постоянно поднимаемые ведущими действующими политиками и практиками *вопросы о том, какая экономическая система нам подходит, а какая — нет, какой подражать, а какой не подражать, существует ли вообще универсальная экономическая модель или таковой не существует (вопросы, вдруг озаботившие все уровни начальственной иерархии), немедленно потащили экономистов к тому, от чего они долгое время благоразумно дистанцировались, а именно — к проблеме идентификации российской экономики.*

В признании или непризнании момента сознания в качестве «предметного элемента» экономической науки скрывается невидимая граница между научной экономической теорией и всеми разновидностями ее «мутации», как бы ни маскировалось это признание — в виде «предпочтений», «рациональности» или «выбора». Экономика как объект научного анализа — это сфера не того, что предпочитает или

выбирает производитель, а того, что он вынужден делать в данных исторически-производственных обстоятельствах.

Еще сто пятьдесят лет назад (!) другой пророк экономической науки объяснил: дело не в признании побудительных мотивов поведения производителей, а в том, что не идут далее, не исследуют, что лежит за ними, в их основе, что генерирует эти побудительные мотивы. *Предмет экономической науки как раз и находится в том пространстве, которое расположено «за» пределами побудительных мотивов поведения производителей, само формирует эти побудительные мотивы.*

Юристам, политологам, социологам привычнее отрицать универсальность экономических и социальных систем, что объяснимо — они «питаются» различиями, спецификой, многообразием этих систем.

Однако экономическая наука, стремясь к объективному отражению объективного мира, существенно отличается видением общественного устройства, в том числе и экономического. Это научное видение фактически совпадает с диалектико-материалистическим воззрением, которое — в ситуации его активного неприятия в силу различных обстоятельств — все равно сохраняется, но уже в интуитивно-осознаваемой форме, что создает дополнительные гносеологические сложности (до которых «неэкономистам» справедливо нет никакого дела).

Исходная научно-методологическая посылка концепции экономической идентичности — признание единства экономического устройства производства на данной исторической ступени его развития, общности его принципов, императивов, корреляций и тенденций, предопределяющих универсальный вектор движения всех национальных экономик — короче, все то, что из многообразия реального мира экономики вмещается в гениальную абстракцию, имя которой — «общественно-экономическая формация».

Р.С. Гайсин (д.э.н., проф., зав. кафедрой политической экономики Российского государственного аграрного университета — МСХА имени К.А. Тимирязева): Продолжу мысль, которая была высказана А.И. Колгановым по поводу воспроизводства политэкономической культуры.

Необходимо восстановить методологические семинары. И делать все, чтобы политэкономическая культура молодежи была значительно шире и не замыкалась на чисто количественных, функциональных зависимостях.

Рассматривать аграрные отношения с позиции только микроэкономики довольно сложно. Микроэкономика и микроэкономическая политика гробят наше село. Тот привычный образ жизни, та культура народная, та народная педагогика, социально-экономический охват

этих огромных территорий — все это буквально разваливается. Здесь нужны другие подходы, а для этого нужна другая концептуально-теоретическая основа.

Кризис: реактуализация политической экономии

К.А. Хубиев (д.э.н., проф., зам. зав. кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ): Актуальность политической экономии и необходимость ее восстановления в учебном процессе и научной работе усилились в связи с развертыванием мирового экономического кризиса по следующим, по крайней мере, основаниям.

1. Стало общепризнанным гипертрофированное развитие финансового сектора по отношению к реальному сектору. Большой критике подвергаются высокорисковые инструменты финансового рынка. Но в неоклассической теории нет теоретического обоснования различной природы реального и фиктивного капитала. Вообще, категория фиктивного капитала и его инфляционный потенциал теоретически раскрыты именно в политической экономии.

2. Кризис обнажил противоречие между производством и потреблением. Продажа потребительских товаров во время кризиса сократилась не потому, что в них стали меньше нуждаться, а потому, что созданная стоимость на стороне предпринимателей не эквивалентна полученным доходам на стороне работников, создавших реальные блага.

3. Актуализировался воспроизводственный подход к отраслевой структуре экономики. Для России это имеет особое значение, поскольку на разных уровнях широко обсуждается вопрос о сырьевой деформации отраслевой структуры и необходимости ее диверсификации. Для решения данной задачи необходимо возродить воспроизводственный метод исследования с использованием межотраслевого баланса.

4. Актуализировалась стоимостная оценка как рабочего времени, так и производственных процессов. Чем квалифицированнее труд, тем актуальнее становится стоимостная оценка затраченного рабочего времени.

Г.Н. Цаголов (д.э.н., проф. Международного университета (в Москве)): Имеются основания написать книгу о переменчивой судьбе политэкономии в нашей стране. Она могла бы называться «Экономическая комедия». И в самом деле, когда прослеживаешь метаморфозы этой общественной науки на протяжении последних ста лет, то получается весьма забавная картина. В начале XX в. в ней был представлен довольно широкий спектр различных школ и направлений. После Октябрьской революции главное течение проходило уже строго в марксистско-ленинском русле. Она стала идеологическим оружием пра-

вающей Коммунистической партии. Антибуржуазная направленность и классовый характер полностью не исключали возможность развития теории, но, конечно, накладывали на труды советских экономистов печать ортодоксальности и догматизма.

Капиталистический переворот в 1990-х гг. перечеркнул политическую экономию советского периода, выплеснув, как у нас это водится, с водой и ребенка. Фундаментальная экономическая наука стала изгнанницей. Ее тотчас же исключили из числа общетеоретических вузовских дисциплин, преподаваемых в России. Взамен же предложили позаимствованный на Западе и малопригодный для нашей страны неглубокий и игнорирующий социальный аспект экономикс.

Однако усиливающееся в последнее время разочарование результатами деятельности «демократов» и «реформаторов», подкрепляемое охватившим весь мир и Россию кризисом, питает растущий в обществе интерес к глубокой теории и достижениям экономической мысли.

В одном из номеров делового журнала РБК помещен красочный портрет Маркса на обложке. «Маркс возвращается», — гласит заголовок ключевой статьи номера. «Мировой кризис может поколебать принципы рыночной экономики. Цивилизация стоит перед выбором: корректировка капитализма или смена экономической модели. Возможно, следует искать альтернативу системе, которая периодически дает сбой?» — вопрошают авторы материала.

Люди пытаются разобраться в основах нестабильного общества, а кризис заостряет на этом внимание. Маркс объяснил природу свойственных капитализму цикличности развития, безработицы, инфляции, вопиющих социальных контрастов, обогатив тем самым науку.

Он не только очертил особую форму эксплуатации при капитализме и создал теорию прибавочной стоимости, но и указал на историческую тенденцию этой формации — неизбежность замены ее другим строем. Многие положения, которыми мы оперируем и которые сегодня считаются общепризнанными, являются истинами, впервые открытыми этим гениальным умом человечества. Они настолько утвердились, что ими пользуются, чаще всего забывая о том, кто их добыл.

С ренессансом марксизма возможен и поворот в судьбе политической экономии, оказавшейся в условиях новой России наукой-изгоем. Во всяком случае, сейчас весьма благоприятное время для восстановления ею своих позиций в качестве одной из главных социальных дисциплин как у нас в стране, так и мире. А формирование Международной политико-экономической ассоциации надо приветствовать и всячески содействовать организации ее работы.

В общественной науке вряд ли найдется кто-либо другой, кто дотягивается до уровня научного анализа Маркса. Но это не значит, что

последователи Маркса освобождены от задач развития его теории. Ведь жизнь безудержно идет вперед. Ни одна общественная наука не может все предвидеть. И ни один ученый не может подвести черту под знание.

Сегодня, почти полтора века спустя со времени написания «Капитала», мы видим немало того, что никак не укладывается в теоретические разработки Маркса. И странно, если бы было иначе. Остановимся на вопросе о происхождении нынешнего мирового финансово-экономического кризиса.

Нынешний финансово-экономический кризис по своей природе не является циклическим, и Марксу он был неведом. Акции и биржи, правда, уже появились в то время, и фиктивный капитал находился в поле его зрения. Но эти атрибуты тогда не обрели самодовлеющего характера и сами по себе не могли приводить к катаклизмам мирового порядка.

Нециклическая природа нынешнего кризиса вызывает необходимость существенной корректировки в виде противодействующих мер. Наднациональная, или международная, антикризисная организация нового типа должна заработать против опасной спекулятивной олигархии, ее производных финансовых атрибутов и схем — главных возбудителей разрушительных цунами. Начало этому положено в планах строительства новой финансовой архитектуры, выработанных в ходе саммитов G20.

Нынешний глобальный кризис, таким образом, отличается от традиционных «рецессий» прежде всего по своим истокам. Если, по Марксу, причины экономических падений лежат в плоскости производства, вернее перепроизводства товаров и услуг, то теперь кризис развился в финансово-кредитной сфере. В его развязывании главную роль сыграл не реальный, а фиктивный капитал. Свыше года он являлся чисто финансовым кризисом. Затем уже было затронуто производство, а он обрел финансово-производственный, или экономический, характер. Все это говорит об уникальном мировом кризисе нециклического происхождения. Для выяснения его подлинной природы следует внимательно присмотреться к процессам и изменениям, происшедшим в сфере финансов и фиктивного капитала.

Он стал причиной развития ряда негативных процессов в капиталистическом обществе, которые признаны, но не устранены. И пока они остаются, ждать коренных перемен к лучшему не следует.

Чтобы мейнстрим изменился, потребовался грандиозный экономический удар. Теперь уже не спорят с тем, что король — голый, что в итоге двух десятилетий Россия лишь топчется на том же месте, что

рынок — не панацея, а ликвидация отсталости — задача первостепенной важности. Поистине, нет худа без добра.

Д.М. Котц (проф. факультета экономики Массачусетского университета (США)): Теория экономического кризиса долгое время занимала важное место в марксистской теории. Одной из причин этого является вера в то, что тяжелый экономический кризис может сыграть ключевую роль в преодолении капитализма и переходе к социализму. Некоторые ранние приверженцы марксизма пытались развить теорию экономического кризиса, в которой определен абсолютный барьер для продолжения существования капитализма. Однако нет никакой необходимости следовать этому механистическому подходу при рассмотрении экономического кризиса как центрального пункта проблемы исторических границ капитализма. Кажется в высшей степени вероятным, что тяжелый и длительный кризис накопления может создать условия, потенциально благоприятные для перехода к новому обществу, хотя такой кризис и не является гарантией этого результата.

Марксистская теория видит причины кризиса во внутренних механизмах капиталистического строя, которые отражают противоречивый характер капиталистического процесса. Богатая литература по марксистской теории кризиса предлагает анализ ряда внутренних механизмов, которые могут вызвать кризис. Такие механизмы традиционно назывались «кризисными тенденциями», которые включают недопотребление, тенденцию снижения нормы прибыли, сокращение прибылей (вследствие сокращения резервной армии труда) и сверхинвестирование (или перенакопление), а также другие механизмы.

Традиционные кризисные тенденции, о которых говорится в марксистской литературе, являются необходимой отправной точкой для рассмотрения возможной причины (возможных причин) тяжелого структурного кризиса. Однако уровень абстракции обычного анализа традиционных кризисных тенденций является слишком высоким для этой цели.

Неолиберализм, который возник примерно в 1980-х гг., привел к возникновению либеральных институциональных структур в США, Великобритании и во многих других (но не во всех) странах. Экономический кризис, который начался в 2007—2008 гг., возник первоначально в США из неолиберальных институтов.

Либеральная институциональная структура обладает следующими главными чертами: 1) существует только ограниченное государственное регулирование экономики, бизнеса и финансов; 2) капитал, включая крупный капитал, стремится полностью доминировать над трудом на рабочем месте; 3) крупные корпорации начинают неограниченную, агрессивную конкуренцию; и 4) идеология свободного рынка, или классическая либеральная идеология, является доминирующей: она

рассматривает государство как врага свободы и эффективности и воспеваает достоинства неограниченной конкуренции.

Неолиберализм в США породил три процесса, которые привели к нынешнему кризису: 1) растущее неравенство между заработными платами и прибылями и между предприятиями; 2) ряд крупных финансовых пузырей; 3) рост финансового сектора, который оказался вовлечен в спекулятивную и связанную с рисками деятельность.

И теоретические соображения, и исторические свидетельства подтверждают тот взгляд, что либеральная форма капитализма фактически приводит к тяжелому структурному кризису накопления, тогда как регулируемая форма капитализма оканчивается более мягким кризисом. Это имеет несколько последствий.

В-первых, относительно теории марксизма. Анализ, приведенный выше, наводит на мысль, что необходимо идти дальше анализа капитализма вообще или простого применения такого анализа с добавлением ad hoc конкретных исторических процессов и государственной политики. Марксисты должны стремиться к системному анализу конкретных институциональных форм капитализма, которые возникают в истории для того, чтобы определить их свойства и тенденции. Однако очевидно нежелание поступать так, возможно, из-за соображения, что концентрация на конкретной институциональной форме капитализма отвлекает внимание от язв капитализма как такового и необходимости полностью заменить его. Такое соображение неверно. Для того, чтобы правильно понять и успешно бросить вызов капитализму, мы должны проанализировать его конкретные институциональные черты с условиями времени и места.

Во-вторых, вышеприведенный анализ представляет для марксистов парадокс. Длительный период регулируемого капитализма имеет тенденцию усиления рабочего класса. Прокатившаяся по миру волна радикальных выступлений конца 1960-х гг. произошла после 20 лет регулируемого капитализма. В то же время регулируемый капитализм имеет тенденцию повышать уровень жизни и расширять предоставление общественных услуг рабочему классу. И это делает переход к социализму менее вероятным. К этим соображениям вышеприведенный анализ добавляет тот аргумент, что фактический кризис накопления регулируемого капитализма имеет тенденцию быть относительно мягким, что в дальнейшем сокращает вероятность перехода к социализму.

Экономика и общество: место политической экономии в системе общественных наук

В.А. Волконский (д.э.н., проф., главный научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН): Необходимо исследовать связь экономики и духовно-идеологической сферы. Экономика, и даже политэкономия, не может существовать от-

дельно от остальных наук и представлений общества. Более того, не только от наук различных, но и от того, что совсем плохо исследовано.

В первую очередь — проблемы России. На мой взгляд, главная проблема — духовно-идеологическая. Нет идеологии, нет духовности, которые объединяли бы наше общество. А без этого не будет никакой модернизации. Вот С.С. Дзарасов говорил про Японию, что там планирование было эффективное. Почему? Да потому, что там ценность общества, т. е. патриотизм, оказалась важнее ценности индивида. Сейчас Россия мало что решает, но, я уверен, что для нас единственный выход — работать на будущее. А будущее таково, что однополярный мир обязательно кончится. Это видно по массе признаков. Для нас важно, что он кончится, и будет многополярный мир. Как только Китай по своему влиянию станет сопоставим с Западом, такие центры, как Россия, Индия, смогут начать свое движение в творческой, социальной, политической сферах. И будет поиск новых форм жизни, и, главное, новых смыслов жизни.

Как здесь политэкономия может освоить новую реальность? Конечно, задача сейчас состоит в том, чтобы дать некоторый образ будущего. Без этого мы наших проблем никак не решим. Образ, на который могло бы нацелиться новое объединение элиты и новое объединение народа, которое бы дало некий подъем духовный.

Ф.Н. Клоцвог (д.э.н., проф., зав. лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН): Политэкономия, как мы знаем, изучает производственные отношения. Естественно, она изучает их в связи с производительными силами.

Когда мы говорим о производительных силах, то, как правило, у нас преобладает «технарский» подход. Мы говорим о технологических укладах, механизации, автоматизации и пр. Мы не обращаем внимания на организационно-экономическую сторону развития производительных сил. В современном индустриальном обществе происходит очень активный процесс формирования единого народнохозяйственного комплекса. Во всех развитых странах. Это важная черта развития производительных сил, что, в частности, проявляется в том, что в составе производительных сил быстро растут общенациональные технические системы: энергетическая, транспортная, информационно-коммуникационная и т. д. Причем во многих случаях они перерастают в транснациональные системы. Это означает, что отдельные крупные промышленные предприятия как бы нанизываются на общенациональные технические системы. Возникает качественно новая степень их взаимозависимости и взаимообусловленности. Почему это важно учитывать? Потому что современная частная собственность тормозит этот процесс. Она противоречит развитию объективного процесса формирования народнохозяйственных комплексов.

В.Н. Тарасевич (д.э.н., проф., зав. кафедрой политической экономии Национальной металлургической академии Украины): Я искренне рад встретить на конференции единомышленников и соратников-марксистов, которые не стоят на месте, а двигаются вперед, творчески развивая политическую экономию.

В современной Украине господствует *олигархический капитализм* как прямое детище глобального капитала. И мы смотрим на Россию, которая делает крен в направлении государственного капитализма. Оценивая госкапитализм в России, Китае, Белоруссии, Казахстане, мы убеждаемся, что в современных условиях становления новых независимых государств этот вариант значительно предпочтительнее олигархического капитализма. Сформулирую три ключевых положения.

1. Политическая экономия родилась из *научного экономического знания*, и, в отличие от исторически бесперспективного позитивистско-рафинированного экономикса, сохраняет ядро науки, подпитывается ее соками, сохраняет тот необходимый *универсальный* контекст, без которого целостный человек превращается в примитивного *homo oesopoticus*.

Сам факт такого рождения, будучи историческим и объективным, определил статус и последующую судьбу *политической экономии* как *родоначальницы, источника, генетического кода*, одним словом, кровной матери выпестованных ею впоследствии различных *фундаментальных экономических наук (ФЭН)*. В современных условиях она является их *незаменимым ядром*, ибо детерминирует парадигмальную конструкцию, предметное пространство, методологию фундаментальных экономических наук, ключевые направления их эволюции и взаимодействия с иными науками и ненаучными практиками. В известном смысле она суть *философия экономической науки*.

Именно поэтому на политическую экономию направлено острие атак противников ФЭН. Расчет достаточно прост — лишив живое существо мозга и сердца, не следует утруждать себя ожиданиями его «естественной» смерти. Впрочем, действия указанных противников имеют и более фундаментальные основания. Важнейшее *онтологическое* основание — продолжающаяся экспансия глобального капитала, который не выбирает средств для достижения своих целей. Подчинив «командные высоты» производства, распределения, обмена и потребления, он столкнулся с твердыней интеллекта и научного творчества, с противником, который один знает его секреты, методы противодействия его экспансии и который способен приблизить его естественную смерть.

2. Современный экономический кризис — это, прежде всего, кризис глобализовавшейся экономики западной — католическо-протестантской цивилизации, а также *свидетельство обострения кризисных процессов в самой западной цивилизации*. В диалоге с иными

цивилизациями доминирующими для нее стали идеология избранности, исключительности и превосходства, экономический и военно-политический диктат, курс на активную вестернизацию — попытка преобразования иных цивилизаций по своему образу и подобию и в своих интересах. Несоответствие между ее потребительскими запросами и ресурсными возможностями выживания населения незападного мира, между ареалом ее экспансионистских устремлений и ареалом органичного существования иных цивилизаций на рубеже тысячелетий приобрело новые *антагонистические* формы: терроризм, экстремизм, обострение таких глобальных проблем, как нищета и голод.

Глобальная экспансия западного корпоративно-олигархического капитала, стремление к наживе, невзирая на моральные и правовые нормы принимающих стран, обернулись фундаментальными нарушениями баланса капитализации и социализации на самом Западе. Некогда брошенный бумеранг вернулся. Претензии глобального капитала на тотальное подчинение экономики знаний и эксплуатацию творческого труда оказались чрезмерными, а уровень маркетизации общества — угрожающим. На этом фоне не случайно стали едва ли не доминирующими такие формы асоциализации, как примитивный потребительский вещизм, рафинированный утилитаризм, псевдоэлитаризм, масскультура, бездуховность, андерграунд и т. п. И хотя указанные процессы в меньшей мере присущи европейскому ареалу западной цивилизации, чем североамериканскому, очевидны их экономический и цивилизационный деструктивизм, глобальная токсичность. Неудивительно, что западный образ жизни становится все менее притягательным для большинства населения незападного мира, а его претензии на универсальность — все менее легитимными. Все более очевидными становятся *признаки исчерпания Западом собственных цивилизационных ресурсов*, прежде всего, духовных и социальных, *мирового экономического лидерства*. Подобное лидерство цивилизации с отнюдь не выздоравливающим духом — явление неустойчивое и временное. Дальнейшие военно-политические меры для его удержания могут лишь усугубить межцивилизационные конфликты. Претензии же на мировое политическое и культурное лидерство выглядят чуть ли не эфемерными.

Таким образом, современный экономический кризис является неотъемлемой составляющей кризиса сложившегося глобального мироустройства, западной цивилизации и межцивилизационных взаимодействий. Он свидетельствует *о тупиковом характере абсолютизации и универсализации институтов какой-либо одной цивилизации*, пусть и наиболее экономически могущественной, *придания им статуса глобальных*. На весах новейшей истории пока еще *полновесно* не представлены духовный и социальный потенциал различных цивилизаций. Современные институты глобального управления и экономического

регулируемые должны быть не только экономико-политическими, но и экологическими, социальными, духовными, не прозападными, но *межцивилизационными*.

Доказавшая свою неэффективность *прозападная иерархическая и экономико-центристская модель глобального управления и регулирования* должна уступить место принципиально иной модели. В этих условиях Запад оказался перед императивом приведения своих рыночно-потребительских устремлений в соответствие с собственными цивилизационными ресурсами, существенного ограничения масштабов экспансии. Как это ни покажется парадоксальным, но именно Запад должен не препятствовать, а содействовать назревшим переменам. Если он не станет их активным *актором*, то рискует стать их *объектом*. Уроки Римской империи нельзя оставлять не выученными. Результативный поиск и формирование принципиально новой модели вряд ли возможны в рамках G8 или G20. Необходимы иные форматы, сопоставимые с форматом ООН.

Сейчас трудно прогнозировать результаты дискуссий и практических действий. Можно лишь пожелать, чтобы *новую модель* отличали *синергическо-сетевой и антикапиталистический характер*, наличие механизмов паритетного и согласованного регулирования глобальных универсальных (экологических, экономических, социальных, духовных и политических) процессов, гармонизации глобальных, цивилизационных, региональных и национальных аспектов устойчивого развития, обеспечения экологической императивности и генерационной эффективности глобальной экономики.

3. Творческий марксизм — мощное орудие познания, обращенное в будущее. В этом смысле мы не можем оставаться в исследовательской сфере, очерченной классической теорией трудовой стоимости. Оперировав ее инструментарием, мы остаемся в сфере материального производства, *опредмечивания*, по Г.С. Батищеву. Но уже сегодня она «уходит в основание», уступая приоритеты сфере *очеловечивания*, производства самого человека. Разумеется, трудовая теория стоимости в ее классическом варианте вряд ли адекватна объективным процессам очеловечивания. Это означает, что необходимы поиски 1) *действительной теории стоимости*, адекватной очеловечиванию и «царству свободы», о котором, творчески развивая марксизм, пишут А.В. Бузгалин и А.И. Колганов; 2) новых направлений развития классической теории трудовой стоимости с учетом кардинальных перемен в сфере опредмечивания; 3) базовых оснований *общей теории ценности*.

Л.К. Науменко (д.ф.н., проф.): Всякая наука, всякая теория, освещает определенный срез эмпирического, реального материала и движется в рамках, границах этого среза. Спрашивается: является ли предмет политической экономии сугубо теоретической абстракцией или это все-таки практическая абстракция? Это первое.

Теперь второе. Фундаментальное явление в истории марксистской мысли — и экономической, и философской — это «Экономико-философские рукописи 1844 года», которые представляют собой критику политической экономии как таковой и критику философии как таковой с позиций политической экономии.

Политическая экономия, скажем, феодального общества, возможна? Да. Рабовладельческого общества возможна? Да. Коммунистического общества? Нет? Почему?

В связи с выделением теории богатства, подчеркнем, что подлинным богатством является богатство человеческих способностей и общественных отношений людей. Предмет ли это политической экономии? Природа и история не делятся на кафедры, отдельные секторы и т. д. и последнее: в фундаменте марксовой политической экономии лежит анализ превращенных форм общественных отношений. И это является источником образования финансовых пузырей, т. е. фиктивной реальности. А реальность фактическая — физическая экономика оказалась подчиненной реальности фиктивной. Отсюда, кстати, и постмодернизм.

А.В. Сурмава (к.п.н., доц. Центра практической психологии Института психологии имени Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета): На мой взгляд, в психологии и политэкономии есть немало общих проблем... В нашей стране имеется огромное богатство в виде той теоретической культуры, представителями которой мы являемся. (Тот самый Маркс, тот самый «Капитал».) Создалась иллюзия, что с помощью старого учебника советской политэкономии можно разоблачать олигархов. Видимо, нет. Также, как в психологии, шаг вперед означает не просто возврат назад, к тому, что сделали Выгодский, Леонтьев. Да не вернемся — вперед надо идти. Ровно то же самое, как мне кажется, и к экономистам относится. Надо идти вперед. Нужна современная критика и теоретической политэкономии, в том числе политэкономии социализма. А эта критика не завершена. Осталась масса неразрешенных противоречий. И в итоге у нас оказывается слабая позиция. С одной стороны, у нас был социализм, с другой стороны, он был мутантным, с третьей стороны, он был какой-то не такой, с четвертой, на Западе его считали за социализм. Здесь требуется политэкономический анализ. Я прочитал в журнале «Альтернативы» статью А.И. Колганова, где он пишет о формальном, реальном подчинении труда капиталу и освобождении труда из-под власти капитала. По моему мнению, это тот анализ, который нам нужен, то направление, которое надо развивать. Надо развивать марксистскую политэкономия с помощью философии, потому что только на базе серьезной философии, на базе гегелевской логики, диалектики абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса в работах Э.В. Ильенкова, монизма как принципа диалектической логики

Л.К. Науменко, мы только и можем двигаться вглубь той самой политэкономии.

Подводя итоги, А.В. Бузгалин отметил, что для успешного продвижения в деле осмысления и решения поставленных участниками конференции проблем было бы целесообразно создать российскую политико-экономическую ассоциацию в тесном взаимодействии с МГУ имени М.В. Ломоносова, Российской академией наук, Вольным экономическим обществом и рядом журналов, которые поддержали эту инициативу.

Подготовил М.Ю. Павлов

* * *

15 марта 2011 г. состоялось очередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Хозяйство и идеология: попытка непредвзятого осмысления», на котором выступили доктора наук Ю.М. Осипов, С.П. Макаров, Н.Б. Шулевский, Т.Н. Юдина, кандидаты наук П.П. Жуликов, М.Ю. Павлов, в.К. Петров, соискатель И.И. Рудяк, магистрант Т.С. Чернинов.

* * *

16 марта 2011 г. в Шуйском государственном педагогическом университете прошла Всероссийская научная конференция «Рождение культурологи в России», на пленарном заседании которой выступил директор ЦОН Ю.М. Осипов с докладом «Хозяйство и идеология».

* * *

16—18 марта 2011 г. в г. Иванове Российский центр социальных исследований и просвещения им. С.Н. Булгакова (директор А.В. Петелин), Институт развития, изучения и здоровья и адаптации человека (директор Е.В. Шелкопляс), Институт системных экономико-психологических исследования (директор С.С. Мишуров) совместно с Центром общественных наук при МГУ провели Международный на-

учный форум «Смыслы начала третьего тысячелетия. Исправление имен», на пленарном заседании которого с докладом «От мира именуемого к миру без имени» выступил директор ЦОН Ю.М. Осипов. В рамках форума состоялось заседание секции «Метафизика и экономика: возможность синтеза подходов в реализации смыслов развития России и глобального мира (философия, хозяйство, экономика)» (ведущие Ю.М. Осипов, С.С. Мишуков), в котором приняли участие доктора наук Ф.И. Гиренок, В.Е. Кузьмичев (Иваново), А.И. Новиков (Иваново), А.А. Олейников, В.В. Пациарковский, Г.А. Родина (Ярославль), В.С. Сизов (Киров), А.И. Тихонов (Иваново), кандидаты наук К.С. Бакулев, В.В. Кашицын (Новороссийск), Е.С. Зотова, аспирант А.С. Нилогов.

* * *

Во время пребывания в Польше директор ЦОН профессор Ю.М. Осипов посетил 29 марта 2011 г. православный женский Марфо-Мариинский монастырь, расположенный в Белостокском воеводстве, у д. Грабарка на одноименной святой горе. Здесь, на Грабарке, в 2001 г. был поставлен от имени ученых МГУ православный крест в память С.Н. Булгакова (о. Сергия). Прошло десять лет, крест покрывшись папиной времени, стоит, привлекая заинтересованное внимание паломников, в особенности россиян. Примечательно, что в десяти метрах от данного креста возвышается крест, поставленный в 1977 г. во спасение души другого великого Булгакова — Михаила Афанасьевича. Инициатором постановки креста в память М.А. Булгакова стала его родственница, бывшая монахиней Марфа-Мариинского монастыря. Так и стоят посреди Европы на святой горе Грабарке два булгаковских креста, отмечаая собою разные, но очень близкие по силе и трагизму, судьбы двух великих русских!

Ломоносовские чтения — 2011

ЧЕТВЕРТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

***Инновационное развитие экономики России:
институциональная среда***

20 — 22 апреля 2011 г.

Секция лаборатории философии хозяйства
«Модернизация как создание новой России»

Всеобъемлющий характер и центральное место модернизации. Движение к новой России. Социально-политическая реконструкция. Финансово-хозяйственные инновационные инициативы в современной России. Освоение новейшего технологического уклада. Развитие фундаментальной интеллектуальной сферы вкупе со сферами прикладных разработок и новых производств. Подъем и использование внутренних модернизационных резервов, их мобилизация. Созидательная роль национального (государственного) хозяйственного центра. Неодирижизм и модернизация. Привлечение зарубежных источников и сил. Перспективы и контуры новой России.

Подсекция 1. Модернизация — центральный феномен российской современности.

Подсекция 2. Финансово-хозяйственные инновационные инициативы в современной России.

22 апреля 2011 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

***Философско-хозяйственное осмысление
современной и исторической
реальности,***

*посвященная 140-летию со дня рождения С.Н. Булгакова
(1871–1944)*

Философия хозяйства как развивающееся специфическое знание новейшего времени. Значение прорыва С.Н. Булгакова в сферу философии хозяйства, его личный вклад в философию хозяйства. Ренессанс философии хозяйства. Концептуальная и методологическая специфика философии хозяйства, ее принципиальная метафизичность. Современная школа философии хозяйства. Социо-хозяйственная реальность через призму философии хозяйства. Хозяйственная историософия: исторические эпохи, этапы, циклы. Хозяйственная телеология. Современность в философско-хозяйственной трактовке. Социум, экономика, политика, идеология. Проблема человека, сознания, ноосферы. Хозяйственные эсхатология. Хозяйственная футурология. Перспективы философии хозяйства в России и в мире.

Секция 1. Философия хозяйства как течение мысли. Вклад С.Н. Булгакова.

Секция 2. Философско-хозяйственная картина мира.

Секция 3. Хозяйственная (экономическая) практика в поле зрения философии хозяйства.

16—17 июня 2011 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

Историческая поступь великоросса —

М.В. Ломоносов

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

Великий русский мыслитель: «вся Россия» и «весь в Россию». Ученый-энциклопедист. Целостность и органичность Универсальность. Философ, исследователь, просветитель, создатель. Естественник и гуманитарий. Физик, химик, географ. Теоретик и экспериментатор. Лингвист, историк, социолог, экономист, философ хозяйства. Проектант. Осмыслитель России и ее будущего. Модернизатор. Ломоносов и российская мысль, им вдохновленная (Карамзин, Пушкин, Л. Толстой, Федоров, Менделеев, С. Булгаков, Циолковский, Вернадский). Ломоносов сегодня и сегодня с Ломоносовым. Подвиг великоросса: память и слава!

15 ноября 2011 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Интеллект-революция:

свершения и ожидания

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

Интеллект как хозяйственный и хозяйствующий фактор. Интеллект как производительная сила. Интеллектуальная сфера хозяйства. Общественный интеллект, его обустройство. Производительная сила интеллекта. Интеллект и техника, техника и интеллект. Интеллектуализированная техника и технизированный интеллект. Технобщество. Интеллект и этика, интеллект и свобода. Метафизика интеллекта. Современная интеллект-революция. Свершения и ожидания. Интеллект, сознание, человек. Современный интеллектуал. Интеллект, ноосфера, общество. Интеллектообщество. Контуры интеллект-будущего.

7 — 9 декабря 2011 г.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ (*shulevsk@mail.ru*).

ЖУЛИКОВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ,

соискатель степени д.э.н, к.т.н, доцент; МГУПИ (Московский государственный университет приборостроения и информатики), экономический факультет, кафедра ЭФ-3. (*peter-julikov@yandex.ru*).

ДОБРОЧЕЕВ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ,

действительный член АФХ, к.т.н., ведущий научный сотрудник, Российский научный центр «Курчатовский институт»; ведущий эксперт, Минэкономразвития РФ; доцент, Финансовый университет при правительстве РФ (*olegdobro@list.ru*).

СКАЛЕНКО АЛЕКСЕЙ КАРПОВИЧ,

ведущий научный сотрудник отдела глобалистики Института мировой экономики международных отношений НАН Украины, академик Международной академии информатизации при ООН, президент Международного фонда «ЕДИНЕНИЕ» (*icf_unity@ukr.net*).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, АГН, д.ф.н., профессор, кафедра философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@volsu.ru*).

КУТЫРЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, Нижегородский государственный университет (*kut.va@mail.ru*).

РЫШКУС ВЛАДИСЛАВ ВАЛЕРЬЕВИЧ,
аспирант, Российский Государственный Торгово-Экономический Университет (*ryshkus.v.v@mail.ru*).

ПРОКОПЕНКО СТЕПАН ВЛАДИМИРОВИЧ,
аспирант, Московская финансово-промышленная академия (*prcp2@inbox.ru*).

РОДИНА ГАЛИНА АЛЕКСЕЕВНА,
действительный член АФХ, д.э.н., профессор, директор, Ярославский филиал Всероссийского заочного финансово-экономического института (*galinarodina@mail.ru*).

АЛЬПИДОВСКАЯ МАРИНА ЛЕОНИДОВНА,
ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»; профессор кафедры «Макроэкономика», д.э.н. (*morskaya67@bk.ru*).

ТОЛКАЧЕВ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ,
к.э.н., доцент, кафедра государственного регулирования национальной экономики, Государственный университет управления (*dtr.paulo@mail.ru*).

ЧИРКОВ МАКСИМ АНДРЕЕВИЧ,
к.э.н., старший преподаватель, кафедра политической экономии, экономический факультет, МГУ им. М.В.Ломоносова (*m@resale.ru*).

СОРОКИНА АЛЛА ВАЛЕРЬЕВНА,
аспирант, кафедра политической экономии, экономический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова (*sorokina_av@yandex.ru*).

АНТОНОВ АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ,
аспирант, кафедра политической экономии, экономический факультет, МГУ им. Ломоносова (*antonov_aleksei@list.ru*).

ЧИСТЯКОВ СЕРГЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ,
доцент, кафедра экономической теории, Костромской государственный университет им. М.А. Некрасова (*tcheckmar@ksu.edu.ru*).

ЗАКАРЬЕВА З.М.,
соискатель, кафедра социальной политики и труда, АНХиГС при Президенте РФ (*kvinray@gmail.com*).

СКРЫННИК ЗОЯ ЭДУАРДОВНА,

д.ф.н., профессор, зав. кафедры общественных дисциплин, Львовский институт банковского дела, Университет банковского дела Национального банка Украины (*kgd@lbi.wubn.net*).

КУРБАТОВ ВАЛЕНТИН ЯКОВЛЕВИЧ,

писатель (г. Псков), (*wk2909@mail.ru*).

КОРОЛЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра теории культуры, этики и эстетики, факультет философии и культурологии, Южный федеральный университет (г. Ростов н/Д), (*vkorolev@sfnu.ru*).

ХОХЛОВ СЕРГЕЙ ОЛЕГОВИЧ,

публицист (*sergeyhohlov@gmail.com*).

РУДЯК ИРИНА ИЗЯСЛAVОВНА,

действительный член АФХ, соискатель степени к.ф.н., кафедра эстетики, философский факультет МГУ (*panterafilm@mail.ru*).

БАЯНОВ КВИНРАЙ РАЕВИЧ,

к.ф.н., доцент, кафедра философии, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск); соискатель, Институт переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук МГУ (*kvinray@mail.ru*).

БУЛАВКА ЛЮДМИЛА,

вед. н. с., д.ф.н., Российский институт культурологии (*bulavka81@inbox.ru*).

ПАВЛОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра политической экономии, заместитель руководителя Центра экономики знаний, экономический факультет МГУ (*pavlov@econ.msu.com*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2011 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.